А. Я. МАНУСЕВИЧ

ПОЛЬСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. Я. Манусевич

Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России

Февраль — октябрь 1917 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1965

Ответственный редактор
И. А. ХРЕНОВ

ОТ АВТОРА

В истории не было свершений, которые по своему неизменному и все возрастающему влиянию на поступательное движение человечества могли бы сравниться с великой революцией Октября 1917 г. Подготовленная всем предшествующим развитием русского революционного движения, осуществленная по стратегическому и тактическому плану В. И. Ленина и под руководством созданной им партии коммунистов Октябрьская революция проложила трудящимся путь, ведущий к коммунизму.

Дела и дни революции были и остаются самым преобразующим, самым творческим вмешательством народных масс в ход исторического процесса. Это вмешательство оказалось непреоборимым. Рабочие в союзе с трудящимися крестьянами разгромили все силы мировой реакции, ополчившиеся против революции.

Немалую роль в том, что революция победила, устояла и утвердилась, сыграло вызванное ею мощное движение пролетарской солидарности, охватившее рабочий класс многих стран. Это движение не только в существенной мере сковало силы империализма, но и влило часть своих сил в состав политической армии пролетарской революции в России.

Вслед за мощными потоками крестьянского и национально-освободительного движения, которые большевистская партия благодаря своей политической зрелости, изумительной организаторской деятельности и великой притягательной силе своих идей сумела сплотить вокруг рабочего класса, она вовлекла в единую политическую армию пролетарской революции часть многомиллионной, разноязычной, многонациональной массы трудящихся, которых бурные события первой мировой войны привели на полыхавшую огнем революции землю России. Война забросила во внутренние губернии страны свыше трех миллионов беженцев из польских, литовских, белорусских и других земель; к концу войны в русском плену находилось около двух миллионов военнопленных — сол-

дат и офицеров австро-венгерской и германской армий; в России работали десятки тысяч рабочих-отходников из многих стран Азии и Европы.

Примерно половину этой более чем пятимиллионной массы пришлого и временного населения страны составляли выходцы из Польши. Сыны польской земли оказались повсюду — на фабриках и заводах, шахтах и железных дорогах, в сельском и лесном хозяйствах, на улицах восставшего Петрограда, в революционных частях армии, на поднявших красный флаг кораблях флота, в отрядах Красной гвардии, в Советах и революционных комитетах. Повсюду рядом с питерским пролетарием, донецким шахтером, приднепровским металлургом, с рабочим Поволжья и Сибири, Украины и Белоруссии, Крыма и Кавказа стал его польский брат. Их объединяли и общность целей, и длительная совместная борьба против общих врагов — царизма, русских и польских помещиков и капиталистов, иностранных империалистов.

Русско-польский революционный союз, издавна выковывавшийся передовыми людьми обоих народов, приобрел действенность и прочность на пролетарском этапе своего развития. Организованный авангард революционного рабочего класса обоих народов — ленинская партия большевиков и Социал-демократия Королевства Польского и Литвы — воспитывал трудящиеся массы России и Польши в духе революционного братства и единства. Наоборот, правящие классы Польши и России делали все для того, чтобы разъединить и противопоставить друг другу польский и русский народы. То, что Польша длительное время находилась под чужеземным игом, что ее вместе с германскими и австро-венгерскими захватчиками душил и угнетал русский царизм, делало многих польских трудящихся восприимчивыми к растлевающей пропаганде национализма. Этому благоприятствовали также сложность социальных и политических взаимоотношений в польском обществе, раздиравшая его борьба различных внешнеполитических ориентаций.

Если необходимость участия в Октябрьской революции была естественна и понятна для оказавшихся в России польских социал-демократов, то для многих польских переселенцев и беженцев — рабочих и крестьян, а также солдат-поляков, находившихся под влиянием националистических и клерикальных элементов,— путь в

лагерь революции не был простым и прямым. Тем большее значение приобретает то обстоятельство, что, оказавшись под прямым воздействием революционной борьбы русского рабочего класса, десятки и сотни тысяч выходцев из Польши, даже из числа тех, кто ранее чуждался русско-польского революционного союза, в 1917 г. в результате огромной политической и организаторской работы большевистской партии и польской социал-демократии преодолели свои предрассудки и заблуждения и стали на интернационалистские и революционные позиции, активно включились в борьбу за победу социалистической революции в России, за власть Советов.

В центре предлагаемого вниманию читателя исследования — политическая жизнь польских трудящихся в России в период подготовки и проведения социалистической революции. Оказавшись в сложном водовороте российской политической жизни, польские рабочие, солдаты, крестьяне и другие трудящиеся в 1917 г. в России находились также в водовороте сложных взаимоотношений различных польских политических партий и течений. Автор стремился показать, как в ходе ожесточенной классовой борьбы все польские политические течения и группы в России подобно тому, как это происходило с другими течениями и группами, разделились на два противостоящих лагеря — революционный и интернационалистский, с одной стороны, и контрреволюционный и националистический — с другой.

Свою задачу автор стремился решить на основе максимально широкого использования печатных и архивных источников и литературы. Работа основывается на материалах, почерпнутых автором в архивах и книгохранилищах Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы, Воронежа, Львова, Ташкента, Томска, Кишинева, а также Варшавы и Кракова.

Обзор литературы, связанной с темой настоящей книги, был сделан в историографических работах автора, опубликованных в сборниках «Зарубежная литература об Октябрьской революции» (М., 1961) и «Исторические связи славянских народов» (М., 1963), поэтому автор отсылает читателя к этим изданиям.

Вовлечение в 1917 г. польских трудящихся в России в борьбу за социалистическую революцию явилось одним из выражений идейной и политической общности и

интернационального единства пролетариев различных стран. Тысячи польских интернационалистов самоотверженно сражались за дело Октябрьской революции. Из польских революционных рядов вышел такой выдающийся участник борьбы за победу и утверждение Советской власти, как Феликс Дзержинский, а также такие видные участники революции, как Юлиан Мархлевский, Юлиан Лещиньский (Ленский), Бронислав Весоловский, Збигнев Фаберкевич, Юзеф Уншлихт, Станислав Будзыньский, Станислав Бобиньский, Францишек Гжельщак, Эдвард Прухняк, Станислав Жбиковский, Петр Боревич и многие другие борцы, имена которых не отделимы от революции.

Пролетарский интернационализм широких кругов польских трудящихся, являвшихся участниками и свидетелями великих событий 1917 г., был в то же время проявлением подлинно революционного патриотизма. В борьбе за победу пролетарской революции в России они не только проходили неповторимую школу революции, но и прокладывали самый прямой путь к социальному и национальному освобождению Польши.

Славные дела польских интернационалистов, самоотверженно боровшихся за победу социалистической революции в России и освобождение собственного народа, упрочили польско-русский революционный союз, выросший в нерасторжимое единство народов СССР и Народной Польши.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Польский резерв пролетарской революции в России

I

Изменения в численности и составе польского населения России в годы первой мировой войны

Польские трудящиеся, находившиеся в России в годы первой мировой войны, представляли собой один из национальных резервов пролетарской революции. Борьба за включение этого резерва в политическую армию пролетарской революции, как и за использование всех других резервов революции, являлась одним из существенных моментов в деятельности большевистской партии.

Польский национальный резерв Октябрьской революции был многолик по своему социальному составу и многообразен по обстоятельствам, приведшим польских трудящихся в Россию.

В западных, юго-западных и южных губерниях лица польского происхождения составляли весьма значительную часть постоянного населения. По данным всеобщей переписи населения 1897 г.— это была наиболее обстоятельная из переписей, проведенных царизмом,— поляками заявило себя 5,8% всего населения Российского государства (насчитывавшего 126 млн. человек), т. е. 7,3 млн. человек. В пределах Привислинских губерний проживало 9,4 млн. человек, из которых по официальным данным 72%, т. е. 6,8 млн. человек, составляли поляки. Вне польских земель проживало 0,5 млн. поляков; они составляли довольно значительные группы населения — от 2 до 10% — в Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Ковенской, Курляндской, Минской, Петроградской, Подольской губерниях [1].

В период от переписи 1897 г. и до кануна первой мировой войны население Привислинских губерний возросло с 9,4 млн. человек в 1897 г. до 12,4 млн. человек в 1911 г., т. е. почти на одну треть [2]. За это же время удельный вес польского населения во всем населении Россий-

---

[1] «Статистический ежегодник России. 1914 г. (Год одиннадцатый)». Пг. 1915, стр. 63—65.

[2] «Статистический ежегодник России. 1911 г. (Год восьмой)», СПб., 1912, стр. 57.

ского государства поднялся с 5,8 до 6,2%[3]. Так как общая численность населения достигла к 1911 г. 167 млн. человек, то нетрудно установить, что поляков к этому времени насчитывалось 10,3 млн. человек. Польское население империи росло несколько быстрее, чем в среднем все население страны. Считая, что среди населения Привислинских губерний поляки, как и ранее, составляли 72% населения, можно установить, что их численность достигла минимум 9,1 млн. человек.

Если из общего количества польского населения империи вычесть поляков, проживавших в Привислинских губерниях (10,3 млн.— 9,1 млн.), то выяснится, что в остальной части Российского государства проживало в 1911 г. 1,2 млн. лиц польского происхождения, т. е. на 700 тыс., или на 140% больше, чем в 1897 г. Следовательно, рост численности польского населения в непольских губерниях опережал рост его численности в Привислинских губерниях.

Увеличение численности польского населения в непольских губерниях происходило не столько за счет постоянного естественного прироста, сколько в результате непрерывного притока переселенцев с территории Королевства Польского[4]. Условия социально-экономического развития Королевства Польского порождали избыток рабочей силы в польских губерниях, что вызывало миграцию населения. Если земледельческое население отправлялось преимущественно за границы империи и даже за океан, то интеллигенция, различные специалисты, квалифицированные рабочие, ремесленники переезжали в большом числе в новые и растущие старые промышленные центры России.

В Петербурге во время переписи 1910 г. объявило родным польский язык 61 тыс. человек[5]; в Одессе и Риге

---

[3] Там же, стр. 65.

[4] Польский исследователь вопросов миграции Ю. Околович полагает, что перед войной 1914—1918 гг. в России, не считая, естественно, Привислинских губерний и коренного польского населения других губерний, проживало 600 тыс. выходцев из Польши. Каких-либо расчетов или источников в пользу своего утверждения исследователь не приводит (J. Okołowicz. Wychodźtwo i osadnictwo polskie przed wojną światową. Warszawa, 1920, str. 368—369).

[5] «Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии». Пг., 1922, стр. 11.

проживало по 23—24 тыс. лиц, переехавших из Польши, в Москве — около 20 тыс. и т. д.[6]

Если даже давнишнее, исконное польское население непольских губерний сохраняло и жгучий интерес к положению в Польше, и тесные с ней связи, то у выходцев из польских земель эти связи должны были быть еще более живыми и прочными. Правда, среди выходцев из Польши преобладали неженатые мужчины: в Петрограде они составляли 65%, а в Москве — 58% польского населения[7]. Обзаводясь семьями в местах своего нового жительства, многие выходцы из польских земель своими основными интересами врастали в новую среду, органически входили в ее состав.

Поселяясь в районах бурного развития промышленности, выходцы из польских земель зачастую жили и работали довольно компактными группами. Такое расселение диктовалось естественным стремлением к сохранению языковой и культурной общности, а нередко обусловливалось и национальными и религиозными предрассудками. Если часть польских переселенцев органически вошла в состав российского пролетариата, то другая часть рассматривала свое пребывание вне Польши как временное. Эту часть переселенцев — весьма условно к ней можно отнести примерно половину их общего количества — можно рассматривать как составную часть польского национального резерва революции в России.

Значительным был контингент польских рабочих на Путиловском заводе, на Никополь-Мариупольском заводе, а в селе Каменское Екатеринославского уезда, которое В. И. Ленин включил в список 103 важнейших центров фабрично-заводской промышленности Европейской России[8], подавляющее большинство рабочих происходило из Польши. Здесь, в Каменском (ныне Днепродзержинск) «Обществом Варшавского сталелитейного и рельсового завода» в 1887 г. был заложен металлургический завод, вскоре же превратившийся в одно из крупнейших металлургических предприятий Юга (ныне завод имени Ф. Э. Дзержинского)[9].

[6] J. Okołowicz. Указ. соч., стр. 368—369.

[7] J. Okołowicz. Указ. соч., стр. 371.

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 609.

[9] «Завод имени Дзержинского. 1889—1939. Пятьдесят лет». Днепродзержинск, 1939, стр. 17.

Еще в 1886 г. ряд польских металлургических предприятий вошел в общероссийскую «Конвенцию железопрокатных, проволочных и гвоздильных заводов»[10]. В следующем году Путиловский и Брянский заводы и польское предприятие «Лильпоп, Рау и Левенштейн» заключили картельное соглашение. Коммерческий банк в Варшаве финансировал строительство Краматорского завода, Варшавский учетный банк участвовал в делах Южно-Днепровских заводов; в 1890 г. польское акционерное общество Б. Гантке построило механический завод в Екатеринославе, а затем — завод металлических изделий в Саратове; в те же годы общество «Гута Банкова» построило Донецкий завод в Дружкове; крупнейшие польские металлообрабатывающие заводы обществ «К. Рудзкий и К°» и «Лильпоп, Рау и Левенштейн» вступили в картель, поставлявший снаряды артиллерийскому ведомству, и т. д. Хотя зачастую польские предприятия и инвеститоры действовали главным образом как представители интересов немецкого или франко-бельгийского капитала, польский капитал также вливался в общероссийские картели и синдикаты[11].

Деловые связи и интересы сблизили и переплели польский капитал с русским финансовым капиталом. Одним из выражений переплетения этих интересов явилось то, что многие польские капиталисты занимали руководящие посты в организациях общероссийского капитала. В течение ряда лет, например, председателем «Российского императорского технического общества», а затем, после организации «Союза заводчиков и промышленников Петербурга», первым его председателем был инженер-технолог и капиталист польского происхождения Станислав Глезмер[12]. Первым председателем «Продамета», а затем его почетным председателем был директор «Днепровского общества» Игнаци Ясюкович.

---

[10] Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности. М., 1910, стр. 55.

[11] Подробнее см. исследование польского историка Зб. Пустула «Монополии и металлургическая промышленность Царства Польского» («Исторические записки», вып. 62. М., 1958, стр. 84—125), а также: St. Kempner. Rozwój gospodarczy Polski od rozbiorów do niepodległości. Warszawa, 1924, str. 137—138; Р. Люксембург. Промышленное развитие Польши. СПб., 1899.

[12] A. Wierzbicki. Wspomnienia i dokumenty (1877—1920). Warszawa, 1957, str. 43.

В бытность Ясюковича директором Днепровского завода на этом предприятии, как и на Никополь-Мариупольском и некоторых других заводах Юга, весь инженерно-технический и административный персонал состоял из лиц польского происхождения [13]. Среди организаторов Совета съездов представителей промышленности и торговли — крупнейшего объединения российских капиталистов в довоенные годы — были Адольф Вольский, крупный инженер и делец, горный инженер, директор Брянских металлургических заводов Владислав Жуковский и другие представители интересов польского капитала [14].

Перед войной в «Продамете», который являлся наиболее крупной общеимперской монополией, из 30 участвовавших в ней предприятий 7 находилось в Королевстве Польском [15]. В годы войны ряд польских фирм стал играть весьма значительную роль в российской экономике. Общество «Лильпоп, Рау и Левенштейн», например, эвакуировавшее свой завод в Кременчуг, было одним из крупных контрагентов синдиката «Продвагон» [16]; это же общество и акционерное общество «Рудзкий и К°», развернувшие в Екатеринославе сталe-железоделательный и снарядный заводы, играли значительную роль в синдикате «Снарядсоюз» [17]; Коммерческий банк в Варшаве (Петроградское отделение) входил вместе с 30 другими крупнейшими банками России в синдикат банков [18] и т. д.

Польские промышленные общества постепенно превращались в сочленов всероссийских финансово-промышленных монополий — таких, как синдикаты «Продамет», «Продуголь», «Трубопродажа», «Гвоздь» и др. По мере того, как росли позиции польского капитала в общероссийской экономике, во многих промышленных городах и поселках вслед за польским административ-

---

[13] Акад. М. А. Павлов. Воспоминания металлурга. М., 1943, стр. 275—277.

[14] A. Wierzbicki. Указ. соч., стр. 105—107.

[15] А. Цукерник. Синдикат «Продамет». М., 1959, стр. 20—21.

[16] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март — октябрь 1917 г.», ч. 1. М.— Л., 1957, стр. 66.

[17] Там же, стр. 74—75.

[18] Там же, ч. 2. М.—Л., 1957, стр. 395.

ным и инженерно-техническим персоналом появлялись многочисленные группы рабочих из Польши.

В экономике России еще более значительную роль, чем польские капиталы в общероссийской промышленности, играло крупное польское землевладение.

В силу исторически сложившихся условий в ряде губерний запада и юго-запада страны удельный вес польского помещичьего землевладения был исключительно высок. По материалам, собранным Польским национальным комитетом в Париже, в Подольской, Волынской и Киевской губерниях, из 4,5 млн. десятин земли, принадлежавшей крупным собственникам, в 1909 г. 2,3 млн. десятин, т. е. более половины, принадлежало польским собственникам. Стоимость этой польской недвижимости оценивалась не менее чем в 700 млн. рублей [19].

Такими же значительными были позиции польского землевладения и в белорусских губерниях. В Минской губернии в 1909 г. насчитывалось 3606 помещиков-поляков, которым принадлежало 1946 тыс. *га* земли [20]; тут находились крупнейшие латифундии польских аристократов: князь Радзивилл владел только в Минской губернии 200 тыс. десятин земли, владения графа Тышкевича занимали 296 тыс. десятин земли и т. д. [21] В Могилевской губернии 2240 помещиков-поляков владело 551 тыс. *га* земли. А в трех вместе взятых белорусских губерниях, находившихся к 1917 г. по восточную линию фронта,— в Минской, Могилевской и Витебской — полякам-помещикам принадлежало около половины всей частнособственнической земли [22].

Помещичье землевладение являлось экономической основой переплетения интересов польской и русской аристократии и дворянства и широкого проникновения представителей польских магнатских и помещичьих семейств в высшие звенья государственного аппарата.

В условиях начавшейся летом 1914 г. первой мировой войны русские господствующие классы и польские

---

[19] Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Komitet Narodowy Polski w Paryżu (далее — AAN. KNP), Dz. II, t. 143, k. 96—97.

[20] W. Tęgoborski. Polacy Związku Radzieckiego. M., 1929, str. 32.

[21] И. Марченко. Аграрные преобразования в Белоруссии в 1917—1918 гг. Минск, 1959, стр. 14.

[22] W. Tęgoborski. Указ. соч., стр. 31.

помещики и капиталисты сохранили связывавшую их общность классовых интересов.

С начала первой мировой войны бедствия, обрушившиеся на население прифронтовых районов, вынудили его покинуть зоны военных действий. Это вызвало уже в 1914 г. довольно значительный приток выходцев из Польши во внутренние губернии России. Когда летом 1915 г. царская армия стала отступать из польских губерний, часть их населения подверглась принудительному выселению. Это выселение не успело охватить Лодзинский и Домбровский промышленные районы, доставшиеся немецким и австро-венгерским оккупантам почти со всеми своими людскими и промышленными ресурсами. Но некоторые капиталисты, заранее предвидя возможность оккупации польских земель центральными державами и опасаясь быть отрезанными от необъятного российского рынка, в самом начале войны успели из этих районов эвакуировать свои предприятия и средства. В частности, крупнейшая лодзинская фирма «Акционерное общество бумажных мануфактур Карла Шайблера» уже 15 (28) сентября 1914 г. в специальном вагоне, обеспеченном военной и жандармской стражей, вывезла в Москву все свои капиталы[23].

Внутрь страны угонялись жители и городов, и сельских местностей. Тысячи, десятки тысяч людей добровольно или принудительно двигались летом и осенью 1915 г. на восток, загружая железные и шоссейные дороги, заполняя общественные здания, добиваясь хлеба и работы, условий хотя бы для самого непритязательного существования.

В своей книге, полной суровой жизненной правды, Марцянна Форнальская рассказывает, что в деревню, где жила она со своей семьей, как и в тысячи других деревень и местечек, пришла весть, что жители «должны покинуть свои дома и, кто как может, пешком или на лошадях, двинуться в направлении, указанном военными властями. Сжатый и сложенный в копны хлеб приказано сжечь, дома тоже...» Обозы беженцев растягивались порой на несколько километров; от грязи, от недо-

---

[23] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее — ЦГИАЛ), ф. 32, оп. 1, д. 433, л. 12.

варенной пищи начались болезни; детей и взрослых хоронили без плача там, где их застала смерть[24].

Лишь за один день 17 (30) сентября 1915 г. только в Киев прибыл и зарегистрировался 3101 беженец, на следующий день — 759 беженцев, 19 сентября (2 октября) — 1279, 20 сентября (3 октября) — 1739, 21 сентября (4 октября) — 3213, 22 сентября (5 октября — 2068 беженцев и т. д.[25] Примерно в это же время волна беженцев достигла уже и Средней Азии: к середине ноября 1915 г. в Закаспийской области оказалось около 15 тыс. беженцев, прибывших из прифронтовых районов, в Сыр-Дарьинской области — 22 тыс., в Ферганской области — свыше 20 тыс. в Бухарских владениях — 792 человека и т. д.[26]

Особое совещание по устройству беженцев, образованное при министерстве внутренних дел 1 (14) июля 1915 г., на своем первом заседании, состоявшемся 10 (23) сентября, определило что «поголовное и принудительное выселение признается с государственной точки зрения мерою безусловно вредною»[27]. Но это решение, принятое после того, как царская армия откатилась далеко на восток, практически уже не могло остановить или изменить результаты проведенной массовой принудительной и добровольной эвакуации населения польских и других прифронтовых губерний.

По далеко не полным данным, к началу 1917 г. во внутренних губерниях России находилось свыше 3 млн. беженцев[28]. Эти данные, как к сожалению, и вся статистика, связанная с регистрацией беженцев, никак не могут претендовать на полноту и точность. Одно то, что верховное командование русской армии воспретило проведение переписи беженцев в 15-километровой прифронтовой зоне, оставило за пределами учета значи-

---

[24] М. Форнальская. Воспоминания матери. М., 1961, стр. 208—209.

[25] Центральный государственный исторический архив Украинской ССР в Киеве (далее — ЦГИАУ), ф. 715, оп. 1, д. 1686, лл. 1, 5, 7, 8, 10, 16 и др.

[26] Центральный государственный архив Узбекской ССР в Ташкенте, ф. 1, оп. 3, д. 1268-Б, лл. 23—24.

[27] ЦГИАЛ, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 5.

[28] «Известия комитета ее императорского величества великой княжны Татьяны Николаевны», 1917, № 18, стр. 9.

тельную часть, возможно, $^1/_5$ всех беженцев[29]. Кроме того, так как регистрация в качестве беженца была связана с ограничениями в свободе передвижения, то более обеспеченная часть беженцев, а также лица, владевшие ходкими специальностями, вообще предпочитали уклоняться от регистрации как беженцы. Наконец, почти постоянные крупные передвижения беженцев также создавали некоторые препятствия для правильного их учета.

Учет беженцев и оказание им помощи осуществляли правительственные органы и буржуазные филантропические организации. Тогда как Татианинский комитет — фактически правительственная организация помощи беженцам — считал, что из общего количества беженцев поляков было 351 тыс. человек, губернские совещания по устройству беженцев полагали, что они опекают 576 тыс. беженцев-поляков, а польские организации по оказанию помощи беженцам представляли сведения на 755 тыс. человек[30]. Уточняя сведения о беженцах, польские организации в конце 1916 г. установили, что количество зарегистрированных беженцев-поляков составляло, не считая Петрограда и Москвы, 748 тыс. и что уже после проведенного учета было выявлено еще до 100 тыс. беженцев[31]. Если прибавить 100 тыс. беженцев, осевших в Петрограде и Москве, то общее количество беженцев-поляков составит около 1 млн. человек.

Эта цифра почти точно соответствует данным Польского комиссариата — созданного в ноябре 1917 г. органа Советской власти по польским делам,— который первоначально исчислял количество беженцев-поляков в 967 тыс. человек[32]. Но и эта последняя цифра не может претендовать на сколько-нибудь точное отражение действительности: в польских организациях на учет становились только те группы беженцев, которые, остро нуждаясь в помощи, не могли получить жилья и работы, не имели никаких средств к существованию; как правило, польские организации по оказанию помощи бежен-

[29] Е. З. Волков. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.— Л., 1930, стр. 70.
[30] ЦГИАЛ, ф. 1322, оп. 1, д. 3, л. 585.
[31] «Echo Polskie». Moskwa, 27.II (12.III) 1917.
[32] Центральный государственный архив Октябрьской революции (далее — ЦГАОР), ф. 1235, оп. 78, д. 84, л. 4.

цам в силу своего националистического и клерикального характера принимали на учет и содействовали не всем беженцам из польских земель, а только лицам римско-католического вероисповедания. Поэтому вне сферы деятельности этих организаций была весьма многочисленная группа беженцев из польских земель, состоявшая из лиц еврейского происхождения, а также лиц униатского, православного и других вероисповеданий. Бесспорно, что и эти группы беженцев должны быть отнесены к числу польских беженцев: различия между ними не простирались дальше вопросов религии и некоторых черт быта, а связаны они были с поляками общностью политических, экономических, культурных интересов.

Естественно, что советские органы отбросили прочь все те искусственные барьеры и деления, за которые цеплялись царизм, буржуазия, клерикалы, Поэтому, учитывая весь состав беженцев из польских земель, Народный комиссариат по делам национальностей в своем первом опубликованном отчете имел основания говорить о 1,5 млн. польских беженцев[33]. Эту же цифру сообщал летом 1917 г. в письме в Париж возникший тогда в Петрограде руководящий орган польской буржуазии проантантовской ориентации — Польский совет межпартийного объединения[34].

Польские беженцы были рассеяны по всей территории России. В конце 1916 г. 3884 беженца-поляка проживало в Астраханской губернии, 1300 — в Архангельской, 20 тыс. — в Области Войска Донского, 2 тыс. — в Акмолинской области и т. д.[35] Наиболее многочисленные группы беженцев осели, не считая прилежащих к фронту и самых близких к польским землям Минской и Могилевской губерний, в Екатеринославской губернии (68 тыс. человек), Петроградской (66 тыс.), Киевской (57 тыс.), Московской (39 тыс.), Харьковской (36 тыс.) и т. д.[36]

Помимо постоянного польского населения, помимо переселенцев и беженцев, следует обратить внимание на еще два весьма многочисленных контингента лиц

---

[33] «Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности. 1 ноября 1917 г.— 20 июня 1918 г.». М., 1918, стр. 18.
[34] AAN. Papiery Ignacego Paderewskiego, t. 28, k. 40.
[35] «Echo Polskie», 27.II (12.III) 1917.
[36] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 1587, лл. 96—96 об.

польского происхождения: военнослужащих и военнопленных.

Исследователи, специально занимавшиеся определением количества солдат и офицеров польского происхождения, призванных в царскую армию, пишут в одних случаях о 500 тыс.[37], в других — о 600 тыс.[38] солдат и офицеров-поляков, находившихся в царской армии в годы первой мировой войны[39]. О 500 тыс. солдат-поляков и почти 30 тыс. офицеров-поляков, служивших в царской армии, позднее, летом 1918 г., говорилось в меморандуме Польского национального комитета в Париже в связи с подсчетом тех резервов, из которых предполагалось черпать силы для организации вооруженной борьбы против Советской власти[40]. Военный отдел Польского комиссариата в планах своей деятельности исходил из представления о том, что в российской армии служило до 600 тыс. поляков[41]. Видимо, поляки-военнослужащие составляли 500 с лишним тыс. солдат и офицеров, находившихся в царских войсках. При этом следует иметь в виду, что речь идет о лицах, призванных в армию за все годы войны как из числа жителей Королевства Польского, так и из числа поляков — коренных жителей внутренних губерний России, а равно и из числа беженцев. Некоторая часть поляков-военнослужащих до их призыва в армию несомненно учитывалась либо вместе с коренными жителями России и переселенцами, либо в составе беженцев.

Наконец, должна быть принята во внимание еще одна из категорий временного польского населения России — военнопленные.

Общее количество военнопленных в России к концу первой мировой войны Центральное статистическое управление определило в 1961 тыс. человек[42]. Поляки —

[37] H. Bagiński. Wojsko polskie na Wschodzie. 1914—1920. Warszawa, 1921.

[38] П. Голуб. Польские революционные войска в России в 1917—1919 гг.— «Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 46.

[39] В некоторых работах буржуазных историков число поляков, состоявших в царской армии, безосновательно определяется в 700 тыс., так как за поляков принимаются вообще все солдаты и офицеры католического вероисповедания (см., напр.: K. Smogorzewski. La Pologne Restaurée. Paris, 1924, p. 49).

[40] AAN KNP, Dz. IX, t. 12, k. 26.

[41] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 1607, л. 12.

[42] «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.» М., 1925, стр. 41.

жители Галиции, западных и других польских земель — служили и в австрийской и в германской армиях. На основе ряда расчетов исследователи приняли цифру в 100 тыс. поляков-военнопленных из общего количества лиц, находившихся в русском плену[43].

Самой малочисленной группой, но тем не менее сыгравшей важнейшую роль в политической жизни польского временного населения России, являлись политические узники и ссыльные, содержавшиеся в царских тюрьмах и отдаленных поселениях. Из одной только Варшавы царские власти накануне войны вывезли 502 узника, а перед эвакуацией города летом 1915 г. — еще около трех тысяч политических заключенных[44]. В годы первой мировой войны в царских тюрьмах и в ссылке содержались такие видные деятели польского рабочего движения, как Ф. Дзержинский, Бр. Весоловский, В. Матушевский, Ю. Лещиньский (Ленский), Ю. Уншлихт, Ст. Бобиньский, Ст. Будзыньский, Э. Прухняк, Ян Тарвацкий и др.

Теперь можно, хотя и с большим приближением, установить, что польское население России в годы первой мировой войны состояло из коренного польского населения, которое не является объектом нашего изучения, из переселенцев, прибывших в Россию на заработки незадолго до войны (всего до 300 тыс. человек), из ссыльных и других узников царизма (более трех тысяч человек), из беженцев (до 1,5 млн. человек), военнослужащих (свыше 500 тыс. человек), военнопленных (100 тысяч человек). Всего, следовательно, в России к 1917 г. находилось до 2,5 млн. человек временного польского населения, что составляло около $^{1}/_{4}$ всего населения Королевства Польского.

Данные примерно этого же порядка приводят многие исследователи: Т. Домбаль писал в свое время о том, что к концу 1917 г. на территории Советского государства проживало 2,7 млн. поляков[45]; И. Юзефович говорил о 3 млн. человек[46], В. Найдус, первоначально назы-

---

[43] H. Bagiński. Указ. соч., стр. 108.

[44] М. Н. Гарнет. История царской тюрьмы, т. 4. М., 1963, стр. 304; «Echo Polskie», 15 (28).V 1916.

[45] W. Tęgoborski. Указ. соч.

[46] И. Юзефович. Великая Октябрьская социалистическая революция и формирование Польского государства в 1918 г. — «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. V, вып. 3, 1948, стр. 250.

вавшая цифру в 2 млн. человек[47], в работе, посвященной численности польского населения России, также пришла к выводу о том, что речь должна идти о 3 млн. человек[48]; о 3 млн. говорят и Л. Гросфельд[49], и др. исследователи

При всей условности цифры в 2,5 млн. выходцев из Польши, находившихся в России накануне событий 1917 г., бесспорно, что речь идет о больших человеческих массах. Одна лишь чисто количественная сторона не оставляет сомнения в том, что для судеб революционного движения в России немалое значение приобретал вопрос о позиции, которую займут, и о роли, которую сыграют рабоче-крестьянские трудящиеся слои из среды постоянного и временного польского населения России.

Постоянное польское население России в сущности составляло органическое целое с теми классами и социальными прослойками русского общества, в состав которых оно входило; но и это население сохраняло особую заинтересованность во всем, что касалось Польши.

Оккупация центральными державами польских губерний и появление в России массы беженцев из Польши вызвало резкое повышение политического значения вопроса о польских переселенцах.

Эвакуированные из Польши кадровые рабочие без особого труда нашли место в русской промышленности, задыхавшейся в первые два года войны от недостатка рабочих рук.

Центральный Военно-промышленный комитет — этот главный орган империалистической буржуазии в России, созданный для помощи царизму в ведении войны, — в докладной записке, направленной в особое совещание по обороне, выражал сожаление, что при эвакуации польских земель «сотни тысяч рабочих ряда крупных промышленных центров остались за пределами их возможного использования в русской промышленности»[50]. Та же часть польских рабочих, которую превратности войны

---

[47] W. Najdus. Polacy w rewolucji Pazdziernikowej.— «Kwartalnik historyczny», 1952, N 3—4, str. 471.

[48] W. Najdus. Uchodźcy polscy w Rosji w latach 1917—1919.— «Kwartalnik historyczny», 1957, N 6, str. 24.

[49] L. Grosfeld. Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji. 1917—1919. Warszawa, 1956, str. 13

[50] ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 2015, л. 136 об.

привели в Россию, немедленно была поглощена промышленностью.

Некоторые группы рабочих из Польши были эвакуированы вместе с теми предприятиями, на которых они работали. Предполагалось эвакуировать из польских губерний рабочих и оборудование предприятий, имевших оборонное значение. Но, как признал начальник штаба верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевич в письме от 18(31) августа 1915 г. к председателю совета министров И. Г. Горемыкину, «эвакуация производилась спешно и недостаточно продуманно...»[51] Поэтому среди 130 фабрично-заводских предприятий, вывезенных из польских губерний в Россию в период войны, оказались и такие, как фабрика переплетных изделий, фабрика деревянных сапожных гвоздей, пивоваренный завод, чулочная мастерская, фабрика карандашей и ряд других предприятий, не имевших никакого военного значения[52]. Эвакуация как этих, так и многих других подобных предприятий не всегда являлась результатом чрезмерного усердия или нераспорядительности местных властей: многие польские капиталисты сами стремились эвакуировать свои предприятия в глубь России, рассчитывая, что эвакуация оборудования и рабочей силы, к тому же производимые за государственный счет, помогут им сохранить и расширить свою долю в военных прибылях, извлекавшихся русской буржуазией, и захватить более прочные позиции в общероссийской экономике.

Несомненно, не без дальнего расчета владельцы листопрокатного завода «Влохи», эвакуированного из Варшавы в Петроград, получив от казны 110 тыс. рублей безвозвратного пособий и 465 тыс. рублей ссуды, поторопились возобновить производство, арендовав участок земли не на время войны, не на ближайшие годы, а даже до 1955 года! Доставленная из Варшавы группа рабочих этого завода — 60 человек — явилась ядром, за короткий срок увеличившимся почти в 10 раз[53]. Бурную деятельность развернуло акционерное общество «Карл Шайблер», успевшее перевести в Москву лишь свои капиталы. Закупив в Швеции машины, оборудовав новое предприятие, что общество приступило к производству

[51] Там же, ф. 1276, оп. 11, д. 1134, л. 41 об.
[52] Там же, ф. 979, оп. 1, д. 4, лл. 2—4.
[53] Там же, ф. 27, оп. 1, д. 349, лл. 8—9.

текстиля для армии и рынка, выпустив в Москве товаров в 1915 г. на 1,2 млн. рублей, а в 1916 г. — на 3816 тыс. рублей [54]. В широких масштабах возобновил производство на новом месте механический завод «Борман, Шведе и К°», эвакуированный из Варшавы в Александровск (ныне Запорожье) [55]; Товарищество механических и литейных заводов «Рон, Зелинский и К°», эвакуированных из Варшавы в Москву, развернуло два предприятия — Покровский и Семеновский заводы [56]; в Харькове, который был «назначен эвакуационным пунктом для беженцев» [57], обосновался эвакуированный из Варшавы станкостроительный завод акционерного общества «Герлях и Пульст» [58] с 105 рабочими [59]. Связанный с Русским торгово-промышленным банком [60] завод вскоре же получил на новом месте заказы на 23 млн. рублей и успел к 1 ноября 1917 г. сдать продукции на 10,9 млн. рублей [61]; в том же Харькове работающему на оборону заводу «Гельферих-Саде», ранее производившему сельскохозяйственные машины, с согласия фирмы «Э. Кржеминский и К°» были переданы оборудование и рабочие завода этой фирмы, первоначально эвакуированные в Петроград [62]; под Харьковом, в городе Чугуеве, развернул производство завод торгово-промышленного общества «Борковский» [63], насчитывавший в начале 1917 г. полторы тысячи рабочих [64]; в Новославянске Харьковской губернии начал работать эвакуированный из поселка Прушков Варшавской губернии завод металлических изделий «Прушковского акционерного общества» [65]; в Кременчу-

[54] ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 433, лл. 13 и 20.

[55] Там же, ф. 23, оп. 28, д. 2435, л. 52.

[56] Там же, ф. 27, оп. 1, д. 67, л. 21 об.

[57] Государственный архив Харьковской области (далее — ГАХО), ф. 29, оп. 1, д. 667, л. 6.

[58] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 28, д. 534, лл. 24—25.

[59] ГАХО, ф. 562, оп. 1, д. 17, л. 2. Кроме того, 537 рабочих этого завода и членов их семейств были эвакуированы в Москву (ЦГАОР, ф. 63, ОО, 1915 г., оп. 20, д. 698, лл. 2—19).

[60] И. Ф. Гиндин, Л. Е. Шепелев. Банковские монополии в России.— «Исторические записки», вып. 66. М., 1960, стр. 72.

[61] ГАХО, ф. 562, оп. 1, д. 17, л. 10

[62] ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 485, л. 1.

[63] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 70, оп. 2, д. 717, л. 101.

[64] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, стр. 32.

[65] ЦГИАЛ, ф. 979, оп. 1, д. 3, л. 18.

ге Полтавской губернии, обосновался механический завод акционерного общества «Лильпоп, Рау и Левенштейн»[66]; в Екатеринославе — завод Рудзкого и т. п.

Рабочие из Польши составляли ядро или преобладающую часть тружеников на эвакуированных предприятиях, они пополняли существенно поредевшие ряды российского рабочего класса.

Даже в Петрограде, где процент мобилизованных в армию рабочих достигал всего 17% и был самым низким в стране[67], в связи с усиленным ростом производства в одной только цензовой промышленности количество рабочих возросло с 242 тыс. на 1 января 1914 г. до 384 тыс. на 1 января 1917 г.[68] Но если данные 1914 г. уменьшить на 17% призванных в армию, то окажется, что численность питерского пролетариата за первые 2,5 года войны удвоилась. Одним из серьезных источников пополнения рабочих кадров являлись беженцы. «Петербург, — отметил в своих воспоминаниях издавна работавший в Петрограде член СДКПиЛ с 1905 г. Анджей Радзишевский (Р. Арский), — оказался наводненным рабочими от Лильпоп и Рау, Серковского, с Жирардова, из Белостока и других центров... В результате эвакуации заводов получился весьма разношерстный в национальном отношении состав петербургского пролетариата. Здесь появились в большом количестве поляки, белорусы, украинцы, евреи, латыши, эстонцы и т. д.»[69]

На одном только Путиловском заводе среди его более чем 30-тысячного рабочего коллектива оказалось около 5 тыс. польских рабочих[70]; большие группы польских рабочих определились и на многие другие ведущие предприятия Петрограда — на машиностроительный завод «Айваз», машиностроительный завод «Лесснер» (ныне завод им. К. Маркса), завод «Новый Парвиайнен», на завод «Сименс и Гальске» (ныне завод «Электросила» им. С. М. Кирова) и др. Помимо кадровых польских

---

[66] Государственный архив Полтавской области, ф. 951.

[67] И. Лейберов, О. Шкаратан. К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 г. — «Вопросы истории», 1961, № 1, стр. 52.

[68] «XV лет диктатуры пролетариата. Экономико-статистический сборник по городу Ленинграду и Ленинградской области». Л., 1932, стр. 73.

[69] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 552, л. 3.

[70] И. Юзефович. Указ. соч., стр. 250.

рабочих, на промышленные предприятия пришло немало выходцев из средних слоев: разорившихся в связи с эвакуацией мелких торговцев, мелких ремесленников. Многие из эвакуированных сельских жителей также нашли применение своего труда в промышленности. Но даже те из беженцев, кому удалось получить работу, испытывали огромные лишения и невзгоды. Исключительно тяжелыми были их жилищные условия, почти повсеместно отсутствовала медицинская помощь, многие месяцы даже в районах наибольшей концентрации беженцев из Польши дети беженцев оставались вне школ и т. п. Власти Амурской области, например, признавали, что «условия жизни и быта рабочих одинаковы как для беженцев, так и для арестантских команд»[71].

Далеко не все беженцы, особенно оказавшиеся в экономически слабо развитых районах, могли найти применение своим силам и обеспечить себя и свои семьи куском хлеба. Без крова, без работы, без одежды, без средств к существованию бедствовали десятки тысяч людей. Даже военные власти были встревожены создавшимся положением. Из далекого Самарканда военный губернатор сообщал начальству о переполнении области беженцами и их ««раздраженном состоянии»[72].

Неспособное к решению большой социально-экономической проблемы беженства, как и к решению любых других сложных проблем, царское правительство искало выхода в поощрении буржуазной филантропии, в содействии клерикальной пропаганде, в разделении беженцев по вероисповедному признаку, в разжигании вражды между отдельными группами беженцев и между всеми беженцами и местным населением, в травле беженцев и прочих подобных мерах из арсенала своей угнетательской политики.

Все звенья царского аппарата управления, значительная часть буржуазной печати стремились породить и расширить отчужденность между местным населением и беженцами. Всячески подогревались антипольские настроения, использовались различные предрассудки для того, чтобы противопоставить беженцев остальному населению, не допустить сплочения всех обездоленных и угнетенных. Но если шовинистическая, направленная на

[71] Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока в г. Томске, ф. 704, оп. 2, д. 1275, л. 2.

[72] ЦГА Узб., ф. 1, оп. 1, д. 1268-В, л. 11.

разжигание самых низких инстинктов политика царизма разбивалась об изумительный интернационализм русского рабочего класса, то она не могла не принести известных результатов в мелкобуржуазной среде, в том мелкобуржуазном пополнении, которое влилось в ряды рабочих, не могла не вызвать волны национализма у лавочников и всякого рода торгашей, не могла не подстегнуть черносотенцев, различных ревнителей православия, самодержавия и «народности». К тому же у царизма оказалось немало союзников и с польской стороны: вне зависимости от различия в побудительных мотивах и в конечных целях все польские буржуазные и буржуазно-помещичьи политические течения, партии и группы навязывали польским трудящимся в России — беженцам и коренным жителям — политику изоляции от русских народных масс, от трудового народа России.

Общность экономических и политических интересов польской аристократии и буржуазной верхушки с интересами господствующих классов России выражали партия национальной демократии (народовой демократии, эндеции) и партия реальной политики. Но нельзя, конечно, упрощать картину и в связи с полным единством русских и польских капиталистов и помещиков в главных вопросах момента — борьбе за разгром кайзеровской Германии, за передел мира в пользу стран Антанты, за удушение революционного и освободительного движения — не видеть сохранявшегося и с течением времени углублявшегося их расхождения во взглядах и интересах по ряду важных проблем, в первую очередь по вопросу о месте Польши в системе российского империализма, об ограничении всевластия царизма на польских землях в пользу польских помещиков и капиталистов. Эти расхождения в ходе войны приобретали все более существенное значение, усиливая политическую дифференциацию польских имущих кругов.

Среди внешних проявлений единства позиций верхушки польской буржуазии и польских помещиков с политикой царизма следует прежде всего указать на деятельность образовавшегося в Варшаве 2 августа 1914 г. (н. ст.) Гражданского комитета. Подобные же комитеты вскоре возникли во всех уездах Королевства Польского. Сетью этих комитетов руководил Центральный гражданский комитет (Центральный обывательский

комитет). Система гражданских комитетов примерно соответствовала системе Всероссийского союза земств и Всероссийского союза городов. Как и эти последние, Центральный гражданский комитет и местные гражданские комитеты в Королевстве Польском призваны были оказывать содействие военному ведомству, «облегчать положение населения», пострадавшего в ходе войны, и способствовать деятельности предприятий, учреждений и т. п. Руководящую роль в Центральном гражданском комитете играли видные деятели национальной демократии и ее политические союзники. Исполнявший обязанности варшавского генерал-губернатора А. О. Эссен заявил, что «деятельность обывательских комитетов заслуживает одобрения»[73]; состав Центрального гражданского комитета был утвержден административными властями[74].

Вслед за созданием системы гражданских комитетов польские буржуазно-помещичьи круги 26 июля (8 августа) 1914 г. декларациями польского коло в Государственной думе и Государственном совете провозгласили о своей поддержке военной политики царизма. В свою очередь царизм опубликованием 1(14) августа манифеста за подписью верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича посулил объединение всех польских земель «под скипетром русского царя» и предоставление им «самоуправления». Несмотря на крайне расплывчатый характер обещаний, содержавшихся в манифесте, и на то обстоятельство, что подписание его главнокомандующим говорило о том, что царизм все еще не хотел связывать себя какими-либо твердыми обязательствами, буржуазно-помещичьи круги Королевства Польского с энтузиазмом приветствовали манифест великого князя, утверждая, что в этом акте намечен путь возрождения Польши.

Естественным развитием процаристской ориентации польской буржуазии и помещиков в России явилось осуждение ими польских господствующих кругов в Австро-Венгрии и Германии, выступавших в поддержку центральных держав, и резкая критика пилсудчиков и их союзников, использовавших сформированные ими легионы для войны против России на стороне ее противников.

---

[73] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1176, л. 59.

[74] AAN. Centralny Komitet Obywatelski. Sygn. 3.

Влиятельные процаристские польские буржуазно-помещичьи элементы добивались, чтобы в обмен на их верноподданническую позицию им была бы дана возможность образовать нечто вроде польского национального представительства и сформировать в составе русской армии польские добровольческие части.

При поддержке «реалистов» и нескольких деятелей, не входивших в политические партии, национал-демократы сформировали в ноябре 1914 г. в Варшаве Польский национальный комитет, объявив его основой «политической организации наций». Председателем этого комитета стал лидер партии реальной политики Зыгмунт Велепольский; в действительности же деятельность комитета направляли эндеки во главе с Романом Дмовским.

Терпимо относясь к появлению Польского национального комитета, царское правительство весьма настороженно относилось к предложениям о создании польских добровольческих частей. В военном отношении эти части серьезной роли сыграть не смогли бы, а в политическом — самое их появление было чревато для царизма опасными осложнениями при урегулировании после войны всех польских дел. Крайне неохотно разрешенное формирование одного польского добровольческого легиона в Пулавах не успело еще завершиться, как царская армия отступила далеко на восток. Перед уходом царских войск из Варшавы Польский национальный комитет и почти весь состав Центрального гражданского комитета выехали в Петроград.

В столице России Центральный гражданский комитет продолжал свою деятельность, главное место в которой заняли вопросы устройства беженцев, преимущественно в сельских местностях, и политического на них влияния. В основных местах расселения беженцев были открыты отделения комитета. Широко используя средства, выделявшиеся правительственными органами, Центральный гражданский комитет фактически превратился в полуправительственную организацию.

Между тем еще 23 июля (7 августа) 1914 г. в Москве образовался Польский комитет во главе с Александром Ледницким[75]. Московский присяжной поверенный, домовладелец и дворянин, избранный одним из депутатов

[75] «Echo Polskie», 23.X (5.XI) 1916.

от Минской губернии в I Государственную думу, Ледницкий не вошел в черносотенное польское коло и занял место в левом крыле кадетов. Вскоре он стал членом Центрального комитета партии «народной свободы» (партии кадетов) и одним из наиболее заметных представителей польского либерализма в России[76]. Возглавленный им Польский комитет направлял деятельность еще одной крупной организации для содействия беженцам — образовавшегося в Петрограде Польского общества помощи жертвам войны.

В отличие от Центрального гражданского комитета и его отделений, носивших полуправительственный характер, Польский комитет помощи и Польское общество помощи были созданы оппозиционными к царскому правительству кругами польской буржуазии. Руководители этих комитетов[77] представляли интересы либеральных буржуазных кругов, либо входивших в состав конституционно-демократической партии и занимавших позиции в левом ее крыле, либо связанных с ней. Помимо общего всем кадетам стремления к либерализации и парламентаризации режима, либеральные круги польской буржуазии не столько рассчитывали на объединение всех польских земель под скипетром царя — что до конца 1916 г. оставалось одной из главных целей эндеции, — сколько добивались возможно большего освобождения Королевства Польского от гнета царизма путем соответствующих уступок со стороны правительства России и соглашений с ним. В конечном счете польские либеральные буржуазные круги стремились к политической независимости если не всей Польши, то хотя бы земель Королевства Польского.

В августе 1915 г. в Москве состоялся съезд представителей Центрального гражданского комитета, Польского общества помощи жертвам войны и других польских буржуазных филантропических организаций, образовавший общий консультативно-распорядительный орган — Совет съездов польских организаций. Но и после созда-

[76] ЦГАОР, ф. 102, 4 делопр., 1915 г., оп. 16, д. 343, л. 193—195; ф. 63, 1914 г., оп. 19, д. 443, л. 18.

[77] Александр Ледницкий, Александр Бобяньский, Александр Венцковский, Людвиг Даровский (горный инженер, один из видных администраторов «Продамета»), Ипполит Гливиц (крупный промышленник и делец в буржуазной Польше, министр, представитель Польши в Лиге Наций) и др.

ния Совета съездов польских организаций как Центральный гражданский комитет, так и Польское общество помощи жертвам войны практически продолжали работать не только самостоятельно, но и в условиях явно нараставшей между ними отчужденности.

Для деятельности Центрального гражданского комитета и его отделений было характерно предпочтительное оказание помощи более состоятельным элементам, стремление сочетать помощь с религиозным и политическим воздействием на лиц, добивавшихся материальной поддержки.

Бóльший демократизм Польского общества помощи жертвам войны выражался в том, что оно внимательнее относилось к нуждам бедноты, в какой-то мере заботилось об оказании ей медицинской помощи, организации общеобразовательных и специальных школ, детских садов и яслей для детей польских беженцев и других выходцев из Польши. Польский комитет помощи не чуждался даже оказывать помощь и проявлять некоторую заботу о поляках — политических заключенных. Действовавшие при поддержке Польского общества Польские дома в Москве, Харькове и в ряде других городов вели работу в духе либерального буржуазного просветительства. Взгляды либеральных кругов польской буржуазии выражали выходивший с сентября 1915 г. в Москве редактировавшийся А. Ледницким иллюстрированный еженедельник «Эхо Польске», с начала 1917 г. преобразованный в ежедневную газету, киевский журнал «Клосы украиньске» и другие общественно-политические издания, в том числе журналы для молодежи, для детей. Под влиянием этих же кругов находились некоторые специальные издания, начавшие выходить в 1915—1916 гг.: научный журнал «Мысль народова», «Пшеглёнд науковы и педагогичны» и др.

Естественно, что правительственные круги были более благосклонны к Центральному гражданскому комитету. Это наиболее убедительно выражалось в том, что Центральному гражданскому комитету отпускались суммы, намного превышавшие те, что доставались Польскому комитету помощи. При равном примерно количестве опекаемых отделение Центрального гражданского комитета в Минской губернии, например, получило от министерства внутренних дел в 1916 г. 3,7 млн. рублей,

а Минский отдел Польского общества помощи жертвам войны — только 2,1 млн. рублей[78].

Более либеральная по своему характеру, чуждая тому духу самого махрового национализма и клерикализма, который неизменно сопутствовал всей деятельности эндеции, система польских комитетов помощи жертвам войны, сложившихся во многих городах и промышленных центрах по инициативе местных польских буржуазных общественных кругов, была только терпима царскими властями.

Упорное нежелание царизма взять на себя обязательства по предоставлению автономии или внутреннего самоуправления польским землям, не говоря уже о предоставлении им независимости, противодействие всем предложениям об уступках польской буржуазии в ее самых умеренных пожеланиях[79] вызывало недовольство даже у процаристски настроенных группировок польской буржуазии. Начальник отделения по «охранению» общественной безопасности и порядка в Москве, от которого не ускользали изменения в настроении польской буржуазии в России, писал в конце 1915 г. своему петроградскому руководству, что если в начале войны в польском обществе господствовало резко выраженное русофильское настроение, то теперь на первый план выдвигаются другие идеи[80].

Даже эндеки, не переходя в оппозицию к царизму, стали искать поддержки своим стремлениям и планам у западных союзников России. С этой целью Р. Дмовский и ряд его единомышленников перенесли центр своей деятельности из Петрограда в Париж и Лондон.

На почве общей оппозиции к царизму — правда, проявлявшейся с разных позиций и в различных формах, — происходило сближение польских либерально-демократических кругов с пилсудчиковскими элементами, разворачивавшими нелегальную деятельность в России. В 1915 г. в Петрограде организовалось нелегальное верхушечное «Объединение сторонников независимости», в которое входили деятели либеральных польских кругов А. Ледницкий, А. Венцковский, А. Бобяньский, а также

---

[78] «Новое варшавское утро». Минск, 1(14).I 1917.

[79] «Русско-польские отношения в период мировой войны». М., 1926.

[80] ЦГАОР, ф. 102, 4 делопр., 1915 г., оп. 16, д. 343, л. 149—152.

пилсудчики — как из ППС-«фракции», так и из разведывательной Польской военной организации (ПОВ), созданной осенью 1914 г. в Варшаве на основе существовавших там пилсудчиковских военно-террористических групп. Такие же группы, существовавшие в Петербурге еще с 1910 г., осенью 1914 г. также были реорганизованы в отдел ПОВ, во главе которого стал Францишек Скомпский[81]. Для связи с ним в Петроград в 1915 г. ненадолго пробрался представитель командования ПОВ, один из ближайших соратников Пилсудского Тадеуш Голувко. Бывший студент Петербургского университета и участник пилсудчиковского подполья, он и после Октябрьской революции пробирался с заговорщическими целями на советскую территорию. Весьма вероятно, что и поныне еще почти не раскрытая деятельность ПОВ была неизвестна в своей конкретной форме другим участникам «Объединения сторонников независимости», не говоря уже о комитетах помощи беженцам. Но возможно, что некоторые из этих комитетов служили в качестве прикрытия для проникавших туда пилсудчиков.

Нараставший кризис самодержавия и его тупое противодействие всяким либеральным пожеланиям делали все более сложным положение польских либеральных кругов. Это положение осложнило также наметившееся сближение кадетов, октябристов, прогрессистов и других буржуазно-помещьчих партий, образовавших в Государственной думе «прогрессивный блок». Хотя главным требованием этого блока было создание «министерства доверия», т. е. ограничение царской камарильи, сближение кадетов с октябристами и другими правыми партиями, решительно противившимися предоставлению Польше автономии, говорило о том, что польским либеральным кругам больше не приходится рассчитывать на поддержку их планов кадетами. Одним из признаков усилившихся осложнений в отношениях между либеральными кругами польской буржуазии, с одной стороны, и царизмом и русскими либерально-монархическими элементами — с другой, явился выход А. Ледницкого в июне 1916 г. из партии кадетов[82]. В эту пору окрепли связи польских либералов с «трудовиками», группой А. Ф. Керенского.

---

[81] «Kwestja Wojska Polskiego w Rosji w 1917 r.» Opracował Wacław Szczęsny. Warszawa, 1936, str. 23, 38.

[82] «Echo Polskie», 2(15) X 1916.

Исход военных операций 1916 г., обнаруживший катастрофическое состояние России и усиливший стремление царизма покончить с империалистической войной империалистическим миром, вызвал новые изменения в позиции польских буржуазных кругов и в самой Польше, и в России. К тому же Германия и Австро-Венгрия выступили 5 ноября 1916 г. с манифестом, в котором содержались туманные обещания создать на польских землях, «вырванных из-под русского владычества», «самостоятельное государство», которое будет находиться в «связи с обеими союзными державами»[83].

В австро-германском манифесте даже и речи не было о независимости Польши — только части ее земель в самой неопределенной форме была обещана «самостоятельность», ограниченная весьма многозначимой «связью» с центральными державами. Акт 5 ноября 1916 г. по сути дела увековечивал разделы Польши, не допускал и мысли о ее объединении и даже землям, находившимся ранее под властью царизма, сулил не больше, как весьма ограниченную автономию, к тому же на территории не всего Королевства Польского, а лишь той его части, которую немецкие державы согласятся считать за Польшу.

Но все это нисколько не помешало тому, что в самой Польше значительная часть польских националистических кругов, враждебных царизму, самым бурным образом выражала свой восторг актом центральных держав. Ю. Пилсудский в письме, посланном тогда же, 5 ноября 1916 г., начальнику ПОВ Эдварду Рыдз-Смиглому, назвал акт центральных держав «триумфом наших идей»[84]. В действительности этот «триумф» идей пилсудчиков был призван лишь прикрыть грабительскую колонизаторскую политику немецко-австрийских оккупантов. Создававшуюся оккупантами систему марионеточного режима в части польских земель В. И. Ленин исчерпывающе точно назвал ублюдком государства[85].

По восточную сторону фронта польские буржуазные круги особенно не обманывались относительно действий

[83] L. Grosfeld. Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach pierwszej wojny światowej. Warszawa, 1962, str. 156—168.

[84] J. Pilsudski. Pisma zbiorowe, t. IV. Warszawa, 1934, str. 192.

[85] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 282.

центральных держав. Один из убежденных сторонников царизма, Болеслав Матушевский, писал 10(23) ноября 1916 г. П. Н. Милюкову, что после акта 5 ноября, которым Германия пытается помешать объединению Польши и противопоставить ее России, для России становится совершенно необходимо объявление независимости Польши, так как таким путем удастся объединить всех поляков на борьбу против германского империализма[86]. Царизм не внимал советам даже своих польских сторонников и, более того, актом, оказавшимся последним в его дипломатической истории, договорился в феврале 1917 г. с Францией о полной поддержке со стороны последней стремлений царизма овладеть всеми польскими землями.

В условиях упорного нежелания царизма хотя бы посулить какие-либо уступки польской буржуазии и помещикам и нараставшего кризиса царизма либеральные круги польской буржуазии в России, считая, что действия центральных держав создают хоть какой-то зародыш польской государственности и открывают некоторую перспективу решения польского вопроса, все дальше отходили от сотрудничества с самодержавием.

Но как бы ни складывались взаимоотношения различных польских буржуазно-помещичьих кругов с царизмом, они употребляли все свои усилия, использовали все свои возможности для того, чтобы самым решительным образом бороться против революционного движения и против сближения трудящихся из Польши с трудящимися массами России. Всей силой своего воздействия, при помощи всех своих политических, благотворительных, религиозных организаций, весьма разветвленной сети печатных изданий, используя костел и школу, культурно-просветительные польские организации, польская буржуазия и помещики пытались противодействовать втягиванию польских рабочих, польских беженцев и солдат в нараставшее русское революционное движение, в его борьбу против царизма.

Между тем время самодержавия истекло. В результате революционных выступлений рабочего класса, в том числе — польских рабочих, поддержанного армией и крестьянством, царизм 27 февраля (12 марта) 1917 г. был низвергнут.

---

[86] ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 1910, лл. 1—9.

2

Польские интернационалисты в России накануне Февральской революции

Низвержению самодержавия, победе Февральской революции предшествовала упорная и тяжелая борьба русского пролетариата и его революционного авангарда — партии большевиков. Вместе с ними выступали и польские рабочие, оказавшиеся в России, и польские рабочие партии.

С самого начала первой мировой войны партии польского рабочего класса — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы, которая в 1912 г. фактически раскололась на две части [87], и Польская социалистическая партия-левая (ППС-левица) заняли антивоенную позицию [88]. Перед лицом империалистической войны и предательства основных партий II Интернационала обе части СДКПиЛ, а также ППС-левица верно оценили характер войны, абсолютную ее враждебность интересам пролетариата и необходимость борьбы за ликвидацию империализма, за победу пролетарской революции. Как писал 17 февраля (н. ст.) 1915 г. находившийся тогда в эмиграции в Швейцарии один из руководителей СДКПиЛ, А. Варский, в письме, направленном секретарю Копенгагенской секции партии, позиция СДКПиЛ «была (и остается) антивоенной и обращена равно как против „ориентации“ пророссийской, так и пронемецко-австрийской. Мы проводим самостоятельную ориентацию рабочего класса, ориентацию социал-демократическую, которая не знает ненависти ни к немцам, ни к русским и борется против войны, за мир и социальную революцию» [89].

---

[87] А. Манусевич. «Нова Трыбуна»— польская легальная газета правдистского направления (1914 г.).— «Ученые записки Института славяноведения», т. XXVIII, 1964.

[88] См. совместное воззвание этих партий, а также Бунда и ряд других документов в сб.: «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty. 1914—1918» (Moskwa, 1936).

[89] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 487, л. 2.

Упрочению интернационалистских и революционных позиций польской социл-демократии способствовало ее ознакомление с позицией партии большевиков, с ленинскими тезисами о войне, написанными в начале сентября 1914 г. Тезисы в виде документа под названием «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» были разосланы большевистским организациям и ряду зарубежных социал-демократических организаций. Доставленные из Швейцарии в Петроград депутатом Государственной думы большевиком Ф. Н. Самойловым тезисы были сообщены представителю польской социал-демократии, который в свою очередь переправил документ в Варшаву. Там тезисы были обсуждены во всех организациях СДКПиЛ [90].

В ленинском документе устанавливалось, что начавшаяся мировая война носит империалистический характер. «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, — писал В. И. Ленин, — наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великорусов над другими национальностями и для укрепления реакционного и варварского правительства царской монархии» [91].

Из точного, предельно последовательного анализа обстановки В. И. Ленин определял задачи революционной социал-демократии: всесторонняя пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран; пропаганда как одного из ближайших лозунгов республики немецкой, польской, русской и т. д. [92]

Ленинские тезисы содержали ясную, последовательную программу революционных действий. Они легли в основу всей деятельности большевистской партии и помогли окрепнуть, разобраться в обстановке, сплотиться на общих революционных позициях интернационалистским элементам в международном рабочем движении.

---

[90] Г. Каменский. Из истории борьбы польского пролетариата (1914—1918 гг.). М.—Л., 1926, стр. 27.

[91] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 6.

[92] Там же, стр. 1—7.

Определенным шагом к этому сплочению явились состоявшаяся в Берне Международная женская социалистическая конференция (март 1915 г.) и Международная социалистическая конференция молодежи (апрель 1915 г.). В обеих этих конференциях участвовали представители польской социал-демократии. Несмотря на интернационалистскую и антивоенную позицию основных направлений польского рабочего движения, единство их действий, наметившееся было в начале войны, оказалось недолговременным.

В связи с Лондонской конференцией социалистических партий стран Антанты (февраль 1915 г.) ППС-левица выработала совместную декларацию с меньшевистским Организационным комитетом РСДРП, подписанную Ст. Лапиньским и Ю. Мартовым[93]. Другой представитель ППС-левицы, Г. Валецкий совместно с представителем Главного правления СДКПиЛ А. Варским выступил на подготовительном заседании к международной социалистической конференции в Циммервальде против приглашения на конференцию «розламовского» Краевого правления[94]. Правда, когда в связи с позицией В. И. Ленина, решительно добивавшегося приглашения на конференцию всех левых групп[95], «розламовцы» также были допущены на конференцию, ППС-левица и Главное правление попытались договориться с ними о совместных единых позициях.

От имени трех основных течений польского рабочего движения на Циммервальдской конференции, проходившей 5—8 сентября (н. ст.) 1915 г., была оглашена общая декларация интернационалистского содержания. В этой декларации выражалась уверенность, что только борьба за социализм «разорвет оковы национального угнетения и уничтожит всякие формы чужестранного владычества, обеспечит польскому народу возможность всестороннего свободного развития в качестве равноправного члена в союзе народов». Декларация признавала войну для поляков «вдвойне братоубийственной»[96].

[93] F. Tych. PPS-lewica w latach wojny 1914—1918. Warszawa, 1960, str. 74.

[94] «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy...», str. XXIX—XXX.

[95] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 487.

[96] «Интернационал и война», изд. Заграничного секретариата Организационного комитета РСДРП. Цюрих, 1915, № 1, стр. 97—99.

«От признания права наций на самоопределение эти положения, — писал В. И. Ленин по поводу декларации,— ничем не отличаются по существу, страдая лишь еще большей расплывчатостью и неопределенностью политических формулировок, чем большинство программ и резолюций II Интернационала»[97].

Когда же на Циммервальдской конференции решались важнейшие вопросы войны, мира и революции, то представители ППС-левицы и Главного правления СДКПиЛ оказались в составе циммервальдского центра, в основном поддержавшего правое, центристское крыло конференции. Только «розламовцы» вошли в сложившуюся вокруг В. И. Ленина Циммервальдскую левую. Однако представитель «розламовского» направления Карл Радек проявлял колебания и недопонимал положения, разработанные большевистской партией по вопросам войны, мира и революции.

В. И. Ленин продолжал систематически оказывать помощь и поддержку польскому рабочему движению. В многочисленных работах В. И. Ленина, написанных и опубликованных в годы первой мировой войны, уделялось большое внимание положению Польши, польскому вопросу, задачам польского рабочего движения. В статье «О мире без аннексий и о независимости Польши, как лозунгах дня в России» В. И. Ленин разоблачал спекуляции всякого рода оборонцев и социал-шовинистов антантовского лагеря лозунгом независимости Польши, когда на практике этот лозунг стал равнозначен лозунгу «*победы* над Германией, отнявшей у России Польшу»[98]. Определяя место, которое должен занять польский пролетариат в международном рабочем движении, Владимир Ильич писал в 1916 г.: «Это не парадокс, а факт, что польский пролетариат, как таковой, может помочь теперь делу социализма и свободы, *в том числе и польской,* лишь борьбой *совместно* с пролетариями соседних стран, против *узкопольских* националистов»[99].

Уделяя исключительное внимание национальному вопросу, проблемам национально-освободительного движения и его связи с борьбой против империалистической войны, за социализм, большевики, В. И. Ленин приняли

---

[97] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 265.
[98] Там же, стр. 247.
[99] Там же, т. 30, стр. 49.

участие в дискуссии о самоопределении, происходившей во время войны в левых кругах международного рабочего движения. В этой дискуссии заметное место заняла брошюра «Кризис социал-демократии», опубликованная Розой Люксембург (под псевдонимом «Юниус»). Она решительно выступила против попыток прикрыть империалистический характер мировой войны плащом национальной обороны. Делая значительный шаг вперед в постановке национального вопроса, она высказалась за использование права наций на самоопределение «как революционного рычага против империалистической войны»[100]. В. И. Ленин в статье «О брошюре Юниуса» с большим одобрением отметил эволюцию взглядов Розы Люксембург в вопросе о праве наций на самоопределение, указав в то же время на недостатки ее брошюры — умолчание о связи социал-шовинизма с оппортунизмом и др.[101] Но, к сожалению, эта эволюция во взглядах по национальному вопросу не сказалась на официальной позиции СДКПиЛ.

После того, как в начале 1916 г. «розламовцы» опубликовали в «Газете роботничей» тезисы «Об империализме и национальном угнетении»[102], В. И. Ленин в тезисах «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» указал, что польские социал-демократы, «которых их борьба с обманывающей народ националистическими лозунгами польской буржуазией довела до неправильного отрицания самоопределения»[103], все еще занимают неправильные позиции в национальном вопросе, хотя по существу выдвигавшиеся ими формулировки уже не отличаются от признания права наций на самоопределение. В то же время В. И. Ленин резко осудил все рецидивы национального нигилизма, проявлявшегося еще в некоторых кругах польской социал-демократии. «Дурачок Радек, — писал он в одном из писем Инессе Арманд, — написал в польском воззвании недавно („Befreiung Polens"): „Staatenbau" не цель борьбы с.-д. Это архиглупо! Это полуанархизм, полуидиотизм.

[100] R. Luksemburg. Wybór pism, t. II. Warszawa, 1959, str. 365.

[101] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 1—16.

[102] «Gazeta Robotnicza», 1916, N 25, а также: «Сборник социал-демократа». Женева, 1916, № 1.

[103] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 266.

Нет, нет, мы вовсе не равнодушны к Staatenbau, к *системе* государств, к их *взаимоотношениям*»[104].

Осуждая национальный нигилизм, свойственный многим польским социал-демократам, В. И. Ленин решительно боролся против самых вредоносных спекуляций ППС-«фракции» на ошибках польской социал-демократии в национальном вопросе. Свое прислужничество перед австрийскими и немецкими империалистами пилсудчики всех мастей, в том числе и правые лидеры ППС, старались прикрыть шумливыми патриотическими заявлениями. Разоблачая политику пепэсовцев, В. И. Ленин писал: «Спекулировать (как фраки) на победу той или иной империалистической буржуазии — значит становиться *ее* лакеем»[105]. «Быть за войну общеевропейскую ради одного только восстановления Польши, — отмечал он в другой раз, — это значит быть националистом худшей марки, ставить интересы небольшого числа поляков выше интересов сотен миллионов людей, страдающих от войны. А ведь именно таковы, например, „фраки" (ППС-правица), которые социалисты только на словах и против которых тысячу раз правы польские социал-демократы»[106].

Польские социал-демократы в ряде практических вопросов все более приближались к позиции большевиков. Сближение позиций воссоединившихся в ноябре 1916 г. «розламовцев» и Главного правления СДКПиЛ с позицией большевиков, равно как и некоторые сдвиги в позиции ППС-левицы, отражали процесс радикализации, революционизирования всего международного рабочего движения и одного из его передовых отрядов — польского рабочего класса. Революционизирование польских рабочих особенно быстро происходило в России, где они оказались в составе самого революционного рабочего класса и под непосредственным влиянием его авангарда — партии большевиков.

Массовый приток польских рабочих в ряды русского рабочего класса, связанный с эвакуацией части промышленности и населения польских губерний летом 1915 г., совпал с тем периодом, когда рабочий класс России начал оправляться от обрушившихся на него в начале вой-

[104] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 370.
[105] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 109.
[106] Там же, стр. 48.

ны ударов, от массовой мобилизации, от оглушительной шовинистической и социал-патриотической пропаганды.

Новая обстановка, новые условия жизни обернулись для польских рабочих-беженцев в первую очередь своей самой неблагоприятной стороной. Положение беженцев-рабочих было столь тяжелым, что даже 37 депутатов Государственной думы, в том числе и такие враждебные рабочим лица, как П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, А. И. Шингарев, А. Ф. Керенский, обратились 11 (24) августа 1915 г. с заявлением, в котором запрашивали о мерах, способных облегчить положение эвакуированных рабочих и их семей. Рабочие и их семьи, эвакуированные с театра военных действий, писали авторы заявления, «являются жертвами алчности предпринимателей, стремящихся использовать исключительно безвыходное положение рабочих для самой беззастенчивой их эксплуатации»[107]. Страшная неустроенность быта, тяжелые переживания и невзгоды, материальные трудности, языковые преграды, искусственно разжигавшиеся национальные и религиозные предрассудки предрасполагали беженцев к некоторой отчужденности от местного населения. Клерикальные и буржуазные круги, как польские, так и российские, стремились упрочить и расширить эту отчужденность. Активное противодействие линии на разделение, обособление польских тружеников от коренного трудящегося населения повсеместно оказывали лучшие элементы и польского и русского пролетариата.

Во многих местах появление беженцев сразу же привлекло внимание нелегальных организаций большевистской партии. В Саратове, например, по инициативе большевиков больничные кассы и профсоюзы еще 25 августа (7 сентября) 1915 г. выпустили воззвание «Ко всем рабочим г. Саратова», в котором призвали рабочих обсудить вопрос о видах помощи товарищам-беженцам (о проведении единовременного денежного сбора, помощи одеждой, квартирами и т. д.). В ответ на это воззвание вскоре же рабочими был образован «Совет саратовских рабочих по оказанию помощи беженцам». Однако царская администрация не утвердила устав совета, которому пришлось перейти на нелегальное положение.

Вскоре, 13 (26) октября 1915 г., саратовская «Наша газета», фактически являвшаяся единственным в то вре-

[107] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 1145, л. 6.

мя легально издававшимся органом местной организации большевистской партии, поместила обращение «К беженцам-рабочим», в котором говорилось о том, что труженики — рабочие Саратова с теплым чувством готовы принять их в свою среду и так как беженцы не имеют своего товарищеского очага, то их приглашают примкнуть к просветительному обществу «Маяк», которое будет устраивать лекции и собеседования, получать журналы и газеты на национальных языках беженцев. К «Маяку» потянулась часть беженцев[108].

Особое значение приобретала работа по сплочению пролетарских рядов в решающем политическом и экономическом центре страны — в Петрограде. За первый год войны численность петроградской организации большевиков сократилась более чем в десять раз: с 5—6 тыс. членов партии до 500 к лету 1915 г. (около тысячи членов партии было арестовано в Петрограде в самый канун войны, многие попали в армию в результате первых мобилизаций и т. д.)[109]. Ослабление партийной организации затрудняло проведение работы среди вновь прибывшего пополнения трудящихся. Правда, в питерской организации большевиков продолжали свою работу несколько видных деятелей СДКПиЛ, издавна проживавших в столице. К сожалению, об их партийной работе можно судить лишь на основании весьма редких упоминаний, содержащихся в некоторых документах.

Весной 1915 г. группой видных большевиков — А. И. Ульяновой-Елизаровой, В. В. Воровским и др.— была предпринята попытка возобновить издание легального большевистского журнала «Просвещение». В этой попытке активное участие принимал член СДКПиЛ с 1905 г., партийный публицист Анджей Радзишевский, обычно подписывавший свои статьи псевдонимом «Р. Арский». Хотя попытка возобновить журнал «Просвещение» не увенчалась успехом, но с февраля 1915 г. питерским большевикам удалось возобновить издание другого легального журнала—«Вопросы страхования». В редакции «Вопросов страхования» вместе с большевиками К. С. Еремеевым, А. Н. Винокуровым, Н. И. Подвойским

---

[108] В. П. Антонов-Саратовский. Под стягом пролетарской революции, т. I. М.— Л., 1925, стр. 31—33.

[109] «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I. Л., 1962, стр. 384.

и другими работал и А. Радзишевский[110]. В № 4(42) журнала, вышедшем 15(28) мая 1915 г., была опубликована статья «Экономическая самопомощь польских рабочих», посвященная бедственному положению трудящихся польских губерний и критике действий гражданских комитетов[111]. Стоявшая под статьей подпись «Т. Гн-ч» не оставляла сомнений в том, что автором ее было лицо, обычно подписывавшее свои статьи в партийной печати именем «Т. Гневич».

Под псевдонимом «Т. Гневич» еще со времен довоенной «Правды»[112] в большевистской печати выступал член СДКПиЛ с 1905 г. Збигнев Фаберкевич. Проживая с 1908 г. в Петербурге, Зб. Фаберкевич вел интенсивную революционную работу среди польских рабочих и студентов, принимал активное участие в общепартийной жизни[113]. Летом 1913 г. Зб. Фаберкевич и Б. Данский (К. Комаровский) посетили В. И. Ленина в Поронине и поделились с ним планом создания в Петербурге легального кооперативного издательства «Прибой», предназначенного для широкого распространения марксистской литературы. В. И. Ленин одобрил этот план, и вскоре издательство начало свою деятельность[114]. По инициативе Зб. Фаберкевича[115] именно в Петербурге польские социал-демократы при содействии «Правды» наладили весной 1914 г. издание своего органа — газеты «Нова Трыбуна».

30 июля (12 августа) 1915 г. вышел из печати очередной номер «Вопросов страхования» с новой статьей Зб. Фаберкевича — об отношении промышленников к рабочим. Статья эта, несомненно, была признана весьма опасной — об этом говорили большие белые пятна, оставшиеся после того, как цензура изуродовала ее текст[116].

---

[110] Об участии Р. Арского (А. Радзишевского) в редакции журнала «Вопросы страхования» см. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I, стр. 398.

[111] «Вопросы страхования», № 4(42), 15(28).V 1915. Пг.

[112] Например, «За правду», 1(14).X 1913.

[113] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 874, л. 5; д. 718, л. 51 и др.; «Dziesięć lat. 1917—1927. Udział Polaków w rewolucji Październikowej w Leningradzie. Zbiór artykułów». Moskwa, 1928, str. 80.

[114] Б. Данский. «Правда» и рабочая страховая кампания.— «Пролетарская революция», № 7—8 (102—103). М., 1930, стр. 174—175.

[115] ЦПА ИМЛ, ф. 486, оп. 1, д. 32, л. 7.

[116] «Вопросы страхования», № 6(44), 30.VII (12.VIII) 1915.

Почти во всех последующих номерах «Вопросов страхования» печатались статьи либо Зб. Фаберкевича, либо А. Радзишевского. Оба публициста касались в своих статьях самых злободневных вопросов: борьбы с дороговизной и угрозой голода[117], новых ограничений, наложенных властями на деятельность профсоюзов[118], развития женского движения[119] и др. Особое место в боевой публицистике «Вопросов страхования» заняла статья Зб. Фаберкевича «Новая сессия», посвященная открытию сессии Государственной думы. Как ни странно, цензура на этот раз не тронула тех мест, где содержалась резкая оценка не только политики крайне непопулярного даже в буржуазных кругах правительства Б. В. Штюрмера, но и буржуазного «прогрессивного блока», организованного стараниями Милюкова, колебаний «трудовиков», оппортунизма меньшевиков-чхеидзевцев и др. «Рабочей демократии, находящейся в процессе накопления сил для решения очередных задач, необходимо зорко следить за всем происходящим как в Думе, так и в стране. Только самодеятельность рабочих масс,— иносказательно, но достаточно ясно заканчивал свою статью Зб. Фаберкевич,— может разрешить в будущем то запутанное положение, в котором мы в настоящее время находимся»[120].

Нет никаких сомнений, что как Зб. Фаберкевич, так и другие польские социал-демократы принимали самое непосредственное участие в организации массового рабочего движения, подъем которого начался в Петрограде с середины 1915 г. Всех рабочих Петрограда всколыхнули выборы уполномоченных по избранию в рабочие группы Центрального и Петроградского военно-промышленных комитетов. Эти выборы принесли успех большевикам и их сторонникам из среды беспартийного рабочего актива. Как выборы, так и особенно фальсифицированное меньшевиками-оборонцами избрание самих рабочих групп сопровождались рядом крупных забастовочных выступлений. Если за первый год войны в Петрограде произошло всего 147 стачек, в которых участвовало 76 тыс. человек, то с августа 1915 г. по август

---

117 Там же, № 10(48), 1(14).XII 1915.
118 Там же, № 3(52), 16(29).III 1916.
119 Там же, № 5(54), 31.V (13.VI) 1916.
120 Там же, № 2(51), 16(29).II 1916.

1916 г. состоялось 633 стачки, в которых участвовало 541 тыс. человек[121].

Забастовки, в том числе и на тех предприятиях, где рабочие-поляки составляли значительный контингент, проходили, как правило, при поголовном участии всех рабочих. Забастовками были охвачены и предприятия, эвакуированные из польских земель. Так, на листопрокатном заводе «Влохи», работавшем на оборону, за короткий срок состоялись однодневная политическая забастовка[122], вслед за тем трехдневная забастовка с требованием увеличения заработной платы[123], а далее, после ряда более мелких выступлений, грозная забастовка в день 9(22) января 1917 г.— в память о событиях 1905 года[124].

В связи с «октябрьскими беспорядками»—забастовками протеста против суда над матросами и солдатами — полиция «за подстрекательство» арестовала 84 человека, из них, как можно судить по следственным материалам, 6 человек происходили из польских губерний[125].

Массовые забастовки с участием рабочих из Польши происходили не только в Петрограде. Например, в мае 1916 г. 13 дней бастовали 10 тыс. рабочих завода Никополь-Мариупольского общества в Мариуполе[126], среди которых было особенно много рабочих из Польши; неоднократно бастовали все рабочие харьковского завода «Гельферих-Саде», который поглотил и эвакуированное из Польши предприятие, и много польских рабочих-беженцев[127], и т. д.

Повсеместное участие выходцев из польских земель в выступлениях российского пролетариата нельзя считать только лишь стихийным проявлением классового единства и солидарности. Если в какой-то мере оно само собой вытекало и из понимания классовых интересов и из особо бедственных условий жизни беженцев, то,

---

[121] И. П. Лейберов. О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы первой мировой войны и Февральской революции.— «Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 63.

[122] ЦГАОР, ф. 102, ДП, 4 делопр., 1916 г., д. 101, т. 4, л. 13.

[123] Там же, т. 1, л. 76.

[124] Там же, 1917 г., д. 61, ч. 2, л. 59.

[125] Там же, 6 делопр., 1916 г., д. 341, ч. 57, лл. 83—86.

[126] Там же, 4 делопр., 1916 г., д. 101, т. 1, л. 201.

[127] Там же, т. 3, л. 81; т. 2, л. 76, 277 и др.

с другой стороны, преодоление влияний буржуазных организаций помощи беженцам, клерикального и националистических воздействий на польских рабочих могло наступить только в результате широкой политической работы большевиков и их ближайших союзников — польских социал-демократов.

При всей скудности имеющихся сведений можно привести примеры того, что там, где не было большевистских партийных групп, в отдельных случаях именно польские социал-демократы выступали организаторами забастовок. Вот один из фактов подобного рода. Оказавшийся в г. Коврове Владимирской губернии член СДКПиЛ с 1900 г. Францишек Перковский завоевал авторитет у рабочих местной фабрики. Большой опыт работы в массах позволил ему довольно быстро сплотить текстильщиков и организовать забастовку[128]. Уволенный с работы и преследуемый, он через некоторое время переехал в Чугуев, где поступил на эвакуированный из Польши завод Борковского и энергично стал вести там революционную работу[129].

Из предисловия, написанного А. И. Ульяновой-Елизаровой к переписке Русского бюро ЦК партии большевиков с товарищами, находившимися за границей, видно, что по партийной работе Анна Ильинична неоднократно встречалась с Зб. Фаберкевичем. На квартире у Анны Ильиничны произошло свидание того же Зб. Фаберкевича с прибывшим из-за границы по поручению В. И. Ленина А. Шляпниковым[130]. Еще на пограничной станции Хапаранда А. Шляпников встретил выезжавшего на короткий срок в Скандинавию одного из старейших деятелей СДКПиЛ Мечислава Козловского[131], более подробно о котором будет сказано ниже.

В Петрограде А. Шляпников встречался с Зб. Фаберкевичем не только на квартире А. И. Ульяновой, но и на конспиративном собрании правдистской интеллигенции, состоявшемся в служебном кабинете у Н. И. Подвойского, работавшего в Союзе городов[132].

---

[128] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 717, лл. 100—101.

[129] Там же, д. 732, лл. 41—43.

[130] «Пролетарская революция», № 7—8 (102—103), 1930, стр. 179—180.

[131] А. Шляпников. Канун семнадцатого года, ч. 1. Изд. 3. М., б. г., стр. 67.

[132] Там же, стр. 135.

Работа в таких полулиберального характера организациях, как авторитетный для полиции Союз городов, давала возможность профессиональным революционерам продолжать активную деятельность, имея устойчивый заработок и даже в какой-то мере перестав вызывать подозрение у блюстителей порядка. Некоторые польские социал-демократы нашли работу в польских общественных организациях, связанных с тем же Союзом городов. В Польском комитете помощи в Москве довольно влиятельное положение приобрел присяжный поверенный Николай Черлюнчакевич, в дальнейшем видный деятель советской юстиции [133].

Как и другие революционеры, Черлюнчакевич стремился использовать свое служебное положение в интересах революции. Это облегчалось тем, что Польский комитет помощи через существовавший при нем особый патронат оказывал некоторую помощь политическим заключенным. Патронат, в котором и работал Н. Черлюнчакевич, в начале 1916 г. оказывал помощь 636 зарегистрированным политическим заключенным из Польши, находившимся в московских тюрьмах. Представители патроната, Черлюнчакевич и его коллеги, выступали адвокатами на целом ряде судебных процессов: 13(26) мая 1916 г. по делу о лодзинской организации «розламовцев», 21 мая (3 июня)—по делу группы членов ППС-«фракции», 26 мая (8 июня) — по делу ченстоховской организации СДКПиЛ и др.[134] Благодаря патронату в печать проникли сведения о том, что 4(17) мая 1916 г. состоялся суд над арестованным в шестой раз еще в сентябре 1912 г. Феликсом Дзержинским. Вместе с ним суду были преданы другие деятели СДКПиЛ: Сура Пшедецкая (Марыся, Стефания), Юзеф Уншлихт (Юровский) и др. Ф. Дзержинский был приговорен к 6 годам каторжных работ, с зачетом трех лет каторги, отбытой им до этого суда, С. Пшедецкая и Ю. Уншлихт— к ссылке на поселение [135].

В отдельных случаях патронату удавалось добиться освобождения некоторых политических заключенных,

---

[133] О Н. Черлюнчакевиче см.: ЦГАОР, ф. 63, оп. 8, д. 1366, лл. 1—4; оп. 1, д. 717, л. 25 об.; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 2090, л. 3 и др.

[134] «Echo Polskie», 19.VI (2.VII) 1916.

[135] Там же, 15(28).V 1916, а также ЦГАОР, ф. 102, 7 делопр., 1916 г., д. 5, ч. 34, лл. 21—22.

против которых царские власти не смогли найти сколько-нибудь веских улик. Под залог был освобожден один из видных деятелей СДКПиЛ Станислав Бобиньский[136]. Одновременно были освобождены под залог еще 26 человек, в том числе Станислав Будзыньский, Владислав Прусс, Юлиан Лещиньский (Ленский)[137].

Как многие другие польские социал-демократы, Ю. Лещиньский прошел большую революционную школу. Уже в 1905 г. шестнадцатилетний Лещиньский и его ближайшие товарищи по гимназии в г. Плоцке — Владислав Фигельский, в дальнейшем председатель Совета Народных Комиссаров Туркестанской Советской Республики, и Эугениуш Пшыбышевский (Чеслав Ясиньский), позже один из виднейших публицистов Коммунистической партии Польши, крупный историк,— решили посвятить себя делу борьбы против социального и национального гнета.

В 1909 г. Ю. Лещиньский определился в студенты философского отделения Ягеллонского университета в Кракове. Вскоре он стал хорошо известен всей студенческой молодежи как один из руководителей Союза социалистической молодежи «Спуйня». В 1911 г. он представлял союз на парижском конгрессе польской студенческой молодежи и выступал там с докладом, решительно направленным против пилсудчиковского национализма ППС-«фракции». Под руководством Ю. Лещиньского «Спуйня» превратилась в боевую молодежную организацию, объединявшую сторонников СДКПиЛ и ППС-левицы.

Примерно в то же время Ю. Лещиньский все больше отдается партийной работе и становится одним из признанных руководителей «розламовского» направления СДКПиЛ, тяготевшего к большевикам. Он принимает деятельное участие в кампании по выборам в больничные кассы, пишет брошюру, в которой в ленинском духе разъясняет значение больничных касс[138], выступает в большевистской печати[139]. Большой школой революци-

---

[136] H. Bobińska. Pamiętnik tamtych lat, cz. I. Warszawa, 1963, str. 87.

[137] ЦГАОР, фонд Польского комитета помощи жертвам войны, д. 8 и 107. Россыпь.

[138] J. Leszczyński. Robotnicza kasa chorych. Warszawa, 1913.

[139] «Правда», 7(20).IV 1913, 17(30).V 1913; «Рабочая правда»,

онного опыта для Ю. Лещиньского явилось участие в созванном В. И. Лениным в сентябре 1913 г. в Поронине совещании ЦК большевистской партии с партийными работниками. На почве конкретных совместных действий Ю. Лещиньский добивается сближения Варшавского комитета СДКПиЛ, в составе которого он работает с 1913 г., с деятелями ППС-левицы и Бунда. Участники совместного собрания представителей этих организаций 22 октября (4 ноября) 1913 г. были арестованы. Как с удовлетворением сообщало охранное отделение, «что же касается эсдеков, то последние понесли большую потерю в лице арестованного „Юльяна", члена комитета (оппозиционного)»[140].

Выйдя в 1915 г. на свободу, Ю. Лещиньский поселился в Москве и начал работать в Обществе народных учителей, а затем переехал в Петроград. Вскоре «Вопросы страхования» опубликовал статью Ю. Лещиньского «К современному положению рабочего класса», подписанную его обычным псевдонимом — «Ю. Ленский». Цензура настолько искромсала статью, что лишь название, да несколько оставшихся фраз дают представление о ее боевом и гневном характере. Капитализму «уже недостаточно мужских рук. Его зубчатое колесо втягивает женщин, подростков и даже детей»,— писал Ю. Лещиньский.

Можно предположить, что Ю. Лещиньский был причастен к крупнейшему событию в жизни польской социал-демократии в России в предреволюционные месяцы — выпуску в свет ее печатного органа, нерегулярно выходящего издания «Жичэ» («Жизнь»).

В выходных данных журнала значилось, что его редактором является Ян Здзехович[141]. Рабочий социал-демократ, он, очевидно, был тем революционным деятелем, которому предназначалась тяжелая доля «зитц-редактора» — лица, отвечающего перед цензурой и судом. Сам факт появления «Жичэ» не привлекал до настоящего времени внимания исследователей: даже заметка о выходе «демократического издания на польском языке»,

---

20.VII (2.VIII) 1913; «За правду», 17(30).X 1913; «Пролетарская правда», 14(27).I 1914; «Просвещение», 1913, № 7—8 и др.

[140] ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1913 г., оп. 14, д. 26, ч. 9, лит. Б, л. 155.

[141] «Życie», N 1, str. 8.

помещенная в «Вопросах страхования»[142], подробная рецензия в журнале «Летопись» остались вне поля зрения историков, занимающихся революционной печатью в России в годы первой мировой войны.

Выход в свет журнала «Жичэ» служил свидетельством как организационного, так и идейно-политического укрепления польской социал-демократии в России. Если несомненна сама потребность в таком издании, то так же бесспорно, что его появлению должна была предшествовать большая работа по собиранию сил и средств, по сплочению коллектива авторов, по созданию определенного денежного фонда и целой сети каналов, обеспечивающей распространение журнала.

От «Вступительного слова», в котором, видимо, была изложена программа журнала, цели, преследуемые его издателями, их позиция по основным вопросам современности, после цензуры осталось только обширное белое пятно и одно лишь название статьи. Но другие материалы номера, также не в малой мере изуродованные царской цензурой, дают достаточно отчетливое представление о революционно-интернационалистском характере журнала, его боевом, подлинно большевистском духе.

Центральное место в журнале занимает вызывающая исключительный интерес статья «Империализм и война», подписанная «З. Фальски»[143].

Небольшая статья в «Жичэ», посвященная проблемам империализма, свидетельствует о глубокой теоретической подготовке ее автора, о понимании им новых явлений в развитии капитализма, тех положений и выводов, которые были сформулированы В. И. Лениным по этим вопросам в его трудах, явившихся подготовительными этапами к написанию «Империализма, как высшей стадии капитализма». Из шести главок, на которые разделена статья «Империализм и война», цензурой полностью изъяты первая и последняя. Видимо, в начале статьи разъяснялась необходимость изучения империализма для понимания характера войны и происходящих социально-экономических процессов, а в конце статьи излагались задачи рабочего класса и историческая неизбежность и необходимость ликвидации капитализма.

---

[142] «Вопросы страхования», № 1(50), 26.I (8.II) 1916.

[143] «Życie». Wydawnictwo nieperiodyczne. Styczeń 1916. Petrograd.

Во второй главке автор дает научное объяснение понятия «империализм» как современной фазы капитализма и отмечает ее характерную черту — создание экономических колоссов, нераздельно господствующих над миром. Появление этих экономических колоссов явилось результатом внедрения банковского капитала в промышленность. Империализм, добившийся большого роста производства, подчинил себе государственный аппарат, университеты и ученых, техников и изобретателей, миллионы рабочих рук.

Сама структура капитализма подверглась большим изменениям: сложились тресты, синдикаты, которые возвышаются над общественно-политическими отношениями. Классический образец капиталистической концентрации, при которой свободная конкуренция сменяется капиталистической монополией, представляют собой США. И там, и в других странах сложился и занял господствующее положение финансовый капитал, говорится в третьей главке статьи.

Главка четвертая рассказывает о разделе мира на колонии и сферы влияния и отмечает, что Германия, сравнительно с ее уровнем экономического развития, успела захватить непропорционально мало по сравнению с другими империалистическими странами.

В главке пятой рассматриваются вопросы подчинения государства интересам капитала, экспансия капитала и борьба за сферы влияния, приводящая к открытым столкновениям интересов капиталистических групп.

Статья «Империализм и войны» позволяет судить не только о высоком теоретическом уровне ее автора, но и о стремлении польских социал-демократов дать читателям действительно глубокое, научное, марксистское представление об основных процессах современного общественного развития. Можно смело сказать, что для польской марксистской литературы, знаменитой экономическими трудами Розы Люксембург, небольшая статья в «Жичэ» — явление совершенно незаурядное. Традиционный анализ капитализма в ней существенно обогащен ленинской творческой мыслью [144].

Из остальных материалов первого номера «Жичэ» выделяется статья Т. Гневича «Тройной лоялизм поль-

---

[144] «Życie», N 1. Styczeń 1916, str. 1—3.

ской буржуазии». Автор статьи отмечает, что в процессе исторического развития, происходившего после разделов Польши, польские господствующие классы всех трех частей Польши постепенно срослись с господствующими классами каждого из трех угнетающих государств. Со всей силой это проявилось с начала войны, когда в каждой из трех частей Польши буржуазия поддержала «свое» правительство. При этом ППС-«фракция», которую автор с полным основанием рассматривает не как течение в рабочем движении, а как буржуазно-радикальную группировку, также пошла за одним из захватчиков — центральными державами; пилсудчиковские легионы, отмечал Т. Гневич, действуют лишь как «игрушка в руках австро-германского империализма». Конец статьи снят цензурой.

В каждой статье и заметке журнала проступает боевая наступательная линия польской социал-демократии, практически тождественная той линии организации масс на борьбу против самодержавия и войны, которую проводила большевистская партия.

Появление «Жичэ» приветствовали не только «Вопросы страхования», о чем уже говорилось выше, но и журнал «Летопись», редактировавшийся М. Горьким и группой близких ему публицистов.

«Летопись» писала, что в связи с массовым выселением поляков в разные места России возникло около 20 польских периодических изданий, в большинстве случаев националистического и клерикального направления. «На этом неприглядном фоне воинствующего национализма резко выделяется новый демократический орган»,— отмечал автор заметки в «Летописи» о «Жичэ». Центральными в новом польском издании «Летопись» считала статьи о тройном лоялизме и об империализме. В обеих статьях «отсутствует изложение демократической точки зрения... белые места в обеих статьях свидетельствуют о том, что соответственные выводы авторов не могли увидеть света»[145]. Попутно следует заметить, что «Летопись» не только поместила заметку о польском социал-демократическом издании, но довольно широко

---

[145] «Летопись». Ежемесячный литературный, научный и политический журнал, 1916, № 2, стр. 352.

предоставляла свои страницы польским социал-демократическим публицистам [146].

Пожалуй, наибольший интерес из материалов «Летописи», связанных с рассматриваемыми сюжетами, вызывает пестрящая цензурными купюрами статья «Современная Польша». Автор этой статьи скрыт за инициалами «К. З.». Обращает на себя внимание, что эти буквы совпадают с инициалами Казимежа Залевского (Станислав Трусевич). Многие обстоятельства привели к тому, что некогда один из самых видных деятелей СДКПиЛ, член ее Главного правления, горячий сторонник ее теснейшего сотрудничества с российской социал-демократией) [147], К. Залевский отошел на долгое время от рабочего движения. Однако с начала войны он занимал интернационалистскую позицию. Летом 1917 г. К. Залевский из эмиграции вернулся в Россию, где вскоре стал выполнять ответственные задания большевистской партии [148].

В отличие от остальных публицистов польской социал-демократии К. Залевский издавна занимал в национальном вопросе ленинскую позицию. Именно эту позицию, в пределах, регулировавшихся условиями цензуры, и пропагандировал автор статьи в «Летописи», скрытый за буквами «К. З.».

И кадеты, и Плеханов, писал К. З., считают польский вопрос внутрироссийским вопросом; иначе смотрят на дело М. Горький и те, кто признает право народов на самоопределение; но лишь В. Ильин (В. И. Ленин) идет еще дальше, «доказывая, что это право, в применении к Польше, означает ее государственную независимость, находя, что восстановление Польши диктуется русской, в частности великорусской, демократии ее собственными интересами» [149].

---

[146] «Летопись», 1916, № 3, стр. 356; № 4, стр. 328—330 и др.

[147] К. Залевский по поручению Белостокской конференции СДКПиЛ (февраль 1901 г.) написал обращение к членам РСДРП, в котором содержалось предложение о созыве съезда всех действующих в России социал-демократических организаций, сплочение их и образование общего руководящего органа (ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 19, л. 10; «Искра», 1901, июль, № 7, стр. 5—6, а также: К. Залевский. Из истории общественного движения в русской Польше.— «Минувшие годы», 1908, декабрь, № 12, стр. 120—121).

[148] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 727, лл. 133—137.

[149] «Летопись», № 8, 1916, стр. 170.

Выступление «К. З.» в открытой печати помогало развитию русско-польского революционного интернационалистского союза.

В этом же направлении всецело звал польских рабочих и второй номер «Жичэ», увидевший свет в апреле 1916 г. Основные статьи — редакционная заметка, статьи Т. Гневича, Р. Вроновского и другие материалы этого номера—разъясняли польским рабочим полную общность коренных интересов польского и русского пролетариата. Националисты утверждают, писал Т. Гневич, что Россия — чужая земля, что в ожидании возвращения на родину надо создавать свои особые организации, не давая вовлекать себя в те организации, которые пытаются противопоставить одних поляков другим, т. е. противопоставить рабочих капиталистам. Но подлинные интересы народа, писал Т. Гневич, «не в том национальном единстве, которое на деле обернулось у буржуазии тройным лоялизмом, разоблаченным в предыдущем номере журнала, а в соединении сил не на узконационалистской почве, т. е. на почве интернационализма» [150].

Из других статей и заметок «Жичэ» обращает на себя внимание корреспонденция с Краматорского завода Харьковской губернии. В ней отмечался большой рост на заводе числа рабочих из Польши и содержался призыв организоваться и действовать вместе с русскими рабочими [151].

Редакция «Жичэ», направляя свои усилия на организацию сил польского рабочего класса, обещала следующий номер журнала выпустить в ближайшее время.

Редакторы «Жичэ» рассчитывали привлечь к сотрудничеству в своем издании В. И. Ленина. Относясь, как всегда, с большим вниманием к деятельности своих польских друзей, В. И. Ленин надеялся, что он сможет выступить в «Жичэ». Но обилие дел, накопившихся, в частности, за время работы над книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма», помешало В. И. Ленину выполнить свое намерение. В письме от 2 августа 1916 г., впервые опубликованном в 1964 г., он писал, в ответ, видимо, на соответствующее напоминание: «Для журнала Гневича я условно полуобещал писать, но, *кажется, не смогу*: в долгу перед русскими...» [152]

---

[150] «Życie», N 4. Kwiecien 1916, str. 2.
[151] Там же, № 2, стр. 7.
[152] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 273.

Издание «Жичэ» было прекращено органами цензуры после выхода второго номера.

Видимо, тогда же польские социал-демократы Петрограда задумали издание публицистического сборника с участием В. И. Ленина. В пользу такого предположения говорит вопрос, содержащийся в письме Ленина, написанном в конце августа 1915 г.: «Сборник Гневича?? По-польски или по-русски?? *Надо выяснить,* а также кто еще пишет и о чем? *Надо выяснить*» [153].

Тем временем крепнувшие польские революционные силы продолжали успешно разворачивать свою деятельность. Одной из главных ее арен стало культурно-просветительное общество «Промень» («Луч»), существовавшее в Петрограде с 1907 г.

Председателем общества являлся умеренный либерал, бывший член Государственной думы, генерал в отставке А. Бобяньский [154]. Крупный землевладелец, деятель партии кадетов, А. Бобяньский в бытность депутатом III Государственной думы от Пермской губернии принадлежал к тем, кто при аграрных прениях поддался, как писал о Бобяньском В. И. Ленин, на удочку черносотенцев [155]. Ни в годы реакции, ни в годы предвоенного подъема рабочего движения сколько-нибудь заметной роли общество «Промень» не играло. Но после того, как в Петрограде оказались десятки тысяч эвакуированных польских рабочих, существование «Промень» открывало возможность использования этой легальной организации для проведения внутри нее широкой революционной пропаганды. Согласно воспоминаниям одного из участников событий, польские социал-демократы стали пользоваться собраниями рабочих в клубе «Промень» для довольно широкой популяризации манифеста ЦК РСДРП о войне, взглядов В. И. Ленина [156]. Расширению пропагандистской работы польских социал-демократов благоприятствовало то, что в ряде районов столицы были открыты отделения клуба [157].

---

[153] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 282.

[154] «Dziesięć lat. 1917—1927. Udział Polaków w rewolucji Październikowej w Leningradzie». Moskwa, 1928, str. 78.

[155] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 312.

[156] «Dziesięć lat...», str. 79.

[157] «Polski kalendarz Piotrogradzki na rok prestępny 1916». Piotrograd, 1915, str. 185; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 552, л. 8.

Нередко собрания в клубе и его отделениях принимали характер острых дискуссий между социал-демократами, с одной стороны, и буржуазными либералами и националистами из ППС-«фракции» — с другой. В ходе этих дискуссий социал-демократы пропагандировали революционные идеи. В дискуссиях принимали участие также члены ППС-левицы. В клубе и его отделениях читались лекции по истории, политической экономии и по другим областям знания. В одном только Выборгском районе за первые пять месяцев 1916 г. состоялось 23 официальных лекционных, научных и т. п. вечеров, на каждом из которых присутствовало от 30 до 170 человек; в Нарвском районе за первые восемь месяцев существования отделений клуба состоялось 32 официальных вечера с участием 25—120 человек и т. д.[158] Именно работа социал-демократов в клубе, установление ими довольно значительных связей с рабочими создали условия для издания журнала «Жичэ»[159].

Что же касается либеральных элементов, то они пытались противодействовать проведению в «Промень» политической пропаганды, старались ограничить его жизнь рамками культурничества. Им оказывали упорное противодействие Зб. Фаберкевич, Я. Здзехович и др. Польские социал-демократы не только упрочили свои позиции в «Промень», но и смогли проникнуть в другое, интеллигентско-мелкобуржуазное по своему составу польское культурно-просветительное общество — «Огниско» («Очаг»)[160].

Стремясь ослабить растущее влияние идей польской социал-демократии, польские либерально-радикальные элементы приступили в августе 1916 г. к изданию своего журнала «Промень поранны». Так как журнал «Промень поранны» считался органом клуба, то в отдельных случаях им имели возможность пользоваться для выступлений в печати и социал-демократы.

Легальная деятельность социал-демократов в свою очередь способствовала развертыванию условий для оформления нелегальной партийной группы. В ходе большой политической и организаторской работы, осуществлявшейся в рамках клуба «Промень», в подполье

---

[158] «Promień poranny». Dwutygodnik. 27.VIII (9.IX) 1916, str. 29.
[159] «Dziesięć lat...», str. 80.
[160] Там же, стр. 87.

сложилась партийная группа СДКПиЛ в Петрограде. Ее оформление в опубликованном позднее отчете отнесено к ноябрю 1916 г. В составе группы тогда было около 30 членов. Группа много внимания уделяла вопросам, связанным с войной и с планами решения польской проблемы. «Отношение к войне сформулировано в духе резолюций Циммервальда и Кинталя. В польском вопросе группа энергично отделилась от обеих так называемых ориентаций, господствовавших среди польского общества, считая, что решение национального вопроса может иметь место только путем революции в международном масштабе»[161].

Образование партийной группы СДКПиЛ в Петрограде было естественным проявлением революционной и интернационалистской позиции польской социал-демократии. Неустанная работа ее видных деятелей в составе петроградской организации большевиков и временное, своеобразное положение многих польских социал-демократов, работавших на предприятиях среди широких кругов беженцев, делали целесообразным временное создание в России польских социал-демократических организаций. В пользу такого организационного решения говорили специфические условия момента, состоящие в том, что на территории России появились многие сотни тысяч рабочих и других трудящихся из Польши, классовые интересы которых полностью совпадали с теми целями, которые ставил в своей борьбе российский пролетариат, но которые в то же время сохраняли свои особые интересы, связанные с перспективой возвращения на родину и ее революционного преобразования. Подготовка к решению этой задачи, необходимость противодействия разветвленной, многообразной и многоплановой деятельности буржуазных организаций и политических течений среди беженцев и другого польского населения России с наибольшим успехом могли быть решены путем создания национальных по форме, революционно-интернационалистских по характеру организаций.

Образование партийной группы СДКПиЛ в Петрограде ни в коей мере не может рассматриваться как проявление национального федерализма. Правда, по

[161] «Trybuna». Organ Komitetu Wykonawczego grup SDKPiL w Rosji. Piotrograd, 17(30).VI 1917.

договору о вступлении СДКПиЛ в состав РСДРП, принятому IV (Объединительным) съездом РСДРП в 1906 г., СДКПиЛ рассматривалась как территориальная организация, ведущая работу среди рабочих всех национальностей района ее деятельности[162]. Но этот договор соответствовал условиям, когда совершенно не предвиделось перемещения многих тысяч польских рабочих в глубь России. Понятно, что в обстановке, создавшейся в ходе войны, было неразумным придерживаться организационных форм и уставных положений, выработанных в совершенно иных условиях.

Создание в Петрограде группы СДКПиЛ, которая, естественно, рассматривала себя как часть общероссийской большевистской организации, было разумным, творческим проявлением гибкости организационного строительства РСДРП и СДКПиЛ. По пути создания национальных групп, составляющих неотъемлемую часть как общероссийской партии, так и местных партийных организаций пошли также Литовская социал-демократия, Социал-демократия Латышского края, Эстляндская социал-демократия...

Образование партийной группы СДКПиЛ в Петрограде в 1916 г. представляется крупным завоеванием польского и русского революционного движения, важным шагом вперед в сторону создания ставших необходимыми в условиях войны организаций польской социал-демократии в России. Создание этой группы имело ближайшей целью распространение среди польских рабочих революционных взглядов, борьбу с пропагандой польских буржуазных, националистических, клерикальных, соглашательских партий и организаций, сплочение польских и русских рабочих на почве совместной борьбы против империалистической войны, царизма и гнета капиталистов.

Можно считать бесспорным, что польские социал-демократы столицы полагали, что по их примеру организуются все члены СДКПиЛ, оказавшиеся в России. Видимо, для содействия деятельности социал-демократов, находившихся в провинции, укрепления и развития связей, установленных и непосредственно, и при помощи

---

[162] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1953, стр. 132—133.

местных большевистских организаций, и при посредстве журнала «Жичэ», использовались различные средства. Из воспоминаний видного деятеля ППС-левицы, а в дальнейшем — члена Коммунистической партии Польши и Польской объединенной рабочей партии Романа Яблоновского известно, в частности, что в конце 1916 г. в Харьков приезжал из Петрограда Зб. Фаберкевич. Посетил ли он какие-либо другие города, какова была основная цель его поездки, какие выполнял он поручения большевистской партии и СДКПиЛ, сказать, за отсутствием источников, нельзя. Но допустимо предположить, что одна из задач, которая была поставлена перед Зб. Фаберкевичем, состояла в том, чтобы войти в контакт с членами СДКПиЛ (а о том, что такие контакты уже наметились, говорит заметка краматорца во втором номере «Жичэ») и помочь им развернуть партийную работу. Во всяком случае Р. Яблоновский прямо указывает на то, что Зб. Фаберкевич занимался делами СДКПиЛ, а также встречался в Харькове и с некоторыми деятелями ППС-левицы. В беседе с членами ППС-левицы Зб. Фаберкевич говорил о неизбежном и скором взрыве в России революции. Как рассказывает Р. Яблоновский, левицевцы не согласились с такой революционной оценкой ближайшего будущего [163].

Кстати сказать, сведения о революционной деятельности ППС-левицы в России перед Февральской революцией отсутствуют. Видимо, и сама эта деятельность, если она и имела место, не достигла сколько-нибудь заметных масштабов и ограничивалась участием в легальной работе клуба «Промень» и подобных организаций, а также публикацией статей в журнале «Промень поранны».

В этом же издании тон задавали «демократы», в том числе деятели правого крыла ППС-«фракции», в частности Бр. Сивик, опубликовавший статьи в шести номерах журнала из восьми, вышедших в 1916 г. Весьма показательна его статья об экономике послевоенной Польши. Эту Польшу он представлял себе как страну, политически самостоятельную, в которой правительство

---

[163] R. Jabłonowski. Wspomnienia. 1905—1918. Warszawa, 1962, str. 175—176.

будет находиться в руках у польского капитала. Ограничить эгоистическую деятельность этого капитала путем огосударствления кредита и некоторых отраслей промышленности — такова убогая задача польской «демократии», как ее рисовал правый социал-националист[164]. Умеренность его социальной программы сочетается с грубыми нападками на польских социал-демократов. Не называя их прямо, Сивик злобно писал: «Пролетарий, у которого в груди не горит священный огонь воли к лучшей, возвышенной будущности, который лишь с ненавистью в сердце и затычкой из доктрин в голове ждет смерти богатого свояка — буржуя, — это не человек завтрашнего дня, а лишь карикатура человека и приговоренный к гибели дегенерат»[165]. Единомышленники Сивика ссылались на пример перерождения западных социал-демократий, доказывая, что предательство ими идеалов братства народов отражает первенствующее значение национальных идеалов над общечеловеческим...[166]

Весьма беспредметно о новой жизни, лучшем послевоенном устройстве общества писал со страниц журнала деятель ППС-левицы Ст. Будкевич[167]. Так из номера в номер — всего до Февральской революции вышло в свет одиннадцать номеров жирнала «Промень поранны» — журнал непрерывно и развязно вел борьбу с идеями пролетарского интернационализма и неустанно навязывал своим читателям идеи национального солидаризма и межнациональной розни.

Но вопреки усилиям буржуазных и социал-националистских элементов, польские рабочие в России неизменно участвовали в расширявшихся классовых выступлениях российского пролетариата. Революционный авангард польского пролетариата — СДКПиЛ, ее отдельные члены и группы рассматривали себя, как составную часть великой революционной армии пролетариата, повсеместно и независимо от степени связи со своими партийными организациями и их центрами вели широкую революционную деятельность, принимали участие в той большой и сложной работе, которую в усло-

---

164 «Promień poranny», 15(28).VIII 1916, str. 6—8.
165 Там же, 27.VIII (9.IX) 1916, str. 27.
166 Там же, стр. 24—25.
167 Там же, 15(28).VIII 1916, стр. 8—10.

виях глубокого подполья проводила большевистская партия.

С огромным воодушевлением, как и все трудящиеся России, встретили выходцы из польских земель известие о низвержении самодержавия. Многие из них в составе воинских частей Петроградского гарнизона, в составе бастовавших и восставших рабочих приняли активное и непосредственное участие в исторических событиях последних дней февраля 1917 г.

Когда революция закрепляла свои первые успехи, петроградские рабочие-поляки собрались 1(14) марта в клубе «Промень», откуда обратились с приветствием к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

«Польские рабочие города Петрограда,— говорилось в обращении рабочих-поляков,— приветствуют революционное движение пролетариата России. Мы всегда шли с вами рука об руку в борьбе против нашего общего врага — царского правительства, оплота всеобщей реакции. Мы приложим все свои силы,— заверяли польские пролетарии,— чтобы вместе с вами довести до победного конца начатое дело свержения ненавистного самодержавия. Пусть ваша победа проложит пролетариату всех стран дорогу к решительному бою возрожденного Интернационала с капитализмом, который толкнул народы на теперешнюю кровавую резню».

Свое обращение, дышавшее революционной отвагой, чувством интернационального единства и верой в полную победу над капитализмом, польские рабочие заканчивали боевыми призывами:

Да здравствует революция в России!

Да здравствует международная солидарность пролетариата! [168]

---

[168] «Promień», 31.III(13.IV) 1917.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Польские интернационалисты в период мирного развития революции

(март—май 1917 г.)

I

Польский вопрос в Февральской революции

Победа Февральской буржуазно-демократической революции, совершенная рабочим классом и крестьянством России, открыла дорогу широкой политической активности масс.

Русское бюро ЦК большевистской партии 27 февраля (12 марта) обратилось с манифестом «Ко всем гражданам России», призывавшем покончить с царизмом. «Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты,— призывали большевики.— Их представители составят Совет Рабочих Депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст Временное революционное правительство» [1].

Вслед за Петроградом Советы как органы союза рабочих и крестьян, как органы восстания и складывавшейся власти трудового народа возникли почти по всей России.

Но рядом с Советами, в которых преобладающая роль оказалась у соглашательских партий — меньшевиков, социалистов-революционеров (эсеров), — возникло буржуазное Временное правительство.

В первом же своем отклике на эти события в России — в «Наброске тезисов 4(17) марта 1917 года» — В. И. Ленин указывал, что «новое правительство, захватившее власть в Петербурге или, вернее, вырвавшее ее из рук победившего в геройской кровавой борьбе пролетариата», не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы [2]. Дать народу мир, хлеб и полную свободу, разъяснял В. И. Ленин, в состоянии лишь рабочее правительство, опирающееся, во-первых, на громадное большинство крестьянского населения, на сельских рабочих и беднейших крестьян; во-вторых, на союз с революционными рабочими всех воюющих стран [3].

---

[1] «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917 гг.», т. II. М., 1939, стр. 251—252.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 1—2.

[3] Там же, стр. 5.

В знаменитых ленинских «Письмах из далека», содержащих оценку характера, движущих сил и направления революции в России, ответы на вопросы теории государства, революции, войны и мира, а также тактики партии, имелись и высказывания, касавшиеся польских дел.

В первом из «Писем из далека» В. И. Ленин, отметив, что октябристско-кадетское буржуазное Временное правительство, желающее вести «до конца» империалистическую войну и выступающее на деле приказчиком финансовой фирмы «Англия и Франция», является правительством грабежа, желающим «снова завоевать Польшу...»[4]; в четвертом письме В. И. Ленин опять отметил, что это правительство хотело бы в числе другой добычи «отвоевать назад у немцев Польшу»[5] и что в противоположность этому правительству капиталистов и помещиков правительство рабочих и беднейших крестьян боролось бы за большевистскую программу мира, одним из составных элементов которой является «освобождение *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов»[6].

Новая ориентировка и новая тактика партии в условиях, когда, по оценке В. И. Ленина, совершился только первый этап революции и в порядок дня становился второй, социалистический ее этап, социалистическая революция, вооружали партию, рабочий класс России ясной перспективой борьбы за коренные интересы трудового народа. В этой борьбе естественным союзником российских трудящихся выступали интернационалисты всех стран, в первую очередь такой испытанный союзник и друг, как польский пролетариат и его авангард — СДКПиЛ.

После Февральской революции, в условиях завоеванного трудящимися максимума легальности, разворачивалась и деятельность многочисленных польских революционных организаций и групп в России. Из царских тюрем, из сибирской ссылки вместе с большевиками возвращались тысячи польских революционеров.

С самого начала своей легальной деятельности польские социал-демократы неизменно выступали вместе с

---

[4] Там же, стр. 21.
[5] Там же, стр. 52.
[6] Там же, стр. 53.

большевиками. На первых же происходивших после Февральской революции заседаниях Бюро ЦК большевистской партии возложило ответственные поручения на видных деятелей СДКПиЛ М. Козловского и Зб. Фаберкевича. В частности, М. Козловскому было поручено участвовать в привлечении буржуазной газеты «Русская воля» к ответственности за клевету на газету «Правда» [7], издание которой возобновилось 5(18) марта.

Большевистская партия рассматривала организации СДКПиЛ в России и ее отдельных деятелей как своих естественных союзников и свою органическую составную часть.

15(28) марта Бюро ЦК РСДРП постановило «обратиться к С. Д. Польши и Литвы с просьбой прислать своего представителя в Бюро ЦК» [8]. Это решение Бюро ЦК большевистской партии было убедительным свидетельством доверия к братской польской партии, уверенности в ее революционности и интернационализме.

Тем временем 11(24) марта 1917 г. Исполнительный комитет образовавшегося незадолго до этого Петроградского Совета постановил включить в свой состав одного представителя СДКПиЛ [9].

Одним из первых актов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов было обращение «К польскому народу», единогласно принятое 14(27) марта 1917 г. Это обращение было опубликовано 16(29) марта в «Правде». Оно начиналось с указания на то, что царский режим, в течение полутора веков угнетавший как польский, так и русский народы, низвергнут. Извещая польский народ об этой победе, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов провозглашал, что «Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении». В конце обращения содержался братский привет польскому народу и пожелания успеха «в предстоящей борьбе за водворение в независимой Польше демократического республиканского строя» [10].

[7] «Протоколы Бюро ЦК РСДРП(б)».— «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, стр. 145, 150, 154.

[8] Там же, стр. 150.

[9] «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК». М.—Л., 1925, стр. 42.

[10] «Правда», 16(29).III 1917.

На заседании Петроградского Совета после оглашения обращения «К польскому народу» выступил представитель клуба «Промень» член СДКПиЛ Бернард Мандельбаум. «От имени польского пролетариата,— сказал он,— приветствую ваше обращение как великолепное выражение народной пролетарской солидарности». Далее он отметил огромное значение для польского пролетариата его совместной борьбы с пролетариатом всей России и указал, что трудящимся Польши и России предстоит еще долгая тернистая дорога борьбы за конечную победу социализма [11].

С благодарственной речью на заседании Петроградского Совета выступил также представитель ППС-левицы Ст. Будкевич [12].

Обращение Петроградского Совета было встречено полным одобрением самыми широкими кругами польских трудящихся как в самой Польше, так и в России. Лишь только весть об обращении достигла, например, далекого Красноярска, как там на митинг собралось около 300 поляков. Участники митинга приняли резолюцию, предложенную представителем сложившейся не позднее марта 1917 г. польской секции местной организации РСДРП [13]. В этой резолюции отмечалось, что поляки-демократы, «участвуя в великой Российской революции рука об руку с революционной демократией России, заявляют, что независимость каждого народа составляет его неотъемлемое естественное право, и шлют братский привет революционной демократии Петрограда, которая в лице Совета Рабочих и Солдатских депутатов первая возвестила польскому народу его полную свободу и независимость» [14].

Акт Петроградского Совета отвечал как глубочайшим чаяниям польского народа, так и издавнему стремлению русских революционеров смыть позор порабоще-

---

[11] «Promień», 31.III (13.IV) 1917, а также: ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 13, лл. 21—22.

[12] Там же.

[13] На совещании социал-демократических групп Красноярска, состоявшемся 10(23) марта 1917 г., присутствовал представитель польской социал-демократии («Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию». Новосибирск, 1957, стр. 38).

[14] «Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов», 7(20).IV 1917.

ния Польши, наложенный царизмом на Россию, и обеспечить торжество свободы и братства двух народов.

Обращение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов к польскому народу было ярким выражением интернационалистических позиций рабочего класса России, безоговорочного признания им права польского народа на свободу и независимость. От этого обращения в корне отличалось обращение к полякам, принятое 16(29) марта Временным правительством.

После обращения Петроградского Совета Временное правительство не могло не заявить о своей позиции по польскому вопросу.

Еще 7(20) марта приехавший на один день в Москву Керенский посетил организационное собрание Польского демократического клуба[15]. Не лишено интереса то, что в официальном отчете о первом визите восходящей политической «звезды» во вторую столицу России, занявшем три газетных столбца, не нашлось и строчки для того, чтобы сказать о встрече Керенского с его польскими друзьями[16]. Это умолчание свидетельствует о том, что министры-капиталисты не были довольны тем, что их «социалистический» коллега засвидетельствовал свои связи не с эндецкими друзьями Гучковых и Милюковых, а с польскими «демократами».

Польские демократические клубы, возникшие весной 1917 г. в ряде городов России, объединяли деятелей либерального крыла польской буржуазии, а также и некоторых деятелей ППС-«фракции» и ППС-левицы. В частности, в Польский демократический клуб в Петрограде вошел было один из руководителей ППС-левицы, Ст. Будкевич[17]. Организатором Польского демократического клуба в Москве был Александр Ледницкий, политический друг Керенского. Этого последнего польские буржуазные либералы и их национал-реформистские союзники рассматривали как своего единомышленника.

11(24) марта Керенский вызвал Ледницкого в Петроград. По приезде в столицу Ледницкий был принят главой Временного правительства Г. Е. Львовым, а затем министром иностранных дел П. Н. Милюковым.

[15] «Echo Polskie», 8(21).III 1917.
[16] «Вестник Временного правительства», 9(22).III 1917.
[17] «Echo Polskie», 8(21).III 1917.

В результате состоявшихся встреч был подготовлен устав Ликвидационной комиссии по делам Королевства Польского — органа Временного правительства по польским делам — и разработан текст принятого 16(29) марта воззвания Временного правительства к полякам[18]. В этом воззвании, обнародованном 17(30) марта, объявляя себя на словах сторонником создания независимого и объединенного Польского государства, Временное правительство тут же оговаривало, что окончательное решение польского вопроса должно принадлежать русскому Учредительному собранию, т. е. русским помещикам и капиталистам, издавна угнетавшим Польшу, что будущее Польское государство должно быть соединено с Россией «свободным военным союзом», и т. д.[19].

Тогда как все направления польской буржуазии в России поторопились выразить Временному правительству свою признательность за его обещание решить польский вопрос, СДКПиЛ и ППС-левица по справедливости увидели в действиях Временного правительства лишь мистификацию, имевшую целью упрочить его влияние среди польского населения, обеспечить русской буржуазии благоприятные внешнеполитические позиции при решении вопроса о Польше и прикрыть политику продолжения империалистической войны звонкими словами о необходимости освобождения Польши от немецких захватчиков, о борьбе «за нашу и вашу свободу». Воззвание Временного правительства о Польше, указывал В. И. Ленин, напичкано «ничего не говорящими фразами», цель которых на деле — «полное военное порабощение Польши»[20].

Вне зависимости от степени удовлетворения, вызванного у польской буржуазии в России действиями Временного правительства в польском вопросе, все ее направления заявили о своей признательности новой власти и о готовности сотрудничать с ней. Это нисколько не исключало того, что с первых дней существования нового режима между различными польскими буржуазными группами развернулась острая борьба за то, кому и в

---

[18] L. Kozlowski. Rewolucja Rosyjska i niepodległość Polski (geneza akty 30 marca). Warszawa, 1922, str. 40—41.

[19] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, стр. 35—36.

[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 392.

какой мере удастся использовать результаты низвержения царизма. Национальные демократы, располагавшие значительными позициями в Государственной думе, пытались изобразить себя полномочными и естественными представителями всей польской нации. Но эти поползновения крайней польской реакции вызвали протесты польских либеральных и буржуазно-демократических кругов, объединившихся в демократические комитеты [21]. Противодействие энденции со стороны демократических комитетов поддержали начавшие оформляться в различных местностях России кружки деятелей людовского, крестьянского движения.

В большинстве своем людовские группы объединяли деятелей из числа интеллигенции, связанной с крестьянством. Среди них были весьма известные лица — Максимилиан Малиновский, Михай Руч, Ирена Космовская и другие. Людовцев, как и буржуазно-демократические круги в целом, отделяло от правых кругов польской буржуазии не столько отношение к Временному правительству, сколько представления о будущем Польши. Людовцы сразу же после Февральской революции заявили, что видят будущую Польшу независимой демократической республикой, внутреннее устройство и внешнеполитические связи которой определит не российское Учредительное собрание, а Учредительное собрание в Варшаве. Кроме того, они, как и ранее, считали, что право на владение землей в будущей Польше может принадлежать только тем, кто связан с землей «всей своей судьбой, своим трудом» [22]. Антипомещичья направленность этого положения разделялась весьма немногими из буржуазных демократов и была прямо противоположна стремлениям помещичьих и капиталистических кругов, которые группировались вокруг эндеции.

Насквозь черносотенная эндеция, которую В. И. Ленин характеризовал как «польских октябристов» [23], заранее стремилась к тому, чтобы обеспечить в будущем Польском государстве нераздельное и полное всевластие крупного капитала и крупного землевладения. Для этих польских политических кругов не только дальнейший разворот революционного движения в России, но даже

[21] «Echo Polskie», 18(31).III 1917.
[22] Там же, 9(23).IV 1917.
[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 4.

низвержение царизма представлялось нежелательным. Но, оказавшись перед фактом победы Февральской революции, эндеки были заинтересованы в том, чтобы до минимума ограничить ее политические и социальные результаты и в максимальной степени оградить польское население России от сотрясавших ее бурных политических процессов. Этой цели служили националистическая и клерикальная пропаганда, культивирование национальной и религиозной вражды ко всему непольскому населению, стремление загнать польских трудящихся в националистические союзы, объединения, клубы. В далеко идущих планах борьбы как против революционного движения в России, так и в целях утверждения своего господства в будущей Польше эндеция решительно приступила к осуществлению своих выдвигавшихся с начала войны планов создания польской армии.

Либеральные и умеренно-демократические польские круги в России отличало от эндеции не только осуждение культивировавшихся ею религиозной нетерпимости и национальной исключительности, не только осуждение консерватизма ее политической и социальной программ, практически отметавших какие-либо уступки трудящимся классам, но и различное отношение как к событиям в России, так и к положению в Польше.

Либерально-демократическое крыло польской буржуазии в России, примыкавшее в некоторой части к левому крылу кадетов, в основном поддерживало те группы русской буржуазии, которые склонялись к установлению республиканского парламентского строя, считали неизбежной ликвидацию национальных, сословных, религиозных привилегий. Опасаясь русских черносотенцев и великодержавных шовинистов, они, основываясь на опыте прошлого, видели в эндеции не только польских черносотенцев и националистов, но и союзников октябристов и всех крайне правых кругов русской буржуазии и помещиков.

От лагеря, складывавшегося вокруг эндеции, либерально-демократическое крыло польской буржуазии отделяло и убеждение в том, что в Польше уже в условиях войны и немецко-австрийской оккупации сложились зачатки государственности, якобы обеспечивающие развитие парламентаризма и демократии. В эндецких планах создания в России польской армии либерально-де-

мократическое крыло польской буржуазии в начальные месяцы революции усматривало угрозу для того, что оно считало ростками парламентаризма в оккупированной Польше, прямую опасность утверждения в ней режима черносотенной диктатуры.

Борьба двух основных политических течений польской буржуазии стала весьма остро проявляться уже в первые недели существования Временного правительства. Одним из первых внешних проявлений различия в позиции этих течений было то, что если представители всех буржуазных групп явились благодарить Временное правительство за его воззвание, то Петроградскому Совету выразили признательность лишь либерально-демократические круги[24]. Острыми столкновениями представителей этих двух течений ознаменовался состоявшийся в Москве 22—25 апреля (5—8 мая) съезд польских организаций помощи жертвам войны. На этом съезде, весьма пышно названном «сеймом польской эмиграции в России», эндеки и их союзники предприняли было закончившуюся провалом попытку захватить в свои руки и руководство съездом, и исполнительные органы организаций помощи жертвам войны, в том числе важнейшую из них — совет съездов[25].

Еще более четкое размежевание между реакционным и либерально-демократическим направлениями положил состоявшийся 26—27 апреля (9—10 мая) в Москве «I съезд польской демократии». В прочитанных на нем докладах и в его решениях отмечалось, что победа русской революции положила конец преобладающему влиянию реакционных сил в польской эмиграции, что оторванная от страны польская эмиграция не может претендовать на представительство интересов страны и имеет тем меньше прав на проведение самостоятельной политики в общенациональных вопросах, что в Варшаве существует наделенный определенной властью, созданный при поддержке австро-германских оккупантов Временный государственный совет и т. д. Небезынтересно, что в избранный съездом руководящий орган, помимо А. Бобяньского, И. Гливица, Феликса Керского и др., вошел

---

[24] «Вестник Временного правительства», 18(31).III и 19.III (1.IV) 1917.

[25] «Echo Polskie», 25.IV (8.V), 26.IV (9.V) 1917 и др.

также Францишек Скомпский[26]. Как уже указывалось, последний был в Петрограде руководителем тайной пилсудчиковской Польской военной организации (ПОВ)[27], а затем стал также редактором ежедневной петроградской газеты «Дзенник народовы». Деятели ПОВ, а также ППС-«фракции» и людовского движения составляли левое крыло польского либерально-демократического движения в России в 1917 г. Это левое крыло пользовалось большим влиянием в кругах польского учительства в России, в кругах эвакуированных железнодорожников, находившихся в более благоприятных экономических условиях, чем другие группы беженцев, и среди части польского трудового населения в России. Среди наиболее клерикальных кругов последнего довольно энергично выступал «Национальный рабочий союз».

При всем различии установок и стремлений обоих основных направлений польского буржуазного политического движения в России, при всей остроте их столкновений их объединяло единство классовых позиций, единство интересов в коренном вопросе — общем непримиримо враждебном отношении к революционному движению, к борьбе рабочего класса России и Польши за социализм, к русско-польскому революционному союзу.

Так с первых дней Февральской революции определились два лагеря в польском политическом движении в России: буржуазный, первоначально, казалось бы, бесспорно преобладавший, располагавший большими материальными возможностями, многообразными способами влияния на массы, и противостоявший ему немногочисленный и ограниченный в своих материальных возможностях, но сильный своей революционной энергией и последовательностью интернационалистский лагерь, первоначально представленный лишь одной революционной польской социал-демократией.

Этой-то последней предстояло оформиться, сплотиться и рука об руку с большевиками развернуть борьбу за изоляцию буржуазных кругов от подпавших под их влияние народных масс, за освобождение широких кругов польских трудящихся в России от буржуаз-

---

[26] «Echo Polskie», 27.IV (10.V) и 29.IV (12.V) 1917.

[27] «Kwestja Wojska Polskiego w Rosji w 1917 r.» Opracował Wacław Szczęsny. Warszawa, 1936, str. 38.

ных и мелкобуржуазных взглядов, представлений и иллюзий.

Двум лагерям в польском политическом движении в России соответствовали две основные линии политики в частном, но исключительно важном вопросе о Польше. Эти линии выражали двойственность самого политического положения России. С одной стороны, покончив с самодержавием и создав Советы как органы революционно-демократической власти, революция неизмеримо повысила роль широких слоев трудового народа в общественной жизни. С другой стороны, в результате этой совершенной трудящимися революции к власти пришла империалистическая буржуазия, политика которой усиливала зависимость России от ее более могущественных империалистических союзников. Из этого клубка противоречий, из всей этой двойственности, в том числе и в польском вопросе, выход был только в ожесточенной классовой борьбе между силами прямого гнета и реакции, поддерживаемыми колеблющимися, соглашательскими кругами, и силами революционной демократии во главе с социалистическим пролетариатом. То, что временно либерально-демократические иллюзии воспреобладали в настроении широких народных масс, упивавшихся самим фактом низвержения самодержавия и завоевания широких политических свобод, облегчало реакции перегруппировку своих сил, позволяло ей прикрывать свою подлинную линию либеральными посулами и отделываться частичными, иногда лишь словесными уступками.

Всей линии буржуазных кругов и сотрудничавших с ними соглашательских элементов противостояла подлинно революционная линия на действительное осуществление чаяний народных масс, линия борьбы за окончание войны, за демократический мир, за передачу земли крестьянам, а фабрик — рабочим, за демократическое решение национального вопроса, за власть народа, за социализм. Тогда как на политической платформе буржуазии соединились широчайшие круги мелкой буржуазии и даже часть находившегося под ее влиянием рабочего класса, политическую платформу революционной пролетарской демократии, в том числе ее программу решения национального вопроса на основе предоставления всем угнетенным нациям права на са-

моопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, развивали и отстаивали только большевики. В этой связи особенно значительна историческая заслуга польской социал-демократии в России — в соответствии со своими революционными и интернационалистскими взглядами она пошла вместе с большевиками. Уже в февральские дни она всей своей деятельностью в центре и на местах показала, что видит неразрывную связь дела социального и национального освобождения польского народа с торжеством дела, ставшего непосредственной задачей русского пролетариата, — с социалистической революцией в России. Только в единстве польского и русского революционного движения, только в победе русской революции, выигравшей в февральские дни лишь первую битву, лежал путь к демократическому решению польского вопроса.

Польская социал-демократия в России, ее Петроградская и другие группы с первых же шагов своей деятельности показали, что они идут с подлинными выразителями воли трудового народа, с его боевым авангардом — с ленинской партией большевиков.

2

Начало легальной деятельности Петроградской группы СДКПиЛ

Польские социал-демократы в Петрограде принимали деятельное участие в политической жизни столицы России. 3(16) и 4(17) марта 1917 г. они присутствовали на двухдневном митинге польских рабочих-социалистов Петрограда, проходившем в помещении клуба «Промень». Участники митинга приняли обращение «К польским рабочим и солдатам в России», проникнутое революционным и интернационалистским духом. В этом обращении подчеркивалось, что в течение десятилетий единственными союзниками польских рабочих в их борьбе против царизма были русские рабочие. Победа в борьбе против царизма создает надежду, что Польша станет свободной и независимой. Но «единственно

твердой гарантией независимости Народной Польши,— говорилось далее в обращении,— могут быть не дипломатические акты и не решения конгрессов, а международная солидарность народов». Классовые интересы требуют, чтобы польские рабочие и солдаты в России «помогли российскому пролетариату в доведении так энергично начатой борьбы до победного конца и таким образом способствовали победе пролетариата всех наций»[28]. Это обращение было опубликовано в двухнедельнике «Промень», который с 31 марта (13 апреля) стал издаваться как орган польских социалистов в Петрограде, а с 8(21) апреля начал выходить под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»[29].

Петроградская группа СДКПиЛ, основу которой составили социал-демократы, входившие в клуб «Промень», первоначально, как это уже указывалось, насчитывала около 30 членов. В газетном отчете сообщается, что на собрании группы всеми голосами против трех и при трех воздержавшихся было принято решение о вхождении группы в состав большевистской партии, о создании при районных большевистских организациях польских секций и о их всестороннем участии в деятельности большевистской партии. Наряду с общепартийной работой группа установила, что ее важнейшие задачи состоят в борьбе с буржуазным национализмом и в подготовке кадров для революционной деятельности на родине, в Польше. Группа на своем первом легальном заседании подчеркнула, что Советы рабочих и солдатских депутатов являются действительным представительством революционной демократии, и делегировала в состав Петроградского Совета М. Коз-

[28] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 819, л. 3—4. Обращение «К польским рабочим и солдатам в России» опубликовано без всяких оговорок среди других документов в специальном номере сборника «С поля борьбы» («Z pola walki». Warszawa, zeszyt 2, str. 146—147), посвященном 50-летию ППС. Между тем, как по всему своему содержанию, так и по тому, что в обращении встречаются имена выдающихся революционеров — членов СДКПиЛ и членов ППС-левицы, нет никаких оснований этот документ рассматривать как партийный документ ППС-левицы; правильнее будет считать обращение «К польским рабочим и солдатам в России» совместным документом польских социалистов-интернационалистов, состоявших в клубе «Промень».

[29] «Promień», 8(21).IV 1917.

ловского[30], избранного затем в Исполнительный комитет Совета, и Я. Здзеховича.

Славное революционное прошлое, непрестанная боевая деятельность делали Мечислава Козловского, петербургского присяжного поверенного, достойным представителем польского пролетариата в высшем органе революционной демократии, сформировавшемся в февральско-мартовские дни.

Свой революционный путь М. Козловский начал еще в Виленской гимназии, из 7-го класса которой он был исключен за «неблагонадежность». Упорно занимаясь самообразованием, юноша с 1893 г. руководил рабочими кружками в родном городе. В 1894 г. он поступил в Московский университет. В Москве М. Козловский скоро завел знакомство с рабочими и начал вести среди них пропаганду идей социализма. Но уже через год он был арестован за участие в студенческом движении и после заключения в Бутырской тюрьме вынужден был вернуться в Вильно. Здесь М. Козловский окунулся в революционное движение и много содействовал тому, что Рабочий союз Литвы занял интернационалистскую и революционную позицию. Деятельность М. Козловского, равно как и переговоры его и Станислава Трусевича (Казимежа Залевского), о котором речь шла ранее, с недавно бежавшим из ссылки Ф. Дзержинским подготовили объединение Социал-демократии Королевства Польского и интернационалистских элементов рабочего движения Литвы в единую СДКПиЛ. На съезде в 1900 г., положившем начало СДКПиЛ, М. Козловский, как и Ф. Дзержинский, и К. Залевский, был избран в состав Главного правления партии[31].

В составе Главного правления М. Козловский оставался до 1902 г.; в эти же и в последующие годы он был членом Виленского комитета СДКПиЛ, членом Военно-революционной организации с момента ее создания. Преследования царизма вынудили М. Козловского в июне 1906 г. выехать за границу. Проживая в

[30] «Trybuna», 17(30).VI 1917. В списке членов Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, содержащемся в публикации «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК» (стр. 361) М. Козловский ошибочно назван представителем Латышской социал-демократической партии.

[31] «Пролетарская революция», 1926, № 9(56), стр. 62.

1906—1908 гг. в Париже и состоя в Парижской группе СДКПиЛ, он сохранял тесные связи с общероссийским революционным движением, был делегатом V (Лондонского) съезда РСДРП. В том же 1907 г. М. Козловский выступал как представитель В. И. Ленина в партийном суде, затеянном меньшевиками[32]. С 1909 г. М. Козловский жил в Петербурге и, находясь под гласным надзором полиции, работал в профессиональном союзе металлистов. Вместе с Зб. Фаберкевичем он принимал участие в издании в 1914 г. в Петербурге легальной польской газеты правдистского направления «Нова Трыбуна». Продолжал он широкую конспиративную революционную деятельность и в годы войны. Революционно-интернационалистская позиция М. Козловского, его тесная связь с питерскими большевиками побудили Петроградскую группу СДКПиЛ послать именно его своим депутатом в Петроградский Совет[33].

В ЦК РСДРП(б), пригласившего, как уже указывалось, польского представителя в свой состав, польских социал-демократов представлял Бр. Весоловский. С весны 1917 г. он работал вместе с Е. Д. Стасовой в Секретариате ЦК[34].

Один из выдающихся деятелей СДКПиЛ, Бр. Весоловский, еще в бытность студентом Цюрихского политехнического института в 1893 г. вступил в польский социал-демократический кружок. Позднее, уже являясь инженером-электротехником, он становится профессиональным революционером. Один из основателей СДКП и организатор ее I съезда в 1894 г., Бр. Весоловский в следующем году был схвачен охранкой. После двух лет пребывания в тюрьме он был сослан в Якутию, где находился по 1904 г. Пребывание в ссылке совместно с деятелями РСДРП помогло Бр. Весоловскому глубже узнать состояние и задачи русского революционного

[32] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 717, л. 42.

[33] О М. Козловском см. также: ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 729, лл. 167—168; «Правда», 5 и 6.III 1927; «Trybuna Ludu», 4.III 1957.

[34] О том, что СДКПиЛ представлена в Бюро ЦК РСДРП(б), писал сам Бр. Весоловский в своем письме в Московскую группу СДКПиЛ от 22 марта (4 апреля) 1917 г. См.: ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, лл. 4—5; см. также: Е. Д. Стасова. Накануне Октября.— «Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве». М., 1957, стр. 64.

движения, уяснить проникавшие и в далекую якутскую глушь животворные ленинские идеи. Вернувшись на родину, он окунулся в революционные бои и как член Варшавского, а затем Лодзинского комитетов СДКПиЛ деятельно участвовал в революции 1905—1907 гг. Арестованный в конце 1906 г., он вскоре был выпущен под залог. Кратковременный период свободы оказался для него заполненным кипучей деятельностью по организации сил пролетариата, укреплению его партии. В 1908 г. царские власти схватили Бр. Весоловского и после двухлетнего следствия приговорили его к 6 годам каторги. Но мужественный революционер и в тюрьме оставался борцом. В 1910 г. по ходатайству начальства Ломжинской тюрьмы, напуганного тем, что Бр. Весоловский подстрекал других арестованных к предъявлению чинам тюремной администрации «разных необоснованных требований» и пытался склонить нижних чинов тюремной стражи содействовать побегу арестованных, он был переведен в Орловскую каторжную тюрьму. Суровый тюремный режим не сломил Бр. Весоловского. И в условиях каторжной тюрьмы он не оставался бездеятельным: совершенствовал свои знания английского и французского языков, изучал итальянский язык. По отбытии срока каторги царские сатрапы загнали Бр. Весоловского в ссылку в Енисейскую губернию[35].

Низвержение царизма дало возможность этому несгибаемому революционеру вновь занять место в рядах активных борцов. Приехав в Петроград, Бр. Весоловский предоставил себя в полное распоряжение большевистской партии и партийной группы СДКПиЛ. Петроградская группа СДКПиЛ уже на учредительном собрании по организации временного Петроградского комитета РСДРП(б), происходившем 2(15) марта, рассматривалась как сложившийся национальный партийный район[36].

11(24) марта Петроградская группа СДКПиЛ опубликовала в «Правде» сообщение, в котором просила

---

[35] ЦПА ИМА, ф. 70, оп. 2, д. 727, лл. 120—138; а также: «Mlot» (Minsk), 9.1 1919; «Z pola walki», 1959, N 1(5), str. 131, 132; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 139, л. 32.

[36] «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.» М.—Л., 1927, стр. 6, прим. 4.

всех польских социал-демократов, желавших приехать в Петроград и нуждавшихся в средствах, обратиться к группе [37].

Все более активную роль польские социал-демократы играли в продолжавшем свою деятельность клубе «Промень». 12(25) марта в клубе был проведен митинг на тему «Русская революция и освобождение народов» [38].

Петроградская группа стремилась установить тесные связи со всем активом СДКПиЛ, находившемся в России, в первую очередь со сложившейся в начале марта Московской группой СДКПиЛ.

Питерские социал-демократы подробно информировали о своих делах московских товарищей. Первоначально даже предполагалось именно при Московской группе СДКПиЛ образовать Центральное бюро всех польских социал-демократических групп [39].

В сохранившихся делах Московской группы СДКПиЛ имеется письмо Зб. Фаберкевича от 21 марта (2 апреля), являющееся ответом на письмо московских товарищей от 10 (23) марта. Зб. Фаберкевич рассказывает в письме о том, как создавалась Петроградская группа, сообщает, что группа отклонила предложение «фраков» [40] создать союз польских социалистов с участием социал-демократов, членов ППС-левицы и членов ППС-«фракции». Автор письма указывает, что своими ближайшими задачами группа ставит установление контактов с группами СДКПиЛ в провинции и последующий созыв их конференции [41].

К письму Зб. Фаберкевича по своему содержанию примыкает написанное на следующий день, 22 марта (3 апреля), письмо Бр. Весоловского, подписанное его партийной кличкой «Смутный». Бр. Весоловский сообщал московским товарищам о происходившем накануне, 21 марта, собрании Петроградской группы СДКПиЛ. Сопоставление этого письма с письмом Зб. Фаберкевича, написанным, видимо, в день собрания группы, но до

---

[37] «Правда», 11(24).III 1917, 29.III (11.IV) 1917. Такое же сообщение было опубликовано в «Социал-демократе» 10(23).III 1917.
[38] «Правда», 12(25).III 1917.
[39] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 412, л. 1.
[40] «Фраки» — члены ППС-«революционной фракции».
[41] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, лл. 1—3.

того, как это собрание состоялось, а равно с газетными сообщениями о решении собрания позволяет установить дату первого легального общего собрания Петроградской группы СДКПиЛ — 21 марта (2 апреля). То, что это собрание состоялось лишь через три недели после революции, объясняется, видимо, тем, что организационно ядро группы сложилось и действовало еще до Февраля, а в первые послереволюционные недели члены группы были чрезвычайно заняты работой по поручению РСДРП(б).

Как видно из письма Бр. Весоловского, центральное место на собрании занимал вопрос о формах отношений между СДКПиЛ и РСДРП. Полного единодушия в этом вопросе не было. «Я выступил, — пишет Бр. Весоловский, — с указанием, что положение противоречиво, что группа может существовать как техническая единица для агитации среди поляков, которых здесь [в Петрограде.— *А. М.*] очень много (всего до 100 тыс. поляков)»[42].

Против позиции, отстаивавшейся Бр. Весоловским, выступил Ю. Уншлихт, член СДКПиЛ с 1900 г., участник V и VI съездов РСДРП[43]. На собрании группы СДКПиЛ Ю. Уншлихт предложил резолюцию, в которой отмечалось, что линия польской социал-демократии в целом, а в особенности в вопросах об отношении к войне и к Временному правительству близка к большевистской; тем не менее предложенный им проект резолюции предусматривал некоторое обособление СДКПиЛ от РСДРП, так как предлагал, чтобы СДКПиЛ направила своего делегата в Бюро ЦК РСДРП лишь с совещательным голосом. В этом случае отношения СДКПиЛ с РСДРП сводились бы к контактам, а не к органическому единству. Как указывает Бр. Весоловский, за проект резолюции, предложенный Ю. Уншлихтом, было подано 7 голосов, столько же голосов было подано против; большинством в 10 голосов против 7 была принята другая резолюция — о вступлении в РСДРП и направлении делегата в состав Бюро ЦК РСДРП с решающим голосом[44].

---

[42] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, лл. 4—5.

[43] «От Февраля к Октябрю. (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции)». М., 1957, стр. 425.

[44] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, лл. 4—5.

Можно предположить, что письмо Бр. Весоловского, написанное непосредственно после собрания, содержит более точные данные о первом собрании Петроградской группы СДКПиЛ, чем отчет, опубликованный несколько месяцев спустя в «Трыбуне». Основная историческая ценность сохранившегося письма Бр. Весоловского состоит в том, что оно позволяет в известной мере уяснить внутреннюю жизнь Петроградской группы СДКПиЛ, происходившую в ней борьбу мнений и дает отправную точку для наблюдения за организационно-политической эволюцией групп СДКПиЛ в России.

Установить адресата Зб. Фаберкевича и Бр. Весоловского нетрудно: хотя конверты писем не сохранились, а адресаты не названы в тексте — письмо первого из них начинается обращением: *«Уважаемые товарищи!»,* а второго — *«Мои дорогие!»,* — но на первой странице письма Бр. Весоловского имеется надпись, сделанная рукой Ф. Дзержинского: *«Резолюция выслана без отчета. 28.III»* (речь идет, видимо, о высылке резолюции Московской группы СДКПиЛ в Петроград). Эта надпись позволяет считать, что именно к Ф. Дзержинскому и его товарищам по партийной работе в Москве обращались из Петрограда наиболее близкие к большевикам польские социал-демократы.

13 (26) апреля «Правда» поместила резолюцию Петроградской группы СДКПиЛ о вступлении в РСДРП. В резолюции говорилось: «Во имя международной солидарности пролетариата и считая РСДРП единственной идейной выразительницей интересов рабочего класса России без различия национальности, а также считая недопустимым создание на данной территории пролетарских партий по национальному признаку, Петроградская группа Социал-демократии Польши и Литвы решила вступить в ряды РСДРП, принять в ее рядах самое деятельное участие и подчиниться руководству как Центрального, так и Петроградского комитетов партии.

Принимая во внимание, что большинство рабочих-поляков очутилось в Петрограде временно и лишь благодаря военным обстоятельствам, а также в целях широкой и успешной пропаганды идей революционной социал-демократии среди широких масс польских рабочих, которым доступен лишь польский язык, и для борьбы с воинствующим польским национализмом, Петро-

градская группа решила оставаться и действовать в виде отдельной группы при Петроградском комитете партии» [45].

Приведенная резолюция позволяет заключить, что СДКПиЛ избрала единственно правильную линию, направленную на сочетание интернациональных задач польского пролетариата в России с задачами, определявшимися особыми условиями и интересами временного польского населения России — беженцев и др.

3

Образование Московской группы СДКПиЛ

Позицию, подобную занятой польскими социал-демократами Петрограда, заняли и польские социал-демократы Москвы.

Сразу же после низвержения самодержавия они выпустили листовку, в которой указывалось, что свержение царизма нанесло удар по национальному гнету и что польские рабочие должны стремиться к созданию независимой и объединенной Польской республики, основанной на развалинах российского, немецкого и австрийского империализма. Российская революция, говорилось в листовке, несет свободу и братство народам всей Европы, и польские рабочие, поддерживая революцию, должны бороться за Интернационал, за мир и братство между народами, за социализм [46].

Московская группа СДКПиЛ организационно оформилась сразу же после Февральской революции. На ее первом собрании, происходившем 3 (16) марта, участвовало около 50 человек [47]; большинство участников собрания, в том числе Ф. Дзержинский, до победы революции находилось в тюрьмах.

---

[45] «Правда», 13(26).IV 1917.

[46] Archiwum Zakłada Historii Partii przy Komitecie Centralnym Polskej Zjednoczonej Partii Robotniczej. Warszawa (в дальнейшем — AZHP), I AAG 1/2, 1917, p. 1.

[47] «Правда», 11(24).III 1917.

Уже 1 (14) марта, прямо из тюрьмы и еще в арестантской одежде, Ф. Дзержинский был доставлен рабочими на заседание Московского Совета. Здесь он выступил с речью, в которой горячо приветствовал победу революции и поздравил революционных рабочих и солдат, свергнувших царское самодержавие[48].

Собрание польских социал-демократов, происходившее 3 (16) марта, избрало Исполнительный комитет группы в составе Ст. Будзыньского, Ф. Дзержинского, Э. Прухняка, С. Лазоверта и Б. Закса[49]. Члены Исполнительного комитета были видными деятелями польского рабочего движения. Так, Станислав Будзыньский, член СДКПиЛ с 1912 г., в 1913 г. был избран членом Варшавского комитета партии, в 1915 г. он был арестован и находился в тюрьмах до конца 1916 г.[50]

Член СДКПиЛ с 1903 г. Эдвард Прухняк был активным участником революции 1905—1907 гг., он многократно арестовывался царскими властями, бежал из сибирской ссылки. В 1911 г. Э. Прухняк учился в руководимой В. И. Лениным партийной школе в Лонжюмо под Парижем[51]; 1912—1917 гг. он провел в царских тюрьмах[52]. Членом СДКПиЛ с 1903 г. был и Бернард Закс. Он вел значительную партийную работу в стране и в эмиграции, тесно сотрудничал с большевистскими деятелями в Льеже, Лейпциге, Лондоне, был секретарем Ченстоховского комитета СДКПиЛ и членом Варшавского комитета. Царские власти несколько раз арестовывали его; в царской тюрьме он просидел с 1912 г. до Февральской революции[53]. Член СДКПиЛ с 1904 г. Самуил Лазоверт принимал участие в революции 1905—1907 гг., с 1910 г. был членом Варшавского комитета партии. Как и другие деятели партии, С. Лазоверт неоднократно арестовывался царскими властями[54].

---

[48] «1917 год в Москве». М., 1957, стр. 38.

[49] «Trybuna», 10(23).III 1917.

[50] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 267, л. 3.

[51] В партийной школе Э. Прухняк был известен под псевдонимом «Олек», переделанным русскими товарищами на «Олег». См.: «Z pola walki», 1958, № 4, str. 224; О Прухняке — Олеге упоминает Н. К. Крупская в своих «Воспоминаниях о Ленине» (М., 1957, стр. 179).

[52] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 732, л. 113.

[53] Там же, ф. 124, оп. 1, д. 695, лл. 3—5.

[54] Там же, д. 1056, л. 5.

Первое собрание членов Московской группы СДКПиЛ приняло резолюцию, в которой указывалось, что российский пролетариат должен обратиться к пролетариату всех воюющих стран с призывом к ниспровержению своих преступных правительств для прекращения вызванной ими кровавой бойни и установления всеобщего братства народов. «На основе братского соглашения всех народов,— указывалось в резолюции,— найдет свое полное разрешение польский вопрос, и польский пролетариат, свободный и объединенный, примет участие в дальнейшей борьбе за осуществление социализма».

Собрание решило принять самое деятельное участие в революции, вступить в ряды РСДРП и призвать к этому же всех польских рабочих [55].

По окончании собрания его участники направились с красным знаменем к зданию городской думы, где происходило заседание Совета рабочих депутатов. Перед собравшимися около этого здания трудящимися выступил с речью от имени польских социал-демократов Ф. Дзержинский. Он приветствовал русскую революцию как начало революционной борьбы за прекращение войны, установление братства народов, уничтожение всякого насилия и гнета, утверждение светлых идеалов социализма. Речь Ф. Дзержинского была встречена горячим одобрением присутствующих русских рабочих и солдат [56]. Делегация польских рабочих была приглашена на заседание Совета рабочих депутатов, где приветствовала русских рабочих и заявила о своем полном единении с ними [57].

В уставе, принятом Московской группой СДКПиЛ, указывалось, что «группа, будучи политически и морально частью СДКПиЛ в крае [Польше.— *А. М.*], является составной частью Российской социал-демократической рабочей партии» [58].

Тем самым Московская группа СДКПиЛ, как и другие ее группы в России, подтвердила организационные

---

[55] «Социал-демократ», 7(20).III 1917; «Правда», 11(24).III 1917; «КПСС в борьбе за победу социалистической революции 1917 г.», стр. 181—182.

[56] «Trybuna», 10(23).IV 1917.

[57] «Правда», 11(24).III 1917.

[58] AZHP. I AAG 1/2, p. 17.

отношения с РСДРП, в целом соответствующие условиям вхождения СДКПиЛ в РСДРП, принятым на IV (Объединительном) съезде РСДРП в Стокгольме в апреле 1906 г. Но если согласно этим условиям, польская социал-демократия входила в РСДРП как территориальная организация, ведущая работу среди рабочих всех национальностей района ее деятельности и объединяющая в своем составе все партийные организации данного района[59], то в обстоятельствах, определявших деятельность групп СДКПиЛ, возникших в 1917 г., основной задачей польской социал-демократии в России являлась деятельность не в пределах особой территории, а работа среди всего польского населения России.

В соответствии с этим устав Московской группы СДКПиЛ определял, что ее основные задачи состоят в агитации среди польских рабочих масс в целях повышения их политического сознания и вовлечения в ряды РСДРП, в борьбе против буржуазного национализма и шовинизма, в поддержке русской революции. Уставом предусматривалось, что каждый член группы обязан входить в одну из организаций РСДРП и состоять в профессиональном союзе, что часть собираемых членских взносов группа передает РСДРП и что группа посылает своих представителей в Совет рабочих депутатов и другие рабочие организации.

Группа избрала Ф. Дзержинского и Ст. Будзыньского своими представителями в состав Московского комитета РСДРП(б), где они получили право совещательного голоса[60].

Секретарем Московской группы СДКПиЛ был избран Э. Прухняк; по линии общепартийной он являлся членом Лефортовско-Благушевского районного комитета большевистской партии[61]. Позднее представителем группы в Московском комитете РСДРП стал приехавший в мае 1917 г. в Москву член СДКПиЛ с 1905 г. Станислав Бобиньский. Превосходный организатор, яркий публицист, широко образованный человек, Ст. Бобиньский был доктором философии и дипломированным инженером; он принадлежал к числу наиболее известных

---

[59] «Протоколы Четвертого (Объединительного) съезда РСДРП». М., 1934, стр. 549.

[60] А. Хацкевич. Солдат великих боев. Минск, 1961, стр. 113.

[61] «Z pola walki», 1958, № 4, стр. 226.

деятелей СДКПиЛ, тесно связанных с Розой Люксембург, Яном Тышкой и Юлианом Мархлевским. Делегированный в Московский Совет рабочих депутатов, Ст. Бобиньский был избран в состав Исполнительного комитета Совета[62]. В состав Исполнительного комитета Совета почти с момента его создания входил и другой польский социал-демократ — Станислав Моравский[63]. Последний являлся, пожалуй, единственным польским социал-демократом, оказавшимся не в рядах большевиков, а меньшевиков-интернационалистов[64]. Ввиду своей позиции, Ст. Моравский никакой роли в деятельности польской социал-демократии в 1917 г. не играл. Лишь после Октября он вошел в РСДРП(б) (умер в Москве в 1963 г.).

Польская социал-демократия в России, как и одна из ее первых сформившихся групп — Московская группа СДКПиЛ, стояла на революционных и интернационалистских позициях.

5 (18) марта польские социал-демократы Москвы добились одобрения своей позиции на собрании в Польском доме. В этот день Польский дом — культурно-просветительный центр, находившийся до того в безраздельном распоряжении либеральных кругов польской буржуазии, связанных с левым крылом конституционно-демократической партии русской буржуазии и с так наз. трудовиками,— не видел еще такого скопления революционных элементов. Значительная часть собравшихся, отмечала польская буржуазная газета «Эхо Польске», вообще не смогла попасть в помещение.

Открывший митинг присяжный поверенный Н. Черлюнчакевич приветствовал революцию, произошедшую в России. Затем он отметил, что в польском общественно-политическом движении в России образовалось три направления: 1) направление, рекомендующее польской колонии в России соблюдать нейтралитет, так как «польские стремления» не имеют ничего общего с революцией в России; 2) направление, считающее обязанностью каждого поляка принять участие в революции при

---

[62] Там же, 1958, № 2, стр. 187—190, а также: ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 716, л. 14.

[63] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 717, л. 82.

[64] С. Моравский. В октябрьские дни в Москве.— «Пролетарская революция», 1922, № 6, стр. 178.

сохранении своих обособленных организаций; 3) направление, рекомендующее полякам в России влиться в ряды русского пролетариата, который поддержит стремление поляков к независимости[65].

В целом классификация основных политических направлений среди польского населения России, сделанная Черлюнчакевичем, вполне соответствовала положению вещей. 1) Крайне правые круги польской буржуазии и помещиков и представлявшие их интересы национал-демократическая партия, партия реальной политики и другие правые партии обнаружили стремление в максимальной мере использовать факт низвержения самодержавия в России в целях обеспечения своего господства в той Польше, которая может возникнуть в результате войны, и именно в целях упрочения своего классового господства они стремились под видом «нейтралитета» воспрепятствовать втягиванию широких кругов польских трудящихся в бурные политические события, охватившие Россию. 2) Часть польской буржуазии в России полагала, что необходимо способствовать упрочению в России буржуазной демократии, активно поддерживать Временное правительство и в сотрудничестве с ним создавать польские организации, которые, с одной стороны, должны предохранить польских трудящихся от экстремистских влияний, а с другой — послужат опорой при решении вопросов, способных вызвать споры между польской и русской буржуазией. Такого рода позицию занимало так называемое демократическое направление, сложившееся в многочисленные Польские демократические комитеты, возникшие весной 1917 г. в Петрограде, Москве, Киеве, Минске, Самаре и т. д. К этому направлению, сохраняя свои особые цели, примыкали деятели ППС-«фракции» в России, людовские деятели, значительная часть руководящих кругов ППС-левицы.

Третье направление складывалось и формировалось вокруг польской социал-демократии.

Выступивший на митинге 5 (18) марта Тадеуш Радваньский[66] подчеркнул, что русская революция еще не

[65] «Echo Polskie», 6(19).III 1917.

[66] Член СДКПиЛ с 1900 г., участник революции 1905—1907 гг. Т. Радваньский неоднократно подвергался преследованиям со стороны царизма. Арестованный в 1913 г., он был отправлен в Россию. После Февральской революции вернулся к политической деятельности, но в 1917 г. находился вне рядов СДКПиЛ.

окончена, так как повсюду еще остались следы царизма. Упрекая тех, кто призывал поляков выжидать развитие событий, он напомнил, что не в обычае поляков торговаться, когда речь идет о поддержке дела свободы. Поляки должны помогать революции, входить в милицию, в профсоюзы и т. д. Свержение царизма,— говорил Т. Радваньский,— отзовется громким эхом во всем мире, рухнет и трон Вильгельма, а российская революция гарантирует независимость объединенной Польши.

Центральное место на митинге заняло выступление Ф. Дзержинского. Предупредив о том, что буржуазия хотела бы передать власть новым деспотам, он предложил собравшимся принять резолюцию, утверждающую, что интересы пролетариата и всего польского народа полностью выражены революционным пролетариатом России. «Теперешние действия пролетариата России,— говорилось в тексте, зачитанном Ф. Дзержинским,— мы расцениваем как призыв к пролетариату всех воюющих стран свергнуть свои преступные правительства, закончить развязанную ими нынешнюю кровавую войну и установить всеобщее братство народов. Таким путем, на основе братского соглашения победивших народов, польский вопрос будет окончательно решен и польский народ, свободный и объединенный, примет участие в дальнейшей борьбе народов за установление социалистического строя».

Эта резолюция, одобренная подавляющим большинством присутствовавших, констатировала единство интересов польского и русского пролетариата и указывала, что целью борьбы должно быть братство народов, при котором Польша станет свободной и объединенной и повсеместно победит социализм. Ближайшими задачами провозглашались полное и беспощадное уничтожение всех остатков абсолютизма, немедленный созыв Учредительного собрания, установление демократической республики [67].

Политическая зрелость, проявленная польскими социал-демократами при первой же встрече с широкой аудиторией, которая еще не была свободна от воздействия велеречивых буржуазных ораторов, выступавших на митинге, говорила о последовательном противодействии, которое будет оказано стремлениям польской бур-

[67] «Echo Polskie», 6(19).III 1917.

жуазии отделить польские трудящиеся массы от борьбы вместе со всем пролетариатом России. Не случайно буржуазная печать в дальнейшем уже ни разу не помещала сколько-нибудь объективной информации о деятельности польских социал-демократов, широко освещая в то же время деятельность ППС-левицы, а особенно — ППС-«фракции».

С самого начала своей деятельности в массах польские социал-демократы выступили с развернутой критикой позиций националистических элементов[68]. Когда через несколько дней после митинга в Польском доме, 12 (25) марта, состоялась демонстрация московских трудящихся, в польской колонне, выступавшей под знаменами СДКПиЛ и ППС-левицы, собралось 6 тыс. человек[69]. Многочисленность этой колонны была весьма убедительным доказательством того, что в результате агитационной работы, развернутой Московской группой СДКПиЛ на предприятиях и в жилых кварталах Москвы, широкие круги польских трудящихся становились в общие ряды российского революционного движения.

В первой половине марта группа выпустила листовку — обращение на польском языке, в которой призывала польских рабочих в России поддержать русских рабочих в начатой ими борьбе за социализм, за мир на основе принципа свободы и братства всех народов. В листовке указывалось, что буржуазное Временное правительство, если дать ему возможность управлять по-своему и ослабить бдительность рабочего класса, скоро вернуло бы прежнее рабство.

Точно и ясно определив политические задачи польских рабочих в России, провозгласив полное единство их классовых интересов с интересами русского пролетариата, обращение выдвигало требование борьбы за «независимую Польшу в содружестве свободных народов Европы». Нам, польским рабочим, указывалось в листовке, «независимость и объединение нации необходимо вдвойне — и как свобода, и как условие, обеспечивающее борьбу с национализмом».

Если интернационализм, революционность и патриотизм являлись неотъемлемыми качествами польской со-

[68] «Trybuna», 10(23).VI 1917.
[69] Там же.

циал-демократии, то идея государственной независимости Польши на основе принципов, соответствующих ленинскому положению о праве наций на самоопределение, не разделялась СДКПиЛ. И именно эта идея нашла отражение в одном из первых документов Московской группы польской социал-демократии. К сожалению, как эта группа, так и вся СДКПиЛ и в Польше, и в России, являясь самым страстным, самым последовательным борцом за свободу польского народа, в своей пропагандистской деятельности, в своей политической работе недооценивала значения национальной и государственной независимости. Справедливо связывая дело национальной независимости с задачей социального освобождения пролетариата, победы социалистической революции в России, в Польше и в других странах Европы, польские социал-демократы в своей борьбе против буржуазного национализма доходили до игнорирования национальных интересов пролетариата, принижали значение национального вопроса. В этом отношении первая листовка Московской группы СДКПиЛ оказалась явлением исключительного порядка.

В этой же листовке подтверждалось единство интересов пролетариев России и Польши, а также говорилось о великом международном значении русской революции, о том, что она принесет освобождение пролетариату и Германии, и Австрии, и всей Европы и возродит пролетарский Интернационал [70].

В связи с тем, что Московская группа СДКПиЛ рассматривала себя как составную часть СДКПиЛ и РСДРП, при МК было открыто Бюро польской социал-демократии. Вскоре Ф. Дзержинский был избран в Исполнительный комитет Московского Совета рабочих депутатов [71].

1 (14) апреля газета московских большевиков «Социал-демократ» опубликовала резолюцию Московской группы СДКПиЛ об отношении к РСДРП и задачах польской социал-демократии [72].

---

[70] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 22—24.

[71] «Социал-демократ», 16(29).IV 1917.

[72] В «Социал-демократе» 1(14).IV 1917 г. этот документ был опубликован как резолюция конференции Московской группы СДКПиЛ, состоявшейся 26 марта; «Трыбуна» 10(23) июня воспро-

В этом документе указывалось, что СДКПиЛ считает РСДРП единственной выразительницей интересов всех находящихся в России рабочих без различия национальностей и их идейной и организационной руководительницей как в борьбе за полную демократизацию России и введение 8-часового рабочего дня, так и в борьбе за ликвидацию войны путем согласованных действий организованных рабочих всех стран для ниспровержения во всей Европе империалистических правительств и установления всеобщей демократии и всеобщего равенства и братства всех народов, в том числе и польского.

Считая единство социал-демократического движения на территории России абсолютно необходимым и выступая против разделения пролетарской партии по национальному принципу, документ сообщал о вступлении членов СДКПиЛ в ряды РСДРП, в ряды ее революционной части, т. е. партии большевиков. Вместе с тем резолюция указывала, что согласно позиции СДКПиЛ члены группы будут стремиться к восстановлению организационного единства РСДРП. Хотя несомненно, что в этой части резолюции сказалось в известной мере влияние «объединительских» настроений, характерно, что самое восстановление единства РСДРП польские социал-демократы мыслили только на революционной основе.

В резолюции специально указывалось на наличие у членов СДКПиЛ особых национальных задач, обусловленных тем, что они являются представителями польского рабочего класса. «Вступая в ряды РСДРП, в ее заводские, районные и др. организации в качестве ее рядовых отдельных членов, мы,— говорилось в резолюции,— вместе с тем, имея в виду связь политическую и моральную с нашей партией СДКПиЛ в Польше, наше в большинстве случаев временное пребывание в Москве и в России вообще, а также в целях более планомерной и успешной агитации среди широких масс польских рабочих, более тесного сплочения и использо-

---

извела этот документ как декларацию, выработанную Московским комитетом (т. е. Исполнительным бюро Московской группы СДКПиЛ). См. также: «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия». М., 1957, стр. 196—197.

вания их в целях революции, а также для успешной борьбы с польским воинствующим и реакционным национализмом мы образуем отдельную группу рабочих (группу СДКПиЛ) в Москве, которая является составной частью РСДРП».

На следующий день, 2 (15) апреля, Московская группа СДКПиЛ опубликовала в «Социал-демократе» обращение «Ко всем русским рабочим», в котором выразила свое отношение к империалистической войне и к задачам текущего момента. В этом обстоятельном документе напоминалось о том, что польские рабочие, объединенные под знаменем СДКПиЛ, были и раньше вместе со своими товарищами и братьями — русскими рабочими.

«Русский рабочий класс,— говорилось далее в обращении,— первый обратился и к нашему польскому народу, столь долго томимому в общих с русским и в общих с германским народами цепях, неся нам свободу и братство для общей борьбы за счастье всех народов». Призывая сплотиться весь многомиллионный трудящийся люд России под знаменами русского пролетариата, на которых начертано: «Мир без завоеваний и контрибуций! Свобода и братство всем народам!», Московская группа СДКПиЛ указывала, что на основе международной солидарности пролетариат добьется победы революции и переустройства Европы и всего мира на новых началах. В развернувшейся борьбе польские рабочие будут вместе с русскими рабочими, вместе с германским пролетариатом, который только ждет возможности сбросить своих кровожадных правителей. Пролетариям всех стран надо теснее, чем когда-либо, сплотиться, выработать общие ближайшие цели и задачи и общее организационное руководство.

Обращение Московской группы СДКПиЛ, свидетельствовавшее о том, что она в целом стояла на большевистских позициях в отношении оценки основных задач пролетариата, заканчивалось здравицей в честь РСДРП[73].

Члены Московской группы СДКПиЛ входили в секции (группы), создававшиеся при районных партийных организациях большевиков. Такие секции работали в

---

[73] «Социал-демократ», 2(15).IV 1917.

Лефортовском, Замоскворецком, Рогожско-Симоновском, Таганском и других районах города. Члены СДКПиЛ — железнодорожники составляли особую партийную группу (секцию)[74]. Работе среди эвакуированных польских железнодорожников большое внимание уделял Ф. Дзержинский. Он добивался демократизации комитетов железнодорожников, отзыва из Московского Совета депутатов от железнодорожников, не отражавших интересов трудящихся, сплочения всех эвакуированных железнодорожников в революционном союзе[75].

Польские социал-демократы в Москве деятельно выступали в рядах революционного московского пролетариата.

Огромное значение для дальнейшего развертывания революционного движения в России, в том числе для развития польской социал-демократии, имело возвращение в апреле из эмиграции В. И. Ленина.

4

Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию и польские социал-демократы

Самое возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию произошло при непосредственной помощи ряда деятелей польской социал-демократии.

Меры по скорейшему возвращению на родину В. И. Ленин стал принимать немедленно по получении 2 (15) марта 1917 г. сведений о низвержении царизма. Так как сразу же стало ясно, что для получения разрешения на проезд в Россию придется затратить огромные усилия и уйму времени, то В. И. Ленин, для того чтобы поскорее оказаться там, где разворачивались решающие классовые бои, и непосредственно принять участие в руководстве борьбой большевистской партии за осуществление его плана перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую,

[74] «Trybuna», 10(23).VI 1917.
[75] ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1137, л. 1; д. 1097, лл. 1—4.

в одной из конспиративных записок выдвинул план нелегального приезда в Россию под видом глухонемого шведа. Эта записка была направлена Якубу Фюрстенбергу (Ганецкому), члену СДКПиЛ с 1896 г., участнику II и IV съездов РСДРП, избранному на V съезде РСДРП в состав ЦК партии.

Я. Ганецкий стал близким другом В. И. Ленина со времени их совместного проживания в Кракове и Поронине в 1912—1914 гг. Исключительно энергично действовал Я. Ганецкий в защиту В. И. Ленина после того, как Ленин был арестован австрийской полицией в начале первой мировой войны[76]. Во время войны Я. Ганецкий неоднократно встречался с В. И. Лениным; он разделял и пропагандировал позицию В. И. Ленина по вопросам войны и мира[77].

«Прочтя записку,— вспоминал несколько лет спустя Я. Ганецкий о впечатлении, которое на него произвела записка В. И. Ленина о переезде в Россию под видом глухонемого,— я почувствовал, как томится Владимир Ильич...». План, предложенный В. И. Лениным, был признан неприемлемым. Присланную В. И. Лениным фотографию для паспорта Я. Ганецкий сумел опубликовать в шведской газете «Политикен»; под фотографией была помещена посвященная В. И. Ленину статья «Вождь русской революции», написанная В. В. Воровским[78].

9 (22) марта В. И. Ленин обратился к Я. Ганецкому, приехавшему в Христианию для встречи с А. М. Коллонтай, с просьбой проконтролировать пересылку в Петроград через А. М. Коллонтай двух его писем со статьями для «Правды»,— речь шла о двух первых «Письмах из далека». В том же письме В. И. Ленин просил Я. Ганецкого посылать ему «Правду»[79].

Еще 6 (19) марта 1917 г. в Швейцарии состоялось совещание представителей как всех русских, так и польских партий, примыкавших к Циммервальдскому объединению. На совещании обсуждался ряд планов возвращения эмигрантов в Россию, в том числе план Ю. Мартова о возможности приезда из Швейцарии в

---

[76] Н. К. Крупская. Указ. соч., стр. 224—225.

[77] R. Jermolajewa. Jakub Hanecki.— «Z pola walki», 1962, N 2(18), str. 187—188.

[78] «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I. М., 1956, стр. 487.

[79] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 407.

Россию через Германию и Стокгольм на основе обмена русских политических эмигрантов на соответствующее число интернированных в России германцев и австрийцев. Всеми участниками совещания план Ю. Мартова был признан наиболее благоприятным и приемлемым[80]. В. И. Ленин одобрительно отнесся к этому плану[81]. Но Временное правительство, содействуя возвращению в Россию лидеров эмигрантов-оборонцев, стремилось воспрепятствовать возвращению интернационалистов, а особенно В. И. Ленина. Временное правительство не давало ответа на сделанные ему соответствующие представления[82] о планах возвращения интернационалистов.

Я. Ганецкий со своей стороны выдвинул целый ряд предложений и проектов проезда В. И. Ленина из Швейцарии в Россию[83], сообщая их как в Бюро ЦК большевистской партии в Петроград, так и самому В. И. Ленину. Видимо, на одно из таких предложений последовала ответная телеграмма В. И. Ленина Я. Ганецкому 17 (30) марта: «Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует. Милюков надует. Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев»[84].

В тот же день В. И. Ленин отправил Я. Ганецкому обширное письмо, в котором от всей души благодарил его за хлопоты и помощь и излагал свои взгляды на положение в России, роль отдельных партий и групп, на империалистический характер войны и задачи рабочего класса. В. И. Ленин просил передать все его взгляды в Питер, в «Правду». «Лучше всего бы было,— писал он,— если бы поехал надежный, умный парень, вроде Кубы [Куба — уменьшительное от Якуб, т. е. от имени Фюрстенберга — Ганецкого.— *А. М.*] (он оказал бы великую услугу всему всемирному рабочему движению) и помог бы питерским нашим друзьям!!»[85].

Я. Ганецкий, как он сообщал 24 марта (6 апреля) в письме Бюро ЦК большевиков, был готов к выезду,

---

[80] «Ленинский сборник», II. М., 1924, стр. 385.
[81] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 406.
[82] Там же, т. 31, стр. 120.
[83] «Ленинский сборник», II, стр. 449.
[84] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 418.
[85] Там же, стр. 423.

«но должен ждать пока не выяснится вопрос с Ильичем»[86]. Я. Ганецкий, считал, что проведение плана об обмене В. И. Ленина и других эмигрантов на интернированных в России продлится очень долго. Это, естественно, расходилось как со стремлением В. И. Ленина, так и с потребностями российской революции, в соответствии с которыми ЦК партии большевиков решил, что приезд В. И. Ленина необходим и что он может быть осуществлен и через Германию, если при этом не будет опасности быть задержанным.

Во все это исключительно сложное время ответственных решений и затрудненных связей Я. Ганецкий играл очень важную роль посредника между В. И. Лениным и ЦК партии. Связные ЦК добирались до Стокгольма, а из Стокгольма Я. Ганецкий отправлял важнейшие материалы как В. И. Ленину, так и от Ленина для ЦК большевистской партии, посылал он материалы и для своих польских товарищей в Петрограде[87].

В. И. Ленин в Цюрихе руководил переговорами представителей заграничных большевистских групп с видными деятелями ППС-левицы Феликсом Коном и Генриком Валецким, а также с меньшевиком А. С. Мартыновым по вопросу об отъезде польских политических эмигрантов и меньшевиков через Германию с первой группой отъезжавших[88]. Но так как деятели ППС-левицы все еще считали возможным ждать от Временного правительства действий, облегчающих приезд интернационалистов в Россию, то тем самым они оказались вне группы, сплотившейся вокруг В. И. Ленина. Правда, в эту группу вошла дочь Феликса Кона — Елена, приехавшая через Германию вместе с В. И. Лениным в Россию.

Тем временем при помощи ряда иностранных товарищей, в первую очередь — швейцарского левого социал-демократа Фрица Платтена, были подготовлены условия для переезда В. И. Ленина и других эмигрантов-интернационалистов из Швейцарии в Россию через Германию и Швецию[89]. Группа интернационалистов различных

---

[86] «Ленинский сборник», II, стр. 460.

[87] Там же, стр. 449, 459—460.

[88] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 640.

[89] Подробнее см.: А. В. Лукашев. Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г.— «История СССР», 1963, № 5, и: А. Иванов. Фриц Платтен. М., 1963, стр. 35—51.

стран подписала совместное заявление, в котором указала, что русские товарищи обязаны использовать предлагаемую им возможность возвращения в Россию[90].

От польских социал-демократов заявление подписал Мечислав Варшавский (Броньский). Член СДКПиЛ с 1902 г., он был связан партийной работой с Ю. Мархлевским, А. Варским, Я. Тышкой, а также с Ф. Дзержинским, Я. Ганецким и другими видными деятелями СДКПиЛ. М. Броньский еще в 1900 г. в Мюнхене начал сотрудничать с деятелями русского революционного движения. Во время революции 1905—1907 гг. он вел партийную работу в Варшаве, был членом Ченстоховского, а затем Домбровского комитетов СДКПиЛ. Царские власти несколько раз арестовывали М. Броньского; в 1907 г. он эмигрировал в Швейцарию, состоял в местной социал-демократической партии и был секретарем группы СДКПиЛ. Как председатель социал-демократической организации иностранных рабочих, входивших в состав швейцарской социал-демократии, М. Броньский способствовал радикализации последней. Последовательный интернационалист, он примкнул в 1915 г. к Циммервальдской левой[91]. В 1914—1918 гг. он был членом Заграничного комитета СДКПиЛ[92]; в 1916 г. участвовал в Кинтальской конференции. Именно М. Броньский первым сообщил В. И. Ленину о Февральской революции[93]. М. Броньский вскоре после отъезда В. И. Ленина также отправился в Петроград и целиком отдался делу пролетарской революции[94].

Деньги, необходимые для поездки группы с участием В. И. Ленина из Швейцарии в Россию, частично сумели достать Я. Ганецкий и другие товарищи, находившиеся в столице Швеции. В письме В. А. Карпинскому, написанном 20 марта (2 апреля) 1917 г., В. И. Ленин писал: «Денег на поездку мы надеемся собрать **человек**

[90] «Ленинский сборник», II, стр. 392—393.

[91] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 254, лл. 3—5.

[92] «Z pola walki», 1958, № 4, стр. 221. Сообщаемые здесь же сведения о том, что М. Броньский был одно время членом Лодзинского и Люблинского комитетов СДКПиЛ, не подтверждаются другими источниками.

[93] Н. К. Крупская. Указ. соч., стр. 271—272.

[94] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 254, л. 5, а также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 593.

на 12, ибо нам очень помогли товарищи в Стокгольме»[95].

Я. Ганецкий организовал встречу В. И. Ленина 30 марта (12 апреля) в шведском порту Троллеборг. По дороге в Стокгольм в вагоне поезда В. И. Ленин беседовал с Я. Ганецким и другими товарищами о предстоящей работе в России. «Владимир Ильич указывал на необходимость оставления за границей партийной ячейки для сношения между партией в России и внешним миром...» В состав Заграничного Бюро ЦК РСДРП были тогда же намечены Я. Ганецкий, выехавший из Швейцарии вместе с В. И. Лениным К. Радек и находившийся в Стокгольме видный деятель большевистской партии В. В. Воровский[96].

Чтобы не возвращаться к этому вопросу, можно отметить, что Я. Ганецкий оставался в составе Заграничного Бюро ЦК РСДРП до приезда в Россию, состоявшегося уже после Октябрьской революции. Заграничное Бюро ЦК вело большую работу по разъяснению за рубежами России линии большевистской партии и с этой целью издавало на русском и французском языках «Русский бюллетень „Правды“», а также «Вестник русской революции».

В Стокгольме в состав группы В. И. Ленина вошел и вместе с нею приехал в Петроград Александр Гранас (Вронский), лично знакомый В. И. Ленину со времен проживания в Кракове. Член СДКПиЛ с 1905 г., многолетний узник царизма, бежавший в 1912 г. из ссылки, А. Гранас жил затем преимущественно в эмиграции. Работая в годы войны в Копенгагене в Датском Красном Кресте, он содействовал распространению среди русских военнопленных в Германии большевистской литературы, поступавшей к нему из Швейцарии. После Февральской революции А. Гранас переехал в Стокгольм, где дожидался приезда В. И. Ленина[97].

Участие Я. Ганецкого, М. Броньского и других польских деятелей в организации возвращения В. И. Ленина из эмиграции в Россию представляет интерес не только в плане личных связей этих товарищей с В. И. Лениным и партией большевиков, а главное, как выражение

[95] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 426.
[96] «Воспоминания о Ленине», т. I, стр. 562.
[97] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 417, лл. 3—6.

политической линии СДКПиЛ, ее единства с русским революционным движением.

Это единство проявлялось и в том, что среди многих тысяч питерских рабочих и солдат, встречавших В. И. Ленина на площади Финляндского вокзала, его восторженно приветствовали рабочие и солдаты-поляки. После выступления с броневика на привокзальной площади В. И. Ленин направился в бывший дворец Кшесинской, где помещались руководящие партийные организации. С балкона помещения Петербургского комитета РСДРП(б) В. И. Ленин тогда же несколько раз выступал перед демонстрацией рабочих и солдат. После одного из выступлений произошло еще одно знаменательное событие: «Его приветствует тут уже польская делегация рабочих с.-д., присоединившая свое знамя к знамени революционной с.-д.»[98]. Эти скупые, остававшиеся до сих пор незамеченными строки газетного отчета, ярко отражают боевое единство СДКПиЛ с партией большевиков, с В. И. Лениным.

5

Ленинский курс на социалистическую революцию и польская социал-демократия

Уже в первом своем публичном выступлении по приезде в Россию, — в речи, произнесенной на площади Финляндского вокзала, — В. И. Ленин призвал массы к борьбе за победу социалистической революции.

В знаменитых «Апрельских тезисах», в докладе на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г., в статье «О задачах пролетариата в данной революции» и в других выступлениях и статьях В. И. Ленина содержался анализ своеобразного положения, сложившегося в России после Февральской революции, и был выдвинут научно обоснованный план пе-

---

[98] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 5(18).IV 1917.

рехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

Видя в переходе всей полноты власти к Советам, в социалистической революции единственное условие решения коренных задач освобождения рабочего класса, всех трудящихся и угнетенных от социального и национального гнета, от угрозы полного закабаления России иностранным капиталом, В. И. Ленин указывал на особую необходимость изоляции соглашательских партий от масс и на возможность мирного перехода власти в руки пролетариата и крестьянства, мирного установления Республики Советов.

В духе этой ленинской платформы большевистские организации проводили подготовку к первому в истории России легальному празднованию дня международной солидарности трудящихся — 1 Мая, которое отмечалось в России в 1917 г. 18 апреля по старому стилю.

Празднование 1 Мая проходило в боевой обстановке усиливавшихся классовых боев, вызванных антинародной политикой Временного правительства и соглашательской политикой меньшевистско-эсеровского большинства Советов рабочих и солдатских депутатов. Развертывалась борьба крестьян за землю, началось братание на фронтах. Становилась все более очевидной роль большевистской партии, как единственно последовательной революционной партии рабочего класса.

В Москве еще 9(22) апреля в юридической аудитории Московского университета состоялся митинг польских рабочих, созванный Московской группой СДКПиЛ в связи с подготовкой празднования 1 Мая. Участники митинга, числом до 500 человек, решили приложить все усилия к тому, чтобы на первомайскую демонстрацию вышли все находящиеся в Москве польские рабочие. День 1 Мая, говорилось в принятой собравшимися резолюции, «должен еще раз показать неразрывное единство не только польского и русского пролетариата, но и пролетариата всего мира в его международной революционной борьбе за мир и братство народов... за диктатуру международного пролетариата... за социализм»[99].

Ко дню 1 Мая Петроградская группа СДКПиЛ выпустила отпечатанную в типографии листовку на польском и русском языках. В листовке отмечалось большое

[99] «Социал-демократ», 16(29).IV 1917.

значение происшедшей в России революции, которая «отзовется в других воюющих государствах...» Петроградская группа призывала польских рабочих идти под знаменем революционного пролетариата, под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии[100].

18 апреля (1 мая) польские социал-демократы Петрограда собрались на Выборгской стороне и под своими знаменами с надписью на русском и польском языках: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Социал-Демократия Польши и Литвы», с революционными призывами на плакатах присоединились к шествию, организованному ЦК и Петербургским комитетом большевиков. Колонна, пишет участник событий, прошла на Марсово поле и остановилась у трибуны, где проходил митинг рабочих завода «Новый Лесснер». Представитель польских рабочих выступил с речью перед русскими и польскими товарищами. К этому времени у трибуны остановилась еще одна группа польских рабочих — железнодорожники, эвакуированные с Варшавско-Венской железной дороги. Вслед за тем, пишут большевистские газеты, «на трибуне появился т. Ленин, встреченный восторженно всеми присутствующими. После митинга лесснеровцев состоялся польский митинг. Говорившие товарищи свидетельствовали о совместной борьбе польских и русских рабочих. Затем польские рабочие и железнодорожники направились со знаменами ко дворцу Кшесинской, где помещаются Петербургский и Центральный Комитеты нашей партии, поставили там знамя польской социал-демократии...»[101] Этот акт убедительно символизировал боевой союз большевистской партии и польской социал-демократии.

О первомайском митинге на Марсовом поле сообщала и заметка в журнале «Промень». Автор этой заметки, подписанной «З. Ф.» (возможно, Зб. Фаберкевич), пишет о кульминационном моменте демонстрации: «На трибуне появился идейный вождь русского пролетариата в его революционной борьбе — товарищ Ленин, которого с энтузиазмом приветствовали и внимательно слушали все присутствующие. Тут-то можно было себе

---

[100] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 436, л. 1.

[101] «Правда», 22.IV (5.V) 1917; «Солдатская правда». Газета Военной организации при Петербургской организации РСДРП, 25.IV (8.V) 1917.

представить, чем является тов. Ленин для русских рабочих, и тут-то можно было понять, отчего его так ненавидит вся русская и международная буржуазия»[102].

Первомайские выступления продемонстрировали единство передовой части польских трудящихся в России со всем российским революционным движением.

Всю свою работу Петроградская группа СДКПиЛ проводила согласованно с деятельностью петроградской организации большевиков. В апреле группа включилась в кампанию по выборам в районные думы, призывая трудящихся повсеместно голосовать против соглашателей и открытых представителей буржуазии. «Если хотим совместно с пролетариатом России защищаться от голода и безработицы, то мы должны помочь ему получить большинство в думах»,— заявляла Петроградская группа СДКПиЛ; она указывала, что следует вести агитацию как среди польских, так и среди русских рабочих в поддержку революционной социал-демократии[103].

О неразрывном единстве интересов польских народных масс и дела русской революции писал в «Правде» 26 апреля (9 мая) Юлиан Лещиньский.

В своей статье «Польша и революция» Ю. Лещиньский (Ю. Ленский) подчеркнул, что русская революция пошатнула устои реакции в оккупированной Австро-Венгрией и Германией Польше и вызвала там открытое движение антиимпериалистического характера. Во главе этого движения, несмотря на все преследования, идут польские социал-демократы — интернационалисты. Только они вели борьбу против отечественного милитаризма, включая Пилсудского и ППС-«фракцию», и милитаризма всех стран. Под влиянием русской революции, деятельности польской социал-демократии и под напором своих рядовых членов «даже социал-патриотическая ППС заговорила уже более русским, чем польским, языком в своих листовках, обсуждая за последнее время вопрос о радикальном изменении своей тактики...» Русская революция, указывал Ю. Лещиньский, подтвердила правильность позиции польской социал-демократии. «Начинается первый акт международной революции, с которой неразрывно связано освобождение Польши. В тисках германского милитаризма разбитый, нищенствующий

---

[102] «Promień», 1(14).V 1917.
[103] «Trybuna», 3(16).VI 1917.

теперь польский пролетариат собственными силами не в состоянии сбросить с себя политическое и экономическое иго. Победа его связана с международным движением рабочего класса. В этой плоскости польская с.-д. рассматривает свои освободительные задачи, выступая в первых рядах революционного Интернационала»[104].

Статья Ю. Лещиньского свидетельствовала о политической зрелости польской социал-демократии в России, восприятии ею ленинского курса на социалистическую революцию. В этой статье польская социал-демократия предстает во всей силе свойственных ей пролетарского интернационализма и патриотизма; дело международной революции было для нее неразрывно связано с задачами борьбы за социальное и национальное освобождение Польши[105].

На партийных конференциях в апреле 1917 г. представители СДКПиЛ полностью поддерживали выработанную В. И. Лениным политическую линию большевистской партии.

Раньше других, 3—4 (16—17) апреля, проходила Московская общегородская конференция большевиков. На этой конференции Московская группа СДКПиЛ была представлена двумя депутатами с правом решающего голоса[106].

Опубликование в «Правде» 7(20) апреля статьи В. И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции»[107], перепечатанной вслед за тем большевистскими газетами всей страны, явилось причиной созыва второй Московской общегородской конференции большевиков. На этой конференции, состоявшейся 15 (28) апреля, Ф. Дзержинский был избран в состав президиума. Конференция избрала его делегатом на Московскую областную и на Всероссийскую конференцию большевиков[108]. На Московской областной партийной конференции, проходившей 19—21 апреля (2—4 мая), Ф. Дзержинский, избранный как представитель группы СДКПиЛ в президиум конференции, выступил с приветственной речью от

---

104 «Правда», 26.IV (9.V) 1917.

105 Статья Ю. Лещиньского, ввиду ее большого политического значения, была перепечатана в газете «Красноярский рабочий» (13(26).V 1917).

106 «Социал-демократ», 2(15).IV 1917.

107 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 113—118.

108 «Социал-демократ», 20.IV (3.V) 1917.

имени СДКПиЛ. «Мы желаем вам,— говорил он,— успеха... над укреплением III Интернационала, желаем от победы над империализмом прийти к введению социализма»[109].

На заседаниях Петроградской общегородской конференции большевиков, проходившей 14—22 апреля (27 апреля — 5 мая) 1917 г., среди 57 делегатов были представители национальных организаций революционных социал-демократов: польских, финских, эстонских, латышских и литовских. С. Я. Багдатьев и некоторые другие делегаты конференции, исходя из своих доктринерских позиций, подняли вопрос о правомерности существования национальных организаций; они несправедливо утверждали, будто наличие национальных социал-демократических организаций отражает бундовскую точку зрения на построение партии. Представитель Петроградской группы СДКПиЛ на конференции Ю. Уншлихт протестовал против того, что его точку зрения, сводившуюся к необходимости сохранения польской национальной организации ввиду наличия специальных вопросов, стоящих перед поляками, считают бундовской[110].

С разъяснением необходимости существования национальных социал-демократических организаций выступил на конференции видный деятель петроградской организации большевиков М. И. Калинин. «Сейчас все национальности имеют свои организации и посылают в ПК представителей, — говорил он. — Сложившиеся таким образом естественные отношения сейчас нет оснований ломать до будущего». Вопрос о национальных районах (секциях) конференция оставила открытым, признав, что окончательное разрешение его возможно лишь на всероссийской конференции[111].

Центральное место в работах Петроградской конференции, почетным председателем которой был избран В. И. Ленин, занимал вопрос «Задачи дня — текущий момент (в основе тезисы тов. Ленина)».

В своем докладе о текущем моменте В. И. Ленин развил положения, выдвинутые им в незадолго до того

---

[109] Там же, 30.IV (13.V) 1917 и «Пролетарская революция», № 10(93), 1929, стр. 135.

[110] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы». М., 1958, стр. 31 и 33.

[111] Там же, стр. 33.

изложенных и опубликованных 7(20) апреля в газете «Правда» тезисах «О задачах пролетариата в данной революции». В тезисах и в ряде последующих выступлений, в том числе в докладе на Петроградской конференции большевиков, В. И. Ленин проанализировал своеобразие текущего момента в России, состоявшего «*в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»[112].

В «Апрельских тезисах», в докладе на Петроградской общегородской конференции большевиков В. И. Ленин дал партии, рабочему классу и всем трудящимся ясные и исчерпывающие ответы на все вопросы, выдвинутые развитием революции в России, — о войне, об отношении к Временному правительству, о двоевластии, о переходе от парламентской республики к Республике Советов, об экономической программе переходного периода, о партийном строительстве, о создании нового, III Коммунистического Интернационала.

Петроградская конференция подавляющим большинством голосов одобрила исторические ленинские предложения.

Хотя между опубликованием «Апрельских тезисов» и развивавшим их докладом В. И. Ленина на Петроградской общегородской конференции прошла неделя, не все деятели большевистской партии и не все польские социал-демократы успели понять и усвоить глубочайший новый стратегический план, новые стратегические и тактические лозунги, выдвинутые В. И. Лениным. Так, из письма, направленного 17 (30) апреля в Москву Ю. Уншлихтом, являвшимся единственным членом СДКПиЛ — делегатом Петроградской конференции, следует, что первоначально и он не понял всего исторического значения ленинского анализа обстановки и вытекающих из нее революционных задач[113].

Работа Петроградской конференции большевиков совпала с опубликованием ноты министра иностранных

---

[112] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 114.

[113] В письме товарищам Ю. Уншлихт писал, что многое в предложениях В. И. Ленина якобы не отвечает на вопросы текущего момента. См.: ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д 409, лл. 7—8.

дел Милюкова. В этой ноте заявлялось, что Временное правительство остается верным всем договорам, заключенным царским правительством с союзниками, и что оно будет вести и дальше войну, вплоть до победы. Нота Милюкова вызвала огромное возмущение народных масс России. Ввиду стихийно возникших демонстраций протеста, Временное правительство пошло на отставку Милюкова и Гучкова и предложило Петроградскому Совету ввести в правительство своих представителей.

Вместе со всей большевистской партией, СДКПиЛ решительно осуждала и разоблачала политику Гучкова — Милюкова. Резкая критика этой политики содержалась в выступлении Б. Мандельбаума на чрезвычайном заседании Петроградского Совета 20 апреля (3 мая) [114].

На экстренном заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета, обсуждавшем меньшевистско-эсеровское предложение об образовании коалиционного правительства из представителей буржуазно-помещичьих партий и представителей Советов, представитель СДКПиЛ М. Козловский 1 (14) мая голосовал вместе со всеми большевиками против участия представителей Советов в буржуазном Временном правительстве. Как и депутаты-большевики, он подписал заявление, подчеркивавшее, что спасение народов России состоит не в поддержке Временного правительства, а в переходе власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов [115].

В опубликованном в те же дни воззвании Петроградская группа СДКПиЛ подчеркивала, что «нынешняя война велась и до сих пор ведется в интересах империалистических клик. Освобождение народов воюющими правительствами является обманчивой фразой». Выражая свое отношение к развивавшимся крайне реакционными польскими буржуазно-националистическими кругами планам создания польского войска, группа СДКПиЛ указывала в этом воззвании, что планы националистов имеют целью продлить войну, отделить польского солдата от русского солдата, для того «чтобы они солидарно не выступили в последний бой против объединенного капитала Польши и России...» [116]

---

[114] «Promień», 6(19).V 1917.
[115] ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 7, д. 3, лл. 6—7.
[116] «Promień», 6(19).V 1917.

Единство СДКПиЛ с партией большевиков убедительно проявилось в поддержке, оказанной польскими социал-демократами ленинской линии на VII конференции большевистской партии. VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(большевиков), состоявшаяся 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г., завершила выработку и принятие партией новой ориентировки в условиях борьбы партии за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, определенный в «Апрельских тезисах» В. И. Ленина. В работе конференции участвовали 133 делегата с решающим и 18 с совещательным голосом. Делегатами Апрельской конференции от СДКПиЛ были Ст. Будзыньский (Московская группа), Ю. Лещиньский и Ю. Уншлихт (Петроградская группа). Кроме того, одним из делегатов от московской городской организации РСДРП(б) был Ф. Дзержинский [117].

В отношении польского вопроса в проекте резолюции, утвержденной затем конференцией, говорилось: «Что же касается до восстановления независимости Польши, то оно является обманом, как со стороны германо-австрийских капиталистов, так и со стороны русского Временного правительства, говорящего будто бы о „свободном" военном союзе Польши с Россией. Ибо для действительного определения воли народа всех аннексированных областей необходим вывод войск и свободный опрос населения. Только применение этой меры ко всей Польше (т. е. не только захваченной русскими, но и захваченной немцами и австрийцами) и ко всей Армении и т. д. было бы шагом к превращению правительственных обещаний в дело» [118].

Таким образом, Апрельская конференция партии большевиков указала, что подлинное освобождение Польши неразрывно связано с ее воссоединением, с предоставлением возможности свободно определить свою судьбу как населению польских земель, захваченных в прошлом царизмом, так и польских земель, находившихся под пятой германских и австрийских захватчиков. Такой путь разрешения польского вопроса, предложен-

---

[117] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы». Прилож. 20.

[118] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 373—374.

ный конференцией, отвечал самым глубоким чаяниям польского народа.

При обсуждении конференцией доклада И. В. Сталина по национальному вопросу польские социал-демократы обнаружили еще глубокую живучесть неправильного люксембургианского отношения к программному положению большевистской партии о признании права наций на самоопределение. Ст. Будзыньский отстаивал взгляды СДКПиЛ по национальному вопросу и выступал против ленинского положения о праве наций на самоопределение[119]. Исходя из правильного представления о тождественности интересов польского и русского пролетариата, Ф. Дзержинский, выступая в прениях по докладу, отметил лишь одну сторону развертывавшегося польского национально-освободительного движения и свел его к буржуазному сепаратизму. Само развитие этого движения он объяснял только тем, что «мелкая буржуазия, дворянство пробудились к государственной власти и требуют отделения от русской революции». Справедливо указывая на то, что националистические круги добиваются изоляции польского рабочего класса от русской революции, он переносил центр тяжести национального вопроса в экономическую область и утверждал, что «наша сила, сила рабочего класса, заключается в том, что наше хозяйственное целое объединяет весь мир, нас всех объединяет, уничтожает границы». Исходя из революционных побуждений, из стремления к борьбе с буржуазным национализмом и сепаратизмом, польские социал-демократы тем не менее подтвердили на Апрельской конференции свое глубоко ошибочное отношение к национальному вопросу, заявив: «Мы конкретно высказываемся против права наций на самоопределение»[120].

Как и ранее, начиная с 1903 г., В. И. Ленин неутомимо разъяснял польским социал-демократам ошибочность их позиции в национальном вопросе. С особым вниманием относясь к Ф. Дзержинскому, которого он знал с 1906 г. и революционную деятельность, убежденность, отвагу, самоотверженность которого В. И. Ленин высоко ценил, Владимир Ильич старался использовать каждую

---

[119] L. Dubacki. Stanisław Budzyński. Bibliografia.— «Z pola walki», 1958, N 3, str. 203—204. Сведений о выступлении Ст. Будзиньского в протоколах Апрельской конференции не имеется.

[120] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)», стр. 219—222.

возможность для преодоления ошибочных представлений в национальном вопросе, имевшихся у этого замечательного революционера. Даже во время перерыва между заседаниями конференции В. И. Ленин разъяснял ему нежизненность и теоретическую несостоятельность тех установок, которые развивала СДКПиЛ в польском вопросе. «Ф. Э. Дзержинский, будучи тогда связанным с Социал-демократией Польши и Литвы, не разделял точку зрения русских марксистов-большевиков о праве наций на самоопределение, — рассказывает участница Апрельской конференции В. Ф. Алексеева. — И вот в один из первых дней конференции, в перерыве, Владимир Ильич, взяв Феликса Эдмундовича под руку, стал доказывать ему ошибочность его позиции. Вокруг мигом собралась большая группа делегатов. Видя, что спор привлек много слушателей, Ленин повысил голос, стремясь, чтобы его доводы были слышны всем.

Усилия Ленина не пропали даром. В дальнейшем его резолюция по национальному вопросу, которому он придавал огромное значение, была принята на конференции подавляющим большинством голосов»[121].

В своей речи по национальному вопросу, произнесенной на конференции, В. И. Ленин с глубокой теплотой отметил громадную историческую заслугу польских социал-демократов, выдвинувших в Польше лозунг интернационализма, и в то же время он, как и в предыдущие годы, разъяснял польским товарищам односторонность их позиции и указывал, что «...надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения. Свобода соединения предполагает свободу отделения»[122]. Конференция приняла предложенную В. И. Лениным резолюцию по национальному вопросу, признававшую за всеми нациями, входившими в состав России, право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства.

Обращает на себя внимание, что если лидеры СДКПиЛ в России все еще отказывались изменить свою позицию в национальном вопросе, то в повседневной своей деятельности группы польской социал-демократии

---

[121] «Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве». М., 1957, стр. 41—42.

[122] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 433—434.

отходили от ошибочной доктрины и нередко приближались к ленинской постановке национального вопроса. Об этом говорило, в частности, содержание упоминавшегося выше обращения Московской группы СДКПиЛ к польским рабочим в России. Этот документ не оставлял сомнений в том, что в постановке практических задач, связанных с решением национального вопроса, отдельные группы польских социал-демократов стояли уже на ленинских позициях, тогда как при теоретическом рассмотрении этого и некоторых других вопросов СДКПиЛ придерживалась еще своих старых ошибочных взглядов.

По другим коренным вопросам русской революции и международного рабочего движения — об отношении к Временному правительству, переходе власти к Советам, об отношении к войне, о пересмотре партийной программы, по вопросу о создании нового, III Интернационала и др. — польские социал-демократы полностью поддерживали ленинский курс большевистской партии, направленный на подготовку нового, социалистического этапа революции.

Это единство проявилось и в том, что при выборах в ЦК партии была выдвинута и кандидатура Ф. Дзержинского. Но он снял свою кандидатуру, так как недавно вышел из тюрьмы, был болен и не чувствовал себя годным для той интенсивной работы, которая предстояла членам Центрального Комитета [123].

Полное единство польских социал-демократов с большевиками по всем решающим вопросам нашло свое подтверждение и при обсуждении ставшего злободневным именно в дни Апрельской конференции предложения о созыве международной конференции социалистов воюющих и нейтральных стран. Первоначально меньшевистско-эсеровское большинство Исполнительного комитета Петроградского Совета предлагало, чтобы Исполком взял на себя инициативу созыва такой конференции. Затем социал-патриотическое большинство социал-демократических партий скандинавских стран в лице Объединенного комитета рабочих партий Дании, Норвегии и Швеции предложило социалистическим партиям России принять участие в конференции по вопросу заключения мира, которую намечалось созвать в Стокгольме в

[123] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)...», стр. 207—208.

мае 1917 г. Соответствующее предложение было официально изложено в докладе датского социалиста Ф. Боргбьерга на заседании Исполкома Петроградского Совета 23 апреля (6 мая) 1917 года.

Ф. Боргбьерг, по его собственному признанию, действовал в полном согласии с немецкой официальной социал-демократией. Выступая как прямой агент германской социал-демократии, он подготовлял созыв конференции, которая, как это указала Апрельская конференция, должна была явиться «комедией, прикрывающей происходящие за ее спиной сделки дипломатов, обменивающих одни аннексии на другие...»[124]

Инспирированное германским империализмом предложение Боргбьерга было отражением тенденции части правящих германских кругов закончить империалистическую войну империалистическим миром на основе сделки с империалистами других стран. Одной из разменных монет при этой сделке, как это вытекало из сообщенных Боргбьергом условий мира, должна была явиться Польша. Если судьбу российской части Польши имелось в виду сделать хотя бы предметом переговоров, то в отношении познаньских поляков речь могла идти на конференции лишь о предоставлении им культурно-национальной автономии, т. е. практически о сохранении их, не говоря уже о других западных и северных частях польского народа, под полным прусским господством.

Выступая в прениях на Апрельской конференции по вопросу о предложении Боргбьерга, Ф. Дзержинский поддержал позицию В. И. Ленина. Он заявил: «Если мы хотим держать курс на пролетарскую революцию, то мы не должны участвовать в этой дипломатической комедии». Затем он предложил пополнить проект документа об отношении к боргбьерговской затее оценкой поведения правительств Англии и Франции. Наконец, коснувшись вопроса о независимости Польши, он еще раз повторил ошибочные взгляды польской социал-демократии. «Нам не следует выдвигать национального вопроса, — говорил он, — ибо это отодвинет момент социальной революции. Я предложил бы поэтому вопрос о независимости Польши из резолюции вынуть»[125].

---

[124] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 373.

[125] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)...», стр. 119.

Видимо, Ф. Дзержинский не настаивал на своей позиции в польском вопросе, так как комиссия по выработке резолюции в связи с предложением Боргбьерга, в состав которой был избран и Ф. Дзержинский, предложила резолюцию, полностью отражавшую ленинскую позицию.

Разоблачив империалистический характер затеи Боргбьерга, Апрельская конференция подчеркнула в своей резолюции, что считает принципиально недопустимым участие РСДРП(б) на Стокгольмской конференции, «ибо наша задача — объединять не прямых или косвенных агентов различных империалистических правительств, а рабочих всех стран, революционно борющихся уже во время войны со своими империалистическими правительствами». Далее в резолюции специально разоблачалась политика обеих воюющих сторон в отношении Польши и, в частности, подчеркивалось, что польские области Германии «являются точно так же аннексией немецких капиталистов...» [126]

Пытаясь втянуть другие социалистические партии в подготовку Стокгольмской конференции, меньшевики предполагали на заседании Исполкома Петроградского Совета образовать комиссию по созыву конференции с включением в состав этой комиссии и представителя польской социал-демократии [127]. Но как и на Апрельской конференции, так и на заседании Исполкома Петроградского Совета 25 апреля (8 мая) польские социал-демократы полностью солидаризировались с большевиками [128].

Когда позднее, в июне 1917 г., меньшевистская делегация Петроградского Совета попыталась в Стокгольме втянуть в свои интриги польских социал-демократов, входивших в состав Заграничного Бюро ЦК РСДРП(б), то она натолкнулась на решительный отпор.

Как сообщал из Стокгольма своим коллегам в Петроград меньшевик В. Розанов, Я. Ганецкий, К. Радек, а также участвовавший в переговорах болгарский революционер Г. Кирков резко критиковали меньшевистско-эсеровское большинство Совета, указывая, что своими

---

[126] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 373.
[127] ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 308, л. 4.
[128] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 560—561.

действиями оно замедляет развитие революционного движения в Европе[129].

На Апрельской конференции рассматривался также вопрос об изменении программы партии, принятой на II съезде РСДРП в 1903 г. На заседании комиссии о пересмотре программы был рассмотрен также Устав партии. В тетради делегата конференции С. И. Петриковского после записей, относящихся к обсуждению в комиссии вопроса о партийной программе, имеются записи об обсуждении Устава. При этом сообщается, что комиссия, рассмотрев вопрос о национальных организациях, решила: «Национальные ячейки допускаются (если не говорят [по-русски]), входят на общих основаниях, создание учреждений под руководством центральных учреждений»[130].

Из этой скупой записи ясно, что конференция не только занималась вопросом о национальных организациях, поднятом еще на Петроградской общегородской конференции, но и признала правомерность их создания. Тем самым закреплялось существование в сложившихся условиях в составе РСДРП(б) особых национальных организаций (районов), в том числе — групп СДКПиЛ.

В соответствующем месте указывалось, что Бюро ЦК РСДРП(б) еще 15(28) марта 1917 г. решило привлечь к работе в Бюро представителя СДКПиЛ. Примерно через месяц, уже после того, как сложился ряд групп польской социал-демократии и определились более или менее единообразные взаимоотношения тесного сотрудничества их с местными партийными организациями, ЦК опять рассмотрел вопрос о СДКПиЛ. Сохранился черновой набросок протокола, написанного Е. Д. Стасовой, о заседании ЦК, проходившем 10(23) апреля. Запись пункта 7 гласит: «Польские социал-демократы, их принципы, газета на польском языке, может ли ЦК субсидировать. Всячески расположены, надо после конференции [вернуться к вопросу? — *А. М.*]»[131].

Самый тон этой весьма несовершенной секретарской записи, необычная эмоциональная ее окраска — «весьма расположены» — не оставляют сомнений в теплом, дру-

---

[129] ГАОРСС ЛО, ф. 7385, оп. 9, д. 309, лл. 7—8.

[130] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)...», стр. 367—368.

[131] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 7.

жеском отношении ЦК партии к польской социал-демократии и ее организациям в России. Так как Апрельская конференция, рассмотрев вопрос о национальных организациях, признала правомерность их существования, то Центральному Комитету после конференции не было нужды возвращаться в общем плане к взаимоотношениям с СДКПиЛ. Последующие обращения ЦК партии к вопросам, связанным с СДКПиЛ, уже касались только конкретных сторон ее деятельности в ходе общей совместной борьбы за победу социалистической революции.

Курс на социалистическую революцию, исключительно глубоко и всесторонне развитый В. И. Лениным на Апрельской конференции, вооружал партию величайшим достижением творческого марксизма, обогащал теорию и практику научного социализма. Польская социал-демократия вместе со всей партией большевиков восприняла ленинское положение и о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране. Участвуя в лице своих представителей в этой конференции, она получила идейно-политический заряд исключительной силы, сделавший ее в теоретическом отношении на голову выше, чем она была в предшествующую пору своего развития.

Отмечая, что на долю российского пролетариата выпала великая честь начать социалистическую революцию, В. И. Ленин напомнил, что движение и революция российского пролетариата «составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения...» [132] В свою очередь движение польской социал-демократии и всех польских интернационалистов в России являлось составной частью борьбы российского пролетариата за победу социалистической революции.

---

[132] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 341.

6

Возникновение и деятельность местных групп польской социал-демократии

В период работы Апрельской конференции, а особенно после того, как она определила направление революционного движения, в России продолжала расширяться организационная и идейно-политическая деятельность СДКПиЛ. 22 апреля (5 мая) Петроградская группа СДКПиЛ отметила годовщину рождения Карла Маркса открытым собранием. 26 апреля (9 мая) группа провела собрание, в порядке дня которого были доклад представителя группы в Совете рабочих и солдатских депутатов, вопрос об издании польской социал-демократической газеты, вопрос о созданной Временным правительством так называемой Ликвидационной комиссии по делам Королевства Польского и ряд других текущих вопросов[133].

Регулярно оповещая своих читателей о деятельности групп СДКПиЛ, печатая на своих страницах важнейшие их документы и информацию о проводившихся ими собраниях, митингах и т. д., большевистская печать — газеты «Правда», «Социал-демократ» и др. — оказывали весьма существенную помощь польской социал-демократии. Они способствовали установлению связей между отдельными группами, выработке ими общей линии поведения и т. д. Однако для польских трудящихся была необходима революционная газета на родном языке. Вопрос об издании такой газеты стал в первые же недели деятельности групп СДКПиЛ.

Петроградская группа СДКПиЛ приняла решение издавать польскую социал-демократическую газету. Информируя через «Правду» об этом своем намерении, группа призывала польских трудящихся жертвовать в фонд газеты, указывая, что рабочая пресса может существовать только на средства рабочих. Призыв нашел отклик, и в адрес Петроградской группы СДКПиЛ сра-

---

[133] «Правда», 26.IV (9.V) 1917.

зу же стали поступать средства от рабочих в фонд издания газеты [134].

Уже в конце апреля «Правда» с удовлетворением сообщала о том, что в ближайшем будущем в Петрограде начнется издание польской еженедельной социал-демократической газеты «Трыбуна» — органа Петроградской и Московской групп СДКПиЛ [135]. Вскоре «Правда» поместила приветствие подготовлявшейся еще к изданию «Трыбуне» от рабочих меднопрокатного и трубочного заводов, выразивших уверенность, что «Трыбуна» пойдет по тому же пути, что и «Правда», и сделавших взнос в фонд польской социал-демократической газеты [136].

В связи с ростом числа членов Петроградской группы СДКПиЛ, расширением ее деятельности созрела необходимость в создании самостоятельных партийных организаций в отдельных районах города. Так, «Правда» известила о проведении 11(24) мая собрания для создания районной организации СДКПиЛ при Василеостровском районе РСДРП [137], о проведении 11 мая организационного собрания польской секции при Московском районе РСДРП [138], затем в газете появилось извещение о времени работы бюро польских секций при Выборгском районе РСДРП [139], при Невском районном комитете РСДРП [140] и т. д.

Петроградская группа СДКПиЛ развернула значительную организационную и пропагандистскую работу также среди польских рабочих Кронштадта, Гатчины, Шлиссельбурга, Сестрорецка.

17 (30) апреля Ю. Уншлихт писал в Москву: «Вчера был в Кронштадте, пришло 100 человек, которые хотят записаться в нашу группу. Мы создаем организации при русских районных комитетах» [141]. 14 (27) мая в Шлиссельбурге А. Гранас выступил на собрании с докладом о положении в России и задачах СДКПиЛ. После собрания, участниками которого было около 100 поляков-рабочих, 23 человека вступило в тогда же организованную группу

[134] Там же, 13(26).IV 1917.
[135] Там же, 28.IV (11.V) 1917.
[136] Там же, 11(24).V 1917.
[137] Там же.
[138] Там же, 2(15).V 1917.
[139] Там же, 3(16).V 1917.
[140] Там же, 6(19).VI 1917.
[141] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, л. 7 .

СДКПиЛ[142]; в июне в группе уже состояло 50 человек[143]. Большую работу среди эвакуированных железнодорожников-поляков проводила Гатчинская группа СДКПиЛ[144]. Значительным было влияние польских интернационалистов в Сестрорецке, где находился крупнейший завод (ныне Сестрорецкий инструментальный завод им. С. П. Воскова). Об этом влиянии можно судить на основе того, что соединенное собрание Революционного комитета, Милиционной комиссии и Совета старост Сестрорецкого завода, приняв 8(21) марта решение создать единый Временный революционный комитет в составе 20 членов, предоставило три места польской революционной организации[145]. Начала налаживаться корреспондентская связь между Петроградской группой СДКПиЛ и группами польских социал-демократов, возникавшими во многих городах[146].

Польские революционеры развивали активную деятельность во многих городах Сибири, куда они в первую очередь попадали, возвращаясь из царской ссылки и каторги. Многие из них направлялись в Европейскую Россию, другие — надолго или навсегда связали свою судьбу с сибирскими революционными силами.

В Красноярске уже в первый состав Среднесибирского районного бюро РСДРП(б), избранный 25 марта (7 апреля) 1917 г., вошел Ф. Врублевский, член СДКПиЛ с 1904 г., осужденный в 1907 г. за революционную деятельность на каторгу и поселение в Сибири. В составе бюро Ф. Врублевский занимался организацией большевистской печати[147].

На 31 марта (13 апреля) Красноярский комитет РСДРП назначил собрание всех польских социал-демократов города[148]. В результате собрания была образована польская секция при местной организации РСДРП. Уже через несколько дней, 4(17) апреля, секция высту-

---

[142] «Trybuna», 3(16).VI 1917.
[143] Там же, 10(23).VI 1917.
[144] Там же.
[145] ГАОРСС ЛО, ф. 78, оп. 1, д. 1 а, л. 12.
[146] «Trybuna», 17(30).VI 1917.
[147] В. Сафронов. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962, стр. 157 и 716. О Ф. Врублевском см. также: «Документы героической борьбы». Красноярск, 1959, стр. 531.
[148] «Красноярский рабочий». Орган Красноярского комитета РСДРП. 30.III (12.IV) 1917.

пила с политической декларацией на митинге. Примерно $^{2}/_{3}$ из 300 человек присутствующих одобрили отрицательное отношение секции к Временному правительству и ее призыв участвовать в русской революции рука об руку с русской революционной демократией[149]. Польская секция участвовала в Западносибирской конференции РСДРП, состоявшейся 22—25 апреля (4—7 мая) в Красноярске[150].

Организации РСДРП в большинстве мест Сибири некоторое время носили объединенный характер, включая в свой состав и большевиков, и меньшевиков. Видимо, и польская секция РСДРП в Красноярске первоначально не имела четко выраженного политического лица. Но не может быть сомнений, что борьба большевиков против «объединенцев» находила поддержку среди польских революционных сил, складывавшихся в ленинское, правдистское направление. С большевиками, как это видно из сообщений местной печати, шла вперед не вся польская секция, а лишь польская группа правдистов, сложившаяся в составе секции[151].

2(15) мая 1917 г. польская секция Красноярской организации РСДРП опубликовала воззвание к солдатам-полякам, в котором разоблачала контрреволюционные замыслы польских националистов, связанные с планами создания особого польского войска и разжигания вражды между народами[152].

4(17) мая польская секция провела митинг, участники которого — 200 человек — высказались против создания польских воинских формирований[153]. Группа солдат и офицеров-поляков Красноярского гарнизона выступила с обращением, в котором призывала не допустить создания особых польских сил, так как «народовцы», «злейшие враги польских рабочих и крестьян, хотят возвратиться в Варшаву на наших плечах в качестве победителей и править при помощи вооруженной силы...

Мы должны идти рука об руку с русским солдатом и рабочим и общими силами бороться против общего

---

149 Там же, 8(21).IV 1917.

150 «Великая Октябрьская социалистическая революция». Хроника событий», т. I. М., 1957, стр. 556.

151 «Сибирская правда». Орган районного бюро Центрального Комитета РСДРП. Красноярск, 1(14).V 1917.

152 «Красноярский рабочий», 2(15).V 1917.

153 Там же, 6(19).V 1917.

врага — капитализма», — писали польские военнослужащие, находившиеся под влиянием польской секции РСДРП[154].

После апрельской Западносибирской конференции РСДРП в Красноярской организации усилилась борьба в связи с постановлением конференции о решительном и немедленном разрыве с оппортунистами. Среди шести членов Сибирского районного бюро ЦК РСДРП, обратившихся в мае с призывом покончить с терпимостью в отношении к соглашателям и образовать партийную организацию большевистского типа, был и Ф. Врублевский[155].

Борьба правдистско-ленинских элементов привела к тому, что в конце мая — начале июня в Красноярске сложилась и оформилась самостоятельная большевистская организация. В ее составе была и польская большевистская секция.

Среди руководителей красноярских большевиков, помимо Ф. Врублевского, были Янина Красовска-Пекаж, Винценты Матушевский и другие польские социал-демократы.

Погибшая через некоторое время от рук колчаковцев Янина Красовска-Пекаж вступила в СДКПиЛ еще в 1903 г., имея всего лишь 19 лет от роду, но уже 4-й год работая на текстильной фабрике. Смелая и энергичная, она отдала все силы революционному движению. Раненная на демонстрации в мае 1905 г. в Варшаве, она вскоре опять возвращается в боевые ряды. Работа в Варшаве, затем в Люблине и Лодзи, где она была членом партийных комитетов, аресты и преследования чередуются в биографии Я. Пекаж. Избегая очередного ареста, она в 1914 г. уехала в Красноярск, где вскоре же включилась в жизнь и дела местных большевиков[156].

Еще более ярким был путь в революционном движении Винценты Матушевского.

---

[154] «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.» М., 1959 стр. 452. Весьма краткое, но выразительное обращение красноярской группы солдат и офицеров — поляков было опубликовано в ряде газет, в частности в «Известиях Тульского губернского Исполнительного комитета» (21.V (3.VI) 1917).

[155] «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия», стр. 260—265.

[156] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 717, лл. 50—51.

Один из выдающихся деятелей СДКПиЛ В. Матушевский начал свою революционную деятельность в кружке А. Росола, о котором яркие воспоминания написал Ф. Дзержинский [157]. В. Матушевский был организатором II съезда СДКПиЛ и ряд лет членом ее Главного правления. Обычно партия направляла его на работу туда, где было труднее всего,— то в Домбровский бассейн, то в Лодзь или Ченстохов, Белосток и Калиш... Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП, В. Матушевский сблизился с большевиками. Вместе с большевиками он был и во время избирательной кампании в IV Государственную думу, в которой участвовал как член Варшавского комитета партии. Неоднократно царские власти арестовывали его, а в 1914 г., после полуторагодичного тюремного заключения В. Матушевский был сослан в Иркутскую губернию. С 1916 г. он жил в самом Иркутске. По просьбе большевиков он в августе 1917 г. переехал из Иркутска в Красноярск, где стал администратором большевистской газеты «Красноярский рабочий» и был избран в Совет и в руководящие большевистские органы [158].

Примерно в то же время, что и в Красноярске, оформились большевистские организации и в других городах Сибири. В составе многих из них были польские секции, они возникли в Новониколаевске (Новосибирске), Судженске, Иркутске [159].

Когда в конце июля большевистские организации Средней Сибири провели свою конференцию и образовали свой руководящий орган — Красноярское районное бюро РСДРП(б),— в его состав были избраны польские социал-демократы — большевики Ф. Врублевский и Я. Пекаж [160].

В Западной Сибири уже в апреле 1917 г. оформилась группа СДКПиЛ в Омске. В короткий срок число членов группы дошло до 180 человек, из которых около $^3/_4$ составляли гражданские пленные и военнопленные; часть

---

157 Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 32—37.

158 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 731, лл. 6—8, 24—25, 78—79; см. также: Красноярский краевой партийный архив, ф. 64, оп. 4, д. 378, лл. 1—58.

159 В. Сафронов. Указ. соч., стр. 190.

160 Там же, стр. 184.

из них ранее состояла в реформистской Социально-демократической партии Галиции и Силезии. Это последнее обстоятельство породило ряд трудностей в развитии группы, привело к тому, что в ходе обострявшейся в стране классовой борьбы и по мере того, как определялось место СДКПиЛ в политической жизни страны, произошло сокращение количества членов группы до 80 человек. Группа добилась некоторой демократизации местного отделения Общества помощи жертвам войны, противодействовала формированию в Омске Союза поляков-военнослужащих, выступала против национал-демократов и против «фраков», поддерживавших эсеров, принимала участие в июле в выборах в городскую думу, выступая по всем основным вопросам вместе с городской организацией российской социал-демократии, а внутри нее — вместе с большевиками[161]. Не один раз группа выступала с изложением своих взглядов на страницах местной печати.

В начале апреля 1917 г. образовалась группа рабочих — поляков и литовцев в Туле[162]. Вскоре группа организационно оформилась как группа СДКПиЛ и приняла постановление о вхождении в состав РСДРП.

В письме в Московскую группу тульские социал-демократы обращались к московским товарищам с просьбой об оказании помощи, в частности, о присылке в Тулу московского представителя. На письме имеется пометка о том, что в Тулу была выслана литература и что туда ездил Ст. Бобиньский[163]. «Трыбуна» позднее сообщала, что 14(27) мая польские социал-демократы в Туле заслушали доклад Ст. Бобиньского «Польша и революция»; после доклада состоялся митинг с участием почти 300 человек, преимущественно рабочих и солдат[164].

Сохранился интересный документ — отчет самого Ст. Бобиньского об этой поездке, представленный им московским областным организациям: ездил он в Тулу не только как представитель группы СДКПиЛ, но и как инструктор областного бюро Советов.

Отметив относительную многочисленность местной группы СДКПиЛ, насчитывавшей свыше 50 членов,

---

161 «Trybuna», 28.III 1918.
162 ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 520, лл. 14—15.
163 Там же, лл. 20—23.
164 «Trybuna», 3(16).VI 1917.

Ст. Бобиньский с беспокойством сообщал, что в то же время в ее составе «работников для самостоятельного ведения революционной работы среди польских рабочих нет, и они нуждаются в помощи извне». Несколько встреч с местными польскими социал-демократами он использовал для бесед с ними по острым вопросам современности и для выработки плана работы группы. Но, чувствуя себя подлинным представителем большевистской партии, Ст. Бобиньский не ограничился только польскими социал-демократическими делами — он познакомился с деятельностью местного Совета, выступил с докладом на заседании фракции объединенной социал-демократической организации Совета, в котором рассказал «о партийных социал-демократических взглядах в Москве», чем несомненно способствовал назревавшему выделению тульских большевиков в самостоятельную партийную организацию; на заседании Исполнительного комитета Совета Ст. Бобиньский поставил очень важный вопрос о необходимости созыва до I Всероссийского съезда Советов общегубернского совещания рабочих и крестьян. Он выступил на общегородском митинге; на экстренном заседании Совета сделал доклад об основных задачах экономической политики и т. д. [165]

Позднее, когда на месте объединенной организации РСДРП в Туле была образована большевистская организация, Тульская группа СДКПиЛ на своем общем собрании 4(17) июня всеми голосами при одном воздержавшемся приняла решение о вступлении в партию большевиков. «Мы надеемся, — заявили польские социал-демократы Тулы, — что, работая вместе с большевиками, мы развернем еще шире свою деятельность» [166].

Группа СДКПиЛ была создана при местной большевистской организации города Пскова [167]. Возникшая в Нижнем Тагиле группа СДКПиЛ создала пропагандистскую школу, чтобы «в момент возвращения в

---

[165] Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области (далее — ГАОРСС МО), ф. 738, 1917 г., оп. 7, д. 3, лл. 2—5, а также: «Октябрь в Туле. Сборник документов и материалов о борьбе за власть Советов в Туле и губернии в 1917 году». Тула, 1957, стр. 118—122.

[166] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 520, лл. 18—19, а также: «Октябрь в Туле», стр. 179.

[167] «Trybuna», 22.VII (4.VIII); 3(16).VIII 1917 и др.

страну сразу же стать на твердую почву»[168]. Такая революционная перспектива, которую наметила Нижнетагильская группа СДКПиЛ, практически была характерна для деятельности всех организаций СДКПиЛ в России, неразрывно связывавших свои интернациональные задачи по совместной с пролетариатом России борьбе за победу социализма с задачами борьбы за социальное и национальное освобождение трудящихся Польши.

К июню-июлю 1917 г. группы СДКПиЛ действовали также в Курске[169], Челябинске[170] и других городах. В июне же сложилась группа СДКПиЛ в Тифлисе. В конце месяца она насчитывала уже около 100 человек[171].

В годы войны весьма значительное количество поляков-беженцев оказалось в Поволжье. В Царицыне еще с 1916 г. на Франко-русском заводе существовала нелегальная революционная организация польских рабочих. После Февральской революции левая часть этой группы во главе с членом СДКПиЛ с 1906 г. Станиславом Коханьским всецело поддерживала большевиков[172]. В июне «Трыбуна» сообщила, что в Царицыне на Франко-русском заводе действует группа СДКПиЛ[173].

В Саратове группа СДКПиЛ сложилась 8(21) апреля[174]. Деятельное участие в работе местной организации РСДРП принимал член Варшавского и Лодзинского комитетов СДКПиЛ Я. Фенигштейн (Долецкий), вошедший в первый легальный комитет Саратовской организации РСДРП(б) и вскоре возглавивший так наз. Фабрично-заводской районный комитет партии[175]. Долецкий был членом Саратовского Совета рабочих депутатов; 7 (20) марта он был избран в Исполнительный комитет Совета, а затем и председателем большевистской фракции Совета[176]. Организаторами Саратовской группы

---

[168] «Trybuna», 8(21).VII 1917.
[169] Там же, 9(22).IX 1917.
[170] Там же, 24.VI (7.VII) 1917.
[171] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 525, л. 3.
[172] Там же, ф. 70, оп. 1, д. 171, л. 47.
[173] «Trybuna», 24.VI (7.VII) 1917.
[174] Там же, 3(16).VI 1917.
[175] В. П. Антонов-Саратовский. Под стягом пролетарской борьбы. М.—Л., 1925, стр. 106 и 111.
[176] «1917 год в Саратовской губернии». Саратов, 1957, стр. 118, 608; а также «Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов», 19.III (1.IV) 1917.

СДКПиЛ были освобожденные революцией из заключения Бронислав Бортновский и Ян Мизеркевич. Оба они, как и многие другие польские социал-демократы, вели большую общепартийную работу. Будет уместно отметить, что Бр. Бортновский, член СДКПиЛ с 1912 г., по окончании гражданской войны оставался на партийной работе в Советском Союзе, затем возвратился на работу в польском рабочем движении, в 1929 г. был избран в ЦК КПП, с 1932 г. был членом Политбюро ЦК КПП, с 1935 г. — членом Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Его жизнь трагически оборвалась в годы сталинского произвола [177]. Славный революционный путь прошел и Ян Мизеркевич. Член СДКПиЛ с 1905 г., активный участник Октябрьской революции и гражданской войны, он с 1921 г. вел подпольную работу в Польше в рядах КПП; гитлеровские оккупанты заточили этого ветерана рабочего движения в концентрационный лагерь Бухенвальд, откуда он попал в руки американцев и с трудом вырвался на родину [178]. С 1945 г. Ян Мизеркевич является членом Польской рабочей партии, затем — Польской объединенной рабочей партии.

Группы СДКПиЛ, помимо названных выше, сложились весной 1917 г. и в ряде других местностей России.

В частности, активная работа среди польских трудящихся развернулась в Крыму, куда для поправки здоровья прибыли ряд социал-демократов, вышедших из царских тюрем и вернувшихся с каторги. 10(23) апреля оформилась группа СДКПиЛ в Феодосии. Уже на следующий день группа провела собрание польских и литовских рабочих, на котором было 200 человек [179]. В работе этой группы участвовал Ст. Бобиньский, проживавший в Феодосии в январе — мае 1917 г., затем возвратившийся в Москву, а оттуда переехавший в Петроград [180]. То, что в Феодосии большевистская партийная организация сложилась лишь в июне [181], делало особо ответственной роль

---

[177] Справка Института истории партии при ЦК ПОРП, 28.VII 1956.

[178] AZHP. Wspomnienia, t. 7418.

[179] «Trybuna», 3(16).VI 1917.

[180] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 716, лл. 13—15.

[181] П. Надинский. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1957, стр. 16.

местной группы СДКПиЛ. В Крыму же развернули свою революционную работу член СДКПиЛ с 1898 г. Ян Тарвацкий, член СДКПиЛ с 1906 г. Станислав Новосельский и др.[182]

Не позднее апреля оформилась группа СДКПиЛ в Ростове-на-Дону[183]. 5(18) мая она провела свою конференцию, в которой участвовало 89 человек. В принятой на этой конференции всеми голосами при одном воздержавшемся резолюции польские социал-демократы Ростова заявили, что они считают РСДРП единственной выразительницей интересов всех находящихся в России рабочих, без различия национальностей, и видят в РСДРП идейную и организационную руководительницу в борьбе за полную демократизацию России и в борьбе «за ликвидацию войны путем согласованных революционных действий организованных рабочих всех стран, для низвержения во всей Европе империалистических правительств и установления всеобщей демократизации и всеобщего равенства и братства всех народов, в том числе и польского»[184].

Уточнив, далее, что Ростовская группа СДКПиЛ вступает в революционную часть РСДРП, руководимую Ростово-Нахичеванским комитетом РСДРП, т. е. в состав большевистской партии, резолюция поясняла, что временное в большинстве случаев пребывание польских социал-демократов в Ростове и вообще в России и задачи «более планомерной и успешной агитации и пропаганды среди широких масс польских рабочих, более тесного сплочения и использования их в целях революции» обусловливают необходимость создания отдельной группы СДКПиЛ, как составной части РСДРП[185].

---

[182] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 854, л. 5. Участник всех съездов СДКПиЛ, начиная со II съезда, член Главного правления партии, делегат V (Лондонского) съезда РСДРП, Я. Тарвацкий был сослан в 1915 г. в глубь России. После Февральской революции он по состоянию здоровья переехал в Крым, где сразу же включился в партийную работу.

[183] В опубликованном в августе финансовом отчете группы приводятся сведения о сборе средств и расходах, произведенных Ростово-Нахичеванской группой СДКПиЛ уже в апреле 1917 г. См.: «Trybuna», 12(25).VIII 1917.

[184] «Наше знамя». Орган Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП. 11(24).V 1917.

[185] Там же, 11(24).V 1917.

Ростовская группа СДКПиЛ, как практически и все другие группы польской социал-демократии в России, послала своих представителей в местный Совет рабочих и солдатских депутатов. Вскоре, во время довыборов состава Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП(б), в него был избран один из руководителей местной группы СДКПиЛ, Петр Жук [186].

Число членов Ростовской группы довольно быстро возросло до 200 человек. Как рассказывает в своих воспоминаниях один из активных членов группы, Ромуальд Дух, группа выпускала еженедельную газету «Пляцувка над Донем», издававшуюся на стеклографе тиражом до 300 экземпляров [186а].

Вместе с большевиками действовали и польские социал-демократические группы на Украине.

Одной из первых здесь сложилась группа в Киеве. Еще до Февральской революции ряд членов СДКПиЛ — член СДКПиЛ с 1900 г. Ипполит Фиалек, Казимеж Следовский, Ян Кочмарек и др.— вели активную революционную работу в рядах нелегальной большевистской организации крупнейшего киевского предприятия — завода «Арсенал» [187]. Смелый организатор, хороший пропагандист и оратор, И. Фиалек был послан арсенальцами в Совет рабочих депутатов. На первом же заседании Совета 4(17) марта он был избран в состав Исполнительного комитета Совета [188], а также в состав Совета объединенных общественных организаций Киева [189]. И там, и тут И. Фиалек, как и все большевики, вел упорную борьбу против соглашателей, контрреволюционных и националистических элементов.

Между тем в Киеве, пожалуй в большей мере, чем в других российских городах, среди польского населения давала себя знать деятельность польских националистических буржуазных и мелкобуржуазных организаций, течений, группировок [190]. Тем значительнее были задачи

---

[186] Там же, 11(24).VI 1917.

[186а] Ростовский областной партийный архив, ф. 12, оп. 3, д. 365, св. 7, лл. 2—2 об.

[187] Ю. Чайковський. Арсенальці. Київ, 1959, стр. 34—37.

[188] «Последние новости». Киев, 5(18).III 1917.

[189] «Известия Исполнительного комитета Киевского Совета объединенных общественных организаций», 16(29).III 1917.

[190] H. Jabłoński. Polska autonomia narodowa na Ukraine. 1917—1918. Warszawa, 1948, str. 24—27.

местной группы СДКПиЛ. Отражение ее деятельности можно найти на страницах газеты киевских большевиков[191] и в решениях большевистских организаций. В частности, Киевская городская конференция РСДРП(б) 2(15) июля 1917 г. рассмотрела среди других вопрос о деятельности группы СДКПиЛ и рекомендовала ей наладить связь с провинцией[192]. Через несколько дней конференция большевистских организаций Юго-Западного края в резолюции по вопросам партийного строительства указала на необходимость привлечения к работе членов СДКПиЛ[193].

Рабочий класс Киева оказывал посильную поддержку польским социал-демократам. Об этом говорит хотя бы то, что однодневный сбор средств в фонд петроградской «Трыбуны», проведенный 10(23) июня 1917 г., дал весьма крупную сумму — 711 руб. 60 коп.[194] В Краматорске, где на металлургическом заводе было более 500 рабочих-поляков, сразу же после Февральской революции началась легальная деятельность польских социал-демократов. 1(14) апреля они образовали группу СДКПиЛ. В местном Совете группу представляло 2 депутата[195].

9(22) апреля 1917 г. оформилась группа СДКПиЛ на станции Сартана (Екатеринославской губернии)[196], в которую входили рабочие предприятий Никополь-Мариупольского горного общества[197]; возникла группа в Любимове (той же губернии), охватившая рабочих Донецкого содового завода[198].

Летом же 1917 г. оформилась Екатеринославская группа СДКПиЛ. В сообщении группы, опубликованном в местной большевистской газете «Звезда» 8(21) июля

---

[191] «Голос социал-демократа». Орган Киевского комитета РСДРП(б). 8(21).V 1917.

[192] «Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март — ноябрь 1917 г.). Сборник материалов и документов». Киев, 1957, стр. 335.

[193] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине (февраль 1917 г.— апрель 1918 г.). Сборник документов и материалов», т. 3. М., 1957, стр. 442.

[194] «Борьба за власть Советов на Киевщине (март 1917 — февраль 1918). Сборник документов и материалов». Киев, 1957, стр. 180.

[195] «Пролетарий», 6(19).IV 1917.

[196] «Trybuna», 28.VIII (8.IX) 1917.

[197] Там же, 24.VI (7.VII) 1917.

[198] Там же.

1917 г., указывалось, что польские социал-демократы входят, согласно своей старой интернациональной программе, «в состав партии большевиков, как истинных выразителей интересов рабочего класса, неуклонно проводящих линию борьбы с общим врагом. Итак, товарищи поляки, как в 1905 г., идем плечом к плечу с истинными друзьями под тем же красным знаменем, с русскими товарищами на борьбу с буржуазией всего мира»[199].

Яркие строки этого первого документа екатеринославских польских социал-демократов, содержавшие и высокую оценку большевистской партии и русского рабочего класса, и слово о традициях прошлого и задачах настоящего, были типичными для лучшей части польских трудящихся в России — их интернационалистско-революционного социал-демократического авангарда.

Неизменно вместе с большевиками действовали группы СДКПиЛ в Николаеве, Чугуеве, Краматорске и многих других промышленных городах Украины.

В Николаеве организатором группы был член СДКПиЛ с 1899 г. Ян Копчиньский (Рогульский). Высланный в том же году в Одессу, он через некоторое время установил связь с местной организацией РСДРП и работал в ее составе. В 1905 г. он вернулся в Польшу, где продолжал революционную деятельность, прерывавшуюся арестами. В 1915 г. Ян Копчиньский переехал в Николаев, где сразу же после Февральской революции был избран в Совет рабочих депутатов, а через полтора года уже пролетарии Варшавы избрали его в первый Совет рабочих депутатов польской столицы. Но еще до того, как он вернулся на родину, Ян Копчиньский был членом Николаевского комитета большевиков с момента его организации. После того, как в город стали поступать номера петроградской «Трыбуны», в которых рассказывалось о деятельности польских социал-демократов в России, Ян Копчиньский выступил с инициативой образования группы СДКПиЛ[200]. Летом в составе группы насчитывалось уже 59 человек[201].

В Чугуеве группу возглавлял член СДКПиЛ с 1900 г., член комитета чугуевской организации большевиков и

[199] «Звезда». Орган Екатеринославского комитета РСДРП. 8(21).VII 1917.

[200] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 729, лл. 176—179.

[201] «Trybuna», 16(29).IX 1917.

один из организаторов местного Совета рабочих депутатов—Фр. Перковский (Володыевский) [202].

Так, весной 1917 г., после того как Февральская буржуазно-демократическая революция свергла царизм и из подполья вышли революционные силы во главе с большевистской партией, во многих больших и малых городах России, ставших временным прибежищем польских пролетариев, стали складываться и оформляться организации СДКПиЛ. Как правило, эти организации возникали раньше всего там, где были лица, уже состоявшие в СДКПиЛ, имевшие опыт партийной работы, понимавшие необходимость сплочения и организации партийных рядов. Важнейшей особенностью этой работы по созданию организаций СДКПиЛ в России было то, что она происходила в неразрывном единстве со строительством и всей деятельностью марксистско-ленинского авангарда рабочего класса всей России — большевистской партии.

То глубокое единство, органическую связь с большевиками, которыми была пронизана вся деятельность польской социал-демократии, прекрасно выразила резолюция, принятая в мае 1917 г. на организационном собрании СДКПиЛ в городе Николаеве. «Понимая первостепенное значение сильной классовой организации, а также единства интересов польского и русского рабочего, мы организуемся в отдельную группу для проведения культурно-просветительной работы,— записали в своем решении польские социал-демократы.— Однако мы останемся организационной частью РСДРП, признавая Центральный Комитет в Петрограде, издающий орган „Правда", выразителем интересов эксплуатируемых классов» [203].

В этом коротком документе дали себя знать и понимание значения политической партии для рабочего класса, и понимание значения единства польских и русских рабочих — единства их классовых интересов, и понимание руководящей, направляющей роли большевистской партии и ее Центрального Комитета не только для коренного пролетариата России, но и для тех из его рядов, которых обстоятельства хотя бы временно привели в Россию, для тех его отрядов, которые уже поднимались на штурм капитализма и убеждались, что ударной си-

[202] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 732, лл. 37—66 и др.
[203] «Trybuna», 24.VI (7.VII) 1917.

лой революции являлся все теснее сплачивавшийся вокруг ленинской партии российский рабочий класс. Польский пролетариат в лице своего авангарда — польской социал-демократии — занимал место рядом с авангардом русского пролетариата в составе единой партии. Характерно, что ни одна из групп СДКПиЛ в России не считала себя находящейся вне рядов большевистской партии. Наоборот, все группы считали себя составной и неотъемлемой частью большевистской партии, решающей общие и единые с ней задачи. Все эти группы считали свои классовые цели совершенно тождественными целям большевистской партии, но в то же время они имели и специфические задачи, вытекающие из того факта, что их деятельность на территории России была связана с перспективой возвращения на родину и проведения революции в Польше. Именно это последнее обстоятельство, а вовсе не только специфика языка и национальной культуры объясняет то, что польские социал-демократы не только входили в состав большевистской партии, но и создавали свои особые организации.

Вместе с тем, многие польские социал-демократы, целиком включаясь в революционную деятельность большевистской партии, не входили в организации СДКПиЛ и не создавали их на местах. При этом вовсе не следует думать, что те из польских революционеров, кто состоял лишь в общероссийских организациях и оказался вне польских революционных организаций, упускали из виду интересы своей родины — просто, поглощенные общей революционной работой, они не ощущали потребности в существовании особых организаций польских революционеров, хотя были готовы в любой момент активно включиться в решение польских дел и всецело отдать себя в распоряжение польского пролетариата и его партии.

Строительство организаций СДКПиЛ в России явилось, с одной стороны, процессом организации и сплочения сил польского пролетариата, с другой — составной частью общего процесса роста и развития большевистской партии. То, что организации СДКПиЛ в России складывались как составная часть РСДРП(б), ускоряло и облегчало внесение в польскую революционную организацию всех качеств, свойственных партии нового типа. Это выражалось в том, что группы СДКПиЛ в России рассматривали себя частью польского рабочего класса,

его передовым, организованным отрядом, и в действительности являлись таковыми. Если в начальный период своего формирования группы СДКПиЛ в России не имели своего центра, то самая их органическая принадлежность к большевистской партии вносила в их деятельность начала демократического централизма и подготовляла условия для образования своих руководящих органов.

Наконец, самое происхождение групп СДКПиЛ, условия и цели их деятельности определяли присущие им внутреннюю дисциплину, внутрипартийную демократию, самокритику, пролетарский интернационализм и патриотизм.

Создание организаций СДКПиЛ в России явилось необходимой предпосылкой для втягивания широких масс польских трудящихся, находившихся в России, в активную борьбу против власти буржуазии, за социалистическую революцию. Это обстоятельство определяет большое историческое значение строительства СДКПиЛ в России как в борьбе за победу социалистической революции в России, так и для последующих революционных битв в самой Польше.

7

Активизация социал-националистов из ППС-«фракции»

Польские рабочие и все польские трудящиеся в России оказались после Февральской революции под влиянием тех же событий, тех же факторов, что и все трудящиеся обширного, раздираемого жестокой классовой борьбой государства. Та же гигантская мелкобуржуазная волна, которая, по словам В. И. Ленина, «захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»[204], оказала свое влияние и на польских трудящихся.

[204] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 156.

Влияние этой волны на польских трудящихся в России оказалось тем бо́льшим, что если тяжелые испытания войны и беженства, с одной стороны, способствовали обострению классовых чувств и пониманию общности интересов со всеми трудящимися России, то с другой стороны, эти же условия благоприятствовали проискам националистов, пробуждали и обостряли различные предрассудки, открывали возможности для небезуспешной спекуляции тех сил, которые упорнее всего добивались не сплочения, а разъединения трудящихся, изоляции польских трудящихся от их российских братьев и союзников.

Во многих промышленных центрах, в которых проживало польское население, инициативу организации польских трудящихся перехватили у социал-демократов различные националистические и реформистские элементы, чаще всего — деятели ППС-«революционной фракции». Как правило, самостоятельные секции ППС-«фракции» начинали открытую деятельность там, где уже действовали другие польские социалистические организации, где практически уже были исключены возможности создания объединенных, единых польских организаций. Первоначально члены ППС-«фракции» попытались не допустить создания самостоятельной легальной группы СДКПиЛ в Петрограде, предложив польским социал-демократам, равно как и членам ППС-левицы, образовать «единый» союз польских социалистов[205]. Только после того, как это предложение, в котором под предлогом «единства» преследовались националистические и соглашательские цели, было безоговорочно отклонено, в Петрограде и Москве секции ППС-«фракции» выступили открыто.

В Москве организационное собрание секции ППС-«фракции» состоялось 19 марта (1 апреля) 1917 г. Ее организаторы также усиленно ратовали за то, чтобы в эмиграции, т. е. в России, по возможности не воссоздавать прежних политических делений, а выступать в единой социалистической организации[206]. Целью такой организации должна была явиться деятельность, направленная к созданию независимой, объединенной, демокра-

[205] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, л. 2.
[206] AZHP. PPS, 60/XII, k. 5.

тической Польской республики[207]. Поскольку в Москве, как и в Петрограде и ряде других городов, где и в польском рабочем движении сразу же после Февральской революции обозначились резкие классовые и партийные деления, правым социалистам не удалось создать единой, объединенной организации, они на своей конференции, состоявшейся 10(23) апреля, сформировали свою партийную секцию. На этой конференции, собравшей до 150 участников, с основным докладом выступил Казимеж Пужак. Критикуя идеи национальной солидарности, которые очень активно пропагандировали буржуазные националисты, К. Пужак пытался противопоставить им призывы к демократии, а по сути дела расточал те же солидаристские взгляды, так как совершенно обходил молчанием классовые интересы пролетариата. Хотя считалось, что К. Пужак занимает левые позиции в своей партии, он всячески восхвалял всю позорную деятельность ППС во время войны[208]. Небезынтересно попутно напомнить, что этот «левый» среди правых польских социалистов вскоре же после возвращения на родину, в 1920 г., стал генеральным секретарем ЦИК ППС и оставался на этом посту вплоть до полного банкротства своей партии в 1939 г. Когда брошенная своими правителями и их правосоциалистическими союзниками Польша оказалась под гнетом гитлеровских поработителей, Пужак не стал в ряды борцов за свободу, за самое существование своего народа — он возглавил антинародную группировку «Вольнощ, Рувнощ, Неподлеглощ», а после освобождения страны был осужден за активную борьбу против народной власти.

Конечно, из позиции Пужака в 1917 г. вовсе не вытекает, что он должен был окончить свои дни политическим преступником, но его личная судьба не случайна — она оказалась неизбежной для тех деятелей ППС, которые упорствовали в своих националистических и реформистских взглядах, не умели и не хотели учиться у жизни и логикой классовой борьбы все решительней и бесповоротней противопоставляли себя рабочему классу.

Конечно, в 1917 г. ППС-«фракция» в России не могла и думать о противопоставлении себя рабочему клас-

---

[207] «Echo Polskie», 31.III (13.IV) 1917.
[208] Там же, 17(30).IV 1917.

су,— наоборот, избегая политического самоубийства, она стремилась, спекулируя на той борьбе, которую в прошлом она вела против царизма, и на общих лозунгах демократии, навязать себя польским трудящимся. Помимо политических центров России, группы ППС-«фракции» весной 1917 г. сложились в Смоленске, Туле, Каменском, Краматорске, Нижнем Тагиле, Иркутске и ряде других городов. Временно роль руководящего органа ППС-«фракции» в России играл Исполнительный комитет Московской секции[209]. Этому комитету удалось выпустить свой печатный орган — газету «Напшуд». Первый и единственный ее номер (издание газеты было прекращено, так как началась подготовка к выпуску в Петрограде общероссийского органа ППС) открывался статьей, призывавшей к борьбе за независимость и свободу Польши.

Некий П. Тыраньский утверждал в газете, что основное деление в польском революционном движении идет якобы по вопросу об отношении к будущей независимости Польши. За независимость Польши выступали К. Маркс и I Интернационал, дело ее свободы отстаивает русский пролетариат; даже партия измены, сотрудничавшая с царизмом,— эндеция — добивается независимости; в польской политической жизни лагерю независимости противостоят лишь «консерваторы слева» — члены СДКПиЛ—писал пилсудчиковский пропагандист, не без умения используя ошибки польских социал-демократов в национальном вопросе[210].

Постоянно и открыто выступая против революционного авангарда польского рабочего класса — СДКПиЛ, лидеры ППС-«фракции» в России по возможности избегали открытых выступлений против партии большевиков, в состав которой входили польские социал-демократы. Такая двуличная позиция облегчала лидерам ППС-«фракции» сохранение влияния на часть польских рабочих, которым внушалось, что «фраки» вовсе не противники большевиков, а только противники их союзников в польском рабочем движении — социал-демократов.

---

[209] «Echo Polskie», 17(30).IV 1917.

[210] «Naprzód». Organ Sekcji Polskej Partii Socjalistycznej w Moskwie, 7(20).V 1917.

Помимо Петрограда и Москвы, деятельность ППС-«фракции» наиболее заметно протекала на Украине, особенно в так называемой Юго-Западной области с центром в Киеве.

Специфическая социальная среда — значительная прослойка учащейся молодежи и мелкобуржуазных элементов среди польского населения Киева и ряда других украинских городов — позволила ППС-«фракции» еще до Февральской революции создать там свои опорные пункты[211]. Лидеры секций ППС-«фракции» на Украине — Казимеж Домославский, Ян Либкинд, Владислав Корсак — были так же, как и их коллеги в Москве, Петрограде и т. д., весьма тесно связаны с буржуазными кругами. Правда, и здесь действовало левое крыло, которое выступало против курса на «общенациональное» сотрудничество. Наиболее заметным деятелем этого крыла в Киеве была Антонина Соколич, перешедшая в дальнейшем в ряды КПП и погибшая в 1942 г. в гитлеровском лагере смерти в Освенциме.

Лидеры ППС-«фракции» на Украине приняли участие в марте 1917 г. в «общенациональном» съезде польских организаций в Киеве, выделившем особый Исполнительный комитет объединения польских организаций на Украине[212]. Этот Исполнительный комитет, в котором ППС представлял К. Домославский, назначил своих комиссаров в ряд губерний, губернские комиссары назначили комиссаров в уезды и города. Основная задача комиссаров всех ступеней состояла в формировании милиции «на случай беспорядков и анархии». Так в Приднепровье стало создаваться некое подобие особой польской администрации, возникновение которой отражало далеко идущие захватнические планы многих польских буржуазных деятелей (в первую очередь пилсудчиков, в том числе и в ППС) в отношении Украины. Однако эти планы не помешали тому, что в видах максимального ослабления центральной общероссийской власти, Исполнительный комитет объединения польских организаций на Украине, включавший в свой состав представителя ППС-«фракции», вступил в тесное сотрудничество с буржуазно-националистической Украинской центральной радой[213].

---

[211] H. Jabłoński. Указ. соч., стр. 18.
[212] «Echo Polskie», 15(28).III 1917.
[213] H. Jabłoński. Указ. соч., стр. 28—30.

Итак, в Петрограде и Москве — сотрудничество с организациями и органами, идущими в целом с Временным правительством, в Киеве — с Центральной украинской радой,— вот путь, по которому хотела бы ППС-«фракция» повести польских рабочих в России.

Буржуазный национализм пилсудчиковского толка как главное в политическом курсе ППС-«фракции» со всей силой дал себя знать на конференции секций ППС-«фракции» в России, происходившей 28 мая (10 июня) — 2(15) июня 1917 г.[214]. Участники конференции восхваляли Пилсудского, одобряли его военную деятельность под тем предлогом, что, не имея возможности выступить сразу против трех захватчиков, он выступил против самого опасного из них—царизма—в союзе с двумя другими захватчиками; конференция выразила надежду, что созданные в Польше «антицаристские» легионы смогут превратиться в... народную армию. Конференция не смогла пройти мимо стремления польских рабочих в России к активному участию в политической жизни и в связи с этом признала возможным участие ППС в Советах. Фальсифицируя позиции русских рабочих, конференция попыталась создать представление, что русский революционный пролетариат якобы лишь с победой Февральской революции стал на позиции признания польской независимости и что именно в связи с тем, что вопрос независимости решается теперь якобы вопреки позиции СДКПиЛ и ППС-левицы, эти последние «потерпели полное банкротство».

ППС-«фракция» в России поддерживала тесные сношения с общепартийным руководством в оккупированной Польше. В мае на встречу с прибывшим в Стокгольм представителем Центрального рабочего комитета ППС В. Куновским в Швецию выезжали Бр. Сивик, Фр. Скомпский и др. Во время стокгольмских переговоров были определены основные задачи ППС-«фракции» в России, и от имени партийного руководства назначены в составе ЦИК ППС-«фракции» в России Ян Либкинд, Казимеж Пужак и Бронислав Сивик[215]. Петроградская конференция согласилась с этим назначением и лишь доизбрала в состав ЦИК Ст. Плавского. К. Домославского, вышедшего вскоре в отставку в связи с занятостью делами на

---

[214] В секциях ППС-«фракции» состояло свыше 3 тыс. членов. См.: «Известия Петроградского Совета...», 1(14).VI 1917.

[215] «Kwiestja Wojska Polskiego w Rosji w 1917 г.», str. 226.

Украине, заменил кооптированный в состав ЦИК ППС-«фракции» Александр Пристор[216]. Один из ближайших соратников и личных друзей Пилсудского, видный участник «милитарного движения», освобожденный из тюрьмы Февральской революцией, Пристор в ППС-«фракции» являлся активным деятелем военно-авантюристического направления. Он возглавил самую секретную работу партии, те темные участки, где ее деятельность переходила в шпионско-диверсионные происки Польской военной организации и странным, еще до конца не раскрытым образом вплеталась в деятельность эндеции, иностранных военных миссий и самых оголтелых кругов русской контрреволюции. В дальнейшем Пристор стал одним из «столпов» режима «санации», многократно был министром, а в 1931—1933 гг.— и главой фашистского правительства в Польше.

На самой конференции Пристору выпала «почетная» миссия: он приветствовал явившегося вместе с А. Ледницким французского министра, известного социал-патриота Альбера Тома. Приехавший в Россию для помощи русским социал-соглашателям в агитации за продолжение войны, Тома уверял своих польских слушателей, что французский империализм якобы воюет за высокие идеи независимости, свободы и демократии, за интересы польского народа[217]. Вслед за тем Пристор присутствовал на встрече А. Ледницкого с другим социал-патриотом — английским министром Артуром Гендерсоном[218], явившимся в Россию с той же, что и А. Тома, целью противодействовать борьбе за окончание войны.

Резолюции конференции ППС-«фракции» были опубликованы в двух первых номерах газеты «Глос роботника и жолнежа»[219],— органе ЦИК ППС-«фракции» в России, начавшем выходить в июле 1917 г., но издававшемся нерегулярно.

С самого начала создания легальных секций ППС-«фракции» в России они по направлению своей деятельности оказались на крайне правом фланге мелкобуржуазной демократии. Руководство ППС-«фракции» в России, выросшее в недрах пилсудчины, смыкалось с тем

---

[216] «Głos Robotnika i Żołnierza», 3(16).X 1917.

[217] «Echo Polskie», 6(19).VI i 7(20).VI 1917.

[218] Там же, 16(29).VI 1917.

[219] «Głos Robotnika i Żołnierza», 26.VII (8.VIII) 1917, 31.VII (13.VIII) 1917.

крылом польской буржуазии, которое не верило в возможность победы Антанты и искало решения польского вопроса в примирении с германскими оккупантами и их ставленниками из варшавского Временного государственного совета. Эта линия «демократического направления» польской буржуазии в России была тем ближе пилсудчикам, что они-то издавна открыто сотрудничали с германскими империалистами. В России, понятно, нельзя было рассчитывать на какой-либо политический эффект, выступая под флагом германской ориентации, но лидеры ППС-«фракции» и не заявляли себя сторонниками кайзеровского правительства — они «только» утверждали, что созданный этим правительством марионеточный Временный совет является плодом якобы успешной политики Пилсудского—«триумфом его идей» и служит зародышем польской государственности. Поэтому, указывали они, в России надлежит избегать каких-либо действий, способных ослабить положение Временного государственного совета, и, наоборот, следует готовиться к оказанию ему всемерной поддержки. Их практическая деятельность состояла главным образом в затемнении сознания польских пролетарских и полупролетарских масс в России идеями фальшивой солидарности на почве реформизма и национализма.

8

Польские социалистические объединения

Откровенно враждебная в отношении польских революционных элементов, ППС-«фракция» в России в первые недели своей открытой деятельности пыталась создать представление о своем нейтральном отношении к борьбе между революционными и соглашательскими силами в российском политическом движении. Эта позиция диктовалась не только нежеланием скомпрометировать себя в глазах рабочих выступлениями против большевиков, но и расчетом на то, что показной нейтралитет по отношению к основным направлениям русского рабочего движения облегчит осуществление главных задач,

которые ставили перед собой лидеры ППС-«фракции» в России,— по возможности объединить польских рабочих в «объединительские» организации и изолировать их таким образом от русского революционного движения.

Поэтому там, где польские революционные силы запаздывали с организацией рабочих, где они не обнаруживали энергии, оказывались в какой-то мере захлестнутыми мелкобуржуазной волной, там деятели ППС-«фракции» не торопились открыто формировать свои секции, а направляли главные усилия на создание единых союзов, политических объединений и т. п. Так, в частности, произошло в Харькове, где сложилось Польское социалистическое объединение, оказавшееся крупнейшим из объединительских организаций.

Харьков был довольно значительным центром концентрации выходцев из польских земель. Помимо рабочих, в городе проживал ряд представителей польской интеллигенции — выдающийся поэт Леопольд Стафф, искусствовед Мечислав Третер и др. Центром общественно-политической жизни польской колонии Харькова в годы войны являлся Польский дом, с которым тесно была связана учащаяся молодежь.

Многие учащиеся еще до Февральской революции входили в нелегальный «Союз социалистической молодежи», находившийся под идейным влиянием двух видных деятелей ППС-«фракции», проживавших в Харькове,— Зыгмунта Зарембы и Тадеуша Жарского. Принадлежность к одной партии, общность идейных позиций позволяют назвать рядом эти имена. Но как разошлись их судьбы! Националист и реформист З. Заремба не только чурался русско-польского революционного союза, но в буржуазной Польше все дальше отходил на позиции реакции, а в годы величайшей трагедии, постигшей польский народ,— в годы гитлеровских злодеяний в Польше — оказался вместе с теми, кто подрывал революционно-освободительную борьбу в стране и тем самым содействовал лютым врагам своего народа.

По иному пути пошел Т. Жарский. С трудом, но искренне познавая подлинные пути борьбы за интересы рабочего класса, он спустя несколько лет после Октябрьской революции, будучи одним из признанных руководителей ППС и убедившись, что эта партия органически чужда делу пролетариата, порвал с ней и перешел в го-

нимую, но героическую Коммунистическую партию Польши.

Действовало в Харькове и довольно много членов ППС-левицы — юрист Теодор Дурач, впоследствии, в буржуазной Польше, знаменитый адвокат, член КПП, неизменно выступавший защитником во всех наиболее значительных судебных процессах, проводившихся реакцией против коммунистов[220]; Болеслав Шацкий (Скарбек), перешедший в ППС-левицу из «фракции», а затем ставший членом Коммунистической партии Украины; Роман Яблоновский (известный тогда как Мариан Козловский), член ППС в 1905 г., член ППС-левицы со времени ее создания в 1906 г., тесно сотрудничавший в годы обучения в Ягеллонском университете в Кракове с Ю. Лещиньским и Ст. Гельтманом, и др.

Были в Харькове, конечно, и члены СДКПиЛ — Ян Дюрко, Юзеф Брыль, Казимеж Томашевский — один из ветеранов польского рабочего движения, входивший еще в партию «Пролетариат» в 80-е годы, а затем — в ППС и ППС-левицу, и др. Возможно, что именно для установления связи с ними и активизации их деятельности, как отмечалось, еще в 1916 г. в Харьков приезжал Зб. Фаберкевич[221]. Но в Харькове весной 1917 г. инициатива организации рабочих оказалась в руках у деятелей ППС-«фракции», сумевших привлечь на свою сторону и ряд деятелей ППС-левицы.

Еще 3 и 4 (16 и 17) марта в Харькове состоялись многолюдные собрания польских рабочих. На этих собраниях был образован Комитет польских рабочих и принята резолюция, имевшая программный характер. В резолюции отмечалось положительное значение русской революции, указывалось на общность интересов польских и русских рабочих. Но, обходя полным молчанием социальные интересы трудящихся, резолюция утверждала, что важнейшей задачей польских рабочих является борьба за государственную независимость Польши[222]. Польские рабочие призывались к созданию единой социалистической организации, которая поглотит

---

[220] T. Duracz. Mowy obroncze. Warszawa, 1959.

[221] R. Jabłonowski. Wspomnienia. 1905—1928. Warszawa, 1962, str. 175—176.

[222] «Jedność Robotnicza», 12(25).III 1917 (Charków).

как ППС-«фракцию», так и ППС-левицу и СДКПиЛ[223]. Это предложение, выдвинутое под звонкие слова о демократии и социализме, по сути своей было направлено против создания революционных организаций польского пролетарита в России.

Спустя несколько дней после совещания Комитет польских рабочих приступил к изданию своего органа — нерегулярно выходившей газеты «Еднощ работнича». В первом же номере газета выступила против существовавшего в польском рабочем движении партийного деления. «Мы не хотим прежних партийных перегородок. Мы не хотим разделения польского пролетариата. Мы стремимся к тому, чтобы создать в крае [Польше.— *А. М.*] единую социалистическую партию, и поэтому теперь не можем возобновить старых делений»[224].

На своем заседании 7(20) марта Комитет польских рабочих принял решение создать единую социалистическую организацию — Польское социалистическое объединение в Харькове. Председателем объединения был избран Р. Яблоновский. Спустя несколько дней, 26 марта (8 апреля), состоялась I конференция Польского социалистического объединения. Конференция избрала представителей в Харьковский Совет рабочих депутатов и решила, что так как якобы «независимость Польши является уже фактом», то следует «для пользы дела отбросить старую партийную борьбу»[225].

Не говоря уже о том, что независимость Польши вовсе не являлась фактом, смысл резолюции конференции состоял в том, чтобы свести все различие в позициях польских социалистов лишь к вопросу о независимости, а так как споры в этом вопросе уже якобы потеряли почву, то отпали и поводы к разделению на различные партии. Конечно, как социал-демократы, так и члены ППС-левицы, позволившие вовлечь себя в подобные спекулятивные решения и комбинации, допустили большую ошибку, так как отказывались от своих позиций в пользу сомнительного единства с «фраками». Именно то, что местные польские социал-демократы не заняли самостоятельной позиции, побудило Харьковский комитет

---

223 AZHP. PPS, 305/III/40, podt. I, k. 2, 1, 2.

224 «Jedność Robotnicza», 12(25).III 1917.

225 «Пролетарий». Орган Харьковского комитета РСДРП. 30.III (12.IV) 1917.

РСДРП(б) 6(19) мая 1917 г. отказать местным польским социал-демократам в представительстве в большевистском комитете, так как польские социал-демократы не сложились в определенную группу[226].

В данном случае представляет интерес сам факт, что и в Харькове польские социал-демократы стремились войти в революционную организацию, тяготясь, видимо, уже с первых недель существования Польского социалистического объединения своим пребыванием в этой весьма пестрой по составу организации, охватывавшей не только членов СДКПиЛ, сторонников ППС-левицы и ППС-«фракции», но и членов Национального рабочего союза, христианских демократов и др.

К тому же, как показала деятельность Польского социалистического объединения, многие из его руководителей с самого начала пытались использовать искусственно созданное единство польских рабочих для того, чтобы под видом сплочения рядов рабочего класса помешать укреплению революционного движения.

З. Заремба — об этом рассказывает в своих воспоминаниях Р. Яблоновский — пытался превратить «Еднощ роботничу» в орган, отражавший лишь взгляды «фракции». Серьезного противодействия со стороны деятелей ППС-левицы эти попытки в течение долгого времени не встречали. Видные деятели ППС-левицы в России — Л. Пинкус, Ст. Будкевич и др., с которыми Р. Яблоновский встречался в апреле 1917 г. во время поездки в Петроград, считали ненужным создание в Харькове самостоятельной секции ППС-левицы и рекомендовали своему собеседнику придерживаться линии сотрудничества с ППС-«фракцией» в рамках Польского социалистического объединения[227].

Харьковская организация Польского социалистического объединения имела тесные связи с группами объединения, сложившимися в Ровно, Чугуеве, Константинове, Александровске, Таганроге, Екатеринославе, Славянске, Саратове, Воронеже и некоторых других городах. Объединительские организации не всегда носили одно и то же название. В Ростове, например, эта организация выступала как Союз объединения польского пролетариата, в Воронеже — как Организация польских рабочих

---

[226] Там же, 10(23).V 1917.

[227] R. Jabłonowski. Указ. соч., стр. 182.

и т. д. Общие для всех объединительских организаций было то, что своей главной задачей они считали борьбу за независимую Польскую республику и охрану «общих интересов» польского пролетариата в России. Это сближало позицию объединенцев с позицией мелкобуржуазных элементов, противопоставлявших дело национальной независимости Польши борьбе за пролетарскую революцию в России, пропагандировавших идеи солидарности всех поляков в России во имя якобы общих «всем» им национальных интересов и утверждавших, что общность лишает особого значения разделяющие их социальные противоречия.

Программные требования, выдвинутые Польским социалистическим объединением и родственными ему организациями, не выходили за рамки требований прогрессивных буржуазных организаций и реформистских профсоюзов: 8-часовой рабочий день, оплачиваемые отпуска, всеобщее, тайное, равное, прямое избирательное право и т. д. В аграрном вопросе резолюция конференции Польского социалистического объединения в Харькове весьма неопределенно высказалась за «урегулирование аграрных отношений с учетом интересов деревенского пролетариата и безземельных» [228].

Руководители Польского социалистического объединения в Харькове, Александровске, Славянске, Воронеже с самого начала своей деятельности тянули объединение к сотрудничеству с эсерами, Бундом, меньшевиками [229]. Понятно, что эти стремления наталкивались на противодействие части членов организации. Ни внутри Польского социалистического объединения, ни между отдельными его организациями не было и не могло быть единства взглядов.

Столкновения внутри Польского социалистического объединения в Харькове начались уже в марте. Интернационалистские элементы, в первую очередь — оказавшиеся в составе объединения социал-демократы, тяготились линией руководителей объединения. В апреле они начинают действовать как еще не окончательно оформившаяся, но все же особая группа [230]. Против реформистской и националистической линии руководства

---

[228] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 684, лл. 20—21.
[229] Там же, л. 22; «Jedność Robotnicza», 9(22).IV 1917.
[230] «Пролетарий», 26.VIII (8.IX) 1917.

Польского социалистического объединения выступала и его весьма влиятельная группа в городе Чугуеве.

Сюда, в Харьковскую губернию, как отмечалось, был эвакуирован из Польши машиностроительный завод Борковского. В коллективе рабочих этого завода было немало социал-демократов. Их деятельность резко активизировалась после того, как в 1916 г. на завод поступил столяр Францишек Перковский (Володыевский), потомственный революционер, превосходный организатор[231]. Еще до Февральской революции он приобрел большой авторитет среди рабочих, добившись создания больничной кассы и организации профсоюза. После революции, занятый в основном работой в большевистской организации и в группе СДКПиЛ, Фр. Перковский не упускал из поля зрения деятельность Польского социалистического объединения и помогал вошедшим в его состав рабочим занять критическую позицию по отношению к руководству объединения. По предложению Фр. Перковского, польские социал-демократы Чугуева вступили в местную организацию Польского социалистического объединения, насчитывавшую около 200 членов, и внутри нее развернули большую разъяснительную работу, в результате которой Польское социалистическое объединение в Чугуеве пошло вместе с большевиками[232].

Вместе с большевиками пошли деятели и ряда других объединений.

В Екатеринославе, с его крупными металлургическими и машиностроительными заводами, в расположенных вокруг него промышленных поселках издавна работали большие группы рабочих — выходцев из Польши. Ряд предприятий этого района принадлежал польским капиталистам или был связан с ними тесными отношениями. Это обстоятельство облегчало занятие в промышленности Приднепровья инженерных и административных должностей специалистами польского происхождения, зачастую привлекавшими на заводы и в шахты польских рабочих. Эвакуированные польские рабочие составляли большинство среди рабочих эвакуированного из Польши машиностроительного завода Рудзкого. Здесь еще до Февральской революции вела революционную

---

[231] О Фр. Перковском см.: ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1501.
[232] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 732, л. 77.

деятельность группа членов СДКПиЛ во главе с А. Войцеховским; известным влиянием на предприятии пользовалась и ППС-«фракция».

После Февральской революции в Екатеринославский Совет рабочих депутатов был избран ряд членов СДКПиЛ и ППС-«фракции». Как пишут в своих воспоминаниях участники событий А. Войцеховский, И. Зиновьев, Г. Стаханов, И. Данилькевич, после низвержения самодержавия «поляки начали организовываться. Все поляки, в том числе и социалисты, решили объединиться в одну организацию»; первоначально «наибольшим влиянием пользовались пепеэсовцы». В возникшее Польское социалистическое объединение «входили и большевистски настроенные поляки, боявшиеся расстроить национальное единство. Ячейка (большевиков) всячески стремилась привлечь их на свою сторону...» При помощи прибывших из ссылки польских социал-демократов Корфанта, Новака и др. большинство участников Польского социалистического объединения стало поддерживать большевиков[233].

Вместе с большевиками пошла и самая многочисленная организация Польского социалистического объединения — в Минске.

Несмотря на многочисленность как коренного польского населения, так и поляков-беженцев, в Белоруссии в силу экономической отсталости страны была весьма невелика пролетарская прослойка и среди населения в целом, и в его польской части. Буржуазные польские элементы в Минске попытались было сразу же после Февральской революции объединить всех поляков и все складывавшиеся польские организации в некий союз, который представлял бы поляков во всех сношениях с общественными организациями и государственной властью[234]. Но эти попытки помешать формированию самостоятельного пролетарского движения оказались сорваны: группа деятелей ППС-левицы и СДКПиЛ приступила к организации польских рабочих. Среди них наиболее заметную роль играли член СДКПиЛ сапожник Ян Барыла, незадолго до революции освобожденный из тюрьмы, а также член СДКПиЛ каменщик Петр Галонзка и

---

[233] «Борьба за Советы на Екатеринославщине. Сборник воспоминаний и статей». Днепропетровск, 1927, стр. 163—164.

[234] «Вестник Минского Губернского Комиссара», 7(20).IV 1917.

члены ППС-левицы сотрудники Польского общества помощи жертвам войны Витольд Фальковский и Стефан Гельтман. Весьма деятельным их соратником оказался унтер-офицер Станислав Берсон [235].

9(22) марта 1917 г. митинг польских рабочих, собравшихся в городском театре, принял приветствие Совету рабочих и солдатских депутатов и заверил его, что плечом к плечу будет бороться против приверженцев старого строя [236]. Многие выступавшие на митинге рабочие и интеллигенты, обсуждая заслушанный ими доклад С. Гельтмана, призывали быть едиными с трудящимися всего мира и сохранить единство своих рядов [237]. С этого митинга практически ведет свое начало Польское социалистическое объединение в Минске. В отличие от подобных по названию организаций в Харькове и в ряде других городов, в Минском Польском социалистическом объединении «фрацкие» элементы не играли сколько-нибудь заметной роли. Изолированные и не пользовавшиеся влиянием, они уже вскоре вышли из объединения, которое постепенно превращалось в революционную организацию. Уже к концу апреля в объединении насчитывалось около 800 членов [238]. Быстрый рост и радикализация объединения в известной мере были обусловлены тем, что Минск оказался одним из тех городов, где в силу местных условий — в данном случае в первую очередь играли роль близость фронта и ставки — происходили бурная поляризация сил и наиболее активные происки контрреволюции, в том числе и польской. Эти происки вызывали энергичный отпор масс.

Председателем правления Польского социалистического объединения в Минске был избран С. Гельтман. Потомок выдающегося революционера 40-х годов С. Гельтман еще в гимназии в Радоме в 1903 г. вступил в нелегальную ученическую организацию. После исключения из гимназии за революционную деятельность он переехал в Краков, где через некоторое время поступил в Ягеллонский университет. Вступив весной 1906 г. в студенческий Союз социалистической молодежи «Спуй-

---

[235] S. Heltman. Robotnik Polski w rewolucji Październikowej na Białorusi. Mińsk, 1927, str. 25—26.

[236] «Известия Минского Совета», 14(27).III 1917.

[237] «Echo Polskie», 14(27).III 1917.

[238] S. Heltman. Указ. соч., стр. 81.

ня», он через некоторое время был избран его секретарем, а затем, в 1907—1909 гг., являлся его председателем. Деятельность С. Гельтмана в «Спуйне» продолжалась до 1912 г., т. е. охватила и тот период, когда председателем Союза социалистической молодежи являлся Юлиан Лещиньский. Принадлежность к различным партиям — С. Гельтман был членом ППС-левицы — не мешала их сотрудничеству и совместной борьбе против пилсудчиковских элементов. В 1912 г. С. Гельтман начал работать в сельской школе в Королевстве Польском, а в 1915 г. переехал в Минск[239].

К 1 Мая 1917 г. Польское социалистическое объединение в Минске издало листовку, в которой призывало трудящихся-поляков бороться за демократическую республику, за восьмичасовой рабочий день, за свободу, равенство и братство[240]. Этот документ не свидетельствует о глубине понимания его авторами особенностей момента и задач революционного рабочего класса. Но следует иметь в виду, что в ту пору в Минске еще не было самостоятельной большевистской организации — до начала июня большевики Минска состояли в объединенной партийной организации, хотя и образовывали в ней достаточно сплоченное революционное ядро[241].

Нечто подобное революционному ядру существовало и внутри Польского социалистического объединения, где и социал-демократы и члены ППС-левицы хотя и не входили формально в партийные группы и секции, но действовали как неоформленные партийные коллективы внутри массовой рабочей организации. Видимо, это и имел в виду, выступая на VI съезде РСДРП(б), руководитель минских большевиков А. Ф. Мясников (А. Мясникянц), когда сообщил съезду, что в Минске действуют такие польские организации, как ППС-левица и СДКПиЛ[242]. Это же сообщение содержалось в письменном отчете, представленном съезду Минской организацией большевиков[243]. Хотя группа СДКПиЛ и секция ППС-левицы

---

[239] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 716, лл. 73—74.

[240] S. Heltman. Указ. соч., стр. 93—94.

[241] «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, ч. I. (1883—1920 гг.)». Минск, 1961, стр. 240—241.

[242] «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы». М., 1958, стр. 68.

[243] Там же, стр. 386.

оформились в Минске лишь в начале 1918 г., практически члены этих партий действовали уже с лета 1917 г. весьма сплоченно внутри Польского социалистического объединения и добились того, что по направлению своей политической линии это объединение шло вместе с большевиками.

Польское социалистическое объединение избрало в Совет рабочих и солдатских депутатов социал-демократа Яна Барылу и Ст. Берсона. Выходец из семьи крупного варшавского капиталиста, Ст. Берсон стал искренним и последовательным революционером. 3 (16) июня общее собрание депутатов Минского Совета ввело его как представителя солдат в состав Исполнительного комитета Совета[244]. На заседании Совета 24 июня (7 июля) Берсон выступил с докладом об опасности, грозящей революции со стороны «ударных батальонов», «Союза георгиевских кавалеров», «Всероссийского союза армии и флота» и подобных контрреволюционных образований[245]. Через три дня, 27 июня (10 июля), Берсон председательствовал на митинге рабочих и солдат-поляков Минска, созванном Польским социалистическим объединением для осуждения попыток формирования польской националистической армии. Участники митинга 638 голосами при трех против и 12 воздержавшихся приняли резолюцию, расценившую планы создания польской армии как проявление милитаризма и империализма польских господствующих классов и призвавшую к проведению агитационной и разъяснительной работы среди солдат-поляков[246].

Польское социалистическое объединение в Минске держалось в стороне от харьковского объединения и хотя направило приветственную телеграмму его второй конференции, проходившей в июне, но решило делегатов на конференцию не посылать[247]. Пытаясь противодействовать Польскому социалистическому объединению в Харькове и помочь польским социалистическим организациям ближайших местностей выработать общую линию, Польское социалистическое объединение в Минске

---

[244] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы», т. I. Минск, 1957, стр. 344.

[245] Там же, стр. 395.

[246] «Известия Минского Совета», 6(19).VII 1917.

[247] S. Heltman. Указ. соч., стр. 31.

явилось инициатором совещания польских социалистических организаций Минской, Могилевской, Витебской, Виленской и Смоленской губерний. Это совещание состоялось 13 (26) мая в Минске. О ходе совещания судить невозможно из-за полного отсутствия необходимых материалов. После совещания у минчан сохранялись связи с польскими социалистическими элементами в Бобруйске, Слуцке, ряде воинских частей [248].

Бесспорно, однако, что не все польские социалистические организации в Белоруссии находились под влиянием минского объединения. В Гомеле, например, куда был эвакуирован завод Варшавского округа Министерства путей сообщения, в марте 1917 г. также возникла организация Польского социалистического объединения. Хотя Полесскому комитету РСДРП(б) удалось в апреле укрепить связи с рабочими этого завода [249], местное Польское социалистическое объединение ориентировалось не на революционную минскую организацию, а на оппортунистическую харьковскую [250]. По ее примеру, в связи с выборами в городскую думу Польское социалистическое объединение в Гомеле образовало избирательный блок с меньшевиками, Бундом и эсерами [251]. Самое же Польское социалистическое объединение в Харькове на муниципальных выборах не только блокировалось с теми же меньшевиками и национал-оборонческим Бундом, но и замалчивало существование кандидатского списка большевиков, поддержанных польскими социал-демократами [252].

Своеобразно складывалось развитие польских рабочих организаций в Одессе, еще до войны являвшейся крупным центром сосредоточения польской интеллигенции и влияния ППС-«фракции». Здесь в марте 1917 г. был создан Польский рабочий союз — организация, по характеру близкая Польскому социалистическому объединению. Насчитывавший первоначально 600 членов Польский рабочий союз заявлял себя защитником интересов рабочего класса, сторонником независимой, объединенной демократической Польши и обещал поддерж-

---

[248] S. Heltman. Указ. соч., стр. 36.

[249] «Трудящиеся Гомельщины в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.). Хроника событий». Гомель, 1958, стр. 21.

[250] S. Heltman. Указ. соч., стр. 56.

[251] «Новая жизнь», 24.VI (7.VII) 1917.

[252] «Jedność Robotnicza», 4(17).VI 1917.

ку русским революционным партиям[253]. В качестве представителей Польского рабочего союза в Одесский Совет рабочих депутатов были избраны А. Вонсик (ППС-левица) и М. Финкельштейн-Зембовский (ППС-«фракция»)[254].

Вскоре Польский рабочий союз стал ареной ожесточенной борьбы между националистическими элементами и социалистическими элементами. В составе последних были как члены ППС-левицы, так и члены СДКПиЛ. В июне 1917г. Польский рабочий союз раскололся на две части — социалистическую, которую поддержало большинство членов союза, и националистическо-реформистскую. Первая создала Польский социалистический рабочий союз, вторая образовала Народно-социалистический рабочий союз «Спуйня»[255].

«Спуйня» объявила себя целиком стоящей на платформе ППС-«фракции». О том, что позиции ее были достаточно сильны, говорит многочисленность членов «Спуйни»: к июлю в ней состояло более 500 человек[256].

Руководителем Польского социалистического рабочего союза был А. Вонсик — член ППС с 1905 г., неоднократно подвергавшийся преследованиям за революционную деятельность; еще до войны он переехал на постоянное жительство в Одессу и работал в местных польских организациях[257]. Деятели Союза разработали весьма обстоятельную политическую программу. Этот документ свидетельствует о том, что Польский социалистический рабочий союз считал себя солидарным с русской революцией и с рабочим классом всей Европы в борьбе за мир «путем ниспровержения нынешних буржуазных правительств и переустройства жизни Европы на принципах полной свободы народных масс».

Союз высказывался за право наций на самоопределение, а своим главным политическим требованием выдвигал лозунг независимой, объединенной, демократической Польши. Однако будущую Польшу Союз видел лишь как парламентскую республику с рядом элементарных социальных завоеваний рабочего класса: восьмичасовым

---

[253] Государственный архив Одесской области (далее — ГАОО), ф. 3829, оп. 1, д. 10, л. 7.

[254] Там же, д. 11, л. 6.

[255] Там же, д. 11, л. 36.

[256] Там же, л. 27.

[257] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 39, л. 2.

рабочим днем, гарантированным минимумом заработной платы, примирительными камерами из представителей рабочих и предпринимателей и т. п. Программа предусматривала переход в управление демократического правительства некоторых средств производства — железных дорог, предприятий, монополизированных союзами фабрикантов, и др., а также отчуждение правительственных, кабинетных, дарственных земель и крупной земельной собственности (последней — за вознаграждение) в целях снабжения безземельного и малоземельного крестьянства достаточным для самостоятельного ведения хозяйства количеством земли [258].

Практически провозглашенная Союзом задача — «переустройство капиталистического строя на социалистических основаниях» — сводилась к ряду демократических реформ, не затрагивавших основ капиталистического способа производства. Если вспомнить, что программа Союза составлялась в обстановке приближавшейся социалистической революции, то она предстанет как незрелый документ. Эта программа совершенно обходила вопросы об отношении к Советам и опыту революционной борьбы рабочего класса России, отличалась умеренностью и осторожностью. В программе Польского социалистического рабочего союза в конденсированном виде проявилась ограниченность, слабость той части ППС-левицы, которая хотя решительно отмежевалась от пилсудчиковских элементов, но не успела сделать правильные выводы из хода событий в России, прислушаться к голосу большевиков. Естественно, что внутри Польского социалистического союза, насчитывавшего летом 1917 г. около 1000 членов [259], вскоре же после его образования возникла острая борьба между подлинно революционными элементами и возглавлявшими Союз деятелями. Не лишено интереса, что и последние решительно отмежевались от харьковского Польского социалистического объединения [260].

Естественно, что создание и деятельность объединительских организаций не могли не привлечь серьезного внимания революционной социал-демократии.

---

[258] ГАОО, ф. 3829, оп. 1, д. 11, лл. 28—30.
[259] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 39, л. 2об.
[260] Там же, л. 5.

Из далекого Иркутска пришла в «Трыбуну» заметка «Объединительская махинация», опубликованная за инициалами В. М., — вероятнее всего, автором ее был Винценты Матушевский. В этой заметке выражался протест против деятельности Польского социал-демократического союза в Иркутске — одной из организаций, подобных Польскому социалистическому объединению в Харькове, — как против организационной фикции[261].

Против создания и деятельности объединительских организаций «Трыбуна» выступила с обширной статьей «Социалистическое единство или отступничество от основ?» В этой статье, развивавшей то положение, что единство возможно только на принципиальной основе, особенно интересны несколько суждений, высказанных в адрес ППС-левицы. Подтвердив, что между СДКПиЛ и ППС-левицей сохраняются существенные различия, орган групп СДКПиЛ в России достаточно смело и прозорливо, опережая более чем на год завершение процесса, который в ту пору еще был виден с большим трудом и пробивался вопреки позиции руководства ППС-левицы в России, писал, что левица быстро переходит на позиции социал-демократии и объединение их — вопрос времени. «Если нельзя удивляться тому, что кое-где на местах сложился союз социал-демократов и левицы, то совсем иначе обстоит, когда дело доходит до союза с «фраками», давно отказавшимися от классовой борьбы во имя национального единства в целях приобретения „независимости“»[262].

Итак, попытки ППС-«фракции» создать организации Польского социалистического объединения увенчались известным успехом лишь в ряде городов, но не в важнейших центрах России. В связи с этим Петроградская группа ППС-«фракции» еще весной выпустила листовку, в которой сетовала по поводу того, что якобы проявление партийных и личных амбиций со стороны других польских организаций сделало невозможным создание «единого» Союза польских социалистов[263]. Но и там, где подобные союзы возникли, вскоре же обнаружилась эфемерность всяких расчетов социал-националистов на возможность сколько-нибудь продолжительного един-

---

[261] «Trybuna», 24.VI (7.VII) 1917.
[262] Там же, 3 (16).VI 1917.
[263] AZHP. PPS, 305/III/40, podt. I, k. 13, 1.11.

ства, основанного на навязывании революционным элементам оппортунистического и националистического руководства.

Создание Польского социалистического объединения, Польского социалистического рабочего союза и подобных им организаций несколько затормозило процесс формирования и роста революционных польских сил в России. Но все более накалявшаяся атмосфера классовой борьбы неизбежно обрекала на провал самую затею «нейтрализации» польского рабочего движения в России. Предвестником этого провала являлось непрерывное обострение борьбы внутри объединительских организаций, причем против националистических и реформистских деятелей, подвизавшихся в этих организациях, постепенно все тверже (хотя и не всегда последовательно) стали выступать не только оказавшиеся в них отдельные члены СДКПиЛ, но и деятели ППС-левицы.

9

ППС-левица определяет свои позиции

Секции ППС-левицы стали создаваться в различных городах России вскоре после Февральской революции. В марте сложилась секция ППС-левицы в Петрограде. Первоначально в ней состояло лишь 12 членов, но уже в мае ее состав возрос до 160 человек[264]. В связи с численным ростом секции возникла необходимость в создании районных организаций в Выборгском, Невском и Нарвском районах столицы. На некоторых предприятиях, в частности на заводе «Айваз», были созданы производственные низовые организации — кружки. Представителями секции в Петроградский Совет являлись первоначально Ст. Будкевич и С. Круликовский, а затем — только последний. Политические позиции секции определялись тем, что она, с одной стороны, отклонила предложения ППС-«фракции» о сотрудничестве и признала воз-

---

[264] «Robotnik w Rosji», 7(20).VI 1917.

можным сотрудничать лишь с СДКПиЛ, а с другой, — продолжая и возобновляя давнишние связи, установила контакты как с меньшевиками-интернационалистами, так и с Бундом. Связи с ними непрерывно расширялись, и на одном из своих собраний Петроградская секция ППС-левицы постановила в своей политической деятельности поддерживать меньшевиков-интернационалистов и выступать в блоке с ними[265]. Такое же решение после продолжительной дискуссии приняла в мае конференция Выборгско-Лесновской районной организации ППС-левицы[266].

22 апреля (5 мая) оформилась секция ППС-левицы в Москве, насчитывавшая в момент организации 18, а к концу месяца — уже около 100 членов[267]; в мае сложилась секция ППС-левицы в Киеве[268]; с течением времени секции возникли также в Бердянске, Казани, Саратове, Царицыне, Нижнем Тагиле, Харькове и в других городах. В Москве, как и в Петрограде, секции ППС-левицы были образованы и в некоторых городских районах.

Численность отдельных провинциальных секций была весьма значительна. Нижнетагильская секция, организационное собрание которой состоялось 4(17) июня, привлекла на свое первое собрание 80 человек — рабочих Высокогорского завода и железнодорожников[269].

Образование ряда секций ППС-левицы тормозилось и затруднялось действиями ППС-«фракции». В Сормове организация секции началась еще в марте, но «фраки», утверждая, что между ними и членами ППС-левицы «теперь нет разницы и одни и другие договорились и работают в одной партии», внесли столько сумятицы, что секция оформилась лишь 30 июня (13 июля)[270]. Надолго задержали «фраки» образование секции ППС-левицы и в Нижнем Новгороде[271].

В первой половине апреля заграничное представительство Центрального рабочего комитета ППС-левицы — высшего органа ППС-левицы — приняло обраще-

---

[265] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 41, л. 4.
[266] Там же, лл. 6—7.
[267] Там же, д. 35, л. 3.
[268] «Robotnik w Rosji», 7(20).VIII 1917.
[269] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 38, лл. 1—2.
[270] Там же, д. 37, л. 9.
[271] Там же, л. 4.

ние «К российскому революционному пролетариату», посвященное оценке задач рабочего движения. В этом обращении, опубликованном в России в июле 1917 г., вполне правильно подчеркивалось, что хотя царизм низвержен, «но империализм продолжает существовать. Военная программа царизма не уничтожена одновременно с ним самим». Большинство Временного правительства, отмечалось в обращении, состоит из представителей империалистической буржуазии, «выступает, хотя и в свободолюбивом убранстве, как наследник и душеприказчик низверженного царизма». Русская революция нанесла удар по империалистическим замыслам. «Здание старой Европы оказалось подожженным с русского края». Разоблачая утверждения буржуазных пропагандистов о том, что империалистическая война продолжается во имя новой цели — освобождения Польши, — обращение указывало: «Лживому лозунгу продолжения войны за освобождение и воссоединение Польши польский пролетариат противопоставляет лозунг революции в Польше, как и во всей Европе» [272].

Обращение содержало верную оценку обстановки и в целом правильно ориентировало сторонников ППС-левицы в вопросах войны и империализма. Но ни в обращении, ни в своей практической деятельности руководство ППС-левицы не сумело выработать последовательно правильной политической линии.

В мае Петроградская и Московская секции ППС-левицы приняли решение о сплочении секций, существовавших в различных городах, и о создании печатного партийного органа. Петроградская группа направила для переговоров с местными группами С. Круликовского, члена партии с 1901 г., активного участника революции 1905—1907 гг., проведшего многие годы в царских тюрьмах и в ссылке, бывшего члена Варшавского комитета партии и ее Центрального Рабочего Комитета.

7 (20) мая на основе соглашения Петроградской и Московской секции ППС-левицы было создано центральное руководство ППС-левицы в России, в состав которого вошли: С. Круликовский, бывший деятель Варшавской организации Даниель Будняк, бывший член Варшавского комитета партии Францишек Пенташевский, один из

---

[272] «Robotnik w Rosji», 7(20).VII 1917.

видных партийных лидеров, член Заграничного секретариата партии, соредактор партийного журнала «Мысль социалистычна» и член высшего партийного органа — Центрального Рабочего Комитета — Людвик Пинкус и член Заграничного секретариата партии Юзеф Чонгликьский. Вскоре в центральное руководство ППС-левицы (Центральный Исполнительный комитет ППС-левицы в России) вошли возвратившиеся в мае 1917 г. из эмиграции П. Левинсон (Ст. Лапиньский) и старейший деятель польского рабочего движения Ф. Кон[273]. Местные организации ППС-левицы сложились в секции и группы. Определяющим для ППС-левицы, как и для других партий, был вопрос о месте, которое она займет в борьбе пролетариата против буржуазии.

Решительная, бесповоротная размежевка, борьба против мелкобуржуазных иллюзий, приукрашенных фразеологией «социализма», а на деле служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат,— вот что стоит на очереди дня, — указывал В. И. Ленин в статье «Луиблановщина» — одной из первых статей, написанных им после возвращения из эмиграции[274]. ППС-левица в России как раз шла как бы от обратного, длительное время блуждая в тумане мелкобуржуазных иллюзий и увлекая за собой часть польских трудящихся.

В определении политического места своей партии лидеры ППС-левицы в России стали на глубоко ошибочный путь. Свидетельств тому более чем достаточно. В этом отношении особый интерес представляет пространное письмо секретаря ЦИК ППС-левицы в России Л. Пинкуса членам Московской секции партии. Последние, видимо, выражали недоумение по поводу того, что руководство ППС-левицы явно противопоставляет себя революционной партии российского пролетариата. Пытаясь рассеять эти недоумения, Л. Пинкус в своем письме от 11(24) июня нарисовал весьма искаженную картину положения в рабочем движении России. Ему представлялось, что тут противоборствуют три силы. Первая из них — это меньшевики, стоящие на оборонческой и оппортунистической позиции. Не может быть и речи о том, чтобы поддерживать их; но в то же время, «обере-

---

[273] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, лл. 8—9.
[274] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 127—130.

гая от компрометации свое доброе партийное имя», писал Пинкус, ППС-левица не вправе поддержать и большевиков, поскольку они — «ленинцы» и «анархо-бланкисты». Повторив, таким образом, обычные измышления меньшевистских писак, для которых гордое слово «ленинец» стало чем-то вроде бранной клички, и, отожествив по их же нехитрому приему ленинцев с бланкистами, Пинкус уверял, что ППС-левица должна избегать сотрудничества как с шовинистами, так и с «авантюристами». Он убеждал Московскую секцию «не поддерживать общую тактику Ленина» и высказывал свое положительное отношение к курсу Ю. Мартова, к линии меньшевиков-интернационалистов. Признавая нежелательным, чтобы в условиях России ППС-левица вела борьбу против СДКПиЛ, Пинкус считал, что на практике такая борьба неизбежна, так как обе партии в русских условиях разделяет «прежде всего отношение к ленинизму»[275].

Письмо секретаря ЦИК ППС-левицы в России отражало, конечно, не только частное мнение его автора, а линию, возобладавшую в руководстве левицевцев.

Формирование этой линии проходило не без противодействия со стороны руководящего актива ППС-левицы, так как вопрос об отношении к РСДРП, включенный в повестку дня уже второго заседания ЦИК ППС-левицы, состоявшегося 8(21) мая, получил свое формальное разрешение лишь через месяц. Но практически ЦИК ППС-левицы как раз накануне своего заседания наглядно показал, что он ставит ППС-левицу рядом с колеблющимися, мечущимися меньшевиками-интернационалистами, с которыми ППС-левица порвала лишь после их открытого перехода в лагерь контрреволюции.

7(20) мая в Петрограде открылась общероссийская конференция объединенных и меньшевистских организаций. Делегатом конференции от ППС-левицы с совещательным голосом был С. Круликовский[276]. Тотчас же после вступительной речи И. Г. Церетели, содержавшей попытку оправдать один из самых черных актов предательства меньшевиками дела рабочего класса — вступление меньшевиков во Временное правительство, — и приветствия от меньшевистской «Рабочей газеты» на трибу-

---

[275] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 35, лл. 33—37об.
[276] Там же, ф. 275, оп. 1, д. 7, л. 12об.

ну конференции поднялся Круликовский. В короткой речи он отметил необходимость тесной связи польского рабочего движения с русским рабочим движением и высказался за вхождение ППС-левицы в состав российской партии — речь шла, понятно, о партии меньшевиков. Напомнив об опыте, связанном с деятельностью депутата IV Государственной думы Е. Ягелло, который, как известно, входил в думе в меньшевистскую «семерку», противодействовавшую работе депутатов-большевиков, Круликовский заверил в приверженности ППС-левицы идеям Циммервальда и Кинталя (где ППС-левица занимала центристские позиции). Он пожелал участникам конференции выяснить свои позиции, «чтобы мы [ППС-левица.— *А. М.*] могли здесь, в России, составлять часть общей сплоченной части интернационального движения»[277].

Конференция объединенных и меньшевистских организаций не смогла создать «общей сплоченной» организации хотя бы потому, что политика Церетели и его компании подверглась резкой критике со стороны очень многих делегатов. Круликовский, помимо приветственного слова, во время первого заседания не высказывал своего отношения к обсуждавшимся вопросам. На заседании конференции, происходившем 10(23) мая, внеочередное слово получил Феликс Кон, только что приехавший в Петроград из Швейцарии.

В довольно яркой, пронизанной несомненно искренним интернационализмом речи Ф. Кон с удовлетворением отметил единство русского и польского пролетариата. Говоря о первых жертвах, понесенных польским рабочим классом, — расправе царизма над «пролетариатчиками», — он сказал: «И мы с гордостью отмечаем, что рядом с польским рабочим пал русский революционер. Эти виселицы поставлены рядом». Польский народ боролся рядом с русским против царизма, а рядом с австрийцами и германцами — против кайзеров. Подчеркнув интернационализм польского рабочего движения, Ф. Кон вместе с тем приписал польскому рабочему

---

[277] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 8, лл. 3—3об. В стенографическом отчете заседания фамилия Круликовского написана с ошибкой: «Куликовский».

классу единство, базирующееся на принципах Циммервальда и Кинталя[278].

Иллюзорные представления Ф. Кона и о единстве польского рабочего движения, и об интернационализме той аудитории, которая находилась перед ним,— а тон в этой аудитории задавали министры-социалисты и другие оборонцы — объясняются не только тем, что, очутившись на пылавшей революционным пожаром земле России, Ф. Кон не смог сразу понять, где же источник революционного пламени. Позиция ППС-левицы определялась своеобразным местом, которое исторически заняла эта партия в польском рабочем движении. Отмежевавшись от социал-национализма, она не перешла еще на революционные позиции. К тому же процесс революционизирования той части партии, которая действовала в России, проходил медленнее, чем в самой Польше. С возвращением из эмиграции Ф. Кона и Павла Левинсона (Ст. Лапиньского) не могли не усилиться центристские тенденции в ППС-левице: на августовской конференции 1912 г., созванной по инициативе Л. Троцкого, Левинсон был одним из четырех делегатов от ППС-левицы; участвуя в Циммервальдской конференции, он не примкнул к ее левой, сплотившейся вокруг В. И. Ленина части, а входил в ее центр; как и Ф. Кон, он в первые годы войны в эмиграции тесно сотрудничал с Ю. Мартовым...[279]

Центристская позиция руководства ППС-левицы в России достаточно отчетливо проявилась в позиции, занятой в связи с приближавшимися выборами в городские и районные думы. Меньшевики-интернационалисты и близкая им газета «Новая жизнь» изображали дело так, что «муниципальные выборы не „носят столь ярко выраженного политического характера“ (как выборы в Учредительное собрание)... Сводить выборы в столице во время революции к чисто (или хотя бы преимущественно) „муниципальной“ программе, это — нечто чудовищно-нелепое,— писал В. И. Ленин в связи с позицией меньшевиков-интернационалистов. — Это — издевка над опытом всех революций. Это — насмешка над здравым смыслом рабочих, прекрасно знающих, что роль Пите-

---

[278] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 8, л. 38.

[279] F. Tych. PPS-lewica w latach wojny 1914—1918. Warszawa, 1960, str. 15, 83, 85, 95 и др.

ра — руководящая, а иногда *и решающая*»[280]. В конечном счете в четырех из 12 районов столицы интернационалистские группы меньшевиков вошли в избирательный блок с большевиками на выборах в районные думы, в двух из этих районов в блок входили также межрайонцы, в двух других районах только межрайонцы пошли на блок с большевиками, в четырех районах большевики выступали, не блокируясь[281]. Польские социал-демократы целиком и безоговорочно повсеместно поддерживали большевиков, в кандидатских списках которых был ряд членов СДКПиЛ. А ЦИК ППС-левицы 15(28) мая принял двусмысленное решение: общей директивы в отношении выборов не давать и лишь в четырех районах, где с большевиками блокировались меньшевики-интернационалисты, агитировать и голосовать за единые с большевиками списки[282]. Тем самым в остальных районах столицы сторонников ППС-левицы ориентировали на противодействие большевикам.

Неустойчивая линия руководства ППС-левицы в России встречала упорное и крепнущее сопротивление со стороны ряда секций этой партии. Особенно заметно это противодействие оказывала Московская секция. Здесь видную, все более значительную роль играл член ППС-левицы с 1908 г. Мирослав Здзярский. Ученик гимназии в Плоцке, он начал свою сознательную жизнь в том кружке, где складывались мировоззрение и характер таких выдающихся деятелей польского и международного коммунистического движения, как Юлиан Лещиньский и Эугениуш Пшыбышевский, Владислав Фигельский. Позже в царских тюрьмах судьба свела его с другими видными деятелями СДКПиЛ — Эдвардом Прухняком, Генриком Штейном (Краевским) и др.[283]. Приехав весной 1917 г. в Москву из Верхоянской ссылки, Здзярский участвовал в создании секции ППС-левицы, был избран в ее Исполнительный комитет и склонял секцию к сотрудничеству с большевиками[284]. Но позиция руководства ППС-левицы мешала этому сотрудничеству

[280] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 69.

[281] Там же, стр. 68.

[282] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 9.

[283] E. Próchniak. Autobiografia.— «Z pola walki», 1958, N 4, str. 225.

[284] J. Tomicki. Mirosław Zdziarski.— «Z pola walki», 1960, N 2(10), str. 119.

и тянула левицевцев к союзу с меньшевиками-интернационалистами. Правда, продолжая политику колебаний и неопределенности, ЦИК ППС-левицы решил не объединяться с меньшевиками-интернационалистами, но пригласить представителя последних на проектировавшуюся общероссийскую конференцию левицевцев[285]. Политическая декларация мартовцев была полностью воспроизведена в первом номере органа ППС-левицы в России — «Работник в Росйи»[286]. Это не означает, понятно, что в деятельности ППС-левицы не было никаких точек соприкосновения с революционным лагерем,—такие точки соприкосновения сохранялись в течение ряда месяцев и у меньшевиков-интернационалистов. К тому же, если последние в конечном счете оказывались в лагере контрреволюции, то руководство ППС-левицы в России, не говоря уже о рядовых членах этой партии, после колебаний все же в конечном счете пришло к пониманию необходимости защиты дела пролетарской революции.

Одним из свидетельств того, что ППС-левица не была чужда понимания необходимости сотрудничества с подлинно революционными силами в целях совместного отпора опасным проискам польской контрреволюции, служило ее отношение к делавшемуся все более острым вопросу о формировании польской армии в России. Петроградская секция ППС-левицы приняла еще 12(25) апреля 1917 г. особую декларацию по этому вопросу. В этой декларации, подписанной С. Круликовским, ППС-левица решительно выступила против проектов создания польской армии, с помощью кото [illegible] «партия польской реакции», хочет «как пр[illegible] тать рабочих и крестьян, чтобы, как прежде, возбуждать и разжигать начинающуюся рознь... Довольно бойни народов!»[287]

Необходимость противодействия планам создания польской армии обсуждалась и на совещаниях лидеров ППС-левицы, и на заседаниях ее ЦИК. 15(28) мая ЦИК ППС-левицы поручил Ф. Кону и Л. Пинкусу войти в соглашение с СДКПиЛ о совместной позиции по отношению к созывавшемуся в Петрограде съезду военнослу-

---

[285] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 14об.
[286] «Robotnik w Rosji», 7(20).VII 1917.
[287] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 53, д. 55, лл. 28—29; ф. 5118, д. 2. Россыпь.

жащих-поляков[288]. На следующем заседании, 23 мая (5 июня), ЦИК ППС-левицы положительно отнесся к предложению польских социал-демократов об образовании единой фракции на съезде военнослужащих[289]. К работе, связанной со съездом военных, были привлечены от правления Петроградской секции ППС-левицы Ст. Будкевич и члены ППС-левицы, делегаты съезда солдат Костшева, матрос Р. Муклевич и офицер Вл. Матушевский[290]. Общность позиции по частным, но важным вопросам облегчала установление контактов между отдельными секциями и группами ППС-левицы и СДКПиЛ. В частности, контакт между собой установили важнейшие секции обеих партий — петроградские[291]. Но более типичным для деятельности ППС-левицы весной и летом 1917 г. было не стремление к сотрудничеству с СДКПиЛ, а метание в поисках политического пути. Частными примерами этого метания могут послужить, с одной стороны, письмо некоего Кауфмана, который из Семипалатинска призывал Мирослава Здзярского «идти дорогой Ленина»[292], а с другой — эпизод, произошедший на разъезде Кващенково Самарово-Златоустовской железной дороги, где по требованию члена Исполнительного комитета Совета, члена ППС-левицы Пжедпольского было прекращено распространение опубликованного в мае в «Правде» проекта наказа при выборах делегатов Советов[293]. Когда группа местных работников приступила к размножению и распространению проекта наказа, в котором депутатам предлагалось добиваться немедленного щи[illegible] грабительской войны, немедленного взятия [illegible] царских, монастырских, удельных и помещичьих земель и т. п., то Пжедпольский добился конфискации листовки под тем предлогом, что это — «литература погромная, и если она попадет крестьянину в деревню, то будут беспорядки». Давая оценку действий Пжедпольского и тех, кто его поддержал, редакция «Правды» писала, что «они поступили как сознательные или несознательные враги революции»[294].

---

[288] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, лл. 2 об., 11.
[289] Там же, л. 12.
[290] Там же, д. 6, л. 4.
[291] «Robotnik w Rosji», 7(20).VII 1917.
[292] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 7, л. 1об.
[293] «Правда», 7(20).V 1917.
[294] Там же, 4(17).VI 1917.

Два приведенных эпизода довольно наглядно говорят о том, что промежуточность позиции, занятой ППС-левицей, приводила к тому, что в этой партии как-то уживались и несомненное тяготение к большевикам, к социалистической революции у одной части ее членов и страх другой части перед революцией и ведущей к ней партией большевиков.

При оценке деятельности ППС-левицы в России нельзя не обратить внимание на то, что амплитуда колебаний, склонявшая позиции партийного руководства в течение длительного срока, по меньшей мере до лета 1918 г., ко все бо́льшему противопоставлению большевистской партии, не повторялась в такой же мере и в такой же степени ее местными организациями. Многие из них более обстоятельно и более правильно определяли свои позиции, занимали место рядом с революционными силами, поддерживали их. Неустойчивость политической линии и практической деятельности была характерной чертой деятельности ППС-левицы. Другая характерная ее черта, справедливо отмеченная польским историком Феликсом Тыхом, состояла в том, что руководство ППС-левицы в России занимало более реформистскую позицию, чем руководство всей партии в самой Польше[295].

К лету 1917 г. завершился начальный период организационного оформления польских социалистических организаций в России: сложилось большинство их местных групп и секций, выделилось руководство, определились основные направления их политической деятельности. Наиболее близкой большевизму в польском социалистическом движении в России показала себя польская социал-демократия. Это место польской социал-демократии было подготовлено всей ее предшествующей историей.

---

[295] F. Tych. Указ. соч., стр. 127.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Польские интернационалисты в период мирного развития революции

(май — июнь 1917 г.)

I

Дальнейшее идейно-политическое и организационное укрепление польской социал-демократии. Выход в свет газеты «Трыбуна» и образование Исполнительного Комитета групп СДКПиЛ в России

Выступая 8(21) мая 1917 г. на собрании Петроградской партийной организации с докладом об итогах VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), В. И. Ленин указывал, что партия должна терпеливо разъяснять рабочим и крестьянам, что и окончание войны, и переход земли к крестьянам, и преодоление разрухи и голода будут достигнуты только тогда, когда весь народ на своей собственной практике, а не из книжек поймет, что только полная власть рабочих и крестьян, только власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов поможет начать решительную борьбу и за мир, и за землю, и за социализм. «Мы, большевики,— говорил В. И. Ленин,— должны терпеливо, но настойчиво разъяснять рабочим и крестьянам наши взгляды. Каждый из нас должен забыть прежние взгляды на нашу работу, каждый, не ожидая того, что приедет агитатор, пропагандист, более знающий товарищ и все разъяснит,— каждый должен сделаться всем: и агитатором, и пропагандистом, и устроителем нашей партии»[1].

Несомненно, что среди примерно шести тысяч членов партии, собравшихся на доклад В. И. Ленина в одном из крупнейших помещений Петрограда — здании Морского кадетского корпуса, было немало и польских социал-демократов. Как и все большевики, они в своей практической работе стремились следовать рекомендациям В. И. Ленина, выражавшим требования самой жизни.

Много сил и внимания польские социал-демократы уделяли выполнению общепартийных поручений.

Как теоретическая зрелость М. Козловского, так и его революционный опыт и знание юриспруденции побудили ЦК большевистской партии возложить на него

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 51.

исключительно ответственное поручение — представлять партию в Особом совещании для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Буржуазное правительство, полагая, что присутствие одного большевика не отразится на работе этого совещания, составленного из буржуазных правоведов и политических деятелей, утвердило 23 мая (5 июня) М. Козловского представителем ЦК РСДРП в совещании[2].

Но М. Козловский весьма убедительно показал, что даже один революционер, умело пользуясь предоставленными ему правами, может многое сделать в борьбе против антидемократических элементов. Уже на втором заседании совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание, происходившем 25 мая (7 июня), он выступил с внеочередным заявлением против состава совещания, не представляющего трудящегося населения страны. Прерываемый председателем, он потребовал реорганизации состава совещания на основе пропорционального представительства, соответствующего соотношению общественных классов в России. При этом, указывал он, Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов надлежало бы получить 80% мест в составе совещания[3].

Вслед за тем он решительно выступил против предложения ограничить возраст избирателей 20-ю годами, доказывая, что «опыт как раз и делает, по сравнению с детьми буржуазных классов, из рабочего и крестьянина в возрасте 18 лет уже совершенно сознательных людей»[4].

Из ряда других выступлений М. Козловского в особом совещании, направленных против предложений о лишении избирательных прав лиц, дезертировавших из царской армии, против предложения о сохранении избирательных прав за членами бывшего царского дома и по другим вопросам, особого рассказа заслуживает его речь, произнесенная 30 мая (12 июня). Один из буржуазных ораторов, выступавших за М. Козловским, не мог не признать что М. Козловский прочитал «малень-

---

[2] «Вестник Временного правительства», 25.V(7.VI) 1917.

[3] «Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание». Пг., 1917, стр. 49—51.

[4] Там же, стр. 97.

кую очень содержательную и яркую лекцию по большевизму»[5]. Действительно, это выступление М. Козловского содержало краткое, но весьма выразительное изложение марксистских взглядов на государство, право и революцию. Отметив, что в России происходит революция, авангардом которой является сознательный рабочий класс, М. Козловский указал, что движущей силой революции является рабочий класс и трудящееся крестьянство. «Пролетариат и трудящееся крестьянство — вот два элемента, которые не идут сейчас, как обычно в старых буржуазных революциях Западной Европы, в хвосте буржуазных классов, а которые представляют самостоятельный класс, находящийся в антагонизме с буржуазией»[6].

Это выступление М. Козловского особенно интересно достаточно четко выраженной идеей союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в борьбе против буржуазии, за социалистическую революцию. Следовательно, ленинские положения о движущих силах социалистической революции, о рабоче-крестьянском союзе не только стали восприниматься польскими социал-демократами в России, но и нашли в лице ряда деятелей СДКПиЛ, в данном случае — в лице М. Козловского, своего убежденного пропагандиста.

В плане широкой пропаганды марксистско-ленинских идей выступал М. Козловский на вызвавшем значительный общественный отклик процессе о дворце Кшесинской, состоявшемся в 58-м участке петроградского суда. На этом процессе, возбужденном М. Кшесинской против революционных организаций, занявших с согласия Исполнительного комитета Совета дворец, брошенный в момент революции любовницей Николая II, М. Козловский, с глубоких принципиальных позиций отстаивая в частном вопросе интересы ответчиков, использовал предоставленные ему возможности для того, чтобы изобличить Временное правительство в стремлении сохранить незыблемость правопорядков, существовавших при царизме.

Отклонив попытки представить действия революционных организаций как «бесправный захват», М. Козлов-

[5] «Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание». Пг., 1917, стр. 171.

[6] Там же, стр. 165.

ский заявил на суде: «В каком смысле можно говорить о бесправном занятии дворца во время революции, в час переворота 27 февраля? В какой мере можно 27 февраля ссылаться на право, на „правовой порядок"? Занятие дворца, состоявшееся к тому же с согласия Исполнительного комитета Совета, предотвратило его разгром толпой, для которой Кшесинская была почти как член царской семьи и в такой же степени ненавидима. И вообще необходимо дать себе отчет, насколько правильно говорить во время революции о праве, о правовых основах и правопорядках. Ведь сама революция была произведена против правопорядка, против порядка, охранявшегося правом... Во время революции происходит насильственный переход власти из рук одного класса в руки другого... И не является тайной для нас, юристов, что, с точки зрения юридического кодекса, мы, юристы, адвокаты и судьи, действующие от имени „революционного правительства", должны были бы оказаться на виселице»[7].

Суд и не пытался оспаривать неотвратимые доводы М. Козловского. Но суду и Кшесинской протянуло руку помощи меньшевистско-эсеровское большинство Исполнительного комитета Совета: оно предложило броневому дивизиону, также находившемуся во дворце, очистить помещение. Через некоторое время руководящие партийные инстанции — ЦК и ПК большевиков — также покинули дворец и разместились в здании Смольного института.

Интерес к процессу по поводу дворца Кшесинской, послужившему изобличению прислужничества и Временного правительства, и большинства Совета перед царской фавориткой, был так велик, что даже бульварные газеты поместили довольно полное изложение выступления М. Козловского на суде, невольно содействуя распространению марксистских взглядов на вопросы права и на основы правопорядка, охранявшегося и насаждавшегося Временным правительством[8].

Развивая основные теоретические положения, содержавшиеся в речи на процессе о дворце Кшесинской, М. Козловский вскоре выступил в «Трыбуне» со статьей «Царское право и революция». Право, указывал он, «как

---

[7] «Trybuna», 17(30).VI 1917.

[8] См., напр.: «Петроградский листок», 6(19).V 1917; «Петроградская газета», 6(19).V 1917 и др.

каждая идеологическая надстройка, выражает соотношение общественных сил» и меняется в соответствии с изменениями в соотношении этих сил, особенно когда классовый антагонизм достигает высшей остроты и приводит к революции. Особенности сложившихся отношений в том, что пришедшее к власти Временное правительство сразу же постаралось получить от старой власти своего рода признание «легальности» переворота и попыталось сохранить как все старые государственные учреждения, так и «правопорядок», существовавший при царизме. Цель таких действий — надеть на пролетариат кандалы царского «права». Но этой игре положит конец новая волна революции, которую не видят только слепые или те, кто закрывает глаза на действительность. «Победивший народ полностью разрушит старую государственно-правовую организацию, организацию угнетения рабочего класса, создаст новый порядок, отвечающий интересам широких народных масс — новый правовой порядок»[9].

Статья М. Козловского, в которой широко и удачно использовались мысли К. Маркса о государстве, праве и революции, существенно обогащала читателей польской социал-демократической газеты теоретической постановкой ряда актуальнейших вопросов современности. Знакомство с этой статьей помогало уяснить, что Временное правительство цепляется за старое царское право и за старые учреждения и что только новая революция в состоянии создать новый, исходящий из интересов народа правопорядок.

Польские социал-демократы помогали большевикам не только бороться против существовавшего порядка и готовить основы нового строя, но и содействовали им в использовании уже действовавших учреждений в политических и социальных интересах народа. В первую очередь эта работа велась в Советах и была связана с происходившим их обновлением, с выборами новых депутатов. Затем существенным элементом этой работы явилось участие в муниципальной кампании, в выборах в районные и городские думы.

В отличие от позиции буржуазных и социалистических партий, пытавшихся свести выборы в городские и

[9] «Trybuna», 24.VI(7.VII) 1917.

районные думы лишь к «чисто» муниципальным вопросам, большевики, В. И. Ленин выдвинули на выборах муниципальную платформу, центром которой явились три главных коренных политических пункта:

«1) Никакой поддержки империалистской войне...

2) Никакой поддержки правительству капиталистов.

3) Не дать восстановить полиции. Замена ее всенародной милицией»[10].

В обеих больших политических кампаниях — перевыборах в Петроградский Совет и выборах в районные думы — польские социал-демократы вели широкую общеполитическую партийную работу и специальную работу среди польского населения. При выборах в Совет польские социал-демократы действовали только как составная часть большевистской партии, а при выборах в думы в отдельных районах столицы, где это диктовалось местными условиями, польские социал-демократы выступали как участники возглавлявшегося большевиками блока интернационалистов. В Рождественском районе, например, кандидаты были выдвинуты совместно районной организацией РСДРП, Петербургской группой СДКПиЛ, Петроградской организацией Латышской социал-демократии[11]; в Нарвском районе — районной организацией РСДРП, межрайонцами, польской, литовской, латышской, эстонской национальными группами большевиков[12]. То, что национальные организации польских и других социал-демократов были заявлены в избирательные комиссии как национальные группы большевиков, говорило о их единстве с большевистской партией и об особом внимании последней к интересам избирателей из среды временного польского, латышского и другого населения. Среди кандидатов в думу Нарвского района было особенно много польских интернационалистов: тут баллотировались и член СДКПиЛ с 1907 г. рабочий завода «Сименс-Шуккерт» Адам Кочаровский, и член СДКПиЛ с 1899 г., многократно арестовывавшийся царскими властями за революционную деятельность, сапожник Владислав Прусс[13], и представитель Измайловского полка в

---

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 25.

[11] «Солдатская правда». Газета Военной организации при ЦК РСДРП, 18(31).V 1917.

[12] Там же, 21.V(3.VI) 1917.

[13] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. ОО, лл. 137—138 и 141.

районный комитет Военной организации при ЦК РСДРП Зыгмунт Вонсович и др.

На выборах в районную думу Выборгской стороны большевистский список получил абсолютное большинство голосов и завоевал подавляющее большинство мест—37 из 59. Среди большевиков — гласных этой думы были Н. К. Крупская, Л. М. Михайлов (Политикус), а также М. Козловский, избранный председателем думы. В своей вступительной речи, произнесенной при открытии думы, М. Козловский развивал ленинские взгляды на роль местного самоуправления, на необходимость для населения самому взять в свои руки организацию общественной жизни и создать ее новые формы, а не предоставлять управление общественными делами бюрократии, чиновничеству [14].

Муниципальная избирательная кампания происходила не одновременно: в столице и в других городах выборы проводились в различные сроки.

Во время муниципальной избирательной кампании польская социал-демократия обрела мощное орудие организации и воспитания масс: 27 мая (9 июня) в Петрограде вышел первый номер газеты «Трыбуна» — органа групп СДКПиЛ в России (с номера 3 газета выходила как орган Исполнительного Комитета групп СДКПиЛ в России). Над титулом газеты была помещена надпись: «Российская Социал-Демократическая Партия. Социал-Демократия Королевства Польского и Литвы»; эта надпись подчеркивала неразрывный братский союз русского и польского пролетариата и полное единство его революционного авангарда. Дух революционного интернационализма, характерный для СДКПиЛ, отражал лозунг, под которым выходила «Трыбуна»: «Да здравствует революционный Интернационал!»

Газете было дано традиционное название — именно так называлась легальная газета, одно время издававшаяся СДКПиЛ в Варшаве; «Нова Трыбуна»—легальная газета правдистского направления — выходила в 1914 г. в Петербурге; «Наша Трыбуна» — так называлась газета СДКПиЛ, выходившая с перерывами в 1915—1918 гг. в Варшаве.

Издание «Трыбуны» стало возможно в результате сбора средств среди рабочих, начатого по инициативе

[14] «Правда», 19.VI(1.VII) 1917.

«Правды», и материальной поддержки со стороны ЦК РСДРП(б). Сообщая товарищам в Москву о намерении приступить к изданию социал-демократической газеты, Ю. Уншлихт писал: «Мы хотим издавать партийную газету. Если вы согласны, мы обратимся в ЦК [большевистской партии.— *А. М.*] за деньгами». В Москве, видимо, поддержали этот план, и вскоре Бр. Весоловский получил от ЦК РСДРП(б) 1500 рублей в фонд средств для организации газеты польской социал-демократии [15]. Как показывают записи в кассовых книгах ЦК большевистской партии, и в дальнейшем ЦК выделял небольшие суммы в фонд «Трыбуны». 177 рублей — остаток от собранных и сбереженных ею средств — передала в фонд «Трыбуны» редакции «Жичэ» [16]. Очевидно, тогда же начался сбор средств среди рабочих. А 28 мая (10 июня) Петроградская группа СДКПиЛ провела в театре Путиловского завода платные выступления А. М. Коллонтай на тему «Россия и международная революция» (на русском языке) и доклад Ю. Лещиньского «Польша и революция» (на польском языке). Весь сбор пошел в пользу «Трыбуны» [17].

Первый номер «Трыбуны» открывался редакционной статьей, в которой разъяснялось значение для польских рабочих в России своей газеты и излагалась линия, которую она будет проводить. «Трыбуна», говорилось в статье, «будет идти вперед дорогой интернациональной борьбы... Она будет следовать примеру братского органа—«Нашей Трыбуны», выходящей в стране. Над новой «Трыбуной» будет развеваться наш старый боевой стяг. Мысль Маркса будет для нас проводником в лабиринте жизненных проблем». У буржуазии много своих трибун, писала газета, рабочий же класс должен поддержать свою «Трыбуну» [18].

Далее в газете была помещена статья «На посту», принадлежавшая перу Ю. Лещиньского (Ленского). В статье отмечалось, что в польском рабочем движении лишь одна СДКПиЛ с самого начала империалистической войны была на своем революционном и интернацио-

---

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 139, л. 31, а также: «Вопросы истории КПСС», 1963, № 9, стр. 105.

[16] «Trybuna», 10(23).VI 1917.

[17] «Солдатская правда», 28.V(10.VI) 1917.

[18] «Trybuna», 27.V(9.VI) 1917.

налистском посту и вела борьбу как с социал-патриотизмом, так и с эндецкой пропагандой. Ю. Лещиньский указывал, что под влиянием революции в России рабочее движение в Польше принимает массовый характер.

В статье «Господа советники» Ст. Бобиньский разоблачал созданный оккупантами в Польше Государственный совет как орган, прислуживающий захватчикам и в то же время вынашивающий захватнические планы по отношению к смежным восточным землям — Литве, Белоруссии, Украине. Во имя этих целей не только польские помещики, но и ППС в лице одного из своих представителей в Государственном совете, В. Куновского выражала готовность закрепить связи оккупантов с Польшей путем... провозглашения ее монархией с немецким принцем на троне!

Анализируя текущий момент в России, Т. Гневич (Зб. Фаберкевич) в статье «Взгляд на русскую революцию» отмечал, что Советы, в которых преобладали в то время меньшевики и эсеры, под влиянием революционного «оборончества» идут на соглашение с буржуазией. Они уступили буржуазии как в момент политического кризиса, вызванного аннексионистской нотой Милюкова, так и при образовании коалиционного правительства.

Развивая положения большевиков о необходимости ликвидации господства буржуазного правительства как основного условия окончания войны, Зб. Фаберкевич писал: «Недалекое будущее покажет, что коалиционное правительство не в состоянии распутать положение и в короткий срок закончить войну. Тогда всю власть возьмет в свои руки демократия — и в согласии с революционной демократией Запада закончит кровавую резню и введет в Европе новый порядок» [19].

В редакционной статье «Война и революция» газета поясняла своим читателям, что русская революция развивается, что она уже представляет собой не только политический переворот, но начало радикальной перестройки социальных отношений. Русская революция вызвала широкие отклики во всем мире. Революционный пролетариат всего мира имеет общие с русским народом цели. В вызванном революцией движении рождается новый Интернационал.

---

[19] «Trybuna», 27.V(9.VI) 1917.

Основываясь на информации, поступившей от товарищей из Стокгольма, газета помещала ряд сведений о конкретных примерах влияния борьбы рабочего класса России на события в Польше: сообщалось о массовых выступлениях польских трудящихся, о документах, в которых СДКПиЛ, действовавшая в стране, выражала полную солидарность с русским пролетариатом, о голодных демонстрациях в Варшаве, усилении преследований со стороны оккупантов, в частности аресте немецкими властями видных деятелей СДКПиЛ Ю. Ротштата («Красного»), Г. Каменьского и др. В связи с положением в стране газета в статье «Вокруг польской армии» разоблачала планы оккупантов и их польских союзников и ставленников создать «польскую армию», которая служила бы для борьбы против революционного движения.

С первого своего номера «Трыбуна» выступала не только как пропагандист и агитатор, но и как организатор польских рабочих масс в России. В этой связи особое значение имела редакционная статья «К вопросам организации», посвященная актуальнейшим задачам партийного строительства. В статье объяснялось, что только единая, сплоченная партия, объединяющая трудящихся всех национальностей, отвечает требованиям освободительной борьбы пролетариата. Как Бунд, так и ППС, напирая на языковые и другие различия, не объединяют, а разобщают рабочий класс, дробят его силы. Создание самостоятельной партии польского рабочего класса в России или самостоятельных союзов польских социалистов отрывает польских рабочих в России от общих задач революционной борьбы, ослабляет революционные силы, мешает осуществлению целей польских рабочих. Их партийные организации могут действовать только в составе РСДРП, и не как отдельные организации, а как группы или секции при соответствующих организациях РСДРП. Объединять польских рабочих вокруг идущей во главе революции РСДРП — такова задача польской социал-демократии, писала «Трыбуна».

В заметке «Внимание — железнодорожники!» газета отмечала успехи в организации одного из отрядов эвакуированных в Россию польских рабочих — железнодорожников. Преодолевая цеховую разобщенность и противопоставление рабочих одних железных дорог рабочим других железных дорог, железнодорожники зало-

жили основы единой профессиональной организации. Передовая их часть решительно заявляет: «Идем вместе с рабочим классом России и поэтому профсоюз железнодорожников должен быть организацией, имеющей явно выраженный классовый характер...»

Положение в Польше, положение в России, задачи польских трудящихся и их место в общероссийском рабочем движении, партия — принципы ее строительства, отвечающие ленинскому учению о партии нового типа, ее руководящая роль, место польских социал-демократических организаций в РСДРП(б), профессиональное движение, борьба с буржуазным национализмом и с социал-национализмом,— таков весьма неполный перечень острых, важных вопросов современности, на которые давала ответы «Трыбуна».

С выходом «Трыбуны» польский пролетариат в России приобретал боевой печатный орган на родном языке. Положение «Трыбуны» было не из легких — в польской печати она одна противостояла всем остальным многочисленным польским периодическим изданиям, выходившим в Петрограде, Москве, Киеве, Минске, Харькове и отражавшим либо буржуазно-националистические, либо реформистские взгляды.

В своем втором номере «Трыбуна» уделила особое внимание тому, что тяга польских рабочих, разбросанных по всей России, к сплочению, к организации зачастую приводит к созданию безыдейных союзов. Стремление к единству социалистических рядов, писала газета, в ряде случаев вызвало отказ от революционных принципов и отрыв от единства с революционным движением в России.

Польский пролетариат в России, указывала газета, должен быть с русским пролетариатом и его революционной партией. «Единственной революционной партией,— заявляла она,— является Российская социал-демократическая партия с Центральным Комитетом во главе». «Трыбуна» пропагандировала ленинскую оценку текущего момента и решительно утверждала, что вся власть должна перейти к Советам, а в Советах неизбежен переход большинства к революционным рабочим и крестьянам [20].

---

[20] «Trybuna», 3(16).VI 1917.

Большое место газета продолжала уделять важнейшему вопросу — о партии польского пролетариата в России. Газета разъясняла, что так как рабочий класс может иметь только одну партию, то не следует создавать отдельных и самостоятельных союзов польских социалистов, а достаточно ограничиться созданием лишь польских групп при Российской социал-демократической рабочей партии. «Нам не следует ослаблять и разделять единство революционной борьбы, а прежде всего надо крепить единство, централизованную Российскую социал-демократическую рабочую партию, которая идет во главе революции»,— писала «Трыбуна». «Для нас, товарищи, ясно как день,— продолжала газета,— что совместная борьба с русским пролетариатом требует и единой организации... Нужно помнить, что нашей обязанностью является вступление в ряды российской партии» [21].

С первых же номеров «Трыбуна» широко открыла свои страницы корреспонденциям с мест, информационным материалам, письмам читателей. «Трыбуна» явилась боевым организующим органом польской революционной социал-демократии. Она играла выдающуюся роль в пропаганде партийных взглядов и в сплочении трудящихся. Газета быстро завоевала признание польских трудящихся в России [22]. Она смело и решительно вела борьбу против всей буржуазной и реформистско-националистической печати, выходившей на польском языке в России. В одном лишь Петрограде «Трыбуне» противостояло пять ежедневных буржуазных польских газет («Дзенник народовы», «Дзенник Петроградзки», «Дзенник польски», «Курьер новы», «Новы курьер литевски»), еженедельники ППС-«фракции» — «Глос роботника и жолнежа» и «Петроградзки глос роботника», еженедельник ППС-левицы «Роботник в Росйи», ряд

[21] Там же.

[22] Об интересе к газете свидетельствуют, в частности, поступавшие в ее адрес денежные переводы, отправители которых просили высылать им «Трыбуну». Такие переводы поступали со всех концов России: из г. Меленки, Владимирской губернии, из Оренбурга, Ярославля, с борта линкора «Евстафий» Черноморского флота, из 20-го инженерного полка действующей армии, со станции Зилово Амурской железной дороги, из штаба IX армейского корпуса, из Кавказского отдельного горного артиллерийского дивизиона и т. д. (ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 419, лл. 6—22).

буржуазных, клерикальных и других еженедельников. Польская социал-демократическая газета — младший собрат «Правды» — последовательно и энергично разоблачала все формы и разновидности национализма и реформизма и неизменно пропагандировала идеи пролетарского интернационализма и социалистической революции.

К голосу газеты, к ее слову прислушивались и те, кто еще не сумел разобраться в обстановке, кто еще искал путей, ждал советов. Наивно, но искренне звучал, например, телеграфный запрос, поступивший в газету 25 августа (7 сентября) 1917 г. из Мариуполя: допустим ли блок польских социал-демократов с оборонцами? Газета ответила коротко и исчерпывающе: «Польским социал-дем[ократам] недопустимо блокироваться [с] оборонцами. Трыбуна» [23].

«Трыбуна» доходила и до поляков — военнопленных из числа солдат немецкой и австрийской армий. Она помогала им приобщаться к политической борьбе трудового народа России [23а].

Не только передовая часть польских трудящихся в России потянулась к «Трыбуне» и увидела в ней своего боевого вожака — линия польской социал-демократической газеты находила поддержку большевистской печати и русского рабочего класса. Об одном из таких проявлений солидарности «Правда» поместила короткую, но глубоко выразительную заметку, поступившую в газету накануне выхода первого номера «Трыбуны». В письме, к которому было приложено 63 рубля, рабочие меднопрокатного и трубочного завода бывшего Розенкранц (ныне — «Красный Выборжец») приветствовали польскую социал-демократическую газету, «которая пойдет по тому пути, что и „Правда“» [24]. В другой заметке рабочие завода Щетинина сообщали, что они «горячо приветствуют первую польскую социал-демократическую газету „Трыбуну“, являющуюся выразительницей идей революционного интернационализма и тесной солидарности с русским рабочим классом»; в фонд газеты рабочие направили 54 рубля 95 коп. [25] Вслед за тем редакция газе-

[23] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 1826, л. 230.

[23а] E. Semil. Prred druga wojną była pierwsza Warszawa, 1965, str. 189—190.

[24] «Правда», 11(24).V 1917.

[25] Там же, 9(22).VI 1917.

ты получила деньги, собранные рабочими механической сапожной мастерской, слушателями морского училища дальнего плавания, рабочими завода военно-врачебных заготовлений и т. д.[26] Поддержка польского и русского пролетариата явилась источником силы «Трыбуны».

Газета быстро завоевала популярность и признательность у широких кругов читателей. Уже вскоре после выхода в свет первого номера редакция «Трыбуны» — а основную работу по изданию газеты вели Ю. Лещиньский и Зб. Фаберкевич — стала получать пожелания успехов из различных мест. 29 рабочих Екатеринодара — города, в котором не было польских социалистических организаций, — приветствовали «Трыбуну» как газету, которая будет защищать интересы не только польского трудового люда, но и международной армии пролетариата; Саратовская группа СДКПиЛ, Польская секция (группа СДКПиЛ) при Невской районной организации РСДРП(б) и многие другие выражали удовлетворение выходом газеты в свет. Понимая свой долг, рабочие собирали средства в фонд газеты. Деньги поступали с фабрики «Скороход», от рабочих Невского, Нарвского, Василеостровского и других районов Петрограда; газета столь близко пришлась сердцу честных пролетариев, что на заводе «Новый Парвиайнен» сбором средств на издание «Трыбуны» занимался член ППС-«фракции», т. е. член партии, позиции которой были глубоко враждебны революционным позициям СДКПиЛ[27]. Деньги в ряде случаев собирались одновременно и в фонд русских большевистских газет и «Трыбуны»; так, в частности, поступили рабочие завода «Герлях и Пульст», собравшие средства для харьковского «Пролетария» и «Трыбуны»[28]. «Сообщение о первой польской социал-демократической газете, выходящей в России, очень нас обрадовало. Она будет мощным оружием нашей борьбы против отечественной реакции», — писали в газету ее читатели[29].

Издательская деятельность СДКПиЛ не ограничивалась только созданием «Трыбуны». Помимо листовок, выпускавшихся отдельными группами, в Петрограде бы-

---

[26] Там же, 21.VI(4.VII), 5(18).VII 1917 и др.
[27] «Trybuna», 8(21).VII 1917.
[28] «Пролетарий», 2(15).VI 1917.
[29] «Trybuna», 24.VI(7.VII) 1917.

ли изданы сборники польских революционных песен тиражом в 5 тыс. экземпляров, партийный манифест 1916 г., изобличавший политику немецко-австрийских оккупантов в Польше, сборник резолюций Базельского конгресса II Интернационала, Циммервальдской и Кинтальской конференций тиражом в 6 тыс. экземпляров, популярная пропагандистская брошюра В. Либкнехта «Пауки и мухи» тиражом в 10 тыс. экземпляров; столь же внушительным по тому времени тиражом была издана программа РСДРП. Как сообщала Петроградская группа СДКПиЛ, все эти издания она смогла предпринять лишь «благодаря энергичной помощи широких масс как польских, так и русских...» [30]

Сам факт издания программы РСДРП заслуживает тем большего внимания, что этот документ содержал ленинскую постановку национального вопроса. Здоровое революционное чувство и, видимо, зародившееся сомнение в правильности собственных позиций в отношении права наций на самоопределение побудили Петроградскую группу СДКПиЛ еще раз подчеркнуть свое единство с РСДРП изданием на польском языке ее программы.

Нельзя не отметить, что революционная интернационалистская постановка вопроса о единстве революционных интересов польского и российского рабочего класса не сочеталась в деятельности СДКПиЛ с развернутым ответом на все вопросы о специальных интересах польского рабочего класса, глубоко волновавшие широкие круги эвакуированных в Россию польских трудящихся. С нетерпением ожидая часа возвращения на родину, многие сотни тысяч рабочих-беженцев искали исчерпывающего разъяснения перспектив и актуальных задач революционной борьбы в Польше.

Между тем руководители групп СДКПиЛ в России, правильно выдвигая на первый план задачи русской революции, от победы которой в прямой зависимости находилось дело и национального и социального освобождения Польши, в своей повседневной революционной деятельности недостаточно подчеркивали и разъясняли реальность перспектив на создание независимого Польского государства. Это являлось результатом недооценки специальных задач и национальных интересов поль-

---

[30] «Trybuna», 17(30).VI 1917.

ской многомиллионной эмиграции периода войны. Польские социал-демократы, справедливо полагая, что победа социалистической революции в России открывает путь к национальному и социальному освобождению польского народа, но продолжая недооценивать марксистско-ленинские взгляды по национальному вопросу, не придали также должного значения развитию своих взглядов на будущее устройство Польши. Естественно, что этими слабыми сторонами деятельности групп СДКПиЛ старались воспользоваться в своих интересах националистические и реформистские элементы польской эмиграции, пытавшиеся представить СДКПиЛ как партию, чуждую польским национальным интересам, как партию, всецело поглощенную «лишь» делом социализма и русской революции.

Сама практика повседневной революционной деятельности помогала лидерам СДКПиЛ в России становиться на правильный путь в постановке вопроса о будущем Польши. В известной мере поступательное движение в этом вопросе было связано с дальнейшим партийным строительством и обоснованием его основных задач.

1(14) июня состоялось общее собрание членов Петроградской группы СДКПиЛ. Собрание заслушало отчеты бюро группы и районных секций, утвердило подготовленное Московским и Петроградским бюро предложение о создании центрального руководящего органа, указало на необходимость энергичной работы среди солдат. Собрание группы избрало бюро группы в составе К. Циховского, Зб. Фаберкевича, Я. Здзеховича и др. Петроградская группа решительно высказалась против участия представителей СДКПиЛ в совещании представителей политических партий, созывавшемся Ликвидационной комиссией. В своей резолюции группа отметила, что Ликвидационная комиссия выражает только интересы собственнических классов. В этой резолюции была выдвинута идея создания для защиты интересов трудящихся, эвакуированных из Польши, особой комиссии на основе сотрудничества социал-демократов с ППС-левицей, Бундом и заинтересованными профсоюзными организациями[31]. Получив поддержку польских беженцев, эта

[31] «Trybuna», 10(23).VI 1917.

идея нашла свое несколько видоизмененное осуществление в образовании после Октябрьской революции Польского комиссариата и Совета революционно-демократических организаций.

Примерно к маю относится находящееся в делах Московской группы СДКПиЛ обращение ко всем группам СДКПиЛ в России. В этом документе, составленном от имени Петроградской и Московской групп СДКПиЛ, указывается, что деятельность всех групп СДКПиЛ должна быть единой и соответствовать принципам польской социал-демократии и всей революционной социал-демократии, а организационное отношение к РСДРП — единообразным. Помимо совместной с революционным пролетариатом России борьбы против российской контрреволюции, перед польскими социал-демократами стоят задачи борьбы с польской реакцией. «Мы должны создать дисциплинированные кадры революционной армии пролетариата, которая, закалив себя в огне русской революции, возвратилась бы в страну, чтобы начать штурм основ капитализма»,— так последовательно революционно и интернационалистически определялись задачи, которые предстояло решать польским социал-демократам по возвращении на родину. Далее в документе указывалось, что Петроградская и Московская группы СДКПиЛ берут на себя инициативу образования центрального органа — Временного главного правления партии, которое будет находиться в Петрограде, и перечислялись те задачи, которые это временное правление должно было решать; указывался также состав предлагаемого временного правления: Ф. Дзержинский, Бр. Весоловский, Ю. Уншлихт, Ст. Бобиньский, Ю. Лещиньский. Заканчивался документ просьбой ко всем группам СДКПиЛ обсудить выдвигаемые предложения и телеграфно уведомить об отношении к ним [23].

Вопрос о создании руководящего партийного органа давно назрел. Но план создания Временного главного правления (Временного центрального комитета) таил в себе опасность как некоторого обособления от РСДРП(б), так и противопоставления Главному правлению СДКПиЛ, действовавшему в Польше.

---

[32] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 401, л. 32—33.

Ряд обстоятельств позволяет предположить, что это обращение не было разослано группам СДКПиЛ: его не удалось обнаружить в делах какой-либо из местных групп; кроме того, не только карандашный экземпляр, но и имеющиеся в деле машинописные копии не имеют даты, а заканчиваются указанием на месяц, обозначенный в родительном падеже[33]. Следовательно, предполагалось поставить определенное число, но, видимо, это число не было поставлено, так как составители этого документа поняли ошибочность своего предложения о Временном главном правлении. В пользу этого предположения говорит позиция, занятая Ф. Дзержинским. 7(20) июня 1917 г. Ф. Дзержинский писал своим друзьям в Москву и Петроград из Оренбургской губернии, где он находился в то время на лечении: «Я должен протестовать против этого проекта [планов создания Временного главного правления.— *А. М.*] — он неприемлем для нас. Мы не можем брать пример с подобного рода действий ППС и Бунда... В России мы не можем вообще иметь Г. П. [Главное правление, ЦК. — *А. М.*]... Мы могли бы иметь здесь Г. П., если бы мы являлись партией. На самом же деле мы являемся здесь органической частью РСДРП, будучи слиты с ней территориально. Мы должны иметь здесь „исполнительный орган *групп* СДПиЛ в *России*" под руководством ЦК партии...[34] Существование же Г. П. предполагает ведение самостоятельной политики в отрыве от партийного единства; наша же позиция прямо противоположная: политическая линия определяется для нас не в наших группах, а в рамках общепартийной организации. Характер нашей организации является вспомогательным — организационно-агитационным... По-русски название нашего исполнительного органа могло бы быть „Исполнительный Комитет групп СДКПиЛ в России"[35]. Я считаю желательным создать это учреждение немедленно, не ожидая съезда групп. Что касается его компетенции, то мы установили

---

[33] «...maja 1917 г.».

[34] В этой части письма речь идет о Центральном Комитете большевистской партии, так как в аббревиатуре руководящий орган Польской социал-демократии всегда, равно как и в цитируемом письме Ф. Дзержинского, обозначался буквами ГП — Главное правление.

[35] Последняя часть фразы в подлиннике написана по-русски, а все письмо, как и почти все использованные в статье архивные источники,— по-польски.

бы это на съезде, теперь целью его и задачей является представительство нас (польских с.-д.) и организация новых групп и их съезда».

Далее в письме Ф. Дзержинского было высказано несколько соображений в связи с планами созыва в Стокгольме конференции циммервальдцев, отмечено, что вышедшая «Трыбуна» «очень суха», указано, что совместные выступления с ППС-левицей возможны «лишь путем присоединения их к большевикам и, поскольку они не присоединяются, необходимо с ними бороться...»

Возвращаясь к вопросу об отношении СДКПиЛ в России к В. И. Ленину, к большевикам, Ф. Дзержинский решительно отмечал, что большевики — «это единственная активная с.-д. организация *пролетариата*, и если бы мы были вне ее, то оказались бы вне пролетарской революционной борьбы»[36].

Письмо Ф. Дзержинского, интересное во многих отношениях, особенно важно определением места групп СДКПиЛ в России как части большевистской партии, являющейся ее организационно-агитационным органом, объединяющим польских социал-демократов в России.

Точка зрения Ф. Дзержинского на организационное оформление СДКПиЛ в России как части большевистской партии разделялась большинством деятелей польской социал-демократии. Об этом говорит и то, что 10 (23) июня — пожалуй, еще до того, как письмо Ф. Дзержинского прибыло к адресату,— в «Трыбуне» появилось сообщение о создании Исполнительного Комитета групп СДКПиЛ в России. В состав Исполнительного Комитета вошли Ф. Дзержинский, Ю. Уншлихт, Ст. Бобиньский, Ю. Лещиньский, Ст. Будзыньский, Э. Прухняк, Я. Фенигштейн; кандидатами в члены Исполкома были: член СДКПиЛ с 1904 г. Стефания Пшедецкая, С. Лазоверт, Бр. Весоловский, М. Броньский[37].

Свои задачи Исполнительный Комитет групп СДКПиЛ в России определял следующим образом: быть организационным центром всех групп СДКПиЛ в России и поддерживать контакт с организациями СДКПиЛ в Польше; представлять все группы, в том числе в сно-

[36] ЦПА ИМЛ, ф. 76, л. 1098, оп. 1, лл. 1—2. В переводе письма, помещенном в книге: Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 252—254, имеются некоторые неточности.

[37] «Nasza Trybuna», 9.XI 1918.

шениях с Центральным Комитетом РСДРП; проводить издательскую работу и руководить партийным органом «Трыбуна»; подготовить созыв в ближайшее время конференции всех групп СДКПиЛ в России[38]. Исполнительный Комитет обратился ко всем группам СДКПиЛ с просьбой сообщить свои адреса, количество членов, состав руководящих органов, уведомить о своем финансовом положении[39].

Таким образом, почти одновременно в идейно-политической жизни и организационной деятельности СДКПиЛ в России произошли два исключительно важных события: создание центрального печатного органа и образование руководящего центра партийных групп польской социал-демократии. Оба эти события показали, что развитие польской социал-демократии в России шло в революционном и интернационалистском направлении и было всецело подчинено делу победы социалистической революции как в России, так и в Польше.

Как начавшееся издание «Трыбуны», так и образование Исполнительного Комитета групп СДКПиЛ в России говорили об успешном партийном строительстве польской социал-демократии в России, проходившем в неразрывном идейном и организационном единстве с большевистской партией. Эти успехи СДКПиЛ имели тем большее значение, что в связи с ходом революционных процессов в России и в связи с широкой деятельностью польских буржуазных националистическо-реформистских и других антипролетарских и непролетарских организаций СДКПиЛ в России оказалась перед рядом новых, сложных и ответственных задач.

---

[38] «Trybuna», 10(23).VI 1917.
[39] Там же, 24.VI(7.VII) 1917.

2

Военная работа польских интернационалистов

Одной из главнейших задач групп СДКПиЛ и всех польских интернационалистов в России являлась военная работа и борьба против военных планов польских буржуазных националистов.

Польские социал-демократы приняли весьма деятельное участие в осуществлении ленинского плана всеобщего вооружения народа[40], вылившегося в строительство Красной гвардии. Уже в состав временной комиссии по организации Красной гвардии в Петрограде, сформированной в апреле 1917 г., вошло много польских рабочих-интернационалистов: от 1-й мастерской Петроградского трубочного завода — Казимеж Наркевич[41], от завода механической обработки металлов — Владислав Потоцкий[42], от Военно-подковного завода — Казимеж Чечейнас[43] и др. Рабочие завода «Сименс-Шуккерт» на общем собрании избрали в городскую временную комиссию по организации Красной гвардии Антона Пацевича и Адама Кочаровского[44]. Пожалуй, избрание в штаб складывавшейся Красной гвардии явилось первым заметным актом участия в пролетарской революции 32-летнего Адама Кочаровского, члена СДКПиЛ с 1907 г., в дальнейшем под именем Адама Славинского боровшегося за власть Советов, за мировую революцию и занимавшего позже ответственный пост члена Политического секретариата Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала[45].

На общегородском собрании по вопросам рабочей милиции, состоявшемся 28 апреля (11 мая), было представлено 82 предприятия Петрограда[45a]; если и среди

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 34—47.
[41] ГАОРСС ЛО, ф. 8466, оп. 1, д. 1, л. 98.
[42] Там же, л. 157.
[43] Там же, л. 179.
[44] Там же, лл. 124—125.
[45] Там же, ф. 834, оп. 1, д. 123, л. 1.
[45a] «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, стр. 145.

делегатов было немало поляков-интернационалистов, то в самих отрядах Красной гвардии их было во много раз больше. Столь же активно, как и в Петрограде, польские интернационалисты участвовали в формировании Красной гвардии во всех промышленных центрах России. Например, на заводе «Герлях и Пульст» была создана одна из первых рабочих дружин Харькова, на основе которых в городе сложилась Красная гвардия [45б].

Заметным было участие польских социал-демократов в работе Военной организации при Московском комитете РСДРП(б). Неоднократно по ее поручению перед солдатами выступал Ф. Дзержинский [45в]. Он был поставлен во главе созданной 14(27) апреля специальной комиссии МК большевиков, которой было поручено восстановить в Москве Военную организацию большевиков и руководить созданием Красной гвардии [45г]. Уже через три дня, 17(30) апреля, Ф. Дзержинский провел специальное собрание солдат-поляков Московских мастерских тяжелой артиллерии, среди которых, как сообщал он в письменном отчете, «имеется довольно много» социал-демократических элементов [45д].

Довольно много польских интернационалистов было среди организаторов отрядов Красной гвардии на предприятиях и в отдельных районах Москвы. В Замоскворечье, например, одним из руководителей пролетарских вооруженных отрядов являлся Михал Кжеминьский (Кржеминский), член ППС с 1904 г., член ППС-левицы с 1906 г. Освобожденный Февральской революцией из тюрьмы, он вскоре же вступил в большевистскую партию и занялся по ее поручению формированием отрядов вооруженного народа [46]. На заводе Бромлея организатором отряда Красной гвардии был член СДКПиЛ Ян Альбрехт [47], на фабрике Высоцкого — член СДКПиЛ с 1903 г., депутат Московского Совета Мечислав Крав-

---

[45б] П. Павлюк. Харківська Червона гвардія. Київ, 1948, стр. 27.

[45в] А. Хацкевич. Солдат великих боев. Минск, 1961, стр. 126.

[45г] Н. Шатагин. Организация и строительство Советской Армии в 1918—1920 гг. М., 1954, стр. 9.

[45д] ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, 1095, л. 1.

[46] ГАОРСС МО, ф. 2188, оп. 1, д. 645.

[47] Там же, ф. 2169, оп. 1, д. 25.

чиньский[48], позднее одним из видных руководителей красногвардейского строительства в Москве стал Якуб Венглиньский[49] и т. д.

Так польские социал-демократы, рабочие и солдаты активно включались в военное обучение рабочих, в осуществление ленинского курса на подготовку рабочего класса и беднейшего крестьянства к борьбе за второй, социалистический этап революции.

К сожалению, пока еще не удалось обнаружить материалы, рассказывающие о первых шагах деятельности СДКПиЛ среди поляков — солдат и офицеров русской армии, среди солдат сформированной еще в январе 1917 г. в составе царской армии Польской стрелковой дивизии.

Не подлежит никакому сомнению, что процесс революционизирования русской армии в равной степени затронул солдат всех национальностей, в том числе и солдат-поляков. Польские националисты считали лучшим способом противодействия вовлечению военнослужащих-поляков в революционное движение сведение их в польские национальные части. Немедленное осуществление подобной меры, пишет эндецкий военный историк Г. Багиньский, «спасло бы военнослужащих-поляков от обольшевичевания в рядах российской армии»[50]. Поэтому давнишние планы создания особых польских частей получили новый стимул.

Вся правая польская буржуазная печать тотчас же после Февральской революции стала на все лады расписывать «необходимость» выделения поляков из русской армии и сведения их в польские части и соединения, в польскую армию. Помимо общих изданий для пропаганды милитаристских планов, выпускался в свет ряд специальных изданий, вроде начавших выходить в Киеве 19 марта (1 апреля) 1917 г. «Вядомосцей войсковых»[51]. Этот орган, так же как и разделявшие его позицию «Газета польска», «Новы курьер литевски» и др., пытались воздействовать на солдат утверждениями, что только

---

[48] ГАОРСС МО, ф. 2184, оп. 1, д. 891.

[49] Там же, ф. 2192, оп. 1, д. 201 и ф. 2186, оп. 1, д. 951.

[50] H. Bagiński. Wojsko polskie na Wschodzie, 1914—1920. Warszawa, 1921, str. 107.

[51] «Wiadomości wojskowe». Tygodnik illustrowany wojskowy. Kijów, 19.III(1.IV) 1917.

многочисленная польская армия, созданная в России, сможет закрепить неизбежный, но не близкий разгром Германии освобождением Поморья и некоторых других старинных польских земель.

Все милитаристские польские круги в России с восторгом приветствовали вступление в апреле 1917 г. в войну против Германии Соединенных Штатов Америки. Рекламируя силы США, польские милитаристы старались раздуть оборонческие настроения среди польских солдат.

Но как ни старались польские националисты, процесс «обольшевичевания» охватывал не только солдат-поляков, находящихся рядом с русскими и другими солдатами, но и солдат, служивших в существовавших уже польских воинских частях. Тот же Багиньский вынужден был признать, что агитация, проводившаяся левыми элементами, «связанными с большевиками, усиливала имевшую место сумятицу в мыслях солдат-поляков, обольщая их близким уже заключением мира и возвращением на родину»[52]. Сама 1-я Польская стрелковая дивизия, «разагитированная российской революцией, колебалась: быть или не быть»[53]. Реакционное командование принимало различные меры. Сторонников большевиков удаляли из польских частей. Так, в целях «оздоровления» дивизии из 3-го полка за короткий срок было отчисленно 170 человек, из 4-го полка—225[54].

У передовой части военнослужащих-поляков росло стремление противодействовать планам реакции, помешать созданию контрреволюционных польских воинских частей. В поисках ответа на острые вопросы современности солдаты-поляки нередко сами обращались к организациям СДКПиЛ. Группа солдат-поляков 4-го Несвижского полка направила 9(22) мая 1917 г. письмо руководству СДКПиЛ, в котором просила дать совет о том, что им надлежит делать. «Все мы рабочие,— писали солдаты,— и только вместе с вами будем бороться, верим, что ваше стремление то же, что и наше. Товарищи! Крикнем громко,— заканчивали солдаты свое письмо:— Да здравствует С.-Д. Королевства и Литвы!»[55]

---

[52] H. Bagiński. Указ. соч., стр. 126.
[53] Там же, стр. 78.
[54] Там же, стр. 56.
[55] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 40, лл. 10—11.

Солдаты 26-го запасного полка и главных автомобильных мастерских 11-й армии единогласно высказались против планов создания польской армии, «которая не имеет ничего общего с интересами польского рабочего и крестьянина и нужна лишь польской буржуазии...»[56]

Особенно значительным оказалось революционное движение среди солдат расположенного в Белгороде польского запасного полка. Этот полк был развернут в январе 1917 г. из батальона польской стрелковой бригады при преобразовании ее в дивизию. Полк в дальнейшем сыграл большую роль в борьбе с корниловцами, а затем выделил кадры в ряд частей Красной Армии, прославивших ее боевыми делами. Белгородский полк был самым многочисленным польским формированием русской армии.

Сразу же после Февральской революции в ротах и батальонах этого полка были избраны солдатские комитеты, а также полковой комитет. В состав полкового комитета вошло около 50 человек, в том числе 9 офицеров. Председателем комитета являлся Кароль Вальц, щеголявший революционными фразами, но практически ориентировавшийся на польские «либерально-демократические» буржуазные круги. В революционное ядро полкового комитета входили солдаты Станислав Дзяткевич, в прошлом рабочий-мостовик, Антон Цихоньский, старший унтер-офицер Казимеж Пысь, бывший учитель из Варшавы С. Гузовский, подкапитан, бывший учитель из Лодзи, затем один из прославленных командиров Красной Армии Петр Боревич, а также Мариан Левандовский, Бронислав Гаврысь и др. Все они были связаны с большевистской организацией, в июне 1917 г. выделившейся из объединенной организации РСДРП[57], и стали членами большевистской партии[58]. Существенное значение для весьма успешной деятельности большевиков среди солдат Белгородского полка имело то, что одним из руководителей городской партийной организации был поляк по происхождению, учитель местной гимназии Ян Озембловский. С группой большевиков — членов полкового комитета сотрудничали и многие дру-

---

[56] «Jedność Robotnicza», 18.VI(1.VII) 1917.
[57] «За власть Советов». Курск, 1957, стр. 19—21.
[58] A. Zatorski. Dzieje pułku Biełgorodzkiego. Warszawa, 1960, str. 48—51.

гие члены комитета, в частности поручик Мечислав Яцкевич, сын ссыльного — участника январского восстания 1863 г., являвшийся сторонником меньшевиков-интернационалистов. Хотя в составе полка сложилось крепкое интернационалистское ядро, СДКПиЛ какой-либо непосредственной связи с полком не устанавливала.

Полковой комитет Белгородского полка, отмечала газета Польского социалистического объединения в Харькове, был «избран на демократических основах и пользовался поддержкой и признанием всех солдат»[59]. Полковой комитет в своем большинстве выступал против формирования особой польской армии. Характерной для господствовавших в полку настроений была резолюция, принятая 16(29) апреля на собрании солдат 16-й роты. В этой резолюции осуждались националистические планы польской буржуазии, связанные с проектами создания польской армии в России, и подчеркивалось единство интересов польских трудящихся с трудящимися других стран. «Нам ближе русский или немецкий рабочий, чем польская буржуазия», — заявляли солдаты 16-й роты[60].

Солдаты Белгородского польского запасного полка участвовали вместе с солдатами других частей Белгородского гарнизона и всеми трудящимися Белгорода в ряде революционных демонстраций и митингов, они направили своих представителей в местный Совет рабочих и солдатских депутатов (среди избранных в Совет были председатель полкового комитета Кароль Вальц, члены комитета — Ст. Дзяткевич, А. Цихоньский, М. Левандовский, Г. Пончковский, Бр. Гаврысь и др.). Белгородскому Совету рабочих и солдатских депутатов неоднократно приходилось выступать против попыток контрреволюционных элементов внести разлад между рабочими и солдатами или вызвать возбуждение местного населения против солдат польского запасного полка[61].

Положение в Белгородском полку говорило о том, что польской буржуазии будет не так-то уж легко вовлечь солдат-поляков в реализацию своих планов создания польской армии. Тем временем в мае завершилось фор-

---

[59] «Jedność Robotnicza», 8(21).VII 1917.

[60] Там же, 7(20).V 1917.

[61] «Воля народа». Издание Совета рабочих и солдатских депутатов Белгорода, 11(24), 15(28).VI 1917.

мирование 1-й Польской дивизии, происходившее на Украине, в зоне Юго-Западного фронта. Тогда же, в соответствии с планами польской реакции и русского командования, дальнейшее развертывание польских войск было решено перенести в Белоруссию, в зону Западного фронта. Это решение диктовалось не только интересами польских помещиков Белоруссии и их стремлением иметь «свои» воинские части ближе к центрам оккупированной Польши, но и возраставшим недовольством со стороны украинских буржуазных националистов активностью польских буржуазных националистов и опасениями со стороны русского командования возможных столковений между польскими и украинскими националистами[62]. В Белоруссию же предполагалось перевести и запасный полк из Белгорода.

В июне Белгород, как и вся Курская, а также Харьковская губернии, был выделен из Киевкого военного округа и включен в Московский военный округ. Этот переход нарушил создавшийся порядок снабжения польского запасного полка, что вместе со слухами о предстоящем переводе полка в Минск вызвало огромное возбуждение среди солдат. Значительная часть солдат, опасаясь того, что в Минске полк в большей мере окажется под влиянием реакционных польских элементов, добивалась оставления полка в Белгороде. Белгородский Совет рабочих и солдатских депутатов помог снабдить полк продуктами и решил воспрепятствовать его переводу в Минск.

18 мая (1 июня) 1917 г. митинг солдат Белгородского польского запасного полка принял исключительно интересную резолюцию:

«Принимая во внимание:

1) что солдат-поляк наравне с польским крестьянином и рабочим не может оставаться безучастным к борьбе, которую ведет русский народ за свою свободу;

2) что лозунг независимости Польши, выдвинутый Временным русским правительством, является делом русского революционного пролетариата;

3) что польский народ в своем стремлении к свободе всегда встречал и будет встречать сопротивление со сто-

---

[62] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 328, лл. 186—186 об.

роны польских собственнических и буржуазных классов во главе с эндеками,

митинг солдат запасного полка Польской стрелковой дивизии считает, что польские солдаты обязаны совместно с польским и русским пролетариатом поднять борьбу за триумф демократии, а по возвращении в страну соединить свои усилия с борющимся там польским пролетариатом, чтобы не допустить к власти в Польше буржуазные классы и реакцию».

Как видим, эта яркая резолюция была проникнута духом интернационализма и патриотизма. О столь же высоком уровне сознательности, проявленном польскими солдатами, свидетельствует вторая часть резолюции, специально посвященная разоблачению попыток провоцирования буржуазией польско-украинской розни. В этой части резолюции говорилось:

«Принимая во внимание:

1) что все чаще и настойчивее распространяются слухи о том, что якобы мы питаем враждебные намерения в отношении Украины;

2) что горсть польских помещиков на Украине является причиной этих слухов,

митинг заявляет, что наш солдат никогда не обратит штыка против свободы украинского народа, а также и других народов, с которыми связала нас история, а все провокационные выступления со стороны польской реакционной буржуазии будет подавлять беспощадно»[63].

Однако в других польских частях русской армии не было столь влиятельных революционных организаций, которые, подобно большевикам в Белгородском запасном полку, сумели бы обеспечить за собой руководство польской солдатской массой. Торопясь упрочить свои силы и изолировать солдат-поляков от их русских братьев, реакционные, националистические элементы в целях осуществления своих планов спешили с созданием союзов поляков-военнослужащих.

Инициатива создания этих союзов принадлежала реакционному офицерству царской армии, в частности — близкому к царскому дому, но слывшему либералом генералу Яну Яцыне[64], помощнику военного коменданта

[63] AZHP, I AAG. V.I.1917; «Jednośc Robotnicza», 4(17).VI 1917.

[64] J. Jacyna, 30 lat w stolicy Rosji (1888—1918). Wspomnienia. Warszawa, 1926, str. 99.

Петрограда Витольду де Грюель[65] и др. В начале марта при их деятельном участии было проведено несколько подготовительных собраний офицеров-поляков, служивших в частях Петроградского гарнизона. Собрание с участием около 3 тыс. человек, проходившее в Доме армии и флота в Петрограде 11(24) марта, завершило создание союза, призванного объединять поляков — солдат и офицеров столичного гарнизона[66]. Через несколько дней, 31 марта (13 апреля), генерал Яцына, прапорщик Вацлав Щенсный, избранный председателем союза, и другие его руководители посетили Временное правительство и изложили ему задачу военных союзов, которая должна была якобы состоять лишь в том, чтобы «создать связь между военнослужащими-поляками русской армии на почве народных идеалов и взаимопомощи в самом широком объеме»[67].

Вслед за Петроградом возникло много аналогичных союзов в других городах, в действующей армии и в тыловых частях. Организаторы союзов умело использовали приниженное положение, в котором находились поляки-солдаты в царской армии, языковые, религиозные и другие ограничения, которые они испытывали ранее и которые сохранялись и при Временном правительстве, для того, чтобы, навязывая солдатам идеи «национальной солидарности, единства», попытаться отделить их от всей остальной массы революционных солдат и матросов. В какой-то мере реакции удалось осуществить эти цели.

Эндеки и их союзники, а также враждовавшие с ними деятели либерального крыла польской буржуазии и лидеры ППС-«фракции», раздувая националистические предрассудки, пропагандируя шовинистические взгляды, делали все для того, чтобы доказать, будто полякам, проживавшим в России, следует во имя предстоящей борьбы за утверждение независимости Польши беречь свои силы в своих обособленных национальных организациях. При этом эндеки высказывались за полную поддержку внешней политики Временного правительства и требовали создания польских национальных вооруженных сил путем сведения всех поляков-воен-

[65] T. Kaźmierski. Wojakowi polacy w Rosji w czasie rewolucji (1917—1918). Warszawa, 1935, str. 17.
[66] AZHP, Ministerstwo wojny, 296/III/25, k. 2.
[67] «Известия Петроградского Совета...», 2(15).IV 1917.

нослужащих русской армии в особое Войско Польское и образования в России официальной польской организации, наделенной правительственными правами.

«Демократическое» крыло польской буржуазии, равно как и ППС-«фракция», представляя те же круги, которые в самой Польше сотрудничали с немецкими и австро-венгерскими оккупантами, считали, что существовавший в Варшаве марионеточный Временный государственный совет является чем-то вроде национального польского правительства, которое постепенно воспримет от германских и австрийских оккупантов всю или почти всю полноту государственной власти, и что создание польской армии в России только осложнит решение польского вопроса. Эта часть польской буржуазии опасалась, что создание польских вооруженных сил в России послужит средством упрочения зависимости Польши от русской буржуазии и ее западных союзников, а в партийном плане — окажется благоприятным лишь давнишним союзникам царизма и русских капиталистов — эндекам. Позицию либерального крыла польской буржуазии в России по важнейшим вопросам текущего момента определил упоминавшийся ранее I съезд польских демократических (т. е. буржуазно-демократических) организаций, действовавших под общим руководством А. Ледницкого, А. Венцковского, А. Бобяньского, Феликса Керского и др. Съезд решил, что до получения Польшей независимости единственным органом власти может считаться Временный государственный совет в Варшаве и что решение общенациональных вопросов, в том числе и вопроса о создании польской армии в эмиграции. может иметь место лишь с согласия этого совета [68].

Вопрос о польской армии, равно как об отношении к России и о будущих границах Польши, стоял в центре переговоров, происходивших в Стокгольме в конце апреля — начале мая (нового стиля) 1917 г. между представителями Временного государственного совета и представителями польских буржуазных кругов из России. Со стороны ППС-«фракции» в переговорах принимали участие — из Петрограда Бронислав Сивик, а из Варшавы — член Временного государственного совета Влод-

[68] «Echo Polskie», 29.IV(12.V) 1917.

зимеж Куновский. В переговорах участвовали также близкие А. Ледницкому и А. Керенскому лица — А. Бобяньский, И. Гливиц, а также ряд эндеков и др. В результате этих переговоров все их участники, кроме эндеков, решили возражать против создания польской армии в России. По вопросу о будущем Польском государстве участники достаточно единодушно стали на ту великодержавную позицию, при которой всем «нациям», некогда «связанным» с Польшей, надлежало предложить выгодные условия «совместного существования», т. е., проще говоря, добиваться — на тех или иных условиях, а еще лучше без всяких условий — включения в состав Польши Белоруссии, Литвы, Украины...[69]

Не ставя целью рассмотрение всего этого клубка противоречий, который в разных аспектах, по различным линиям то сталкивал, то сближал различные круги польской буржуазии как между собой, так и с иностранными буржуазными кругами, в частности — с русской буржуазией, отметим, что позиции буржуазных кругов в вопросе о польской армии оказались наиболее быстро менявшимися. По мере того, как возрастала социальная опасность, польская буржуазия все более консолидировалась на позиции создания как в России, так и везде, где это было возможно, «национальных вооруженных сил» для борьбы за свои классовые интересы.

Соображения, лежавшие в основе всех буржуазных планов, связанных с вопросом о польском войске в России, довольно правильно выразил один из деятелей ППС-«фракции» Даниловский. На страницах печати он признал, что польское войско будет нужно в первую очередь после войны и что понадобится оно для защиты «общественных основ», т. е. капиталистического строя. «Это вооруженное содействие будет для нашего правительства единственной и наилучшей гарантией того, что в переходный час никто ни извне, ни изнутри не будет покушаться на это правительство...»[70]

Многие высшие офицеры царской армии считали, что по политическим соображениям целесообразно содействовать формированию воинских частей, состоявших из поляков. Так, главнокомандующий Юго-Западным фрон-

---

[69] Г. Яблоньский. Политика Польской социалистической партии во время войны 1914—1918 годов. М., 1963, стр. 264—265.

[70] «Trybuna», 27.V(9.VI) 1917.

том А. А. Брусилов еще 20 января (2 февраля) писал в штаб верховного главнокомандующего, что, по его мнению, создание польских воинских частей, которые должны рассматриваться как ядро будущей польской армии, даст точку опоры для будущего русского влияния в Польше, даст выход национальному чувству поляков, «желающих драться не только за общее дело, но и за идею освобождения Польши», ослабит значение германских попыток набора поляков в свою армию[71].

Ко времени Февральской революции в различных колонизированных частях русской армии насчитывалось до 25 тыс. человек[72].

После низвержения самодержавия такие высшие военачальники, как М. В. Алексеев, А. И. Деникин и др., поддерживали перед Временным правительством план образования национально-польской по составу армии. При этом появились и некоторые новые аргументы в пользу этого плана. Одним из таких аргументов были расчеты на получение вооружения для польских частей из США[73]; другим — расчеты на то, что польскими по составу частями удастся заменить наиболее революционно настроенные части русской армии[74].

К сказанному следует добавить, что западные союзники России начали уделять гораздо большее внимание не только польскому вопросу в целом, но и вопросу о польских военных формированиях. Английское посольство в Петрограде 25 мая (7 июня) обратилось в русское министерство иностранных дел с памятной запиской, в которой высказалось в пользу формирования по меньшей мере по «одной дивизии из поляков на каждом фронте русской армии»[75]. В поисках пушечного мяса правительства Англии, США и Франции подготовляли создание «польской армии», которая сражалась бы под американским флагом на французском фронте. В эту

---

[71] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 328, лл. 23—24.

[72] Там же, л. 94об.

[73] Там же, лл. 52—52 об.

[74] Генерал Гурко рекомендовал начальнику штаба верховного главнокомандующего использовать для переформирования в польские, в первую очередь 169-ю пехотную дивизию, «в которой до сего времени [конец мая 1917 г.— *А. М.*] порядок не установлен», и 171-ю дивизию, «также весьма слабую в смысле внутреннего порядка». Там же, л. 147.

[75] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 328, л. 137.

армию предполагалось направить некоторое число солдат и офицеров-поляков из России[76].

Еще 25 апреля (8 мая) в главном управлении Генерального штаба русской армии состоялось совещание по вопросу о польских войсках. На совещании было сообщено, что военный министр принял решение о создании постоянной комиссии, вéдению которой будут подлежать все вопросы, касающиеся польских войск, и решение о формировании польского корпуса. Участники совещания выразили пожелание, чтобы некоторые виды материального обеспечения польского корпуса были присланы из США за счет польских организаций. Совещание высказалось против создания отдельных небольших польских подразделений при существующих частях русской армии[77].

Со времени этого совещания началась практическая подготовка к созданию польского корпуса, который многими влиятельными элементами рассматривался как основной кадр будущего Войска Польского.

Польские буржуазные инспираторы плана создания польской армии в России не скрывали, что они озабочены вовсе не тем, чтобы ускорить разгром Германии,— хотя именно это постоянно выдвигалось эндеками в качестве основной задачи «демократии» и «славянства». Они, в частности, в докладе, сделанном Б. Матушевским в Генеральном штабе 12 (25) мая, подчеркивали, что выросла новая большая «опасность» — «идеология немецкого социализма [речь идет о научном, революционном социализме.— *А. М.*] с ее проповедью беспощадной гражданской войны». Эта идеология грозит «погубить» Россию, а вместе с ней «погибнет» и Польша. Создание польской армии может помочь «вашей и нашей свободе»,— уверял польский контрреволюционер своих русских слушателей[78].

Соперники эндеков — польские «демократы» и различных оттенков «независимовцы» — опасались как раз того, что создание польской армии в России в еще большей мере вовлечет и солдат-поляков, и другое польское население России в водоворот русской революции и не столько облегчит, сколько осложнит дело отделения

[76] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 328, лл. 131, 138.
[77] Там же, лл. 94—96.
[78] ЦГАОР, ф. 555, оп. 1, д. 409, л. 8.

Польши от революционной России. В кругах русской контрреволюции тоже не было полного единства мнений в отношении планов создания польской армии в России: сочувственное отношение одних и корыстные расчеты других в какой-то мере сдерживались опасением третьих, считавших, что создание польской армии затруднит осуществление целей, преследовавшихся русской буржуазией в войне.

Контрреволюционные планы создания Войска Польского или по меньшей мере — сведения всех поляков-военнослужащих в особые польские национальные части русской армии вызывали серьезное беспокойство у СДКПиЛ. В апреле Петроградская группа СДКПиЛ, как сообщал в письме в Москву Ю. Уншлихт, приняла резолюцию по вопросу о польской армии[79]. Речь, видимо, идет о приводившемся выше документе, опубликованном в «Промень», в котором Петроградская группа СДКПиЛ решительно выступала против создания польской армии и разоблачала антинародные планы ее организаторов. Польским социал-демократам принадлежит несомненная заслуга в том, что они своевременно выступили с разоблачением замыслов русской и польской контрреволюции, связанных с планами создания польской армии. «Кампания против польской армии приобрела ныне массовые размеры,— писала «Трыбуна».— Наша партия постаралась придать ей общеполитический характер — характер борьбы против идеологии воинствующего национализма»[80].

Как уже указывалось, против создания польской армии в России выступала и ППС-«левица». Эта ее позиция была определена на заседании ЦИК партии 15 (28) мая, когда Л. Пинкусу и Ф. Кону было поручено вступить в соглашение с СДКПиЛ для того, чтобы занять единую позицию по отношению к съезду военных-поляков.

Против формирования польской армии в России выступала и ППС-«фракция». Ее позиция в отношении формирования польской армии полностью соответствовала общей линии пилсудчиков, опасавшихся, что польская армия в России послужит не только интересам

---

[79] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, л. 8.
[80] «Trybuna», 10(23).VI 1917.

имущих классов в целом, но и прямым орудием эндеков и других соперничавших с пилсудчиками партий буржуазии, связанных с Антантой, в их борьбе за «господство», «за власть в будущей Польше»[81]. Эту позицию ППС-«фракции» отразила листовка, выпущенная временным руководством партии в России еще 19 апреля (2 мая) 1917 г. В листовке указывалось, что польская реакция носится с планом создания польской армии, которая будет служить ее целям, и польскими руками постарается задушить зародыш Польского государства, возникший якобы за фронтом[82].

Оставляя в стороне не только оценку положения, существовавшего в оккупированной Германией и Австро-Венгрией Польше и оценку марионеточного режима, созданного оккупантами, в отношении которого вскоре и сама ППС перешла на критические позиции, следует сказать, забегая вперед, что по мере обострения классовой борьбы, руководители ППС как в России, так и в Польше отказывались от своего противодействия планам создания польской армии в России, стали рьяно содействовать открытой реакции. Но их позиция весной 1917 г., равно как и позиция пилсудчиков в более широком смысле слова, не могла не оказать влияния на некоторые колеблющиеся группы поляков-военнослужащих.

Учитывая колебания одних групп и противодействие еще более широких групп солдат-поляков планам создания особой польской армии, эндецкие инициаторы этой контрреволюционной затеи проводили на созывающихся ими съездах весьма гибкую линию. Во имя одобрения своих основных замыслов они не скупились на признание «заслуг» Пилсудского, на выражения понимания «патриотизма» легионеров, сражавшихся на стороне Германии, и т. п.

Одним из первых состоялся съезд поляков-военнослужащих Западного фронта, происходивший 16—21 апреля (29 апреля — 4 мая) в Минске. В подготовке и проведении съезда весьма заметную роль играл бывший адвокат, помощник минского уездного воинского начальника прапорщик Вл. Рачкевич; в дальнейшем Рач-

---

[81] Г. Яблоньский. Указ. соч., стр. 264—265.
[82] AZHP. PPS, 305/III/40, podt. I, k. 3, 1.2.

кевич стал одним из видных сановников фашистского режима «санации», господствовавшего в Польше с 1926 г., а после банкротства этого режима и катастрофы, постигшей Польшу в 1939 г., был объявлен «президентом» Польши в эмиграции и на этом посту продолжал чинить много зла своему народу и делу его освобождения из-под ига гитлеровских захватчиков.

Съезд поляков—военнослужащих Западного фронта, послуживший трамплином в карьере Рачкевича, одобрил образование Союза поляков-военнослужащих, большинством голосов высказался за создание польской армии, которая должна быть подчинена русскому командованию «лишь в стратегическом отношении», принял приветствие как Временному правительству, так и Петроградскому Совету, а также сотрудничавшему с оккупантами Временному государственному совету в Варшаве. Выбранному на съезде правлению союза было предоставлено право избрать по своему усмотрению делегатов на общероссийский съезд поляков-военнослужащих[83].

Съезды, подобные состоявшемуся на Западном фронте, проходили и в других армиях и фронтах.

Слабость польских революционных организаций в армии, переживавших еще период своего становления, а равно и отсутствие у них достаточных сил для работы в созданных националистами военных союзах объясняют, видимо, то обстоятельство, что политическое руководство союзами поляков-военнослужащих оказалось почти безраздельно в руках у национал-демократов и связанных с ними элементов.

Несмотря на довольно значительное противодействие не только СДКПиЛ и ППС-левицы, но и со стороны либерально-буржуазных элементов и даже некоторых правительственных кругов, организаторам военных союзов поляков удалось при поддержке антантовских миссий созвать в Петрограде общероссийский съезд. Он был организован так антидемократически, что среди его 384 делегатов подавляющее большинство составляло реакционно-националистическое офицерство[84]. Участие в работах съезда и выступления на его заседаниях дипломатических и военных представителей держав Антанты

---

[83] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1238, лл. 1—3 об.

[84] Из 40 делегатов от Западного фронта, например, солдат было всего 12 человек. ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1238, лл. 5—6.

придали съезду характер весьма наглой демонстрации в пользу продолжения империалистической войны, против политики мира и дальнейшего развития русской революции. С особой наглядностью подлинный характер съезда проявился в том энтузиазме, с которым реакционное большинство его участников встретило выступление полковника казачьих войск Дутова. Несомненно символический характер имело то, что на приветствие, переданное Дутовым от казачества,— того казачества, которое верой и правдой служило поработителям Польши и их польским союзникам и запятнало себя тысячами преступлений против свободы народов,— отвечал прославившийся верноподданничеством и лютой реакционностью генерал Юзеф Довбор-Мусьницкий[85]. Дутовых и довборов объединяло нечто гораздо бо́льшее, чем принадлежность к одной армии и сладостные воспоминания о совместной службе царю-батюшке,— они были объединены единством классовых интересов и поэтому прекрасно отдавали себе отчет, что если один из них готов сменить трехцветную кокарду на белую, то это только для того, чтобы под другим флагом новыми средствами продолжать старую политику союза польской и русской реакции против польского и русского народов. Нельзя не забежать вперед и не напомнить, что дружеская перекличка Дутова и Довбора на съезде военных-поляков лишь на несколько месяцев предварила их действия, вскоре же предпринятые одним в Оренбурге, а другим — в Белоруссии по созданию очагов антисоветской контрреволюции.

Инспирируя бурные приветствия в честь казачества, в честь представителей французского, английского, американского империализма, ни разу за все время войны не осудивших поработителей Польши, устроители съезда не посчитали нужным пригласить представителей Петроградского Совета, заявившего о праве Польши на независимость, и представителей, входивших в состав Совета партий. За все дни работы съезда, продолжавшегося крайне долго — с 25 мая по 9 июня (с 7 по 22 июня), устроителями и руководителями съезда не было сказано ни одного доброго слова в адрес русских рабочих, солдат и крестьян, свергнувших царизм и толь-

[85] «Wiadomości wojskowe», 11(24).VI 1917.

ко этой своей победой сделавших возможным хотя бы самый созыв съезда. Зато на съезде доминировали призывы к созданию «правительства» и войска, которые по окончании войны придут в Польшу и наведут там «порядок» — порядок, нужный помещикам, фабрикантам, офицерству. Даже меньшевистско-эсеровские «Известия Петроградского Совета» посчитали нужным отметить, что съезд организован националистическим офицерством и носит контрреволюционный характер[86]. Поместив через пару дней «опровержение», присланное президиумом съезда, «Известия» одновременно повторили свою оценку съезда[87].

В связи с недовольством части делегатов закрытым характером съезда и письменным протестом Петроградской группы СДКПиЛ[88] президиуму съезда пришлось предоставить слово для выступления представителю ППС-левицы Ф. Кону и представителю СДКПиЛ Ю. Лещиньскому. Еще до съезда военных ЦИК ППС-левицы решил предложить польским социал-демократам образовать на съезде общую партийную фракцию[89]. Видимо, это предложение было принято, так как на самом съезде горстка членов СДКПиЛ и ППС-левицы действовала совместно. Исполнительный Комитет групп СДКПиЛ возложил всю практическую работу, связанную с организацией интернационалистских элементов на съезде, на Ю. Лещиньского и Ст. Бобиньского.

Реакционное большинство участников съезда, приняв решение о создании в России Войска Польского, образовало Польский военный комитет в составе Вл. Рачкевича, подполковника Люциана Желиговского и 13 других человек и Главное правление Центрального союза военнослужащих-поляков. Оба эти органа, призванные возглавить националистические польские военные формирования, составляли Главный польский военный комитет (Начполь).

Несмотря на подтасованный в основном состав делегатов, съезд прошел гораздо более бурно, чем это могли предполагать его устроители. Им не только пришлось принять нежелательных гостей — Ф. Кона и Ю. Ле-

[86] «Известия Петроградского Совета...», 31.V—13.VI) 1917.
[87] Там же, 4(17).VI 1917.
[88] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 436, л. 2.
[89] Там же, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 12.

щиньского,— но и выслушать их разоблачительные речи, оказавшие, как показал ход событий, влияние на часть слушателей. Да и тем, кого не могли пронять какие-либо доводы, диктуемые подлинными интересами народа, каково было слушать предостерегающие и полные угрозы слова Ю. Лещиньского: «Мечта о шпаге может разбиться о действительность молота международной революции». В первые дни съезда Ф. Кон выступил со статьей. Отметив в ней непредставительный характер съезда, он указал, что никто, кроме инициаторов съезда, не может ответить, почему именно военные должны сказать решающее слово в имеющем политическое значение вопросе об армии [90].

После выступлений на съезде Ф. Кона и Ю. Лещиньского и разъяснительной работы, проведенной СДКПиЛ и ППС-левицей, против заправил съезда выступила и часть делегатов съезда. На собрании оппозиционных делегатов Ю. Лещиньский от имени СДКПиЛ и ППС-левицы посоветовал им уйти со съезда [91]. 31 мая (12 июня) группа в 12 делегатов огласила на съезде декларацию, в которой заявила свой протест против антидемократических, антиобщественных и реакционных тенденций, преобладавших на съезде, против того, что съезд приветствовал представителей милитаризма, но не нашел слова признательности в отношении русской революции. Стремясь отуманить аполитичные и неразвитые солдатские массы, польская реакция, говорилось далее в декларации, пытается превратить съезд в нечто подобное сейму для того, чтобы решать вопросы о польской армии или польском правительстве и присвоить себе права, принадлежащие нации. Не желая иметь ничего общего с реакцией, замышляющей новый заговор против народа, и своим участием в съезде как бы дать какую-то моральную санкцию его деятельности, 12 делегатов, подписавших декларацию, покинули съезд.

Оставляя съезд, 5 из них выступили с краткими речами, в которых изобличали замыслы заправил съезда. Организационный комитет съезда и его президиум, отметил в своем выступлении моряк с Балтики Ромуальд Муклевич, сделали все возможное для того, чтобы съезд

---

[90] «Новая жизнь», 30.V(12.VI) 1917.
[91] «Trybuna», 10(23).VI 1917.

прошел под знаменем контрреволюции. «Двери съезда старались держать закрытыми. Нам, социалистам, всеми способами закрывали рот, говоря, что тут не митинг. Мои панове, но тут ведь и не кабинет шефа жандармов... Господа, вы боитесь революции, говорите, что это „гангрена“ и от этой „гангрены“ хотите отделить польского рабочего и крестьянина, чтобы и далее им помыкать. Посылаете нас, господа, на улицу—потому что только там наше место... С улицы мы пришли и на улицу пойдем, чтобы рассказать польскому рабочему и крестьянину, что предаете вы польское дело...»[92]

12 делегатов покинуло съезд под рев взбешенных реакционеров. Русская черносотенная газета «Новое время» назвала бросивших вызов реакционному большинству съезда ленинцами. Вложив в это слово всю свою ненависть к силам революции, газета и не пыталась увидеть того, что покинувшие съезд 12 человек не были, за исключением, пожалуй, одного Р. Муклевича, связаны с большевиками.

Потомственный пролетарий Р. Муклевич в 1906 г. в 16-летнем возрасте вступил в ППС-левицу, в следующем году стал секретарем ее Белостокского комитета, а позднее — Лодзинского комитета. Призванный в 1912 г. на военную службу, он вскоре был направлен в Кронштадт. Участник революционного движения балтийских моряков, он был избран на съезд поляков-военнослужащих от поляков—моряков пограничной флотилии. Энергичный, смелый, один из наиболее ярких представителей польских интернационалистов, Р. Муклевич в 20-х годах стал выдающимся флотоводцем Советской республики[93].

Вместе с Р. Муклевичем съезд покинули и те, кто только еще искал путей к революции, как, например, поручик, член ППС-левицы Роман Лонгва и офицер лейб-гвардии егерского полка, поднявший солдат в февральские дни на выступление против царизма, член ППС-левицы со времени ее создания, прапорщик Вл. Матушевский[94] и др.

Позиция 12-ти делегатов, высказавшихся за единство русских и польских революционных сил, была одо-

---

[92] «Promień», 3(16).VI 1917.
[93] AZHP. Wspomnienia, t. 7891.
[94] ЦПА ИМЛ. ф. 70, оп. 2, д. 717, лл. 75—76.

брена рядом собраний трудящихся Петрограда — рабочими Путиловского завода, на многотысячном митинге которых 10 июня выступали Вл. Матушевский, Ю. Лещиньский, А. Коллонтай, Ст. Бобиньский[95], митингом 4 тыс. рабочих завода Барановского[96], участниками собрания в клубе «Промень» и др.[97] 4 (17) июня социалисты-поляки, покинувшие съезд поляков-военнослужащих, провели в Петрограде общегородской митинг на тему: «Почему социалисты покинули съезд поляков-военнослужащих? Нужна ли польская армия?»[98] На митинге после выступления Ю. Лещиньского и других лиц была принята резолюция протеста против попыток сформировать отдельные польские полки. После митинга собравшиеся со знаменами прошли к месту заседаний открывшегося 3(16) июня 1-го съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и приветствовали Советы как «единственную революционную власть в России, у которой польский рабочий класс может найти поддержку в борьбе с врагами»[99].

Но не только группы, близкие к СДКПиЛ и ППС-левице, выступили против политической линии руководителей съезда — в президиум съезда поляков-военнослужащих поступало много протестов против навязывавшихся съезду решений. 89 человек из числа

---

[95] Митинг путиловских рабочих принял следующую резолюцию: «Мы, рабочие Путиловского завода первой и второй смены, выслушав доклад товарища прапорщика Матушевского о созыве буржуазного съезда в гор. Петербурге, где был поставлен вопрос о выделении отдельной армии польской нации, протестуем против таких реакционных выходок. Всякое разъединение вносит раскол среди пролетариата и дает шансы буржуазии на контрреволюцию и на восстановление реакции, выносим единогласно приветствие товарищам социал-демократам польской партии, оставившим в составе 12 человек съезд буржуев. Их протест мы поддерживаем и объединяемся в единую мощную пролетарскую семью. Да здравствует пролетариат всех стран!» — «Солдатская правда», 14(27).VI 1917.

[96] Рабочие завода Барановского в единогласно принятой резолюции указывали, что только революционная борьба всего пролетариата против империалистических стремлений буржуазии всех воюющих держав, даст Польше свободу, объединение и независимость. «Правда», 13(26).VI 1917, а также: «Солдатская правда», 15(28).VI 1917.

[97] «Dziennik piotrogradski», 3(16), 6(19), 8(21).VI 1917; «Trybuna», 3(16).VI 1917.

[98] «Правда», 4(17).VI 1917.

[99] Там же, 6(19), 10(23).VI 1917.

остававшихся еще на съезде выработали и подписали декларацию, в которой осудили стремление большинства участников съезда добиться создания в России польской армии и противопоставить ее русской революции. После того, как съезд большинством в 175 голосов против 115 при 88 воздержавшихся высказался за создание армии независимо от позиции властей в стране[100], 73 из 89 делегатов, подписавших декларацию, содержавшую в целом немало путаных, непоследовательных положений, вслед за группой в 12 делегатов, покинули съезд[101].

Обе группы, оставившие съезд, провели свой особый съезд. Его участниками были, помимо нескольких членов СДКПиЛ, ряд членов ППС-левицы, ППС-«фракции», а также людовцы, демократы[102]. Резолюции съезда не отличались четкостью, но оказались важны тем, что отражали недовольство широких масс солдат-поляков деятельностью эндеции, их противодействие планам российской контрреволюции и антантовского империализма. В противовес Начполю, съезд создал свой орган — Главный польский военный комитет (левицы). Этот комитет, весьма неоднородный по своему составу, в первые месяцы своей деятельности то выступал против Начполя, то склонялся к сотрудничеству с ним[103].

Последовательную позицию борьбы с польской реакцией в военном и других вопросах занимала лишь небольшая группа участников съезда поляков-военнослужащих, связанная с СДКПиЛ. Вместе с некоторыми членами ППС-левицы, входившими также в Главный польский военный комитет (левицы), эта группа 12 (25) июня образовала в Петрограде Польский военный революционный клуб. Своей задачей клуб считал объединение революционных польских элементов в русской армии, развитие политического и революционного сознания польских военнослужащих; борьбу с антидемократическими, клерикальными и националистическими тенденциями; координирование политической жизни поля-

---

[100] «Wiadomości wojskowe», 25.VI(8.VII) 1917.

[101] ЦГАОР, ф. 514, оп. 1, д. 9, россыпь.

[102] По мнению Л. Гросфельда, все участники этого съезда, кроме группы в 12 человек, первыми покинувшими общероссийский съезд, являлись пилсудчиками (L. Grosfeld. Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji. 1917—1920. Warszawa, 1956, str. 37).

[103] A. Zatorski. Указ. соч., стр. 69—70.

ков-военнослужащих с революционным движением в России и в Польше[104].

Решения реакционного съезда военнослужащих осудили и большие группы военнослужащих. Например, группа поляков—солдат 2-й артиллерийской горной дивизии, находившейся на фронте, солидаризировалась с оставившими съезд поляков-военнослужащих[105]. Член союза поляков-военнослужащих 12-й армии писал в «Трыбуну», что выборы на Петроградский съезд от солдат этой дивизии были сфальсифицированы и что когда солдаты узнали о решениях съезда, то они на собрании вынесли решение не допускать создания не только польской армии, но и каких-либо польских частей[106]. Собрание членов союза военнослужащих-поляков в Тамбове, происходившее 15 (28) июня, осудило планы создания польской армии и решило в одних рядах с русскими товарищами вести борьбу против классовых врагов трудящихся[107]. В Минске 27 июня (10 июля) свыше 600 рабочих и солдат-поляков, собравшихся на митинг, решительно высказались против формирования польской националистической армии[108] и т. д.

Особенно показательно было поведение солдат Белгородского полка, отказавшихся признать решения съезда. Когда 9 (22) июня в Белгород прибыла группа офицеров во главе с генералом Радовским с целью побудить полк принять обязательства, делавшие его послушным воле Начполя, направить часть солдат запасного полка в формировавшиеся польские части, а остальных — на фронт, созванный на чрезвычайное заседание полковой комитет решил не принимать какихлибо обязательств, продолжать рассматривать полк как составную часть русской армии и предложить генералу выступить на общем собрании полка. Но генерал не решился явиться на солдатское собрание и поторопился оставить Белгород.

На состоявшемся 11 (24) июня собрании солдаты Белгородского полка подтвердили свое единство с рево-

---

[104] «Известия Петроградского Совета...», 10.VI (ст. ст.) 1917.
[105] «Robotnik w Rosji», 7(20).VII 1917.
[106] «Trybuna», 8(21).VII 1917.
[107] Там же, 1(14).VII 1917.
[108] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии», т. I. Минск, 1957, стр. 405—406.

люционными русскими солдатами и готовность бороться за прекращение войны на основах мира без аннексий и контрибуций и признания права на самоопределение для всех народов; солдаты приветствовали заявление о том, что только революционная борьба польского народа в связи с европейской революцией может обеспечить независимость и воссоединение польских земель [109].

Последующее развитие событий показало, что военнослужащие-поляки в массе своей решительно противодействовали замыслам иностранных империалистов и польской буржуазии.

Подтверждением этому могут служить крупные антивоенные выступления, произошедшие и в частях 1-й Польской дивизии, которые из района формирования были направлены на фронт. Солдаты отказались занимать окопы. Положение в дивизии обострялось. Реакционные круги объясняли неожиданное для них поведение солдат воздействием большевистских агитаторов, прибывших из Киева [110]. Явившаяся в дивизию делегация Начполя пришла к выводу, что дивизию заполнили солдаты, отчисленные из других полков «за неблагонадежность», и «опустившиеся солдаты», которые «попали в руки агитаторов — русских большевиков» [111].

Секции ППС-левицы, группы СДКПиЛ были единодушны в своем резко отрицательном отношении к планам создания польской армии. Переоценивая последствия протестов, вызванных съездом польской военной реакции и его решениями, Ф. Кон заявил: «В настоящее время вопрос о польской армии окончательно похоронен. Рабочий класс сказал свое слово» [112].

Польские социал-демократы связывали задачи борьбы против военных замыслов реакции с задачами расширения революционной военной работы. Ростовская группа СДКПиЛ, например, на своем общем собрании решительно одобрила предложение о всеобщем вооружении народа [113], т. е. один из главных лозунгов большевиков в области военной работы.

---

[109] «Jedność Robotnicza», 25.VI(8.VII) 1917.

[110] «Polskie Siły Zbrojne». Piotrograd, 1917, № 9—10.

[111] Centralne archiwum wojskowe w Warszawie (в дальнейшем — CAW), 122/99/26.

[112] «Новая жизнь», 16(29).VI 1917.

[113] Там же, 4(17).VI 1917.

Резко отрицательно относясь ко всяческим планам создания «национальных польских вооруженных сил», деятели СДКПиЛ вместе с тем в известной мере недооценивали фактическое существование польских по составу подразделений и частей и несомненно имевшее место стремление поляков-военнослужащих к совместному несению военной службы. Поддерживая всю военную деятельность большевистской партии, СДКПиЛ весьма узко и односторонне истолковывала отношение большевиков к национальным военным формированиям.

Позиция большевистской партии в отношении национальных частей была отражена в резолюции по национальному вопросу, принятой Всероссийской конференцией фронтовых и тыловых организаций РСДРП (б), состоявшейся 16—24 июня (29 июня — 6 июля) в Петрограде. Конференция, выразив убеждение в том, что образование национальных полков вообще не в интересах трудящихся масс, тем не менее указала, что не отрицает, «конечно, право на образование таких полков за каждой национальностью...»[114] Довольно подробное информационное сообщение об этой конференции было напечатано и в «Трыбуне»[115]. На самой конференции выступил польский социал-демократ Зд. Ширинський. Выражая типичное для СДКПиЛ отрицательное отношение ко всему, что ввиду своей национальной формы СДКПиЛ была готова рассматривать как националистическое по содержанию, Ширинський критиковал предложенную (а затем и принятую) резолюцию, ошибочно полагая, что она идет навстречу требованиям националистов[116]. Считая принципиально недопустимым существование национальных военных формирований, СДКПиЛ еще в течение длительного времени, вплоть до лета 1918 г., не учитывала того, что однонациональный польский состав отдельных частей и подразделений не только не исключал возможности их служения интересам трудящихся, но в ряде случаев лишь увеличивал вклад солдат-поляков в дело революции.

Развитие событий как в существовавших польских частях, так и недовольство солдат планами создания

---

[114] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 361—362.

[115] «Trybuna», 24.VI(7.VII) 1917.

[116] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 681, л. 41.

польской армии говорили о реальной возможности завоевания на сторону революции значительной части поляков—солдат русской армии. Многие из них явно и безоговорочно стояли на интернационалистских позициях, другие, противодействуя попыткам буржуазии и соглашателей восстановить солдат против рабочих, изолировать и противопоставить солдат-поляков солдатам других национальностей, были близки к тому, чтобы стать активными союзниками революционного пролетариата. Партия большевиков, развернув работу по завоеванию армии на сторону революции, естественно, охватывала своей пропагандой и агитацией и военнослужащих-поляков. Предназначенные для солдат большевистские издания, излагавшие ленинскую программу окончания войны, социальных и экономических преобразований, решения национального и других давно назревших вопросов, разоблачение большевиками империалистической политики Временного правительства и его соглашательских союзников — все это оказывало влияние и на солдат-поляков.

В борьбе, которую большевистская партия вела за солдатские массы, она имела деятельного помощника в лице своего польского союзника. Группы СДКПиЛ неизменно поддерживали и проводили всю широкую военную программу большевиков — от строительства Красной гвардии до завоевания на сторону пролетариата армии и флота. Перед съездом военнослужащих-поляков Петроградская группа СДКПиЛ выпустила брошюру, посвященную военным вопросам: «Всеобщее вооружение народа или армия капитала?» Во время съезда на заседании группы СДКПиЛ состоялось «живое обсуждение работы среди солдат. Задача соединения солдат с пролетарской политической организацией была признана за важнейшую. Просветительная работа среди них должна проводиться самым энергичным образом, особенно в связи с деморализующим влиянием реакционных партий». На совещании было решено попытаться издать газету для солдат[117]. Но это последнее намерение выполнить не удалось.

Несомненно, что усиленные происки реакции в военных делах стимулировали военную работу СДКПиЛ.

---

[117] «Trybuna», 10(23).VI 1917.

О ее в целом успешном развитии прежде всего говорило то, что реакции не удалось полностью осуществить свои планы; были и другие несомненные признаки дальнейшего расширения военной работы СДКПиЛ. Одним из них может послужить возникновение 9 (22) июня в механических мастерских Западного фронта, расположенных на станции Средняя, группы СДКПиЛ в составе 80 членов [118].

В военной организации большевиков, в большевистских организациях воинских соединений, частей, подразделений со свойственным им революционным пылом работали и польские социал-демократы. На Западном фронте, например, весьма широкую военно-политическую работу проводил член СДКПиЛ с 1904 г., делегат V (Лондонского) съезда РСДРП, член Варшавского комитета СДКПиЛ, многократный узник царизма Францишек Гжельщак (Марцин Гжегожевский). Мобилизованный в 1914 г. в царскую армию, он сначала служил рядовым, затем — старшим писарем. Имея в первые годы войны лишь спорадические контакты с партией, Ф. Гжельщак непрерывно проводил революционную пропаганду среди солдат. Неудивительно, что уже в апреле 1917 г. солдаты избрали его делегатом фронтового съезда, а затем он был избран членом исполнительного комитета 2-й армии Западного фронта и практически оказался одним из руководителей всей большевистской работы в армии [119]. На Северном фронте, в 12-й армии большую военно-политическую работу развернул посланный туда ЦК партии и лично Я. М. Свердловым Александр Гранас, о котором уже шла речь выше. Позднее, в 1931 г., рекомендуя А. Гранаса в члены Общества старых большевиков, Н. К. Крупская писала, что встречалась с ним в 1917 г.: «...он работал тогда в военной организации, бывал у тов. Весоловского, с которым тогда мне приходилось работать» [120]. В 12-й армии А. Гранас руководил всей партийной работой, проходившей в сложных условиях наступления генеральско-офицерской реакции, был одним из редакторов выходившей с 4(17) мая по 29 июня (12 июля) «Окопной правды»—

---

[118] «Trybuna», 24.VI(7.VII) 1917.

[119] Franciszek Grzelszczak-Grzegorzewski. Autobiografia.— «Z pola walki», 1958, N 2, str. 179—180.

[120] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 417, л. 18.

органа Военной организации большевиков при 12-й армии и русской секции при Рижском комитете Социал-демократии Латышского края. А. Гранасу, видимо, не сразу удалось установить тесные отношения с социал-демократией Латвии, так как в печати встречается указание на то, что он одно время «занимал сепаратистские позиции» в отношении ее ЦК [121]. Но, судя по тому, что, помимо положения руководителя Венденского (Цесисского) комитета Военной организации большевиков, он вскоре же был избран председателем бюро Военной организации социал-демократии Латвии в 12-й армии, его расхождения с латышскими товарищами были не так уж глубоки и продолжительны. О деятельности А. Granаса на этой партийной работе, в том числе и редакторской, говорит резолюция собрания солдат воинских частей Вендена и окрестностей, состоявшегося 4 (17) июня. Опубликованная в «Окопной правде» за подписью А. Гранаса как секретаря собрания резолюция выражала гневный протест против тех ограничений политических прав солдат, которые содержались в приказе по армии и флоту от 11 (24) мая [122].

«Окопная правда» была одной из самых оперативных большевистских газет, она из номера в номер несла огненное ленинское слово в самую гущу солдатских масс.

И в этих массах самоотверженно, по-революционному работали сотни польских социал-демократов — большевиков, содействуя успеху борьбы ленинской партии за привлечение солдатских масс на сторону социалистической революции, что было одной из важнейших предпосылок ее победы.

---

[121] «Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917. Документы и материалы». Рига, 1963, стр. 773.

[122] «Окопная правда». Орган Военной организации и русской секции при Рижском комитете Социал-демократии Латвийского края, 21.VI(4.VII) 1917.

3

Конец двоевластия и мирного развития революции

Политическая обстановка в России характеризовалась дальнейшим революционизированием масс.

Ход событий показывал народным массам, что их надежды на окончание войны, на коренные изменения, связанные с победой Февральской революции, остаются тщетными. Все более широкие круги рабочих, солдат, трудящихся крестьян убеждались в правильности позиций партии большевиков, особенно ее требования о передаче власти в руки Советов как решающем условии осуществления коренных преобразований и заключения демократического мира. Среди польских трудящихся пропагандистом большевистских идей и организатором масс все более успешно выступали группы СДКПиЛ.

Важными вехами в борьбе большевиков за массы явились конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда, происходившая 30 мая — 3 июня (12—16 июня), и I Всероссийский съезд Советов, заседавший 3—24 июня (16 июня — 7 июля).

На Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов присутствовало 568 делегатов. К сожалению, были установлены данные о представительстве лишь 367 делегатов — их делегировало на конференцию 337 тыс. рабочих [123]. Если в соответствующих пропорциях исчислять, сколько же рабочих представляли делегаты, от которых в спешке работ не были получены сведения о количестве их избирателей, то можно прийти к выводу, что на конференции было представлено подавляющее большинство всех питерских пролетариев, в том числе и пролетариев-поляков, работавших на предприятиях Петрограда. В борьбе с политикой голода и грабежа трудящихся, проводившейся Временным правительством, пролетарии-поляки были заинтересованы в такой же мере, как и весь питерский пролетариат, как и рабо-

---

[123] «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация». М., 1959, стр. 293.

чие всей России. Среди низового рабочего актива, организаторов профессиональных союзов — самой массовой рабочей организации — было немало и польских социал-демократов. К примеру, в Петрограде организатором профессионального союза работников связи был член СДКПиЛ с 1906 г., участник революции 1905—1907 гг. Кароль Кадлубовский[124]. Уже 28 февраля (13 марта) он, как единственный тогда социал-демократ — большевик на Петроградском почтамте, провел собрание служащих почтамта и его отделений и был избран председателем исполнительного комитета созданного тогда же профессионального союза. Как председатель исполнительного комитета, а затем — правления союза, К. Кадлубовский вел большую работу среди связистов. С мая и до июльских дней эта работа проводилась К. Кадлубовским при непосредственном участии и с помощью Н. К. Крупской. В мае же профсоюзу удалось наладить издание своего журнала «Почтово-телеграфная трибуна»[125].

Участником происходившей в Петрограде 23—25 апреля (6—8 мая) конференции одной из групп эвакуированных железнодорожников был и Ю. Лещиньский, в свое время принимавший участие в деятельности профсоюза железнодорожников в Польше. Конференция избрала его в выделенное ею бюро[126].

Все польские социал-демократы, работавшие и состоявшие в профсоюзах, неизменно, как и все большевики, были активными участниками выступлений рабочих в защиту своих прав и за улучшение своего бедственного положения. На заводе «Герлях и Пульст» в Харькове, где, как указывалось, большинство рабочих было эвакуировано вместе с предприятием из Польши, местная профорганизация — Совет цеховых представителей — уже 11 (24) марта постановила добиваться немедленного введения восьмичасового рабочего дня. Общезаводское собрание 13 (26) марта своим решением

[124] AZHP. Wspomnienia, t. 8313.— По другим данным, К. Кадлубовский был членом СДКПиЛ с 1904 г. См.: «Почтово-телеграфный журнал». Часть неофициальная, № 9—12, сентябрь — декабрь 1918, стр. 141.

[125] К. Кадлубовский. Воспоминания комиссара почт и телеграфов.— Сб. «Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета». М., 1957, стр. 239—241.

[126] «Echo Polskie». 4(17).V 1917.

установило на заводе восьмичасовой рабочий день. Вслед за тем началось проводимое снизу сокращение рабочего дня и на других предприятиях Харькова[127]. В свою очередь, по примеру одного из соседних предприятий, Совет цеховых старост завода «Герлях и Пульст» в марте же взял под свой контроль вопросы найма и увольнения рабочих[128].

Вопросы экономической политики Временного правительства и экономической борьбы пролетариата занимали большое место в политической деятельности групп СДКПиЛ, в выступлениях социал-демократических публицистов. Как и все большевистские публицисты и агитаторы, они стремились направить возраставшую революционную энергию рабочего класса на путь борьбы за немедленное улучшение своего положения, за то, чтобы, как писал В. И. Ленин, всякий трудящийся *тотчас* увидел и почувствовал известное улучшение своей жизни[129].

Выступления по экономическим и профсоюзным вопросам таких публицистов, как А. Радзишевский или Зб. Фаберкевич, приобретали тем большее значение, что они имели место в печати, обращенной не только к польскому рабочему, что они излагали перед общероссийским читателем ближайшие достижимые способы улучшения своего положения. Весной 1917 г. одна за другой появляются их статьи, в которых они в какой-то мере обобщали опыт борьбы пролетариата за первые два месяца после низвержения самодержавия и с большевистских позиций разъясняли новые ближайшие цели в области экономической борьбы рабочего класса. Отметив первую серьезную победу пролетариата в этой борьбе, одержанную им после Февральской революции,— установление восьмичасового рабочего дня,— А. Радзишевский (Р. Арский) в статье «Экономические задачи пролетариата», опубликованной в «Летописи», писал, что в порядок дня становится борьба за установление минимального заработка, за изменение системы социального страхования и заключение коллективных договоров. Укрепляя свою организованность, рабочий

---

[127] В. Астахов, Ю. Кондуфор. Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября. Харьков, 1957, стр. 44.

[128] Там же, стр. 67.

[129] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 44.

класс сможет вскоре же добиться успеха в борьбе за эти цели, что явится первым этапом на пути осуществления рабочей социалистической программы[130]. В большевистском журнале «Вопросы страхования», видимо, уже под непосредственным влиянием «Апрельских тезисов» В. И. Ленина, в частности, тезиса 8-го — «не „введение“ социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов»[131] — А. Радзишевский в статье, обращенной ко всему низовому активу партии, отмечал, что революция принесла новые органы рабочего представительства — советы старост и другие, которые постепенно берут на себя устройство внутренней жизни предприятий. Они занимаются расценками, разрешением инцидентов между рабочими и администрацией, установлением правил внутреннего распорядка, налаживанием питания рабочих, обеспечением предприятий сырьем и т. п. Промышленники противодействуют органам рабочих, не только мешают им наладить жизнь предприятий, но и дезорганизуют производство, пытаются отнять у рабочих их скромные завоевания. «Профессиональные союзы, заводские коллективы, советы старост и другие рабочие организации должны осуществлять свой контроль над производством и не допускать того развала, к которому ведут промышленность предприниматели...»[132]

Со статьей А. Радзишевского перекликалась статья Зб. Фаберкевича (Т. Гневича), посвященная состоянию фабричной инспекции. Автор указывал на нетерпимость положения, при котором фабричная инспекция действует в том же составе и на основе тех же положений, что и при царизме. «Долой чиновничью инспекцию! — вот что говорят рабочие», — писал автор. «Фабричная инспекция должна зависеть не от правительства и предпринимателей, а от рабочих. В ее учреждении должны принимать участие организации рабочих: профессиональные союзы, больничные кассы, фабричные и заводские комитеты и т. д.», — намечал он пути пере-

---

[130] Р. Арский. Экономические задачи пролетариата.—«Летопись», № 2—4, февраль — апрель 1917.

[131] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 116.

[132] Р. Арский. Организация производства.—«Вопросы страхования» № 5(66), 10.V 1917, стр. 6.

стройки фабричной инспекции, ее демократизации, укрепления связи с профессиональными организациями [133].

Конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда подавляющим большинством голосов приняла написанную В. И. Лениным и обоснованную в его выступлении «Резолюцию об экономических мерах борьбы с разрухой» [134]. Рассказывая своим читателям об итогах конференции, «Трыбуна» обращала особое внимание на то, что конференция в своей резолюции указала на необходимость действительного рабочего контроля над производством и распределением продуктов и доступа рабочих к торговым и банковским книгам. Полное осуществление насущных мер борьбы с разрухой и налаживания производства, писала газета, возможно только при переходе власти к Советам. Так польская рабочая газета подводила своих читателей, в соответствии с общей линией большевиков, к пониманию того, что решение не только ближайших и неотложных политических задач, в первую очередь — окончание войны, но и решение экономических задач неразрывно связано с главным вопросом момента — вопросом о власти. Пролетарии Петрограда сказали свое слово,—такими словами заканчивала «Трыбуна» свое сообщение о конференции фабрично-заводских комитетов,— очередь за съездом Советов [135].

Но I Всероссийский съезд Советов, в котором преобладающее большинство составляли депутаты, принадлежавшие к меньшевистско-эсеровскому блоку и поддерживавшим его мелким группам, с момента своего открытия сразу же стал на защиту капиталистических отношений и политики Временного правительства.

На второй день работы I Всероссийского съезда Советов, 4 (17) июня, В. И. Ленин выступил с программной речью, в которой разоблачил контрреволюционную политику Временного правительства и соглашательство меньшевиков и эсеров и обосновал положение о том, что только власть Советов может вывести страну из войны и разрухи и разрешить все насущные вопросы русской революции. Он указал, что меньшевистско-эсе-

[133] «Правда», 15(28).VI 1917.
[134] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 195—197.
[135] «Trybuna», 10(23).VI 1917.

ровское большинство рисует лишь программу буржуазной парламентской республики, потворствует экономической политике крупного капитала, извлекающего неслыханные прибыли по военным поставкам, и прикрывает словами о революционной демократии политику реформистской демократии.

В речи В. И. Ленина было уделено большое внимание внешней политике русской революции. Выступая против меньшевистско-эсеровских попыток подменить требование мира без аннексий и контрибуций борьбой за восстановление довоенного положения, В. И. Ленин указывал, что русская республика «ни одного народа ни по-новому, ни по-старому угнетать не хочет» и что только революционная власть «всем без исключения народам объяснила бы и сказала, что все народы должны быть свободны...» [136]

Эти важные положения, определявшие задачи революционной внешней политики, политики, основанной на принципе равноправия всех народов, получили свое развитие в опубликованной в «Правде» спустя несколько дней, 7(20) июня, статье В. И. Ленина «Есть ли путь к справедливому миру?» В этой статье указывалось, что путь к миру без аннексий, без дележа добычи капиталистами-разбойниками возможен только через рабочую революцию. «Россия сейчас ближе всех к началу такой революции.

Только в России возможен переход власти к готовым учреждениям, к Советам сразу, мирно, без восстания...»

Переход власти к Советам, указывал В. И. Ленин, сделает возможным осуществление программы немедленного справедливого всеобщего мира без аннексий, без контрибуций. Притом, специально останавливаясь на польском вопросе, он опять указывал, что захватом мы считаем не только то, что немецкие разбойники-капиталисты награбили после начала войны, но и польские земли Пруссии, равно как и захваты русскими царями Польши [137].

Через день после публикации статьи В. И. Ленина, 9(22) июня, на съезде Советов выступил один из лидеров

---

[136] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 269 и 274.
[137] Там же, стр. 304—305.

ППС-левицы Ст. Лапиньский, входивший на съезде во фракцию меньшевиков-интернационалистов. Он много говорил об империалистических целях политики Англии и Франции, Германии и Австро-Венгрии, сетовал по поводу того, что США тоже разделяют империалистические цели и что вожди европейского социализма отказываются прекратить политику национального единения со своими буржуазными классами [138]. Но у него не хватило слов для разоблачения Временного правительства и в защиту прав угнетенных народов.

В резолюции по вопросам войны и мира, предложенной меньшевиками-интернационалистами, в отличие от резолюции меньшевиков и эсеров, одобривших политику Временного правительства и высказавшихся в поддержку оборонительных и наступательных действий русской армии, содержалось лишь сожаление по поводу того, что «дипломатическое воздействие Временного правительства на правительства союзных стран в целях побуждения их к отказу от захватных стремлений не привело ни к каким положительным результатам». Меньшевики-интернационалисты и выступавшие в полном единстве с ними лидеры ППС-левицы сводили задачи тех, кого они называли «революционной демократией», лишь к тому, чтобы своими обращениями и к народным массам, и к Временному правительству «они неустанно поддерживали свою волю к миру...» [139]

Нечего и говорить, что сколько такая «революционная демократия» ни поддерживала «свою волю к миру», она только потворствовала политике продолжения империалистической войны, так как отказывалась от взятия власти Советами и не выдвигала действенной и конкретной программы мира.

Лишь партия большевиков представила съезду программу окончания войны на принципах демократического мира, только она одна раскрыла конкретное значение лозунга мира без аннексий и контрибуций.

В духе ленинских принципов внешней политики фракция большевиков предложила I съезду Советов проект резолюции о мире без аннексий. В этом документе, оглашенном на съезде С. Г. Шаумяном, указывалось,

---

[138] «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», т. I. М.—Л., 1930, стр. 373—375.

[139] Там же, т. II, М.—Л., 1931, стр. 12—13.

что подобный мир не может означать возвращения к довоенным границам государств. «Окончание войны на таких условиях означало бы предоставление крупнейшим европейским державам права по-прежнему насильственно удерживать в своих границах неполноправные народы (Эльзас-Лотарингию, Познань, Галицию, Хорватию, Боснию, Ирландию и т. д.) и ничуть не предотвратило бы повторение кровавой бойни... Съезд настаивает на том, что право на самоопределение, т. е. право каждой нации самостоятельно и свободно определить свое присоединение к тому или другому государству или решить о своем независимом государстве, должно быть применено не только к русской Польше, Эльзас-Лотарингии, Армении, занятых войсками воюющих государств, но к Богемии, к Хорватии, Познани, так же как ко всем колониям...»[140] Эта программа подлинно демократического мира, предусматривавшая в отношении Польши свободное воссоединение и самоопределение всех польских земель, била по позиции меньшевиков и эсеров, полностью скатившихся на поддержку политики империалистической войны, проводившейся Временным правительством и его западными покровителями.

Отклонив предложенную большевиками резолюцию, меньшевики старались прикрыть свою позицию болтовней о том, что разрешение национального вопроса невозможно в условиях войны и революции. В докладе на секции по национальному вопросу, образованной I съездом Советов, меньшевик Войтинский пугал ее участников тем, что преждевременные попытки разрешения национального вопроса якобы могут лишь закрыть возможности разрешения национального вопроса[141], а другой меньшевистский лидер, М. И. Либер, старался подменить вопрос о самоопределении наций фальшивыми разговорами о национально-культурной автономии[142]. Большевики решительно разоблачали позицию меньшевиков, в частности и в секции по национальному вопросу[143]. Но меньшевистско-эсеровское большинство

---

[140] «Известия Петроградского Совета...», 14(27).VI 1917, а также: «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции 1917 г. в период двоевластия». М., 1957, стр. 156—158.

[141] ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 53, л. 3.

[142] Там же, д. 58, л. 25.

[143] Там же, лл. 31—35.

съезда не только высказалось против перехода власти к Советам — оно одобрило подготовлявшееся Временным правительством наступление на фронте, т. е. продолжение и углубление разбойничьей империалистической войны.

Оценивая значение съезда, В. И. Ленин писал в статье «Великий отход», что съезд с великолепной рельефностью показал отход вождей меньшевиков и эсеров от революции [144].

Съезд, определяя состав будущего Центрального Исполнительного Комитета Советов, решил предоставить места центральным органам ряда партий, в том числе по одному месту СДКПиЛ и ППС-левице [145]. На самом съезде меньшевики и эсеры провели в члены и кандидаты ЦИК по своим фракционным спискам 237 человек; от фракции большевиков в состав ЦИК было избрано 35 членов и 23 кандидата; среди последних были видные деятели СДКПиЛ Ф. Дзержинский, Ю. Лещиньский, Ю. Уншлихт [146]. Тем самым партия большевиков еще раз показала свое глубокое уважение и признательность польским социал-демократам за их служение делу революции.

На место в составе ЦИК, предоставленное непосредственно СДКПиЛ, был делегирован М. Козловский, а на место, выделенное для ППС-левицы,— Ст. Лапиньский.

В дни работ I съезда Советов, в обстановке разнузданной травли В. И. Ленина со стороны правительства и его меньшевистско-эсеровских союзников, СДКПиЛ, как и раньше, полностью солидаризировалась с большевиками. Вместе с ними была она и в таком решающем вопросе, как вопрос о переходе всей власти к Советам.

В редакционной статье «Трыбуна» 10 (23) июня писала: «Либо дальнейшее развитие революции к обузданию спекуляции и промышленной анархии, ликвидации империалистической войны путем установления всей полноты власти народных Советов, либо резня без конца и победоносный поход контрреволюции, помещиков и капиталистов...

Либо мы, либо они...

---

[144] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 310.
[145] «Первый Всероссийский съезд Советов...», т. II, стр. 63.
[146] Там же, стр. 425.

Третьего выхода не дано»[147].

Польские социал-демократы активно участвовали в проведении демонстрации 18 июня (1 июля). Эта демонстрация всероссийского масштаба показала нараставшую революционность масс и рост их доверия к большевистской партии. В одном только Петрограде на улицы города вышло около 500 тыс. рабочих и солдат. «Трыбуна» вместе со всей большевистской печатью пропагандировала боевые лозунги большевиков: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!», «Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами!», «Да здравствует контроль и организация производства!» «Трыбуна» отмечала, что демонстрация 18 июня явилась боевым смотром сил петроградского пролетариата[148].

Но эта демонстрация была и смотром сил всероссийских. В соответствии с указаниями, заблаговременно разосланными ЦК большевистской партии на места, повсеместно происходила подготовка к демонстрации. Активным участником этой подготовки и самого проведения демонстрации на местах были группы СДКПиЛ. В Киеве, например, комитет РСДРП, военная организация при Киевском комитете РСДРП и Киевская группа СДКПиЛ опубликовали совместное воззвание к трудящимся города с призывом выйти на демонстрацию 18 июня под большевистскими лозунгами. «Революция в опасности. Страна на краю гибели. Война продолжается. Дышать все труднее. Разорение, холод, голод грозит всем нам,— говорилось в этом ярком документе...—

Молчать дальше нельзя...

Выйдем же 18 июня на улицу... Идите и своим выходом покажите, что вы с Советами против буржуазии и с революционными социал-демократами за изменение той политики, которую эти Советы до сих пор ведут»[149].

Накануне демонстрации Киевский комитет большевиков назначил распорядителей демонстрации; главным распорядителем был утвержден И. Фиалек[150].

---

[147] «Trybuna», 10(23).VI 1917.

[148] Там же, 24.VI(7.VII) 1917.

[149] «Голос социал-демократа», 18.VI(1.VII) 1917.

[150] С. М. Королівський. Червневі демонстрації 1917 року на Україні. Харьків, 1961, стр. 21.

Во главе демонстрации в Киеве шли «арсенальцы», среди которых было немало рабочих-поляков. Польские социал-демократы демонстрировали вместе с большевиками. Об их широком участии в демонстрации говорит то, что лишь за партийным знаменем социал-демократической партии шло около 200 человек[151].

В Харькове не только пролетарии завода «Герлях и Пульст» и другие передовые группы польских рабочих, но даже Польское социалистическое объединение, в котором все решительнее давали себя знать левые элементы, вместе с подавляющим большинством всех рабочих демонстрировали под лозунгом «Вся власть Советам!»[152] Общее собрание рабочих завода Борковского, находившегося в Чугуеве, накануне демонстрации приняло резолюцию с требованием передачи власти в руки Советов и установления рабочего контроля над производством[153].

В подготовке в Туле городским и районными комитетами РСДРП(б) рабочих выступлений участвовали представители СДКПиЛ Максимовский и Возняк[154] и т. д.

Подводя итоги демонстрациям 18 июня (1 июля), В. И. Ленин писал в «Правде», что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся партией большевиков, что демонстрация указывает направление революции, указывает выход из тупика[155]. Не только польские социал-демократы, но и широкие круги польских трудящихся в России показали в день 18 июня (1 июля), что они прочно стоят в едином рядах трудящихся масс России.

В день закрытия I съезда Советов — 24 июня (7 июля) открылась продолжавшаяся по 28 июня (11 июля) III Всероссийская конференция профессиональных союзов. Эта конференция, проходившая в период довольно широкого забастовочного движения, роста безработицы и дороговизны, поставила перед рабочим классом насущные вопросы экономической борьбы. Как писал Р. Ар-

[151] «Trybuna», 8(21).VII 1917.
[152] «Пролетарий», 20.VI(3.VII) 1917.
[153] Там же, 16(29).VI 1917.
[154] «Октябрь в Туле», стр. 157—158.
[155] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 360—361.

ский в статье, посвященной конференции, на ней особое место заняло течение, которое «практически ставит вопрос о борьбе с разрухой, регулировании хозяйственной жизни в целом и организации ее»[156]. Группа интернационалистов — участников конференции оказала влияние на ряд решений, принятых конференцией, поставила важный вопрос о невозможности строительства профсоюзов на позициях нейтрализма в политической борьбе и о необходимости поддержки профсоюзами интернационалистского движения и принципов революционного пролетарского социализма[157]. Конференция образовала Временный центральный совет профессиональных союзов. Одним из активных работников совета профсоюзов стал член СДКПиЛ с 1902 г. Станислав Пестковский. Организатор массового движения лодзинских ткачей в период подготовки и самой революции 1905—1907 гг., член Ченстоховского и Лодзинского комитетов партии, многократно арестовывавшийся царскими властями, Ст. Пестковский в 1913 г. бежал из сибирской ссылки за границу. После начала империалистической войны он перебрался в Лондон, где, работая помощником элекромонтера, входил в группы большевиков и польских социал-демократов и состоял в Британской социалистической партии. Прибывшего в июне 1917 г. в Петроград Ст. Пестковского партия первоначально направила на работу в профсоюзы[158].

Между тем Временное правительство, опираясь на поддержку меньшевистско-эсеровского большинства депутатов I съезда Советов, действуя в соответствии с интересами русских, английских, французских, американских империалистов, 18 июня (1 июля) прекратило фактически сложившееся состояние перемирия и двинуло в наступление войска Западного и Юго-Западного фронтов. Однако слабо подготовленное, плохо руководимое, враждебно встреченное солдатской массой наступление через два дня захлебнулось и превратилось в отступление.

В дни большого общественного возбуждения, вызванного событиями на фронте, заканчивалась подготовка к выборам в Московскую и ряд других городских

---

[156] «Новая жизнь», 23.VI(6.VII) 1917.
[157] «Правда», 1(14).VII 1917.
[158] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 717, лл. 102—103.

дум. Московская группа СДКПиЛ провела в ходе подготовки к выборам огромную агитационную работу, распространила около 60 тысяч различных обращений и листовок. «Все эти издания,— писала «Трыбуна»,— расхватывались на лету»[159].

Польские социал-демократы энергично разъясняли польским рабочим необходимость голосовать за большевистских кандидатов, совместно выдвинутых по списку № 5 Московским комитетом РСДРП(б), Московской группой СДКПиЛ и Московской группой социал-демократов Латышского края. Среди 200 кандидатов, выдвинутых по этому списку, на четвертом месте был Б. Закс, рекомендованный избирателям как член Варшавского комитета СДКПиЛ; в списке также значились: С. Лазоверт, член Варшавского комитета СДКПиЛ, Ю. Каминьский — от Московской группы СДКПиЛ, Ст. Будзыньский—член Варшавского комитета СДКПиЛ, член правления профсоюза кожевников, А. Ягодзиньский — член правления социал-демократического союза пекарей в Варшаве, С. Хилинский—член Совета рабочих депутатов Бутырского района, член исполнительного комитета Московской группы СДКПиЛ[160]. То, что внимание избирателей обращалось на деятельность этих кандидатов именно в польском рабочем движении, отражало глубокое уважение рабочего класса России к своим польским братьям по классу и вносило еще один штрих в проявление исконной интернационалистской природы большевистской партии.

В поддержку списка № 5 на выборах в Московскую городскую думу, нарушая указания своего руководящего органа, выступила Московская секция ППС-левицы[161]. Под листовкой, выпущенной в июне 1917 г. МК РСДРП с призывом голосовать за список социалистов-интернационалистов, наряду с подписью МК, стояли подписи Московской группы СДКПиЛ, Московской организации социал-демократов Латышского края, Московской организации социал-демократов Литвы и поддерживавшей список Московской секции ППС-левицы[162].

---

159 «Trybuna», 8(21).VII 1917.

160 «Социал-демократ», 14(27), 15(28), 17(30), 21.VI(4.VII) 1917.

161 Там же, 14(27).VI 1917.

162 «Листовки Московской организации большевиков. 1914—1925 гг.». М., 1954, стр. 61—62, 64—65 и др.

Пытаясь оказать воздействие на секцию и добиться изменения ее пролетарской позиции, в Москву, по решению ЦИК ППС-левицы, приехал Ф. Кон [163]. 16 (29) июня он выступал на собрании Московской секции ППС-левицы с докладом, в котором изложил свое отношение к русской революции и к Ленину и его сторонникам [164]. Выступление Ф. Кона не возымело ожидавшегося им действия, так как секция ППС-левицы осталась на позиции поддержки списка большевистских кандидатов.

Польские буржуазные демократы уверяли избирателей в том, что «симпатии поляков не могут быть на стороне России Ленина», что им нужна «Россия Керенского, Россия умеренных социалистических партий» [165]. В блоке с этими партиями выступала одна часть «демократов», а другая призывала поддерживать кадетов, рядившихся в тогу защитников «свободы народа» [166]. Сумятицу в выборы вносили секция Национального рабочего союза и ряд других подобных организаций, которые заявляли, что поляки принимали участие в борьбе против общего врага — царизма, но что участие их в муниципальных выборах явится будто бы вмешательством во внутренние дела России и что им поэтому надлежит воздержаться от голосования. Разъясняя несостоятельность этих аргументов реакции и значение муниципальных выборов, Ст. Бобиньский в статье «От голода, мора, войны...» призывал польских избирателей помочь победе русских товарищей [167]. По данным «Трыбуны», на выборах в городскую думу, состоявшихся 25 июня (8 июля), за список № 5 отдало свои голоса 15 тыс. трудящихся-поляков Москвы [168].

Общий результат выборов в Москве говорил о заметной поляризации сил и усилении влияния большевистской партии. О том же свидетельствовали выборы во Временную центральную городскую думу Петрограда. На этих выборах среди 37 гласных, избранных по большевистскому списку, был и М. Козловский [169].

---

[163] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 14.
[164] «Echo Polskie», 20.VI(3.VII) 1917.
[165] Там же, 25.VI(7.VII) 1917.
[166] Там же, 23.VI(5.VII) 1917.
[167] «Trybuna», 1(14).VII 1917.
[168] Там же, 8(21).VII 1917.
[169] «Правда», 21.VI(4.VII) 1917.

Организации СДКПиЛ жили большой, полнокровной жизнью, неся идеи революции и пролетарского интернационализма в широкие круги польских рабочих, беженцев, солдат. Одним из сохранившихся свидетельств этой активной деятельности были почти ежедневно помещавшиеся в «Правде» сообщения об очередных собраниях польских секций при организациях РСДРП отдельных районов и подрайонов Петрограда — Московском, Василеостровском, Выборгском, Невском, Лесном, Новодеревенском и др.[170] На этих собраниях ставились доклады о текущем моменте и задачах польских рабочих и по другим конкретным, волнующим их вопросам, например о новом, III Интернационале. Группа и районные секции проводили митинги с привлечением большого числа польских рабочих. На митинге польских рабочих Василеостровского района выступал 25 июля (8 июля) Ю. Лещиньский[171].

Для повышения уровня агитационно-пропагандистской работы Петроградская группа СДКПиЛ открыла школу агитаторов с систематическим курсом лекций. «Правда» сообщала, что вступительную лекцию в школе об утопическом и научном социализме прочитал Ю. Лещиньский[172]. В этой же школе М. Броньский начал вести семинар об экономических проблемах революции[173].

Несомненно, что и опыт Петроградской группы СДКПиЛ, как и ряда районных организаций, послужил одним из факторов, побудивших II Общегородскую конференцию большевиков принять решение о немедленном создании при всех районах рабочих школ агитаторов со стройным курсом лекций[174].

Если польские социал-демократы быстро и успешно перенимали опыт большевиков в организации политической работы среди масс, то в практику большевистских организаций в свою очередь входило все лучшее из опыта групп СДКПиЛ.

Понятно, и польские, и русские контрреволюционные силы со все возрастающим озлоблением встречали каж-

---

[170] «Правда», 7(20), 9(22), 11(24), 16(29).VI, 2.VI(4.VII), 22.(VI)(5.VII) 1917 и др.
[171] Там же, 25.VI(9.VII) 1917.
[172] Там же, 2(15).VII 1917.
[173] «Trybuna», 15(28).VII 1917.
[174] «Правда», 5(18).VII 1917.

дый новый успех польской социал-демократии, каждое новое проявление ее единства с партией большевиков. С особой злобой они реагировали на массовую кампанию польских интернационалистов против создания польской армии и на их агитационную работу в связи с перевыборами в Советы и муниципальными выборами. Видимо, в поисках каких-либо провокационных средств, которые позволили бы нанести удар по СДКПиЛ, контрразведка произвела в ночь с 9 (22) на 10 (23) июня обыск в помещении Центрального исполнительного бюро союза эвакуированных железнодорожников. В помещении этого бюро проживали Ю. Лещиньский и Ю. Уншлихт, отсутствовавшие во время обыска. Живший там же польский социал-демократ Левандовский был подвергнут и личному обыску. Контрразведчики унесли с собой ряд бумаг и газет. Обыск, как выяснилось после обращения Ю. Лещиньского и Ю. Уншлихта с протестом к соответствующим властям, производился без надлежащего постановления судебных или следственных органов[175].

Но затеянная контрразведкой провокация не успела еще получить своего развития, как 23 июня (8 июля) были получены первые известия о провале наступления на фронте.

Известие о том, что Временное правительство под прикрытием разговоров о мире возобновило военные действия и что на фронте разразилась новая катастрофа, вызвало огромное возмущение в Петрограде. В рабочих районах росло беспокойство в связи с тем, что под шум первых сообщений о наступлении на фронте улицы стали заполняться контрреволюционерами, угрожавшими восстановлением «порядка». Среди петроградских рабочих и солдат росло стремление принудить руководителей Советов отстранить буржуазию от власти, покончить с политикой войны, голода и разрухи. Осуществлению этих стремлений народа в известной мере благоприятствовало то, что 2 (15) июля кадеты, рассчитывая взвалить на своих меньшевистско-эсеровских союзников ответственность за ставший тогда уже ясным провал наступления, вышли из состава Временного правительства. Затаенная цель ухода кадетов из правительства состояла в том, чтобы, вызвав правительственный кризис и обострив поло-

---

175 «Правда», 16(29).VI 1917 и «Trybuna», 17(30).VI 1917.

жение в стране, побудить «социалистических» министров согласиться на вынашивавшиеся реакцией планы разгрома рабочего класса — на разоружение Красной гвардии, вывод революционных войск из Петрограда, запрещение партии большевиков. Действительно, с начала нового правительственного кризиса министры-социалисты совместно с меньшевистско-эсеровским руководством Советов стали еще усерднее проводить антинародную политику и в союзе с контрреволюционным генералитетом обрушились на революционный пролетариат.

Благодаря усилиям большевистской партии, происходившей в те дни II Петроградской общегородской конференции большевиков неподготовленное и преждевременное выступление петроградских рабочих против Временного правительства, начавшееся 2 (15) июля, приобрело мирный и организованный характер. Несмотря на это, Временное правительство при поддержке меньшевиков и эсеров 3—4 (16—17) июля использовало против демонстрантов реакционные воинские части. Мирная демонстрация рабочих подверглась расстрелу. В город стягивались верные правительству войска. Желая предотвратить кровопролитие, ЦК и ПК большевиков призвали прекратить забастовку и демонстрацию; при этом меньшевистско-эсеровский ЦИК обязался обеспечить охрану большевистских организаций от возможных погромов со стороны контрреволюционеров. Но 5 (18) июля редакция «Правды» и многие помещения, занятые большевистскими организациями, были разгромлены; контрреволюция попыталась разоружить питерских рабочих и продолжавшие складываться отряды Красной гвардии. В. И. Ленину пришлось перейти на нелегальное положение.

События в дни 3—4 июля явились переломным моментом в развитии революции в России. Двоевластие кончилось, меньшевистско-эсеровское большинство в Советах полностью капитулировало перед буржуазией, и власть в стране полностью перешла в руки контрреволюционного Временного правительства. Эсеро-меньшевистские Советы стали придатком буржуазного правительства, которое обрушилось на большевиков, попыталось подавить революционные массы. «Перелом 4 июля именно в том и состоит, что после него объективное положение круто изменилось,— писал В. И. Ленин через не-

сколько дней после событий. — Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контрреволюции»[176].

Но ни разгромить партию большевиков, ни подавить революционные массы буржуазия даже с помощью предавших дело революции меньшевиков и эсеров не смогла. «Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился,— продолжал В. И. Ленин. — Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы»[177].

Среди обновленных огнем борьбы, закаленных, обученных кадров пролетарской революции, выкованных и пересозданных в первый, мирный период ее подготовки находился и политический авангард польских интернационалистов в России—польская социал-демократия.

За неполные четыре месяца, прошедшие со времени Февральской революции, польская социал-демократия в России при помощи и поддержке большевистской партии организационно оформилась в свои партийные группы, являвшиеся в то же время составной частью большевистской партии. Во главе этих групп, объединяя их деятельность в вопросах специальных задач революционной работы среди польского населения, находился Исполнительный Комитет групп СДКПиЛ в России и его печатный орган — газета «Трыбуна». Направление деятельности польской социал-демократии в России во всех решающих вопросах соответствовало линии большевистской партии и определялось ею. Конечно, это никак не значит, что польские социал-демократы во всех вопросах теории полностью преодолели люксембургианские взгляды,— рецидивы их в большей или меньшей мере проявлялись и в дальнейшей деятельности польских социал-демократов как в России, так и — особенно — на родине, в Польше. Но в практической своей деятельности польские социал-демократы как в центре, так и на местах стояли на позициях большевиков, действовали вместе с ними.

В соответствии со своими специфическими задачами польские социал-демократы уже в первые месяцы рево-

---

[176] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 12.
[177] Там же, стр. 17.

люции развернули широкую политико-просветительную и организаторскую работу среди находившихся в России польских трудящихся. В этой своей деятельности польской социал-демократии приходилось вести сложную борьбу с серьезными, влиятельными политическими противниками. Она стремилась к тому, чтобы сплотить польских трудящихся с рабочими и крестьянами всей России и высвободить польских беженцев, солдат, рабочих из-под влияния националистической и антиреволюционной ППС-«фракции», связанных с ней организаций Польского социалистического объединения и всех националистических, открыто контрреволюционных, клерикальных и других организаций польских капиталистов, помещиков и польского офицерства, сложившихся в России. Нужно было также разъяснить массам ошибки оформившейся в первые месяцы революции колеблющейся и еще тяготевшей к меньшевикам ППС-левицы.

К новому, решающему этапу развития борьбы за победу социалистической революции в России польские социал-демократы, действовавшие на российской территории, пришли как организованная и сплоченная часть большевистской партии, сумевшая за короткий срок создать сеть организаций, установить связи с многими предприятиями и воинскими частями, занять позиции рядом с большевиками в Советах, в Красной гвардии, в профсоюзах, в солдатских комитетах и благодаря всему этому добиться больших успехов в деле сплочения польского пролетариата со всем революционным пролетариатом России.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Польские интернационалисты в период наступления контрреволюции и нового подъема революции

(июль — октябрь 1917 г.)

I

Новая тактическая линия большевиков и польские рабочие партии

Новая политическая обстановка в России, сложившаяся после июльских дней, выдвигала новые непосредственные задачи перед рабочим классом, перед его революционной партией. Характеризуя политическое положение, В. И. Ленин писал 10(23) июля 1917 г.: «1. Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки... 2. Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции... 3. Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно... 4. Партия рабочего класса, не бросая легальности, но и ни на минуту не преувеличивая ее, должна *соединить* легальную работу с нелегальной, как в 1912—1914 годах»[1].

В этих четырех тезисах были сформулированы и раскрыты главные особенности новой политической обстановки, определена новая тактическая линия большевистской партии.

Проанализировать все черты этой обстановки, раскрыть ее особенности, показать партии и рабочему классу перспективы развития их борьбы, определить ее методы, ближайшие цели, очередные задачи — такова была огромная работа, проделанная В. И. Лениным в глубоком подполье непосредственно после июльских дней. В четырех тезисах о политическом положении В. И. Ленин указал, что в стране фактически установилась военная диктатура; ЦИК Советов и Исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов объявили правительство, главой которого 8 (21) июля стал Керенский, «правительством спасения революции» и предоста-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 1—5.

вили этому правительству неограниченные полномочия [2]. Меньшевики и эсеры, узаконив разоружение рабочих и революционных полков, превратили свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции. Исходя из этого, В. И. Ленин пришел к выводу, что в новых условиях, в условиях полного и окончательного банкротства соглашателей, нельзя сохранять старый лозунг о переходе всей власти к Советам, а необходима подготовка вооруженного восстания рабочих, возможного лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны. Так, считая временно необходимым снятие лозунга «Вся власть Советам!», В. И. Ленин впервые после Февральской революции указал, что пролетариат оказался перед единственной возможностью взятия власти — перед необходимостью подготовки и проведения вооруженного восстания.

В обстоятельной статье «К лозунгам», которую Кронштадтский комитет РСДРП (б) сумел издать отдельной брошюрой, В. И. Ленин разъяснял особенности того крутого поворота, который проделала Россия в июльские дни, перейдя от двоевластия, когда власть делили, по добровольному соглашению между собой, Временное правительство и Советы (и когда, не будь противодействия соглашательских партий, ни одна серьезная сила не могла бы воспрепятствовать переходу власти к Советам), к власти керенских, поддерживаемых генералами, кадетами, монархистами. «Мирный путь развития сделан невозможным. Начался немирный, наиболее болезненный путь» [3]. На этом пути, в новом цикле развития в России классовой и партийной борьбы, в новой, пролетарской революции, в борьбе за построение всего государства по типу Советов вновь придет время борьбы за переход власти к Советам, но это будут «не теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней» [4].

Подготовляя большевистскую партию, рабочий класс и всех трудящихся России к решающей борьбе против буржуазии, В. И. Ленин обращал особое внимание на необходимость помочь массам изжить еще сохранившиеся

---

[2] «Известия Петроградского Совета...», 11(24).VII 1917.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 12.
[4] Там же, стр. 16.

конституционные иллюзии, разъяснить им своеобразные черты установившейся в России бонапартистской формы правления, со всей отчетливостью проявившейся, когда 24 июля (6 августа) под председательством Керенского образовалось новое Временное правительство с участием и кадетов, и эсеров, и меньшевиков.

В работах В. И. Ленина, в советах и указаниях, которые он давал из подполья, большевистская партия находила освещение основных и важнейших вопросов новой тактической линии, диктуемой новыми условиями развития и углубления революции в России.

Как и вся партия большевиков, польские социал-демократы в России искали новые формы работы, диктуемые условиями момента, уясняли и пропагандировали новую тактическую линию, разработанную В. И. Лениным.

После расстрела мирной демонстрации в Петрограде, положившего начало новому периоду политического развития России, буржуазное Временное правительство продолжало репрессии. Один за другим на большевиков сыпались удары обнаглевшей контрреволюции. Польские социал-демократы в России после июльских дней разделили с большевиками честь быть столь же преследуемыми контрреволюцией, как и они.

Стремясь создать в стране обстановку, благоприятствующую погромным планам, черносотенная печать усилила яростную клеветническую кампанию против большевиков. Вдохновленный гнусными выступлениями Керенского на I Всероссийском съезде Советов, довольно ясно давшего понять, чего именно он ждет от своих черносотенных друзей, грязный листок «Живое слово» разразился пакостными измышлениями, перекочевавшими затем на полосы «солидных» газет. Политическую травлю большевиков как партии международного революционного пролетариата контрреволюционная буржуазия довела до гнуснейшей клеветы на В. И. Ленина. «Дрейфусиада настоящая, поход лжи и клеветы на почве дикой политической ненависти»,— так охарактеризовал накаленную обстановку тех дней В. И. Ленин[5].

Потоки клеветы были извергнуты и на польских друзей В. И. Ленина—М. Козловского и Я. Ганецкого. Имя

---

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 426.

Ганецкого показалось, видимо, удобным использовать, так как было известно о его содействии В. И. Ленину в возвращении из эмиграции, кроме того, Ганецкий постоянно жил в нейтральной стране и в целях изыскания средств для политической деятельности занимался коммерческими делами, а незадолго до июльских дней на короткий срок приезжал в Россию[6].

Еще задолго до июльских дней буржуазная печать открыла против Я. Ганецкого клеветническую кампанию. Считая необходимым дать отпор наглым лжецам и фальсификаторам, Исполнительный Комитет групп СДКПиЛ в России подготовил заявление для печати. В этом заявлении, предварительно переданном в Юридическую Комиссию ЦК РСДРП (б), отмечался безупречный характер политической деятельности Я. Ганецкого, но содержалось требование к нему представить некоторые объяснения. Узнав о содержании заявления Исполнительного Комитета групп СДКПиЛ, В. И. Ленин 13(26) июня обратился с письмом в Юридическую Комиссию, в котором указывал совершенную недопустимость требования от Ганецкого, как и от любого другого товарища, объяснений по заявлениям заведомых клеветников и сплетников[7].

Письмо В. И. Ленина, видимо, было сообщено ИК групп СДКПиЛ: в печати заявление ИК появилось без пункта о затребовании у Ганецкого объяснений и содержало высокую оценку всей его деятельности[8].

Начиная же с июльских дней вся буржуазная, антибольшевистская печать возобновила клеветнический поход против Ганецкого, как одного из ближайших друзей и товарищей В. И. Ленина.

Что касается М. Козловского, то реакционным кругам он был особо ненавистен тем, что по поручению большевистской партии возбудил судебное дело в защиту газеты «Правда» от клеветы черносотенцев, отстаивал на суде правомерность занятия бывшего дворца Кшесинской, неизменно изобличал все антидемократические замыслы буржуазного большинства Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание, а как председатель Выборг-

---

[6] Там же, стр. 415.
[7] Там же, т. 49, стр. 441—442.
[8] «Trybuna», 17(30).VI 1917.

ской районной думы оказывал большое содействие превращению Выборгской стороны в один из оплотов большевистской партии.

Так, в силу изощренных соображений организаторов позорной травли В. И. Ленина буржуазная печать трепала и имена двух польских социал-демократов — большевиков... Это было своеобразное, но несомненное признание российской контрреволюцией того, что ее пугали союз и дружба русских и польских революционеров.

5 (18) июля, тотчас же после выхода номера газеты «Живое слово», начавшей кампанию клеветы лично против В. И. Ленина, а также Я. Ганецкого и М. Козловского, последний как член ЦИК направил письмо председателю ЦИК Советов, в котором категорически опроверг клеветнические измышления «Живого слова»[9]. Письмо, оглашенное самим Козловским в Исполнительном Комитете Совета и опубликованное в печати, не возымело действия на меньшевистско-эсеровское руководство ЦИК.

Вечером 5 (18) июля, как уведомляла «Правда», было созвано экстренное собрание всех членов Петроградской группы СДКПиЛ[10]. В центре внимания собрания не могли не оказаться вопросы, вытекавшие из факта повсеместного перехода контрреволюции в наступление и затеянной ею гнусной провокации, самым непосредственным образом обращенной и против польской социал-демократии.

Широкие круги рабочих были глубоко возмущены действиями распоясавшихся черносотенцев. Однако контрреволюция продолжала наступать.

Вслед за разгромом редакции «Правды», 6 (19) июля контрреволюционные элементы совершили налет на помещение редакции «Трыбуна». Все оказавшиеся в редакции сотрудники газеты были арестованы[11]. В тот же

---

[9] «Листок „Правды"», 6(19).VII 1917 и «Trybuna», 8(21).VII 1917.

[10] «Правда», 5(18).VII 1917.

[11] «Trybuna», 22.VII(4.VIII) 1917. Екатеринославская «Звезда» сообщала следующие подробности событий: «В четверг, 6 июля, в 5 ч. утра, контрразведочное бюро произвело тщательный обыск в редакции „Трибуна" (Центрального органа С.-Д. Польши и Литвы) и арстовала присутствующих: Уншлихта, Лещинского, Бронского, Рубина, Цихоцкого, Гловацкого (из Саратова) и других. Когда их вели

день у себя на квартире был арестован М. Козловский, а также находившиеся у него лица[12]. После шестидневного заключения одна группа арестованных была выпущена на свободу. Ввиду отсутствия всяких оснований для содержания под стражей постепенно все арестованные были отпущены. В тюрьме вплоть до октября оставался лишь М. Козловский, против которого русские и польские реакционеры продолжали гнусную клеветническую кампанию[13].

Одним из результатов налета на «Трыбуну» было то, что очередной номер газеты вышел в свет с большим опозданием[14].

7 (20) июля буржуазные власти издали приказ об аресте В. И. Ленина и ряда других большевиков, обвинив их в «государственной измене» и в организации вооруженного восстания; затем был издан закон о введении смертной казни на фронте, установлена предварительная цензура, закрыт ряд большевистских газет. Контрреволюция расширяла наступление.

Действуя подобно русским контрреволюционерам, польская контрреволюция сразу же выдвинула против «Трыбуны» и польских социал-демократов клеветнические обвинения в том, что они являются «немецкой агентурой». Сообщая об этих обвинениях, «Трыбуна» призывала поддержать революционную социал-демократию в ее совместной с русским пролетариатом борьбе против объединенной контрреволюции. Газета писала, что контрреволюция стремится погубить вождей рабочего класса и в потоке крови потопить международную революцию. «От стойкости пролетариата России зави-

---

в Главный штаб, на них набросилась толпа и избила. В штабе их посадили в отдельную комнату, под стражей двух десятков солдат, и не разрешили переговариваться между собой. В пятницу, в 5 час. утра, начался допрос, после которого тов. Гловацкий был освобожден». («Звезда», 14(27).VII 1917).

Упомянутый в сообщении Антон Гловацкий до войны был деятелем Варшавской организации СДКПиЛ. В августе 1914 — ноябре 1915 гг. находился в царской тюрьме. Участвовал в Октябрьской революции; в 1918—1920 гг. был секретарем организации Коммунистической партии Польши в г. Прушкове, с. 1945 г.— член Польской рабочей партии, затем — Польской объединенной рабочей партии.

[12] «Известия Петроградского Совета», 7(20), 8(21).VII 1917.

[13] «Trybuna», 14(27).X 1917.

[14] Там же, 22.VII(4.VIII) 1917.

сит будущее международной революции», — указывала «Трыбуна»[15].

Все группы СДКПиЛ в этот час серьезных испытаний показали свою стойкость и свое единство с партией большевиков. «Нападки контрреволюции на большевиков только укрепили наше братство с ними», — заявляли польские пролетарии в Москве. Псковская группа СДКПиЛ полностью поддержала Зд. Шириньского, заявившего, что обязанностью польских рабочих является борьба совместно с русским пролетариатом за упрочение революционных завоеваний, против контрреволюции[16].

В результате июльских событий эсеро-меньшевистское руководство Советов низвело их до роли придатка Временного правительства в его политике продолжения войны и удушения революции. После того, как 24 июля (6 августа) было завершено формирование второго коалиционного правительства с участием кадетов, меньшевиков, эсеров и др., Ю. Лещиньский в статье, посвященной текущему моменту, писал в «Трыбуне»: «Новая министерская комбинация менее всего может удовлетворить рабочих, она наиболее отразится на их плечах. Но и крестьянству не придется она по вкусу... Таким образом, кризис власти объективно продолжается... Правительство революционной диктатуры является единственным противовесом притязаниям контрреволюции...»[17].

В новой обстановке, потребовавшей от революционного пролетариата существенного изменения тактики, СДКПиЛ оказалась на высоте стоящих перед ней задач. Аресты и преследования не дезорганизовали ее. Наоборот, в новых условиях группы СДКПиЛ усилили борьбу со всеми разновидностями контрреволюционного буржуазного национализма и соглашательства.

Со страниц «Трыбуны» СДКПиЛ решительно и систематически разоблачала вредную для дела революции и интересов польского народа политику эндеков, «демократов» и других буржуазных элементов. Польские социал-демократы продолжали борьбу с националистическими происками ППС-«фракции».

С особым вниманием СДКПиЛ относилась к деятельности ППС-левицы и Польского социалистического объ-

[15] «Trybuna», 22.VII(4.VIII) 1917.
[16] Там же.
[17] Там же, 29.VII(11.VIII) 1917.

единения. Выступая с критикой этих организаций, СДКПиЛ стремилась помочь находившимся в их составе пролетарским элементам преодолеть реформистские ошибки и националистические предубеждения и стать на путь последовательной революционной борьбы.

Как уже указывалось, вскоре после июльских дней, 7(20) июля, вышел в свет первый (сдвоенный) номер органа ППС-левицы в России — «Роботник в Росйи». В передовой статье газеты говорилось об общности интересов польских и русских рабочих, о значении русской революции, о стоявших перед ней задачах. Эти задачи в изложении «Роботник в Росйи» сводились к необходимости борьбы с опасностью буржуазной контрреволюции, с экономическими трудностями и с иностранными империалистами: немецкими, не желающими отказаться от своих разбойничьих целей, и английскими, американскими, французскими, которые пытаются поставить русскую революцию на службу своим захватническим аппетитам.

В большой статье одного из лидеров левицы Ст. Лапиньского рассматривался вопрос о борьбе за мир. Автор осуждал участие представителей «революционной демократии» в коалиционном правительстве, которое не пошло на пользу пролетариату, и критиковал оппортунистическую политику в вопросе о войне меньшевистско-эсеровских руководителей Советов [18].

Руководство ППС-левицы продолжало, как и раньше, занимать промежуточную позицию, пытаясь найти какой-то средний путь.

В июльские дни лидеры ППС-левицы предлагали Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов взять в свои руки всю полноту власти. Когда же меньшевистско-эсеровское руководство Советов открыто поддержало контрреволюцию в ее борьбе против народа, ППС-левица заявила, что мелкобуржуазно-крестьянское большинство исполнительных комитетов в час испытаний «почувствовало себя намного ближе к буржуазии, чем к социалистическому рабочему классу», и что, воспользовавшись этим, буржуазия развернула дикую, людоедскую охоту за большевиками и всеми интернационалистами, обливая их клеветой [19].

---

[18] «Robotnik w Rosji», 7(20).VII 1917.
[19] Там же.

Но после июльского перелома руководство ППС-левицы снова и еще сильнее, чем раньше, потянулось в сторону колеблющихся, но все больше уступавших нажиму реакции меньшевиков-интернационалистов. На чрезвычайных заседаниях ЦИК ППС-левицы 8(21) и 9(22) июля обсуждалось предложение Ф. Кона и С. Круликовского об официальном вступлении секций партии в организацию меньшевиков-интернационалистов. Не возражая принципиально против этого, Л. Пинкус, отметил, что так как не всюду меньшевики-интернационалисты располагают отдельными организациями, то принятие предложения Ф. Кона и С. Круликовского равнозначно вообще вступлению в состав меньшевистской партии. Такой шаг Л. Пинкус считал возможным только в том случае, если его результаты принесут выгоду именно меньшевикам-интернационалистам, а не другим течениям меньшевиков. П. Левинсон (Ст. Лапиньский) находил, что ЦИК ППС-левицы не компетентен решать поставленный перед ним вопрос. Участники заседания, не приняв окончательного решения, признали, однако, возможным официально участвовать в тех институциях меньшевиков-интернационалистов, где их фракции отделены от фракций собственно меньшевиков [20].

По сути дела обсуждение вопроса об отношении к меньшевикам-интернационалистам не внесло чего-либо нового в практику ППС-левицы.

Не удержавшись на своих формально половинчатых позициях в отношении меньшевиков-интернационалистов, руководство левицы фактически завершило свое слияние с их партийным центром: на заседании Центрального бюро меньшевиков-интернационалистов 18(31) июля в состав сформированного тогда секретариата из 5 человек был избран и Ф. Кон [21].

Появление Ф. Кона в составе оперативного руководящего органа меньшевиков-интернационалистов отражало как неустойчивость руководства ППС-левицы в России, так и усиление нажима на нее со стороны мелкобуржуазных элементов. Но секции ППС-левицы, как правило, не последовали примеру своего руководства: они сохранили свою независимость от меньшевистских организаций, а

---

[20] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, лл. 27—28.
[21] «Новая жизнь», 21.VII(10.VIII) 1917.

во многих случаях стали еще теснее, чем раньше, сотрудничать с большевиками и с польскими социал-демократами.

При всем своем колебании лидеры ППС-левицы в России оставались на интернационалистских позициях в вопросах отношения к войне, к союзу с русским пролетариатом. Несомненной заслугой ППС-левицы можно считать то, что она нисколько не свернула своей борьбы против буржуазного национализма, в первую очередь против национализма ППС-«фракции». Сказалось это, между прочим, в отношении к попыткам ППС-«фракции» обеспечить себе представительство в ЦИК Советов и в ряде Советов.

Даже меньшевистско-эсеровский ЦИК Советов и Исполнительный комитет Московского Совета посчитали излишним допущение в свой состав представителей ППС-«фракции». Эта позиция меньшевистско-эсеровского большинства Исполкома Московского Совета была определена после выступления Ф. Кона, приглашенного на заседание Исполкома. В своей речи он дал резко отрицательную оценку деятельности ППС-«фракции»[22]. Им же было написано утвержденное ЦИК ППС-левицы и опубликованное в «Роботник в Росйи» особое уведомление, в котором указывалось, что ППС-«фракция» подделывается под социалистическую партию, тогда как на самом деле она давным-давно растратила всякие признаки социализма[23]. В связи с опасной деятельностью ППС-«фракции» в Киевском Совете, где, как известно, украинские и польские социал-националисты выступали совместно, ЦИК ППС-левицы решил обратиться с особым письмом к Исполкому Киевского Совета[24]. Но сам ЦИК ППС-левицы, оставаясь на промежуточных позициях, стремился на выборах в городские думы, в Украинскую раду и т. п. к заключению блоков с меньшевиками, Бундом, украинскими социал-демократами.

Местные секции ППС-левицы становились, по примеру Московской секции, на другой путь — путь сотрудничества с подлинно революционными силами. Число местных секций ППС-левицы росло: летом закончилось оформление секций в Нижнем Новгороде и Сормове.

[22] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 29.
[23] Там же, л. 31.
[24] Там же.

В самом Нижнем Новгороде в момент образования секции в ней состояло 86 человек[25], а во всей Нижегородской секции, охватывавшей также Сормово, Канавино и другие поселки,— 250 человек[26]; секции ППС-левицы сложились в Царицыне, а также во 2-м горно-артиллерийском дивизионе, в Елизаветграде, Острогожске, Вологде, Перми и ряде других городов[27].

Образование новых секций ППС-левицы нельзя рассматривать как проявление поддержки политики руководства этой партии со стороны рядовых ее членов: оно выражало неудержимый процесс полевения, революционизирования всего рабочего класса России, в том числе и его польской части.

О росте революционных настроений внутри ППС-левицы говорил и тот факт, что большинство ее секций выступало теперь в поддержку большевиков. При этом новые секции часто возникали либо в связи с высвобождением части рабочих из-под влияния «фраков», как это было в Нижнем Новгороде и Сормове, либо в связи с распадом отдельных организаций Польского социалистического объединения.

Однако руководство ППС-левицы все еще оказывалось неспособным стать рядом с партией большевиков и с СДКПиЛ. Что же касается руководства Польского социалистического объединения в Харькове и связанных с ним организаций, то оно все откровеннее переходило на сторону меньшевистско-эсеровских врагов революции. В своей газете «Еднощ роботнича» оно повторяло враждебные выпады против большевистской партии и В. И. Ленина, которые нередко помещались в «Новой жизни»[28]. В то же время руководители объединения заявляли, что они очень хотели бы сотрудничать с российской социал-демократией, но что польский пролетариат имеет перед собой целый ряд задач, для осуществления которых ему нужна особая организация, в которой следует объединить, слить все направления польского социализма[29].

---

[25] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 37, л. 5.

[26] Там же, д. 3, л. 38 об.

[27] Там же, лл. 33, 35, 36 и др.

[28] «Jedność Robotnicza», 18.VI(1.VII) 1917 поместила пересказ антибольшевистской статьи Базарова, опубликованной в «Новой жизни».

[29] «Jedność Robotnicza», 18.VI(1.VII) 1917.

В текущих вопросах развития революции в России руководство харьковского объединения пыталось ориентировать польских трудящихся на поддержку курса, установленного I Всероссийским съездом Советов — этим, по их определению, «парламентом революционной демократии» [30]. Польское социалистическое объединение в Харькове, заключив блок с меньшевиками-оборонцами и с Бундом, на выборах в городскую думу 9(22) июля боролось против единого списка большевиков, латышских и польских интернационалистов. Деятельность объединения, особенно его печатного органа, редактировавшегося З. Зарембой, все в большей мере противоречила основным интересам рабочих. Один из виднейших публицистов СДКПиЛ в России—Зб. Фаберкевич, выступив в местной большевистской печати, указал на то, что под маской «беспартийности» и объединения всех рабочих-поляков в России Польское социалистическое объединение проводит национально-либеральную политику. В обстоятельной статье, опубликованной в харьковском «Пролетарии», Зб. Фаберкевич подверг резкой критике политику вожаков этой организации, докатившихся после июльских событий до прямого блока с правительственной партией меньшевиков. «Сознательные рабочие поляки,— писал Зб. Фаберкевич,— должны звать своих товарищей из „Единения" в партию революционного пролетариата» [31].

После июльского перелома против партии революционного пролетариата более откровенно, чем прежде, выступали и лидеры ППС-«фракции». В начавшем нерегулярно выходить в свет летом 1917 г. органе их ЦИК журнале «Глос роботника и жолнежа» из номера в номер печатались статьи, обращенные против большевиков. Но в отличие от погромных, открыто клеветнических статей буржуазной печати, орган ППС облекал свои нападки на большевиков в «социалистические» фразы. Бронислав Сивик, например, и после июльских дней заявлял, что лишь часть русской демократии, группирующаяся вокруг В. И. Ленина, добивается глубоких и основательных преобразований в России, что русские большевики, вопреки всем утверждениям о них их врагов,— «это наиболее революционная и демократическая партия». Но эти словес-

[30] Там же, 25.VI(8.VII) 1917.

[31] «Пролетарий» (Харьков), 18(31).VII 1917.

ные реверансы использовались на деле только для того, чтобы придать большую убедительность рассуждениям о том, что большевики-де далеки от понимания реального соотношения сил, опираются на неразвитые в общественном и культурном отношениях группы рабочих и солдат и т. д.[32]. Подобным типичным для всех реформистов приемом лидеры ППС-«фракции» стремились удержать под своим влиянием часть трудящихся поляков и обосновать и оправдать свою позицию сотрудничества с крайне соглашательскими и националистическими элементами.

Все больше погружаясь в мутное болото националистических интриг и спекуляций, лидеры ППС-«фракции» в России приняли участие в состоявшейся в начале августа совместной конференции дашнаков, Паолей-циона, украинских эсеров, литовских социалистов и других социал-националистских партий[33], яростно боровшихся против самой идеи пролетарской революции и пролетарского, интернационалистского решения национального вопроса. То обстоятельство, что даже Исполком Петроградского Совета, а затем и ЦИК Советов, исходя из того, что ППС-«фракция» является организацией несоциалистической, отклонили ходатайство о допущении ее представителей в свой состав, ППС-«фракция» использовала для попыток присвоить себе славу почетной «неблагонадежности», противопоставляя ее «благонадежности» СДКПиЛ и клеветнически изображая последнюю как защитницу «неделимости» России. Не гнушаясь самым бесцеремонным и нечестным использованием ошибок СДКПиЛ в постановке национального вопроса,— кстати сказать, обеспечению практического решения национального вопроса именно СДКПиЛ отдавала все свои силы, участвуя в подготовке социалистической революции,— пропагандисты ППС-«фракции» стремились убедить своих читателей, что как СДКПиЛ, так и ППС-левица отстаивают интересы связанного с русским рынком польского капитала, поскольку не выдвигают на первый план лозунга независимости Польши[34].

В действительности же именно эти мнимые социал-демократические «защитники» интересов польского капитала всю свою энергию направляли на подготовку к

[32] «Głos Robotnika i Żołnierza», 31.VII(13.VIII) 1917.
[33] Там же, 25.VIII(7.IX) 1917.
[34] Там же, 1(14).IX 1917.

осуществлению решающего наступления за дело социалистической революции.

Эта подготовка проходила в сложных условиях, когда, используя бонапартистские черты установившегося в стране режима и потворство со стороны соглашательских партий, самые махровые силы реакции повсеместно пришли в движение, пытаясь задушить революцию. Вместе со всей партией большевиков, отбивая удары реакции, разоблачая ее реформистских и националистических союзников, собирали силы рабочего класса, помогали формировать политическую армию революции и польские социал-демократы. Они организовывали рабочих и солдат, гневно протестовавших против наглой клеветы, обрушенной на В. И. Ленина, против черносотенных погромов рабочих клубов и большевистских газет, против разнузданной антинародной кампании буржуазии и военщины.

В полном единстве со всеми большевиками польские социал-демократы выступали на состоявшихся 9(22) июля муниципальных выборах в Харькове. Среди одиннадцати большевиков, избранных гласными, был один из руководителей местной группы СДКПиЛ — К. Томашевский [35]. Другой из видных деятелей группы — Матушевский вошел в состав комитета РСДРП(б) Городского района партии [36]. Немедленно после получения известий о петроградских событиях Харьковский комитет РСДРП(б) в воззвании к рабочим и солдатам выступил с разоблачением контрреволюционной политики Временного правительства и с призывом готовиться к борьбе за переход власти к Советам [37]. Фракция большевиков — гласных Харьковской городской думы, в составе которой был и польский социал-демократ К. Томашевский, после открытия думы выступила с декларацией, в которой доказывала, что нельзя спасти страну от гибели, не добившись прекращения войны и не ведя беспощадной классовой борьбы с капиталистами [38].

Очень показательным был совместно принятый после июльских дней Екатеринославским комитетом большевиков, Екатеринославским районом (группой) СДКПиЛ и районами (группами) литовской и латышской социал-

[35] «Пролетарий», 13(26).VII 1917.
[36] Там же, 4(17).VII 1917.
[37] Там же, 6(19).VII 1917.
[38] Там же, 28.VII(10.VIII) 1917.

демократии наказ депутатам Екатеринославского Совета. В наказе выдвигались требования борьбы за скорейшее прекращение империалистической войны, подавления буржуазно-помещичьей контрреволюции, организации контроля Советов над производством и распределением продуктов, организованного перехода всей частновладельческой (помещичьей), церковной, казенной, монастырской земли в распоряжение местных крестьянских земельных комитетов, Советов крестьянских депутатов[39].

Сплоченно выступали группы СДКПиЛ и в связи с подготовкой к VI съезду большевистской партии. Уведомление о созыве общероссийского партийного съезда «Трыбуна» опубликовала еще 24 июня (7 июля). Тогда же и Исполнительный Комитет групп СДКПиЛ в России сообщил о своем намерении созвать общероссийскую конференцию польских социал-демократов[40]. Одно за другим проходили собрания групп польской социал-демократии, связанные с подготовкой к партийному съезду.

В Москве общее собрание членов группы СДКПиЛ состоялось 9(22) июля[41]. Польские социал-демократы были среди делегатов, избранных московской партийной организацией на VI съезд. Несколько собраний группы СДКПиЛ произошло в период подготовки к съезду в Ростове-на-Дону. В своих решениях ростовская группа резко протестовала против антидемократических действий правительственных кругов и выразила солидарность с вождями пролетариата. О готовности группы к решительному бою говорило создание 18(31) июля при ее комитете боевой организации[42].

Как обычно, значительная часть польских социал-демократов была занята большой общепартийной работой. Так, заместителем председателя состоявшейся 16—19 июля (29 июля — 1 августа) в Красноярске Енисейской губернской конференции РСДРП(б) был Ф. Врублевский. Конференция избрала Ф. Врублевского одним из пяти членов сформированного руководящего органа большевиков всей Восточной Сибири — Красноярского бюро РСДРП(б), а одним из двух кандидатов в члены бюро была избрана Я. Пекаж. По всем рассмотренным

[39] «Звезда» (Екатеринослав), 21.VII(3.VIII) 1917.
[40] «Trybuna», 24.VI(7.VII) 1917.
[41] «Социал-демократ», 8(21).VII 1917.
[42] «Наше знамя», 29.VII(11.VIII) 1917.

вопросам — о партийном съезде, выборах в Учредительное собрание и др.— конференция приняла решения, всецело выдержанные в ленинском духе. Заслуживает упоминания, что конференция признала целесообразным и необходимым распространение Красноярской партийной организацией литературы на польском языке [43]. Вместе с двумя другими руководителями Красноярской организации Я. Пекаж подписала приветственную телеграмму VI съезду партии, оглашенную на его заседании 2(15) августа [44].

Непосредственно перед началом работ VI съезда, 23 июля (5 августа), в Петроград приехал Ф. Дзержинский [45]. Видимо, тогда же Исполнительный Комитет групп СДКПиЛ принял решение о возложении на Ф. Дзержинского представительства в составе ЦИК вместо находившегося под арестом М. Козловского. Во всяком случае 26 июля (8 августа) Бюро ЦИК, рассмотрев представленный Ф. Дзержинским мандат, приняло решение допустить его в ЦИК в качестве представителя СДКПиЛ [46].

Заточенный в тюрьму, оставленный без поддержки со стороны меньшевистско-эсеровского большинства ЦИК, выведенный из состава Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание [47], М. Козловский нисколько не смирился, не утратил революционного духа. Наоборот, из тюрьмы он пишет полное гнева письмо, в котором требует от Временного правительства освобождения из-под необоснованного ареста, указывает на грубое нарушение правовых норм, допущенное при его аресте, и одновременно просит о привлечении бывшего министра юстиции Переверзева к уголовной ответственности за допущенное им нарушение законов [48]. Письмо М. Козловского, конечно, не возымело прямого действия, но, опубликованное в печати, оно говорило о стойкости пролетарского революционера, умело использовавшего нарушения буржуазной законности, допущенные властями, для того, чтобы даже

---

[43] «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис». М., 1959, стр. 192—198.
[44] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)...», стр. 165.
[45] С. Дзержинская. В годы великих боев. М., 1964, стр. 259.
[46] ЦГАОР, ф. 1978, оп. 1, д. 166, л. 3.
[47] «Революционное движение в России в июле 1917 г...», стр. 293.
[48] «Новая жизнь», 28.VII(10.VIII) 1917.

из заключения вести наступательную пропаганду против правительства. Эти разоблачения помогали борьбе рабочего класса против травли большевиков.

Среди рабочих коллективов, по всей России поднимавших голос в защиту своей партии, было немало предприятий со значительной прослойкой рабочих — выходцев из Польши. Одним из таких предприятий являлся индустриальный гигант — Путиловский завод, становившийся подлинной крепостью большевизма. Коллектив завода 22 июля (4 августа), т. е. за 4 дня до открытия VI съезда партии, принял по докладу В. Володарского резолюцию, подобную десяткам резолюций, принимавшихся на заводах, фабриках, шахтах всей страны, только, быть может, более обстоятельную и наиболее авторитетную. В этой резолюции путиловцы, в том числе путиловцы-поляки, требовали заключения демократического мира, установления рабочего контроля над производством, передачи земли крестьянам, последовательной, решительной демократизации всех органов управления государством; путиловцы подтверждали свой протест против ареста социал-демократов — большевиков, идейных вождей большевизма, против закрытия рабочих интернационалистских газет, против разгрома рабочих и солдатских организаций, против лишения товарищей солдат свободы слова и собраний, против введения смертной казни, против разоружения рабочих [49].

Решительно протестуя против преследования идейных вождей большевизма, путиловцы имели в виду те лихорадочные усилия, которые предпринимались Временным правительством и контрразведкой для ареста В. И. Ленина.

Бережно охраняемый партией и рабочим классом В. И. Ленин из подполья направлял всю работу по подготовке и проведению VI съезда партии [50].

При определении порядка работ съезда было предусмотрено заслушать, помимо докладов Организационного бюро и доклада ЦК РСДРП(б), отчеты с мест. Перечисляя области и районы, от которых съезду предстоит заслушать отчет, Я. М. Свердлов назвал и Польшу [51].

[49] «Рабочий и солдат», 24.VII(6.VIII) 1917.

[50] А. Шотман. Ленин в подполье в 1917 году. М.—Л., 1930, стр. 15.

[51] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)...», стр. 6 и 286.

К сожалению, в связи с полулегальными условиями работ, съезду не удалось выполнить всю намеченную программу и отчет о Польше на съезде не был заслушан и не был приложен к материалам съезда.

VI съезд большевистской партии происходил 26 июля — 3 августа (8—16 августа) 1917 г. Со времени VII (Апрельской) Всероссийской конференции количество членов партии возросло с 80 тыс. до 240 тыс.

На съезде присутствовало 157 делегатов с решающим голосом и свыше 100 — с совещательным. В связи с полулегальными условиями, в которых происходил съезд, не удалось провести стенографирование заседаний и далеко не все участники съезда имели возможность ответить на предложенные им опросные листы. Ответы на опросные листы представил 171 человек, т. е. лишь $^2/_3$ участников съезда; из этого числа 8 человек по национальности были поляками [52]. Но отсюда вовсе не следует, что эти восемь человек представляли польскую социал-демократию или принадлежали к ней: среди лиц польского происхождения, участвовавших в работе VI съезда партии, были и такие, как Станислав Косиор, например, которого ничто, кроме идейно-политической общности, не связывало с польским рабочим движением.

Протоколы съезда говорят об активном участии в нем Ф. Дзержинского, Ст. Бобиньского, Бр. Весоловского. Последний, как это видно из протокола заседания от 3(16) августа, производил подсчет голосов при вынесении решений [53]. «Трыбуна», также не называя по именам участников съезда — польских социал-демократов, сообщала, что от СДКПиЛ был на съезде представитель ИК и редакции газеты (с совещательным голосом) и что, кроме того, Московская организация большевиков предоставила Московской группе СДКПиЛ одно место [54]. В списках участников съезда, опубликованных в качестве приложений к протоколам, значатся также имена Я. Долецкого (Фенигштейна), работавшего тогда в Саратовской большевистской организации, Ю. Уншлихта [55], Алек-

---

[52] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)...», стр. 294.

[53] Там же, стр. 224. Фамилия Весоловского в протоколах съезда дана с некоторым искажением — Веселовский.

[54] «Trybuna», 5(18).VIII 1917.

[55] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)...», стр. 307.

сандра Granaca[56], являвшегося в то время руководителем Венденской организации большевиков, проводившей весьма успешную революционную деятельность среди солдат 12-й армии[57]. Таким образом, лишь на основе сохранившихся материалов VI съезда партии можно судить об участии в его работах шести лиц, либо непосредственно представлявших организации СДКПиЛ в России, либо всей своей работой связанных с группами польской социал-демократии.

В списках делегатов VI съезда есть указание о том, что два делегата до вступления в социал-демократическую работу были членами ППС[58]. Однако ни один из шести названных выше делегатов — членов СДКПиЛ не состоял ранее в ППС. Никогда не состояли в ППС и те участники съезда, имена которых, хотя и не значатся в списках делегатов и гостей, но которые, согласно другим источникам, принимали участие в работе съезда.

К числу других источников, которые позволяют установить фамилию еще одного польского социал-демократа — участника VI съезда, относится опубликованная анкета участника Октябрьской революции, члена СДКПиЛ с 1902 г. Станислава Пестковского. Как указывалось, после возвращения в Россию он по поручению партии стал работать в Петроградском совете профсоюзов и фактически был секретарем фракций большевиков ЦИК и Петроградского Совета. Как сообщает Ст. Пестковский, он «участвовал с совещательным голосом в VI съезде РСДРП(б)»[59]. После съезда, с августа по ноябрь 1917 г., Ст. Пестковский работал в Секретариате ЦК РСДРП(б)[60], где издавна работал и еще один видный деятель СДКПиЛ, участник VI съезда — Бр. Весоловский.

Наконец, сведения об участниках VI съезда большевистской партии пополняет автобиография Ю. Лещиньского (Ленского), написанная им в апреле 1936 г. в бытность его уже в течение ряда лет генеральным секрета-

---

[56] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)...», стр. 303.

[57] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. (Март — октябрь 1917 г.)». М., 1957, стр. 447—448.

[58] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)...», стр. 296.

[59] «От Февраля к Октябрю. (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции)». М., 1957, стр. 280—281.

[60] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 127.

рем ЦК Коммунистической партии Польши и членом Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. В этом документе Ю. Лещиньский сообщает, что в 1917 г. он участвовал как в Апрельской конференции, так и в VI съезде большевистской партии [61].

Таковы те сведения, которыми мы в настоящее время располагаем об участии польских социал-демократов в VI съезде большевистской партии.

Разъясняя читателям значение начавшегося съезда, «Трыбуна» писала, что съезд происходит в переломный для революции момент. «После событий 3—5 июля революция как будто бы отступила — до новой атаки, а контрреволюция еще больше подняла голову при преступной трусости и беспомощности меньшевиков и эсеров. Съезд должен дать оценку текущего положения и указать партии надлежащий путь в будущее». Газета отмечала значительный рост числа членов партии [62].

Делегаты съезда — польские социал-демократы полностью поддержали взятый большевистской партией курс на вооруженное восстание в целях осуществления социалистической революции. Они согласились с выводами Центрального Комитета партии большевиков, содержащимися в докладе ЦК съезду, о том, что мирный период революции кончился.

Излагая доклад ЦК партии большевиков, «Трыбуна» писала в статье, подписанной «Ст. Б.» [Ст. Бобиньский.— *А. М.*]: «Главная мысль доклада состояла в утверждении, что в революции наступил перелом и что теперь власть не может мирным путем перейти в руки народа. Для этого необходима новая революционная волна, новая борьба, и поэтому лозунг „Вся власть Советам", который был лозунгом мирного периода революции, ныне не является соответствующим моменту. В настоящее время лозунгом должно быть свержение диктатуры контрреволюционной буржуазии, которую мы ныне имеем. Идеи эти получили признание съезда» [63].

Вместе с подавляющим большинством участников съезда польские социал-демократы отвергли поправки к резолюции, отражавшие неверие в возможность победы социалистической революции в России до победы проле-

---

[61] AZHP. Życiorys J. Leszczyńskiego. Fotokopia.
[62] «Trybuna», 5(18).VIII 1917.
[63] Там же, 12(25).VIII 1917.

тарской революции на Западе, неверие в возможность построения социализма в такой отсталой, аграрной стране, как Россия.

Съезд в своих решениях последовательно исходил из ленинского положения о союзе пролетариата и беднейшего крестьянства как условии победы социалистической революции. Съезд утвердил экономическую платформу большевиков, обсудил вопросы о профессиональных союзах, о союзах молодежи, принял новый Устав партии. Съезд по докладу Г. К. Орджоникидзе принял резолюцию, в которой решительно высказался против явки В. И. Ленина на суд. Ф. Дзержинский, выступив тотчас же после докладчика, горячо поддержал его позицию. «Мы должны ясно ответить на травлю буржуазной прессы, которая хочет расстроить ряды рабочих... Мы должны разъяснять товарищам,— говорил он,— что мы не доверяем Временному правительству и буржуазии, что мы не выдадим Ленина...» [64].

При обсуждении Устава партии деятели литовской социал-демократии предложили дополнить Устав пунктом, разрешающим создание в общепартийных организациях секций национальных меньшинств. Во время прений, вызванных этим предложением, было подтверждено, что организационные формы работы среди национальных меньшинств различны и определяются требованиями целесообразности. Ст. Бобиньский высказался против внесения дополнения в Устав, указав как на то, что вопрос недостаточно разработан, так и на то, что острота вопроса является временной; она связана с тем, что война вызвала миграцию населения. «По отношению к беженским массам надо вести определенную политику, чтобы нейтрализовать влияние буржуазии. Ввиду этого,— продолжал Ст. Бобиньский,— приходится устраивать национальные секции, не вводя этого в Устав. Организовать секции должны не „национальные меньшинства“, а комитеты. Секции автономны в своей работе. До сих пор мы признавали территориальную автономию, но мы в то же время и централисты, поэтому я решительно высказываюсь против этой поправки» [65].

---

[64] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)...», стр. 31.
[65] Там же, стр. 177.

Предложенное литовскими социал-демократами дополнение к Уставу съезд отклонил большинством голосов.

На съезде отмечалось, что в числе печатных партийных органов издается на польском языке газета «Трыбуна» с разовым тиражом в 10 тыс. экземпляров.

2 (15) августа Ст. Бобиньский огласил приветствие съезду от Петроградской группы СДКПиЛ.

Социал-демократия Польши и Литвы, говорилось в приветствии, будучи автономной частью РСДРП, издавна поддерживала большевистское крыло партии против всех оппортунистов. Война, писали польские социал-демократы, сблизила нас еще больше. «Мы считаем своей задачей вливать в революционные ряды РСДРП все сознательные элементы польского пролетариата, а вокруг знамени революционной социал-демократии сплотить огромные массы пролетарского населения Польши, брошенного в Россию безжалостной судьбой войны и жестокостью царизма.

Наша долголетняя борьба с царизмом связала нас с вами кровными узами. Дорогие жертвы, вырванные из наших рядов роковым образом, спаяли неразрывно наши ряды. И мы с вами останемся до конца. В ужасе и в радости, в победе и в поражении — один нам путь, одна судьба. Но победа будет на нашей стороне. Да удастся вашему съезду сплотить воедино все интернационалистические элементы российской социал-демократии!...

Пролетариат есть сердце революции, сказал когда-то Маркс, да будет же ваш съезд, по словам того же Маркса, мозгом революции.

Одновременно шлем наш горячий привет всем нашим товарищам, которых контрреволюция вырвала из рядов съезда, и выражаем наше глубокое возмущение гнусной лживой клеветой и травлей буржуазии против испытанных борцов интернационализма» [66].

Этот яркий документ, полный революционной энергии и глубокого пролетарского интернационализма, сыграл значительную агитационную роль. Его перепечатали большевистские газеты ряда промышленных центров, в которых было много рабочих из Польши [67].

---

[66] Там же, стр. 178—179; «Trybuna», 5(18).VIII 1917 и «Рабочий и солдат», 5(18).VIII 1917.

[67] «Пролетарий» (Харьков), 9(22).VIII 1917; «Звезда» (Минск), 10(23).VIII 1917 и др.

VI съезд большевистской партии, собравшийся в переломный момент развития русской революции, нацелил партию на подготовку вооруженного восстания. Свидетельством нерушимого единства польских социал-демократов с большевиками было избрание съездом в состав Центрального Комитета большевистской партии выдающегося деятеля польского рабочего движения Ф. Дзержинского [68]. Вслед за тем 6(19) августа Ф. Дзержинский был избран в образованный тогда же в составе 5 человек Секретариат ЦК партии большевиков [69]. Во всей своей последующей работе группы СДКПиЛ в России неизменно, как и все большевистские организации, руководствовались резолюциями и постановлениями VI съезда РСДРП(б) по текущему моменту, о политическом положении, об экономическом положении, о предвыборной кампании в Учредительное собрание, о задачах профессионального движения и по другим вопросам. Все решения съезда, вся деятельность партии после съезда были подчинены одной решающей задаче — подготовить пролетариат и трудящиеся массы к вооруженному восстанию, к социалистической революции.

«Готовьтесь к новым битвам, наши боевые товарищи,— призывал Манифест РСДРП, обнародованный по поручению съезда вновь избранным ЦК и обращенный ко все трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России.— Стойте мужественно и спокойно, не поддавайтесь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!» [70]

Вместе со всей партией, под ее знаменем, польские социал-демократы приступили к дальнейшей революционной работе.

Еще 28 июля (10 августа), т. е. во время заседаний VI съезда большевистской партии, ИК групп СДКПиЛ принял решение о созыве через 6—7 недель в Москве конференции всех групп СДКПиЛ в России. В извещении, опубликованном в «Трыбуне», указывался порядок выборов на конференцию и сообщался предлагаемый

---

[68] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)...», стр. 439.

[69] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)...», стр. 12—14.

[70] «КПСС в резолюциях и решениях съездов...», ч. I, изд. 7, стр. 394.

порядок дня: 1. Отчет Исполнительного Комитета, отчеты с мест, отчет представителей в Советах рабочих и солдатских депутатов, сообщение об общепартийном съезде (т. е. о VI съезде большевистской партии). II. Война и борьба за мир. III. Политическое положение в России. IV. Война и польский вопрос, отношение к Государственному совету (марионеточному органу власти в Варшаве), борьба с национализмом и польской контрреволюцией, польская армия. V. Интернационал. VI. Беженцы. VII. Организационные вопросы (Устав и др.). VIII. Отношение к ППС-левице. IX. Отношение к польским социалистическим объединениям. X. Выборы [71].

Намечавшаяся конференция должна была подвести итог работы организаций СДКПиЛ за время с начала их легальной деятельности в марте 1917 г., ориентировать польских социал-демократов в вопросах русской революции и борьбы за мир, в вопросах положения в оккупированной Польше и в отношении актуальных задач рабочего движения. Вопросы положения в Польше, деятельности организаций социал-демократии, помощи Главному правлению партии постоянно являлись предметом заботы ИК групп СДКПиЛ в России [72].

После VI съезда большевистской партии деятельность групп СДКПиЛ была направлена на осуществление выдвинутых съездом задач, на дальнейшее укрепление революционного союза польских рабочих в России с русским рабочим классом и сплочение всех польских трудящихся под революционными знаменами.

2

Участие польских интернационалистов в отпоре наступлению контрреволюции

После июльских дней русская контрреволюция энергично готовилась к полному подавлению сил революции, она намеревалась покончить с мелкобуржуазной демократией, системой Советов, солдатскими комитетами,

[71] «Trybuna», 29.VII(11.VIII) 1917.
[72] См., напр.: ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 419, л. 23.

профессиональными союзами и другими органами и организациями, порожденными революционным творчеством народа. Наряду с русской контрреволюцией и в полном единстве с нею собирала и организовывала свои силы польская контрреволюция в России.

21—26 июля (3—8 августа) 1917 г. в Москве заседал созванный по инициативе эндеков «польский политический съезд». Участники съезда, по официальным данным, представляли 116 польских националистических организаций проантантовского направления, действовавших в России [73]. Большинство из этих организаций, писал Зб. Фаберкевич, были созданы только для того, чтобы придать съезду бо́льшую импозантность [74].

На съезде был образован Совет польского межпартийного объединения. В состав этого совета вошли представители эндеков, партии реальной политики, Союза независимости и воссоединения, христианской демократии и др. Председателем Совета польского межпартийного объединения был избран Ст. Войцеховский, являвшийся ранее членом Центрального гражданского комитета. Во главе военного отдела совета были поставлены Е. Здзеховский и С. Видомский, отдела внешних дел — Ст. Грабский и И. Веловейский. В своих резолюциях «польский политический съезд» заявил о своей полной поддержке стран Антанты, о необходимости создания единой Польши с выходом к морю и независимого польского представительства на будущем мирном конгрессе; съезд высказался в поддержку Главного польского военного комитета и его деятельности по созданию самостоятельной польской вооруженной силы [75].

«Польский политический съезд свидетельствовал о политической консолидации наиболее реакционных кругов польской буржуазии и помещиков в России. Этот съезд эндеки и их союзники пытались представить как своего рода «польский парламент» в эмиграции. А образованный съездом Совет польского межпартийного объединения претендовал на роль органа, наделенного почти что правительственными правами.

---

[73] Polski Komitet Demorkatyczny w sprawie zjazdu 21 lipca r. b. w Moskwie. Piotrogród, 1917.
[74] «Новая жизнь», 1(14).VIII 1917.
[75] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1238, лл. 55—56об.

Тотчас же после образования Совет польского межпартийного объединения направил памятную записку Временному правительству и посольствам всех стран Антанты в Петрограде, с которыми, как писал Ст. Грабский Роману Дмовскому, Совет быстро наладил весьма тесные отношения. Совместными усилиями Межпартийный совет и английский и французский послы добивались у Временного правительства увеличения и расширения польских военных формирований. В военных вопросах Межпартийный совет сотрудничал с Главным военным комитетом (Начполем), а в политической деятельности не без успеха устанавливал связи с пилсудчиками, в том числе с пилсудчиками из руководства ППС-«фракции»[76].

Меры, осуществленные крайней польской реакцией в России, по времени примерно совпали с тесно связанными с ними действиями эндеков на Западе.

Теряя веру в способность Временного правительства служить интересам западных империалистов, правительства стран Антанты все с большим вниманием относились к планам и предложениям эндеков. Их проекты предусматривали такое решение судеб Польши, которое явно становилось направленным и против союзника западных держав — буржуазной России. Западные державы с заинтересованностью встретили меморандум, врученный им Р. Дмовским, хотя в этом меморандуме содержались планы аннексий будущей Польшей ряда украинских, белорусских и литовских земель[77]. Если правые круги польской буржуазии, ранее уповавшие в основном на царизм, в новых условиях все в большей степени рассчитывали на западных империалистов, то и западные державы начали присматриваться к Польше, как к возможной опоре против революционных сил России и противовесу Германии на востоке Европы.

В послании сенату США от 22 января 1917 г. президент В. Вильсон заявил, что «должна существовать объединенная, независимая и автономная Польша»[78]. Неоп-

---

[76] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, стр. 116—119.

[77] R. Dmowski. Pisma, t. VI. Częstochowa, 1937, str. 331 и др.

[78] H. H. Fisher. America and the New Poland. New York, 1928, p. 94. Обычно в польских переводах этого послания Вильсона, а также на стр. 224 русского перевода книги Г. Яблоньского «Политика Польской социалистической партии во время войны 1914—1918 го-

ределенность и двусмысленность этого заявления, в котором нарочито ставились в один ряд «независимость» и «автономия» Польши, не были пересмотрены и после вступления США в войну против Германии в апреле 1917 г. В вопросе о Польше летом 1917 г. наиболее определенную позицию заняла давнишняя союзница царской России — империалистическая Франция. Убедившись, что в истекавшей кровью России зреет пожар народной революции, французское правительство искало новых источников пушечного мяса и для удушения русской революции, и для разгрома Германии и обеспечения своей гегемонии в послевоенной Европе. Поэтому оно согласилось оказать поддержку проантантовским кругам польской буржуазии, напуганным разворотом революционных событий в России и добивавшимся поддержки на Западе. 5 июня 1917 г. (н. ст.) в Париже был опубликован декрет президента Французской республики Р. Пуанкаре об образовании во Франции на время войны автономной польской армии, «подчиненной французскому главному командованию и сражающейся под польскими знаменами».

Формируя польскую по составу армию, французский империализм не столько рассчитывал на использование этой армии в войне, сколько на ту роль, которую она должна будет сыграть в установлении в послевоенной Польше режима, выгодного и полезного Франции.

Раскрывая антидемократический, антипольский по самой своей сути характер замыслов французского империализма и его эндецких союзников, польская социал-демократия указывала, что формирование польской армии на Западе — это новое насилие над поляками[79]. Кроме того, как отмечал К. Залевский в журнале «Промень», французские империалисты спешили создать новые легенды об освободительных целях своей войны против империалистической Германии, использовать польский вопрос в целях, не имеющих ничего общего с подлинными интересами польского народа. Это было понятно не только революционным элементам, но и всем честным демократам. Польский демократический союз во Франции, например, живое участие в деятельности которого прини-

---

дов» говорилось о «самостоятельной Польше»; но autonomas Poland, о которой писал Вильсон, могла означать только: «автономная, самоуправляющаяся», но не самостоятельная Польша.

[79] «Новая жизнь», 2(15).VII 1917.

мала Мария Кюри-Складовская, поручил ей и другим лицам выразить протест против затеи французского империализма. Только борьба с империализмом, только победа революционного пролетариата смогут обеспечить Польше независимость и ее свободное развитие в свободном союзе народов, писал К. Залевский, раскрывая реальную перспективу подлинно демократического пути решения польского вопроса [80].

Польская реакция прилагала все больше усилий к тому, чтобы «интернационализировать» польские дела, поглубже связать с ними западные империалистические державы. Используя решение «польского политического съезда» в Москве, о котором французское правительство получило подробное донесение от своего консула [81], и создание во Франции «польской армии», эндеки и сотрудничавшие с ними круги 15 августа 1917 г. образовали на совещании в Лозанне Польский национальный комитет во главе с Р. Дмовским. Этот орган, развернувший свою деятельность в Париже, по замыслу его создателей должен был явиться чем-то вроде не только правительства в эмиграции, но и тем правительством, которое должно будет навязать себя Польше сразу же после окончания войны, в момент ликвидации режима, установленного в стране немецко-австрийскими оккупантами. Создание Польского национального комитета имело своей главной целью предотвратить возможность действительного самоопределения польского народа, помешать ему демократическим и революционным путем выразить свою волю и установить свою власть в стране. С образованием Польского национального комитета в Париже заговор польской реакции против революционных сил польского народа вступал в новую фазу.

Новым в этой фазе была и существенная перегруппировка сил, происходившая в оккупированной Польше. Начавшийся здесь подъем революционно-освободительного движения и обнаружившаяся полная несостоятельность попыток оккупантов привлечь на свою сторону широкие круги населения побудили пилсудчиков пойти на конфликт с германскими властями. Конфликт дошел

---

[80] «Promień», 21.VII (3.VIII) 1917.

[81] Archiwum Akt Nowych w Warszawie (далее — AAN). Papiery Ignacego Paderewskiego, t. 28, k. 3–8.

до того, что в ночь с 21 на 22 июля (н. ст.) германские власти арестовали Ю. Пилсудского и К. Соснковского и отправили их в Германию. Эта мера, предпринятая германскими властями в целях устрашения своих заколебавшихся сторонников и агентов, не только в дальнейшем послужила для того, чтобы реабилитировать в глазах довольно широких кругов польского населения прогерманскую антинациональную деятельность Пилсудского, но и сразу же стала использоваться пилсудчиками всех мастей для укрепления своих расшатанных политических позиций.

ППС-«фракция», которая до того времени неизменно упрекала польских социал-демократов в «революционном москалефильстве» и нисколько не реагировала на преследования их немецкими оккупационными властями, немедля стала кричать о насилиях «крестоносцев». ЦИК секций ППС-«фракции» в России, совсем недавно, в обращении от 22 июня (5 июля) высказывавший одобрение политике центральных держав в польском вопросе, вдруг стал упрекать немецкие власти в захватнических стремлениях и лицемерии. «Трыбуна» отмечала, что в новой обстановке, сложившейся в Польше в связи с ростом революционно-освободительных выступлений под влиянием русского революционного движения, происходит изменение тактики ППС как в стране, так и в эмиграции [82]. Разъяснению существа этих изменений, всей эволюции социал-патриотизма в Польше, причин краха легионистских авантюр Пилсудского был посвящен ряд статей «Трыбуны» [83].

Тем временем, посчитав обстановку наиболее благоприятной для осуществления своих планов, Польский национальный комитет в Париже, извещая правительства Франции, Англии и Италии о своем создании, испросил у них признания в качестве «официальной польской организации» [84] и назначил своих представителей при правительствах стран Антанты и США. В России представительством Польского национального комитета считался

---

[82] «Trybuna», 5(18).VIII 1917.

[83] Там же, 29.VII(11.VIII), 5(18).VIII 1917 и др.

[84] Это признание последовало со стороны Франции — 20 сентября, со стороны Англии — 15 октября, Италии — 30 октября, США — 10 ноября 1917 г.

Исполнительный комитет Совета польского межпартийного объединения [85]. Ежемесячно правительство Франции выдавало Польскому национальному комитету 150 тыс. франков, а правительство Англии — 75 тыс. франков [86].

Открыто беря курс на совместное с русской контрреволюцией политическое удушение и русского и польского народа, эндеки и их союзники после московского съезда и создания своих политических центров в России и во Франции приняли меры к быстрейшей реализации своих военных планов.

Польская и русская контрреволюция возлагала много надежд на 1-ю Польскую стрелковую дивизию. Но дивизия, находившаяся на Юго-Западном фронте, крайне неодобрительно отнеслась к приказу о июньском наступлении. Возмущенный таким поведением дивизии, Брусилов, являвшийся тогда верховным главнокомандующим, отдал было 28 июня (11 июля) приказ о ее расформировании. В разъяснение своих действий Брусилов сообщал Временному правительству, что некоторые полки польской дивизии высказали нежелание идти в наступление, что дивизия состоит лишь из шкурников, прикрывающихся громкими фразами о необходимости беречь польские формирования как кадр будущей польской армии [87]. Командование Юго-Западного фронта также просило либо расформировать дивизию, либо отправить ее на другой фронт, а материальную часть передать формировавшейся чешской бригаде [88].

Но как по политическим мотивам, так и в связи с позицией западных держав и влиятельных польских кругов в России Временное правительство воспрепятствовало расформированию 1-й Польской стрелковой дивизии.

Еще в дни заседаний «польского политического съезда», 24 июля (6 августа), новый главнокомандующий русской армией генерал Корнилов, которого контрреволюция прочила в военные диктаторы России, дал ход формированию I Польского корпуса и назначил его командующим махрового контрреволюционера генерала Ю. Довбор-Мусьницкого. Вслед за тем 1-я Польская стрелковая дивизия была очищена от «ненадежных эле-

---

[85] AAN. Komitet Narodowy Polski, Dz. 1, t. 2, k. 25.
[86] R. Dmowski. Pisma, t. VI, str. 40.
[87] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 328, лл.. 234—236.
[88] Там же, лл. 263—264.

ментов». В результате дезертирства и перевода «ненадежных» в другие части ее состав в короткий срок сократился с 12 тыс. солдат до 2,5 тыс.[89] После этого дивизия была переброшена с Юго-Западного фронта в Белоруссию, в Быхов, расположенный по соседству со ставкой, в которой дозревал план заговора против революции.

Прекрасно понимая замыслы нового верховного главнокомандующего и стоящих за ним наиболее реакционных кругов русских капиталистов и помещиков, Главный польский военный комитет (Начполь), именно после назначения Корнилова известил военное министерство, что члены Начполя, а также приглашенные им сотрудники освобождаются Начполем от несения своих обязанностей по строевой и иной службе и остаются в Петрограде[90]. Вслед за тем Начполь приступил к назначению польских комиссаров при штабах армий, фронтов и военных округов; этим комиссарам надлежало ведать делами о переводе военнослужащих-поляков в формируемые польские части и другими вопросами, касающимися военнослужащих-поляков.

Не имея указаний от верховного командования, начальники штабов, командующие армиями и другие высшие командиры стали направлять запросы военному министру и высшему командованию о правомочности действий Начполя[91]. Товарищ военного министра Б. В. Савинков отвечал, что военное министерство ставит своей целью создание только одного польского корпуса и не может поддерживать Начполь, который стремится создать не корпус, а армию. Кроме того, Савинков сообщил, что военное министерство считается с тем, что помимо Начполя существует и действует Главный польский военный комитет (левицы). В этих условиях, с точки зрения министерства, наиболее разумным было бы создание

---

[89] J. Dowbór-Muśnicki. Krótki szkic do historii I Korpasu. Warszawa, 1919, cz. I, str. 18. Командование фронта докладывало Генеральному штабу, что только в течение трех дней, с 24 по 26 июня (7—9 июля) из 1-й Польской дивизии дезертировало 187 солдат (ЦГВИА, ф. 2006, оп. 2, д. 328, л. 247). Лишь из 4-го польского стрелкового полка 1-й Польской дивизии было отчислено «как не удовлетворяющих условиям службы в польских частях» 1172 солдата (Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie (далее — CAW), 122/I/105.

[90] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 328, лл. 341—342.

[91] Там же, лл. 343—345, 347 и др.

на пропорциональных началах единого комитета [92]. Тем самым военное министерство по сути дела осудило деятельность Начполя, признав ее не соответствующей своим целям. Вместе с тем оно не решилось ввести эту деятельность в какие-либо рамки или просто ее пресечь. Половинчатая позиция военного министерства, возглавлявшегося Керенским, нисколько не обеспокоила Корнилова и его ближайших соратников — Лукомского и Духонина, полностью поддержавших Начполь [93]. Корнилов, действуя вразрез с военным министерством, 9 (22) августа сообщил военному министру, что он распорядился об установлении должностей польских представителей при штабах и одобрил «Положение о польских войсках», представленное ему делегацией Начполя и командиром Польского корпуса [94].

Это «Положение о польских войсках» устанавливало, что формирование польских частей может происходить только под руководством лиц, выделенных Начполем; Начполь определяет «внутренний быт» польских войск; польские войска лишь в стратегическом отношении подчиняются высшему русскому командованию, а после того, как будет создан II Польский корпус, будет образовано особое Полевое управление польской армии [95].

Таким образом, польская реакция твердо держалась курса на то, чтобы создать как можно более широкую пропасть между формируемыми польскими контрреволюционными частями и продолжавшей все более революционизироваться русской армией. Этот курс вполне устраивал и русский генералитет и русскую буржуазию, усматривавших в Начполе своего естественного союзника в борьбе против назревавшей социалистической революции.

Действия польских контрреволюционных элементов беспокоили польские либерально-буржуазные круги и мелкобуржуазную демократию.

Польский демократический комитет еще 6(19) июля опубликовал протест против созыва эндеками съезда в

---

[92] «Echo Polskie», 9(22).VII 1917, а также: ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 328, лл. 349—350.

[93] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 328, лл. 348, 352.

[94] Там же, д. 341, лл. 3—3об.

[95] Там же, лл. 4—6.

Москве[96]. ЦИК секций ППС-«фракции» выпустил даже особое обращение, в котором осудил московский съезд и всю деятельность эндеков[97]. Но ни польские либерально-буржуазные элементы, ни ППС-«фракция» вовсе не пытались противодействовать силам контрреволюции.

ППС-«фракция» в центре своей политической работы поставила возвеличение политики Пилсудского. Пытаясь оправдать его и всю ППС-«фракцию», Бр. Сивик писал, что в начале войны польский пролетариат не мог выступить сразу против всех трех угнетавших его империалистических стран; поэтому он будто бы выступил под знаменем Пилсудского против царизма как самого опасного врага. После низвержения царизма ППС-«фракция», Пилсудский якобы повернулись против немецко-австрийских оккупантов и стали добиваться окончания войны, мира без аннексий и контрибуций и признания прав наций на самоопределение[98]. В таком же духе оправдания пилсудчины было выдержано обращение, выпущенное ЦИК секций ППС-«фракции» в России в связи с арестом Пилсудского[99].

Как открыто контрреволюционный курс эндеков и всех правых, так и политические спекуляции пилсудчиков, оказывавшие воздействие на некоторую часть польских трудящихся в России, осложняли задачи подлинной польской демократии. Этими задачами, писал Зб. Фаберкевич в «Промень», «на ближайшее будущее является углубление политической сознательности широких масс, объединение их в ряды революционных организаций, чтобы они соответствующим образом приняли участие в событиях, которые ожидают их в ближайшем будущем»[100].

Разделяя отношение СДКПиЛ к «польскому политическому съезду» как к попытке мобилизации контрреволюционных сил, ППС-левица отвергла претензии этого съезда представить себя как представительство польского народа. «Роботник в Росйи» писал, что демократическое представительство может возникнуть только на пути демократического развития, «когда и в нашу опустошенную фуриями войны страну вторгнется революция, ко-

[96] «Echo Polskie», 13(26).VII 1917.
[97] AZHP. PPS, 305(III)40, podt. I, k. 3, s. 3.
[98] «Głos robotnika i żołnierza», 26.VII(8.VIII) 1917.
[99] AZHP. PPS, 305(III)40, podt. I, k. 3, s. 4.
[100] «Promień», 21.VII(3.VIII) 1917.

гда и у нас возникнут Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»[101].

Таким образом, ППС-левица обнаружила правильное понимание и характера «польского политического съезда», и того, что только Советы представляют интересы трудового народа. Но в самих Советах она, как и раньше, преимущественно следовала за соглашателями.

Только СДКПиЛ последовательно воспитывала своих членов, всех польских рабочих в духе подготовки к решающей схватке с буржуазией. Пока у власти в России стоит правительство, верное империализму до гробовой доски, пока это правительство оттягивает выборы в Учредительное собрание, пока эсеро-меньшевистский блок прикрывает контрреволюцию, революция находится в опасности. «Переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства может теперь быть достигнут только революционным путем, только путем борьбы на смерть и жизнь с реакцией», — заявляла «Трыбуна»[102].

СДКПиЛ продолжала большую работу по идейно-политическому воспитанию своих кадров. Как и раньше, занимались слушатели партийной школы Петроградской группы СДКПиЛ. Московская группа СДКПиЛ открыла свои клубы: «Червоны штандар», «III Интернационал» и др. В клубах читались лекции и проводились дискуссии об очередных задачах революции, об аграрном вопросе в программах рабочих партий в России и на другие темы[103]. Нередко собрания и лекции в клубах заканчивались принятием боевых резолюций, направленных против войны, империализма и соглашательства[104]. В помощь пропагандистам «Трыбуна» опубликовала подготовленную М. Броньским брошюру «Социалистический пропагандист».

«Трыбуна» с радостью приветствовала выход в свет труда В. И. Ленина «Империализм, как новейший этап капитализма». «Один из наиболее выдающихся теоретиков революционного марксизма — товарищ Ленин, —

---

[101] «Robotnik w Rosji», 7(20).VIII 1917.

[102] «Trybuna», 12(25).VIII 1917.

[103] «Социал-демократ», 11(24).VII, 19.VII(1.VIII), 29.VII (11.VIII), 12(25).VIII 1917 и др.

[104] См., напр., резолюцию, принятую 150 лицами, прослушавшими 19 июля (1 августа) лекцию Ст. Будзыньского о дороговизне. («Trybuna», 12(25).VIII 1917).

писала газета в этом, по всем данным первом отклике печати на новый огромного значения ленинский труд, — в популярной форме излагает историю развития капитализма в последние десятилетия, показывает его главные черты, концентрацию производства, развитие монополий и роль банков в промышленности.

Вторая часть труда посвящена разбору самой сущности империализма. Автор показывает, что империализм является высшей фазой развития капитализма, предвестником близкой социалистической революции... Горячо рекомендуем этот труд читателям, знающим русский язык...»[105]

Со страниц «Трыбуны» не сходили статьи, направленные всей силой партийного слова против буржуазного национализма, мелкобуржуазного соглашательства, всех видов и оттенков контрреволюции.

Выдающиеся публицисты СДКПиЛ выступали не только в своем партийном органе или в центральных изданиях большевиков, но и во многих местных большевистских газетах. Обширная статья Зб. Фаберкевича «Задача эвакуированных рабочих-поляков в русской революции», раскрывавшая происки полсудчиков, была опубликована в киевской газете «Голос социал-демократа». Зб. Фаберкевич писал, что националистическая польская интеллигенция, особенно в провинции, пытается направить стремления польских рабочих организаций по ложному пути. Выступая за всеобъемлющее единство, она рассчитывает втянуть рабочих в польские национальные замкнутые союзы. Проводя подобную линию, ППС-«фракция» утверждает, что в современных условиях, особенно в эмиграции, ничто не может разделить рабочих на различные политические партии. Отметив, что эта теория является порождением буржуазного национализма ППС-«фракции», которая как до войны, так и во время войны и даже после русской революции поддерживала Пилсудского и его политику сотрудничества с австро-немецким империализмом, Зб. Фаберкевич указал, что социал-националисты отвлекают польских рабочих от политической революционной борьбы русских рабочих[106].

---

[105] «Trybuna», 29.VII(11.VIII) 1917.

[106] «Голос социал-демократа». Орган Киевского комитета. РСДРП. 27.VI(10.VII) 1917.

Появление статьи видного руководителя СДКПиЛ в киевской газете ни в коей мере нельзя рассматривать как случайность: в Киеве были весьма сильны позиции польских националистических организаций, в том числе ППС-«фракции».

ППС-«фракция» приняла участие в состоявшемся летом 1917 г. в Киеве так называемом общеукраинском польском съезде, созванном по инициативе находившегося под влиянием эндеков Польского исполнительного комитета. Съезд прошел в острых распрях, центральное место в которых занял вопрос об отношении к украинскому националистическому движению. Эндеки, отстаивая интересы польских помещиков и сахарозаводчиков Киевской и степных губерний, опасаясь, что украинские националисты ради поддержания своего влияния на крестьянское население пожертвуют польским землевладением, неприязненно относились к проискам украинских националистов. В то же время заявления последних о готовности признать культурно-национальную автономию всех национальностей, населяющих Украину, отвечали взглядам польских либералов и социал-националистов.

Когда 7 (20) июля вдохновленная июльскими событиями в Петрограде Центральная украинская рада провозгласила универсал о создании автономной Украины и борьбе против анархии — универсал, подлинный смысл которого состоял в попытке создания украинского буржуазного государства и борьбе против революционного движения, — даже ППС-левица поддержала раду. Ее представитель Витольд Матушевский 11 (24) июля вошел в состав Малой рады, а семь ее представителей, четыре представителя ППС-«фракции» и девять от Польского демократического центра вошли вскоре в Центральную украинскую раду[107].

Таким образом, в весьма сложных местных условиях организации ППС-левицы в Киеве и в ряде других городов Украины не удержались на интернационалистских позициях и дали втянуть себя в блок с ярыми националистами, стремившимися противопоставить весь украинский народ революционной борьбе российских рабочих и трудящихся крестьян.

[107] H. Jabłoński. Polska autonomia narodowa na Ukrainie. 1917—1918. Warszawa, 1948, str. 52.

То, что в Киеве и в некоторых других городах ППС-левица оказалась вне интернационалистского лагеря в его самом широком понимании, не было характерно для этой партии в целом. На той же Украине и в то же примерно время, когда в Киеве часть ее деятелей решительно противопоставила себя всем революционным силам, в таком крупном пролетарском центре, как Харьков, ППС-левица все более сближалась с СДКПиЛ в совместной борьбе против социал-национализма ППС-«фракции» и ее действий в Польском социалистическом объединении.

Решительно критикуя оппортунизм руководителей Польского социалистического объединения, вскрывая враждебный интересам революции характер их позиции, польские социал-демократы старались завоевать на свою сторону рядовых членов этого объединия. Внутри самого объединения усиливалась борьба между националистическими и интернационалистскими элементами. В Харькове, где члены СДКПиЛ еще в июне вышли из объединения и образовали свою группу при местной большевистской организации, они продолжали вести повседневную работу среди членов Польского социалистичского объединения. 11 (24) августа общее собрание Харьковской группы СДКПиЛ приняло резолюцию, призывавшую к сплочению всех революционных сил пролетариата против контрреволюции. «Близится время,— говорилось в резолюции, — когда произойдет решительная борьба между этими двумя врагами...» [108].

Продолжая игнорировать практические задачи русской революции и польского рабочего движения в России, Польское социалистическое объединение противодействовало солидарности пролетариата. Т. Жарский доказывал, что практически непосредственная задача польских рабочих состоит в объединении для борьбы за независимую республику [109]. Отвечая на это, Ю. Лещиньский писал, что позиция Жарского ограничивает дело рабочего класса борьбой за создание буржуазного государства, тогда как интересы пролетариата требуют радикального переустройства социально-экономических условий [110].

---

[108] «Пролетарий», Харьков, 15.VIII 1917.
[109] «Jedność Robotnicza», 6(19).VIII 1917; 13(26).VIII 1917.
[110] «Trybuna», 26.VIII(8.IX) 1917.

Постепенно, под влиянием большевиков и польских социал-демократов, пролетарское ядро харьковской организации Польского социалистического объединения и организаций объединения в других городах становилось на путь сотрудничества с силами революции.

Всецело с большевиками действовало Польское социалистическое объединение в Белоруссии, вообще не поддерживавшее отношений с центром объединения в Харькове. На происходивших 30 июля выборах в городскую думу Польское социалистическое объединение в Минске, учитывая местные условия, считаясь с тем, что некоторые польские избиратели еще не созрели для того, чтобы поддержать блок с большевиками, выдвинуло свой самостоятельный список. Получив 5,5 тыс. голосов [111], оно провело 8 гласных. В думе эти гласные образовали совместную фракцию с четырьмя гласными от РСДРП (среди которых двое были лицами польского происхождения) [112]. Крупная организация Польского социалистического объединения, сложившаяся в Каменском, Екатеринославской губернии, выступала совместно с большевиками на выборах в местные органы власти [113]. Те же организации Польского социалистического объединения, которые строили свою деятельность на основе противопоставления ее революционным организациям, теряли доверие и поддержку польских рабочих и практически изживали себя.

Об этом свидетельствовала происходившая в Харькове 27—29 августа (9—11 сентября) межгородская конференция Польского социалистического объединения. Она также обнаружила полное расхождение ППС-«фракции» в основных вопросах революции как с социал-демократами, так и с ППС-левицей. Р. Яблоновский от левицы и А. Даленюк, работавший вместе с Фр. Перковским в чугуевской группе польской социал-демократии, затем ставший видным деятелем КПП и Коминтерна [114], заявили о выходе членов ППС-левицы и СДКПиЛ из организации [115]. После этого конференция приняла реше-

---

[111] «Звезда», Минск, 3(16).VIII 1917.

[112] S. Heltman. Robotnik Polski w rewolucji Październikowej na Białorusi. Mińsk, 1927, str. 45.

[113] «Trybuna», 30.IX(13.X) 1917.

[114] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 732, л. 77.

[115] S. Heltman. Указ. соч., стр. 30.

ние о роспуске организации и прекращении издания ее печатного органа [116].

Ликвидация Польского социалистического объединения как единой организации (отдельные группы объединения действовали еще в течение ряда месяцев) была несомненным успехом революционной, классовой линии СДКПиЛ, а также в целом интернационалистской линии ППС-левицы, свидетельствовала о происходившем сплочении рядов польского рабочего класса в России на революционно-интернационалистских позициях и о крупном поражении ППС-«фракции» в ее расчетах на изоляцию польских рабочих от русского пролетариата.

Рассказывая на страницах харьковского «Пролетария» об обстоятельствах, приведших к распаду Польского социалистического объединения, один из членов местной группы СДКПиЛ Рожнецкий указывал, что постепенно центральное место в жизни объединения заняла борьба интернационалистов с социал-националистами, что полный разрыв с социал-националистами стал неизбежным, когда они внесли резолюцию, запрещавшую членам объединения входить в РСДРП(б) [117]. Трудно сказать, рассчитывали ли пилсудчики, выдвигая это провокационное требование, на то, что кое-кто из социал-демократов подчинится их ультиматуму, или, наоборот, искали лишь повода к разрыву с теснившими их революционными силами, во всяком случае самую идею объединения, построенного на основе изоляции от русского рабочего движения, они довели до логического конца, раскрыв ее националистическое и антиреволюционное содержание, а организацию, построенную на основе этой фальшивой идеи, привели к закономерному политическому банкротству.

Примерно подобным оказалось развитие и ряда других организаций польских социалистов, построенных на тех же основах беспринципного объединения ряда политических направлений. В течение некоторого времени существовала объединительская организация польских социалистов в Томске. Связанная с группами польских социалистов в Новониколаевске (Новосибирске) и в ряде других городов Западной Сибири, эта организация, в

---

[116] «Jedność Robotnicza», 10(23).IX 1917.
[117] «Пролетарий». Харьков, 26.VIII(8.IX) 1917.

деятельности которой преобладали оппортунистические тенденции, никакой роли в политической жизни края не сыграла.

Малозаметной была также деятельность «Польской социально-демократической организации в Тифлисе», связанной с группами польских социалистов в Баку и некоторых других городах Закавказья. Во время выборов в городскую думу Тифлиса организация предоставила своим членам право голосовать либо за большевиков, либо за меньшевиков [118]. Это решение вызвало резкий протест со стороны местных социал-демократов [119].

В тех случаях, когда в борьбе против националистов и социал-националистов руководство ППС-левицы шло на сотрудничество с революционной социал-демократией, обе интернационалистские партии добивались существенных успехов. Примером этого может служить деятельность обеих партий в клубе «Промень».

Обе партии довольно дружно сотрудничали в клубе «Промень», ведя совместную борьбу против засилия там либерально-буржуазных и пилсудчиковских элементов. Эти последние еще 24 июня (7 июля) на собрании членов клуба выступили с острой критикой правления клуба. Особенно вывело их из себя то, что редакция журнала «Промень» сообщила адреса своих подписчиков редакции незадолго до того начавшей выходить социал-демократической «Трыбуны». Правые социалисты боялись влияния этого печатного органа, который нес в массы идеи социалистической революции и пролетарского интернационализма.

Большинство участников собрания членов клуба «Промень» не поддержало «фраков», и на выборах нового правления клуба они потерпели поражение; председателем правления клуба стал Вл. Матушевский [120]. Начав свою политическую деятельность в 1903 г. в рядах ППС, Вл. Матушевский поселился в 1908 г. в Петербурге, где принял участие в создании клуба «Промень», а в 1913—1915 гг. руководил им, будучи уже членом ППС-левицы. Призванный в армию, он активно участвовал в февраль-

---

[118] «Robotnik w Rosji», 12(25).XI 1917.
[119] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 525, лл. 36—37.
[120] «Promień», 21.VII(3.VIII) 1917.

ских событиях, а затем вел большую политическую и военную работу по поручению своей партии[121].

Одновременно с изменениями в клубе «Промень» изменились и направление и задачи его печатного органа — журнала «Промень». В редакционном извещении к очередному номеру отмечалось, что журнал будет специально заниматься пропагандой среди рабочих и солдат идей научного социализма, социалистической культуры, новой, пролетарской этики. Эти задачи журнал, в редакционный комитет которого вошли Ст. Будкевич, Ю. Лещиньский, Зб. Фаберкевич, Б. Мандельбаум, С. Круликовский и Вл. Матушевский, решал с идейных позиций создающегося нового, III Интернационала.

В первом же номере, вышедшем из печати после определения новых задач журнала, были помещены весьма широкого значения и большого революционного накала статьи Зб. Фаберкевича «Наши задачи» и К. Залевского «Французский империализм и польский вопрос».

Широкий круг вопросов социалистической идеологии ставила специально написанная для журнала пространная и интересная статья А. В. Луначарского «Задачи социалистического движения в области культуры»[122].

Новое руководство клуба «Промень» провело в воскресенье 13(26) августа митинг по вопросу о польской контрреволюции. На митинге председательствовал А. Кочаровский; с докладом о съезде польской реакции в Москве и его связи с текущим политическим моментом выступил Ю. Лещиньский, а по вопросам польских вооруженных сил в России и во Франции выступали Вл. Матушевский и Б. Мандельбаум. В единогласно принятой резолюции митинг указал на реакционный характер «польского национального съезда» и создаваемой польской армии. Эта армия, отметили участники митинга, призвана служить основой господства помещичье-буржуазной реакции — частично в России, а главным образом — в Польше. Образованный на съезде Польский межпартийный совет создан в целях торговли кровью польского народа. Русская демократия должна знать, указывалось в резолюции, что этот совет является центром организующейся вокруг него контрреволюции. Дей-

---

[121] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 717, лл. 75—76.
[122] «Promień», 21.VII(3.VIII) 1917.

ствительное освобождение Польша может получить только на пути революции. «Исходя из этого, собрание считает, что основной обязанностью польских рабочих в России является живое участие в революционном движении и, следовательно, непримиримая борьба с польской реакцией, национализмом и проявлениями национального сепаратизма» [123].

Как видно из этого документа, оттеснение деятелей ППС-«фракции» и переход руководства «Промень» к социал-демократам и левицевцам вдохнули новое, революционное содержание в жизнь клуба.

Сотрудничество социал-демократов и ППС-левицы не ограничилось рамками только клуба и журнала «Промень» — они вели успешную совместную военную работу в Польском революционном военном клубе, в состав которого вошли 300 офицеров и солдат польского происхождения, служивших в частях петроградского гарнизона. Клуб сумел установить контакт с левыми, демократическими кругами Петроградского союза военнослужащих-поляков, в свое время выступившего инициатором создания подобных союзов во всей русской армии. Действуя совместно с демократическими кругами этого Союза, Польский революционный военный клуб добился успеха: эндеки оказались изгнанными из правления Петроградского союза военнослужащих-поляков. Вслед за тем 14(27) июля на собрании солдат и офицеров-поляков, служивших в Преображенском, Семеновском, Измайловском, Егерском запасных гвардейских полках, была принята резолюция против выделения поляков-военнослужащих в особые воинские части, за полное единство с русской демократией [124].

Ввиду колеблющейся, чаще всего глубоко неправильной позиции ППС-левицы в решающих вопросах революции ее сотрудничество с СДКПиЛ могло носить лишь весьма ограниченный характер. СДКПиЛ, понимая большие возможности такого сотрудничества, стремилась к нему, но ни в коем случае не ценою уступок в принципиальных вопросах. Ошибки, допускавшиеся в этом отношении отдельными секциями СДКПиЛ, не всегда правильно определявшими свои тактические задачи, обычно быстро и безболезненно исправлялись.

[123] «Trybuna», 19.VIII(1.IX) 1917.
[124] «Promień», 21.VII(3.VIII) 1917.

В частности, как можно судить на основе сохранившихся документов, острые противоречия разделяли Тифлисскую группу СДКПиЛ. На общем собрании, состоявшемся 26 июля (9 августа) 1917 г. в присутствии 80 человек, имел место ряд выступлений с призывом поддержать меньшевиков на выборах в городскую думу. В принятой собранием резолюции отмечалась угроза контрреволюции и говорилось о необходимости сплочения всех демократических сил вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов. Но в то же время большинство участников собрания отказалось высказаться в поддержку большевистских кандидатов на выборах, считая, очевидно, что для противодействия угрозе справа необходимо единство всей «демократии».

Шатание в Тифлисской группе СДКПиЛ происходило и по вопросу о позиции на выборах в городскую думу. Некоторые элементы, находившиеся под меньшевистским влиянием, выдвинули предложение о реорганизации группы СДКПиЛ в группу Польского социалистического объединения. Но это ликвидаторское предложение было отвергнуто комитетом группы [125].

Ошибку допустила группа СДКПиЛ в Сартане (Екатеринославской губернии), первоначально решившая ввиду отсутствия большевистской организации в городе поддержать на выборах в местную думу блок меньшевиков и эсеров. Но затем группа «не жалела ни сил, ни времени, чтобы исправить ошибку» [126].

В Харькове после роспуска Польского социалистического объединения не все его участники сразу нашли свое место в рабочем движении. Даже некоторые социал-демократы, писало правление Харьковской группы СДКПиЛ, действовали как ренегаты, пытаясь создать новую «беспартийную» организацию и критикуя группу СДКПиЛ за единство с большевиками и якобы проистекающую от этого «потерю чувства любви к Польше» [127]. Однако колебания, подобные тем, какие имели место в Тифлисской группе СДКПиЛ, ошибки, подобные допущенным Сартанской группой, или повторение нелепых пилсудчиковских обвинений против СДКПиЛ некоторыми лицами, потерявшими с нею связь, носили единичный

[125] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 525, лл. 11—12.
[126] «Trybuna», 26.VIII(8.IX) 1917.
[127] Там же, 30.IX(13.X) 1917.

характер. В целом организации СДКПиЛ продолжали крепнуть и развиваться в полном и нерушимом единстве с большевистской партией.

Группы СДКПиЛ активно поддерживали все мероприятия большевистской партии. Общее собрание членов Петроградской группы СДКПиЛ, состоявшееся 14(27) августа, подводя итоги продолжительной дискуссии, происходившей на трех заседаниях, приняло после итогового доклада М. Броньского и выступления Ю. Лещиньского резолюцию, полностью выдержанную в духе решений VI съезда РСДРП(б). В резолюции отмечалось, что созревают условия для штурма пролетариатом и деревенской беднотой всевластия капитала и установления революционной диктатуры, которая покончит с войной и осуществит социалистические преобразования в экономике[128].

Заметных успехов в организации польских масс добилась Московская группа СДКПиЛ. По ее инициативе проживавшие в приютах беженцы избрали депутатов, которые образовали Совет беженских депутатов. Перенесение этой формы пролетарской организации в беженское движение дало незамедлительный эффект. В частности, под давлением Совета буржуазный Польский комитет допустил 16 представителей Совета к участию в своей работе и «согласился» с необходимостью ее демократизации[129]. Но вслед за тем, как отмечал Ст. Будзыньский в статье, опубликованной в «Трыбуне», «саботаж былых хозяев комитета» создал серьезные трудности в деле оказания помощи неимущим беженцам[130].

Уделяя много внимания воспитанию польских рабочих в России в духе пролетарского интернационализма, СДКПиЛ постоянно поддерживала связи с другими национальными организациями, входившими в состав большевистской партии. Наиболее тесными были контакты у СДКПиЛ с латышскими и литовскими социал-демократами. На совещании, состоявшемся 3(16) августа, СДКПиЛ и литовские социал-демократы решили в целях улучшения совместной работы обменяться представителями с совещательным голосом в руководящих органах, помещать в «Трыбуне» и в «Тиесе» статьи, зна-

[128] «Trybuna» 19.VIII(1.IX) 1917.
[129] Там же, 5(18).VIII 1917.
[130] Там же, 19.VIII(1.IX) 1917.

Зак. 5714

комящие с деятельностью братской организации, и т. д. [131] Через некоторое время в «Трыбуне» была опубликована поступившая от редакции «Тиесы» статья одного из руководителей литовских социал-демократов — интернационалистов А. Ангаретиса «Независимость Литвы и литовские рабочие», направленная против литовских буржуазных националистов и социал-националистов [132].

Повсеместно по примеру социал-демократов польские рабочие входили в общероссийские профессиональные организации, в создававшиеся в пролетарских центрах новые отряды Красной гвардии. Для лучшего разъяснения значения единства польских и русских рабочих, для взаимного обсуждения задач рабочего класса СДКПиЛ стала чаще практиковать выступления своих деятелей перед самой широкой многонациональной пролетарской аудиторией. 6(19) августа польские социал-демократы провели массовое совместное собрание польских и русских рабочих Путиловского завода [133].

Участники собрания энергично осудили политику меньшевиков и эсеров, заключивших союз с контрреволюционной буржуазией, и гневно заклеймили преследование революционных вождей. Они выразили уверенность, что только правительство революционной диктатуры отвечает интересам народа. «Собрание констатирует,— говорилось в принятой резолюции,— что русская революция вошла в новый период борьбы на жизнь или смерть с реакцией против соглашательской политики эсеров и меньшевиков... Под лозунгом революционной социал-демократии необходимо создать дисциплинированные отряды пролетариата, готовые в соответствующий момент броситься в бой и победить» [134]. По сути дела в этой резолюции, в соответствии с решениями VI съезда большевистской партии, СДКПиЛ ориентировала своих сторонников на подготовку к вооруженному восстанию, на участие в боевых силах пролетарской революции — Красной гвардии.

Вместе с русским рабочим классом, вместе с многонациональным рабочим классом всей Росии все более широкие круги польских рабочих и солдат в России пе-

---

[131] «Trybuna», 12(12).VIII 1917.
[132] Там же, 7(20).X 1917.
[133] Там же, 9(22).IX 1917.
[134] Там же, 12(25).VIII 1917.

реходили на позиции активной поддержки большевистской партии и ее составной части — групп СДКПиЛ в России. Весьма наглядным подтверждением расширявшегося влияния революционно-интернационалистских идей на польских рабочих может служить то, что даже Петроградская секция ППС-«фракции» посчитала нужным согласиться с тем, чтобы ее члены голосовали за большевистских кандидатов на выборах в столичную городскую думу. Как писала «Трыбуна», это решение было принято «вопреки воле местного комитета ППС, под давлением идущих за ним рабочих. Свидетельствует оно о том, что недалеко то время, когда фрацкий штаб останется без своей, до этого послушной ему армии»[135]. К сожалению, не только «штаб», но и значительная часть рядовых сторонников ППС-«фракции» продолжали оставаться в лагере, враждебном революции. «Занятая своими милитаристскими упражнениями, рассматривая социализм лишь как форму своих националистических стремлений, фракция настолько увлечена этими целями, что помимо них ничего не видит и не хочет видеть»,— вполне обоснованно писал орган ППС-левицы «Роботник в Росйи»[136].

Критикуя «фраков» и меньшевиков за их попустительство контрреволюции, ППС-левица в то же время продолжала тесно сотрудничать с меньшевиками-интернационалистами. ЦИК ППС-левицы 11(24) августа одобрил предложение об избирательном блоке с меньшевиками-интернационалистами на выборах в Петроградскую городскую думу и поручил Ф. Кону, Л. Пинкусу и С. Круликовскому принять энергичное участие в избирательной кампании[137]. Происходившая 13(26) августа конференция Выборгско-Лесной районной секции ППС-левицы, в которой участвовали Ф. Кон, Л. Пинкус и другие руководители партии, высказалась за поддержку на выборах в Петроградскую городскую думу списка № 12, выдвинутого меньшевиками-интернационалистами и группой «Новая жизнь»[138]. В этом списке рядом с именами Ю. Мартова, А. Мартынова и других фигури-

---

[135] Там же, 26.VIII(8.IX) 1917.
[136] «Robotnik w Rosji», 7(20).VIII 1917.
[137] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, лл. 36—36об.
[138] «Robotnik w Rosji», 27.VIII(9.IX) 1917.

ровали как кандидаты Ф. Кон, Ст. Лапиньский, С. Круликовский, Л. Пинкус, Вл. Матушевский [139].

Руководство ППС-левицы дало вовлечь себя в работу «объединительного съезда» меньшевиков, происходившего в Петрограде 19—26 августа (1—8 сентября) 1917 г. Устроители съезда ставили цель объединить в единую партию отдельные меньшевистские группы и течения. В приветственной речи, произнесенной вскоре после открытия съезда, Ф. Кон заявил, что платформа, на которой все время стояла ППС-левица, отстаивая идею, «что един пролетариат и едина его партия», начинает получать на этом съезде свое осуществление [140].

Но речь Ф. Кона, как и весь курс, взятый руководством ППС-левицы в России, вся его погоня за призрачным единством, были лишь проявлением политической слепоты и шатаний. В самом деле, какое могло быть единство между интернационалистскими кругами, противниками войны, и оборонцами, преобладавшими на съезде? Большинством голосов съезд принял резолюцию, в которой высказался за продолжение войны «до победного конца» и одобрил вхождение социалистов в состав буржуазного Временного правительства. Поправка Ст. Лапиньского к резолюции, в которой от имени меньшевиков-интернационалистов предлагалось добиться высвобождения внешней политики России из-под диктатуры союзных империалистических держав, была отклонена конференцией под тем предлогом, что русской революции опасность угрожает якобы лишь со стороны германского и австрийского империализма [141].

Ввиду полного разброда среди участников съезда объединение меньшевиков оказалось задачей невыполнимой, но сам факт участия в этом сборище оборонцев лег несмываемым пятном позора на меньшевиков-интернационалистов и их единомышленников из состава руководства ППС-левицы.

О том, что рабочий класс должным образом оценил колеблющуюся позицию этих непоследовательных интернационалистов, искавших единства даже с оборонцами, показали результаты состоявшихся 20 августа

---

[139] «Новая жизнь», 19.VIII (2.IX) 1917.
[140] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 12, лл. 3—4.
[141] Там же, л. 138.

(2 сентября) выборов в Петроградскую городскую думу: лишь 4 процента участвовавших в выборах отдали свои голоса за список № 12.

В своем предвыборном обращении к польским рабочим и солдатам, опубликованном отдельной листовкой с обычным грифом наверху — «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, Социал-Демократия Королевства Польского и Литвы»,— руководство СДКПиЛ в России призывало на предстоящих выборах в Петроградскую городскую думу поддержать список № 6— список кандидатов, выдвинутых большевистской партией. Польские социал-демократы указывали, что только поддержка большевиков может привести к победе революции, а победа других партий нанесет удар революции. «Поражение же русской революции — это крушение освобождения Польши из оков неволи и насилия, это триумф нашей реакции, которая превращается в передовую силу контрреволюции»,— предупреждала СДКПиЛ[142]. Список № 6, выдвинутый большевиками и поддержанный польскими и другими революционными интернационалистами[143], собрал 33 процента голосов. Вместо 37 мест, которые большевики имели в предыдущем составе думы, они получили 67 мест[144]. Среди избранных в думу был, в частности, Бр. Весоловский. «Признаки глубокого общественного переворота есть налицо,— писал В. И. Ленин, отмечая, что выборы в городскую думу Петрограда дали увеличение доли большевиков.— Они указывают наглядно направление работы. Среди пролетариата явный упадок влияния эсеров и меньшевиков, явный рост влияния большевиков»[145].

Рост влияния большевиков подтвердили муниципальные выборы, происходившие в июле — августе в ряде промышленных городов страны. Всюду, где существовали организации СДКПиЛ, они выступали вместе с большевиками. В совместном списке кандидатов в городскую думу Екатеринослава на выборах, состоявшихся 31 июля (13 августа), наряду с Г. И. Петровским, Э. Квирингом и другими баллотировались деятели местной группы

---

142 AZHP. Sygn. I AAV, 1.I 1917, p. 4.

143 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 398, лл. 5—12.

144 «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, стр. 242.

145 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 129—130.

польских социал-демократов: Юзеф Хенчиньский, Альберт Войцехович и др.[146] В Луганске, где еще не было отдельной группы СДКПиЛ, но польские социал-демократы оказывали решающее влияние на местную организацию Польского социалистического объединения, эта последняя полностью поддерживала большевиков. «Донецкий пролетарий» — газета донецких большевиков — призывала голосовать на выборах в городскую думу 6(19) августа за список № 1 — большевиков и польских социал-интернационалистов[147]. В этом списке, выдвинутом Луганским комитетом РСДРП(б) и Польским социалистическим объединением, вместе с К. Е. Ворошиловым, А. З. Каменским, А. Я. Пархоменко и другими были названы польские рабочие: токарь Эдуард Фальчинский, литейщик Юзеф Лепацкий и др.[148]. За этот список на выборах было подано больше голосов, чем за все вместе взятые списки меньшевиков и эсеров[149].

С совместным списком на выборах выступали Тульская организация большевиков, Тульская группа СДКПиЛ и Тульская организация Социал-демократии Латышского края[150] и т. д.

О росте влияния большевиков еще в большей мере, чем муниципальные выборы, говорили результаты частичных перевыборов Советов, укрепление позиций большевиков в профессиональных союзах, расширение забастовочного движения, массовые выступления крестьян и солдат. В ответ на расширявшуюся подрывную деятельность капиталистов, сокращавших производство, прибегавших к локаутам и закрытию фабрик и заводов для того, чтобы сломить рабочих экономическим насилием, все чаще и решительнее рабочие выдвигали требования установления контроля над промышленным производством. Доказывая, что закрытием фабрик и заводов крупный капитал ищет путей дезорганизации рабочих и установления сильной власти, Р. Арский писал, что единственным пролетарским ответом на саботаж

---

[146] «Звезда» (Екатеринослав), 2(15) и 5(18).VII 1917.

[147] «Донецкий пролетарий». Орган Луганского комитета РСДРП. 25.VII(7.VIII) 1917 и др.

[148] Там же, 30.VII(12.VIII) 1917.

[149] Там же, 9(22).VIII 1917.

[150] «Пролетарская правда». Орган Тульского комитета РСДРП. 25.VII(5.VIII) 1917.

предпринимателей может быть лишь секвестр предприятий[151].

Вместе с большевиками польские социал-демократы разрабатывали и пропагандировали экономическую программу социалистической революции. Наиболее интересным и значительным в этом отношении был цикл статей «Экономические проблемы революции», опубликованный в «Трыбуне» М. Броньским. В первой статье, посвященной растущей дороговизне, падению покупательной способности рубля и полной бездеятельности Временного правительства в вопросах экономической политики, он указывал, что это правительство ни в какой мере не может справиться с финансовым положением, так как оно не может решить вопроса о войне и мире или затронуть частнокапиталистические интересы[152]. Лишь расширение народного контроля над промышленным производством, установление государственной монополии на торговлю важнейшими потребительскими товарами, т. е. путь преобразования частнокапиталистического хозяйства в социалистическое, может вывести экономику из тупика. «Производство должно служить потреблению, а не выгоде капитала»,— писал он в следующей статье[153]. Особый интерес представляет третья, заключительная статья цикла, посвященная земельному вопросу. Верно отмечая особенности развития аграрных отношений в России — наличие крупного помещичьего землевладения, исключительную остроту земельного голода,— он видел коренное решение вопроса в том, чтобы дать землю миллионам безземельных и малоземельных крестьян[154]. Тем самым М. Броньский, как и некоторые другие польские социал-демократы, приблизился к ленинской постановке вопроса о политике рабочего класса по отношению к крестьянству. Правда, процесс перехода всего организованного авангарда польского пролетариата на ленинские позиции в крестьянском вопросе затянулся до 1923 г.— до II съезда Коммунистической рабочей партии Польши.

Польские социал-демократы, польская социал-демократическая печать неустанно пропагандировали лозун-

---

151 «Новая жизнь», 19.VIII(1.IX) 1917.
152 «Trybuna», 8(21).VII 1917.
153 Там же, 29.VII(11.VIII) 1917.
154 Там же, 12(25).VII 1917.

ги большевиков, подхватывали и несли в массы ленинские идеи. Положения, развитые В. И. Лениным в статьях «Фразы и факты», «Как прячут прибыли господа капиталисты», «Кризис надвигается, разруха растет» и др., предшествовавших появившейся несколько позднее, в октябре 1917 г., работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», явившейся экономической платформой большевиков в социалистической революции, широко пропагандировались публицистами СДКПиЛ.

Со страниц «Трыбуны» Зб. Фаберкевич в статье «Наступление капитала» гневно разоблачал заговор крупного капитала — текстильных фабрикантов, владельцев предприятий Бромлея, Гужона и др., организовывавших локауты, закрывавших фабрики и заводы, свертывавших производство и таким путем рассчитывавших принудить рабочих согласиться с возрождением той железной дисциплины и того насилия, которые существовали до Февральской революции [155]. Буржуазия хочет пойти еще дальше, писал Зб. Фаберкевич в другой статье, почти что лишив возможностей легальной деятельности партию революционного пролетариата, она при помощи локаутов стремится к полной милитаризации всей промышленности [156]. Ответом на многочисленные локауты, указывал Р. Арский, должны явиться объединение рабочих в профессиональные союзы и вокруг Советов рабочих депутатов и организованный отпор атакам капиталистов, реквизиция предприятий [157]. Одна из важных задач состоит в борьбе за отвечающее интересам пролетариата социальное страхование. Рабочие должны добиваться изменения порядка финансирования социального страхования с тем, чтобы оно проводилось только за счет государства и предприятий и было распространено как на случаи инвалидности и на помощь в связи с заболеваниями, так и на помощь при безработице, при старости и на помощь семье в случае смерти кормильца, писал Р. Арский в связи с состоявшейся во второй половине августа (начале сентября) всероссийской конференцией по вопросам страхования [158].

---

155 «Trybuna», 29.VII(11.VIII) 1917.
156 Там же, 5(18).VIII 1917.
157 Там же, 19.VIII(1.IX) 1917.
158 Там же, 26.VIII(8.IX) 1917.

С каждым днем крепли силы назревавшей социалистической революции. Но и контрреволюция также разворачивала энергичную деятельность, рассчитывая опередить ход событий и завершить свой июльский успех установлением военной диктатуры, разгромом Советов и ликвидацией всех завоеваний демократии.

Для того, чтобы упрочить свои позиции, правительство созвало в начале августа в Петрограде «совещание по обороне страны». 8(21) августа Я. М. Свердлов огласил на совещании декларацию, в которой разоблачалась политика Временного правительства, продолжающего признавать заключенные царем тайные договоры, называющего себя правительством «спасения революции», а в действительности являющегося правительством спасения имущих классов от революции и т. п. Декларация отмечала, что, только взяв целиком власть в свои руки, революционные рабочие, крестьяне и солдаты порвут всякие соглашения с отечественными и иностранными капиталистами, предложат всем народам прекращение войны, заключение справедливого мира, поддержат народы в их борьбе против насильников-капиталистов и организуют действительную оборону страны, в которой восторжествует революционный пролетариат, от всяких покушений империализма[159].

В этой декларации содержалось по сути дела развернутое изложение социалистических принципов внешней политики пролетарского государства, принципов демократического мира между народами, их взаимопомощи в борьбе против империализма. Тем более заслуживает быть отмеченным, что среди девяти организаций, от имени которых была оглашена декларация, вторым, непосредственно после ЦК РСДРП(б), был назван Исполнительный Комитет СДКПиЛ.

«Совещание по обороне страны», в своем большинстве полностью поддержавшее политику Временного правительства, не могло заглушить голос революции и ее поступательное движение. Учитывая это, контрреволюция торопилась действовать. Состоявшийся 3—5(15—18) августа в Москве Всероссийский съезд торговли и промышленности разработал меры по удушению рево-

---

[159] «Рабочий и солдат», 9(22).VIII 1917, а также: «Trybuna», 19.VIII(1.IX) 1917.

люции. Выступивший на этом съезде председатель Всероссийского союза торговли и промышленности Рябушинский грозил народу организацией голода. Меры наступления на трудящихся обсуждались в более узком кругу совещания представителей 24 акционерных коммерческих банков, в том числе Петроградского отделения Коммерческого банка в Варшаве; совещание высказалось за «утверждение в центре и на местах твердой власти...»[160] Примерно в то же время другой представитель польского и русского капитала, И. Гливиц в качестве члена комитета Совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности и Совета съездов представителей промышленности и торговли, с одной стороны, требовал от правительства принятия мер против угрозы установления контроля над производством со стороны рабочих, а с другой — добивался создания наиболее благоприятных условий для синдицирования и трестирования главнейших отраслей русской промышленности[161].

Крупный капитал, помещики, русская и польская контрреволюция, иностранные империалисты деятельно готовились к установлению в России открытой контрреволюционной диктатуры.

Разоблачая чудовищные планы рябушинских, Зб. Фаберкевич писал о том, что революционная демократия должна дать отпор действиям объединенной российской буржуазии. «Съезд буржуазии в Москве должен был сплотить ее ряды, унифицировать ее действия. То же самое должна сделать и российская революционная демократия: отказаться от всяких компромиссов, отказаться от сотрудничества с классовыми врагами и объединить свои силы для решительной борьбы»[162]. Но как раз в то время, когда так было необходимо сплочение революционных сил, ППС-левица искала единства с лагерем меньшевиков.

Характеризуя особенности положения, сложившегося в России, В. И. Ленин писал в июле 1917 г. о том, что оно представляет собой начало бонапартизма и канун

---

[160] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март — октябрь 1917 г.», ч. I. М., 1957, стр. 202—203.

[161] Там же, стр. 184—185, 275—278.

[162] «Trybuna», 12(25).VIII 1917.

гражданской войны. Буржуазия, писал он, «рвет и мечет против Советов, но она *еще* бессильна сразу разогнать их, а они *уже* бессильны, проституированные господами Церетели, Черновыми и К°, оказать серьезное сопротивление буржуазии»[163].

Происходившее в Москве 12—15(25—28) августа так называемое Государственное совещание явилось прямой подготовкой буржуазии, помещиков, генералитета к государственному перевороту. Крупный капитал, военщина прямо заявляли, что они не желают терпеть дальше существование Советов, что их не удовлетворяет Временное правительство, что им нужна железная диктатура. Но приуроченный к совещанию военный переворот был сорван в результате активности масс, ответивших на открытие совещания стачкой 400 тыс. московских рабочих.

Само Государственное совещание было сформировано таким образом, что в целях недопущения к его работам большевиков, политические партии не получили права на прямое представительство, а ЦИК Советов, со своей стороны установил для своих представителей особые дисциплинарные нормы, соблюдение которых привело бы к полному подчинению членов ЦИК — большевиков меньшевистско-эсеровскому большинству делегации ЦИК на Государственном совещании. Большевики, естественно, отказались признать установленный дискриминационный порядок, в связи с чем они не были допущены в состав делегации ЦИК. Само собой разумеется, что и польских социал-демократов, входивших в состав большевистской фракции ЦИК, не было среди участников Государственного совещания. Но член ЦИК, один из руководителей ППС-левицы, Ст. Лапиньский заседал в этом совещании[164]. Напрасно исследователь попытается искать отражения в документах Государственного совещания возражений представителя ППС-левицы против политики похода против народа, проведения которой домогалось большинство участников совещания[165], или

---

[163] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 49.

[164] «Государственное совещание». М.— Л., 1930, стр. 311.

[165] Несколько большевиков, участвовавших в Государственном совещании в составе делегаций от городского самоуправления, профсоюзов и др., а равно и большевики — члены ЦИК, не допущенные на совещание, опубликовали совместную декларацию, разоблачав-

хотя бы протеста против выступления Милюкова, который в обоснование своих антинародных предложений прямо ссылался на позицию Ст. Лапиньского — кстати, неверно им истолковывавшуюся: лидеры ППС-левицы, как и меньшевики-интернационалисты, покорно шли за меньшевиками-оборонцами и их правыми союзниками.

Совместно с большевистской партией польские социал-демократы разъясняли рабочему классу и всем трудящимся угрозу заговора контрреволюционеров. В резолюции, принятой 11(24) августа общим собранием Харьковской группы СДКПиЛ, заявлялось, что группа протестует против деятельности Временного правительства и будет бороться за интересы пролетариата: «так как российская контрреволюция ищет себе союзников во всех странах, то и пролетариат должен объединиться... Близится время, когда произойдет решительная борьба между этими двумя врагами»[166]. 13(26) августа Омская группа СДКПиЛ участвовала в организованной местным Советом демонстрации протеста против московского совещания[167]. Рабочие завода «Герлях и Пульст» в Харькове единогласно приняли резолюцию, в которой, указав, что московское совещание является «открытым, доходящим до наглости вызовом», предупредили, что они будут «бороться самым решительным образом против контрреволюционных стремлений буржуазии всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, вплоть до открытых выступлений»[168]. Эта резолюция была проникнута духом вооруженного восстания, готовности к последовательной борьбе против капитализма.

В день открытия Государственного совещания «Трыбуна» поместила редакционную статью «Начало конца», ориентировавшую польских рабочих и солдат на неизбежность и необходимость вооруженного восстания против Временного правительства. Это правительство, писала «Трыбуна», энергично ведет наступление на революцию, оно продолжает совместно с английскими и французскими империалистами захватническую войну.

шую контрреволюционный характер совещания. См. «Пролетарий» (Петроград), 17(30).VIII 1917.

166 «Пролетарий» (Харьков), 15(28).VIII 1917.

167 «Trybuna», 29.III 1918.

168 «Пролетарий» (Харьков), 15(28).VIII 1917.

«Русская революция не принимается во внимание коалиционной дипломатией как реальный фактор мира, пока у власти в России стоит правительство, до гробовой доски верное империализму». Буржуазия уже не хочет терпеть меньшевиков и эсеров и готовит установление открытой диктатуры капитала, писала газета. Но меньшевистско-эсеровское большинство ЦИК Советов погрязло в оппортунизме. Выход, указывала польская революционная газета, состоит в установлении революционной диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. В то же время, предупреждала «Трыбуна», нельзя дать себя спровоцировать на преждевременное выступление. «Время битвы должно быть точно продумано... Только дальнейшее обострение хозяйственно-политического кризиса, полное банкротство в глазах масс эсеровско-меньшевистской тактики и вызревание революции на Западе создаст почву, благоприятствующую новому штурму господства буржуазии»[169].

В этой статье весьма примечательна и постановка вопроса о неизбежности восстания против буржуазного господства, и отношение к восстанию как к делу, требующему серьезной подготовки и имеющему шансы на успех только в определенных условиях, и представление о будущем революционном правительстве как правительстве диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

Однако в целом вопрос о крестьянстве, как о союзнике пролетариата, и о политике партии в аграрном вопросе почти не ставился группами СДКПиЛ. Естественно, что это обстоятельство ограничивало идейное влияние СДКПиЛ на солдатскую массу, в среде которой преобладали крестьяне.

14(27) августа, через день после открытия Государственного совещания, прибывший из Москвы Ю. Уншлихт (Юровский) доложил узкому составу ЦК большевистской партии об угрозе контрреволюционного выступления и о принятых в Москве предупредительных мерах. Тогда же ЦК решил войти в информационную связь с эсерами и остатками ЦИК (большинство его членов находилось в Москве), возложив эту задачу на

---

[169] «Trybuna», 12(25).VIII 1917.

Я. М. Свердлова и Ф. Дзержинского[170]. В ответ на угрозу Керенского, заявившего на Государственном совещании, что он «кровью и железом» усмирит «большевистские бунты», польская социал-демократия указала на страницах «Трыбуны», что Керенский не испугает революционный пролетариат России. Рабочий класс России достаточно закалился в огне царских репрессий и не даст себя спровоцировать на преждевременное выступление; контрреволюционному блоку, легализованному на московском совещании, он противопоставит сплоченные шеренги, выступающие под знаменем революционной социал-демократии. Предупреждая об опасности, газета писала, что на московском совещании создан боевой фронт буржуазии, направленный против революционной демократии, против Советов; «доверие всех правых завоевал генерал Корнилов, кандидат в диктаторы России»; социал-оппортунисты дошли до предела в своем служении буржуазии, но революционный пролетариат не побоится угроз и будет копить силы для борьбы за действительное освобождение[171].

В последние дни работ Государственного совещания меньшевистско-эсеровское большинство ЦИК Советов, стремясь упрочить свои позиции перед лицом контрреволюционной военщины, решило в связи с полугодовщиной революции произвести кружечный сбор средств у населения. 20 августа (3 сентября) ЦК большевистской партии, заслушав сообщение Ф. Дзержинского о намерении ЦИК, решил отказаться от участия в сборе[172]. 22 августа (5 сентября) ЦК получил официальное приглашение участвовать в сборе средств и 23 августа (6 сентября) подтвердил свое предыдущее решение. На следующий день в «Пролетарии» было опубликовано решение ЦК об отказе участвовать в сборе средств, организованном ЦИК Советов[173]. Это решение было положено в основу резолюции большевистской фракции ЦИК, выражавшей недоверие политике ЦИК и содержавшей отказ от посылки своих представителей в комиссию по сбору средств в пользу ЦИК. Текст резолюции, находящийся в делах ЦИК, написан рукой Ф. Дзер-

---

[170] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)...», стр. 21.
[171] «Trybuna», 19.VIII(1.IX) 1917.
[172] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)...», стр. 28.
[173] «Пролетарий» (Петроград), 24.VIII(6.IX) 1917.

жинского[174]. Это позволяет предполагать, что он был автором документа, изобличавшего антинародную политику меньшевистско-эсеровского большинства ЦИК.

Вопреки усилиям соглашательских партий в рабочем классе, среди солдат и крестьян бурно нарастало стремление революционным путем вывести страну из войны, взять власть в свои руки, экспроприировать помещиков и капиталистов. II конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда и окрестностей, происходившая 7—12(20—25) августа 1917 г., выдвинула требование ликвидации экономической разрухи, установления рабочего контроля над производством передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства[175]. Массовые собрания рабочих выносили резолюции о необходимости уничтожения диктатуры империалистической буржуазии и установления диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства[176]. Солдаты выдвигали требования образования рабоче-крестьянского правительства, ареста контрреволюционных заговорщиков, освобождения из тюрем политических заключенных[177]...

Между тем генералитет, финансовые и промышленные тузы и другие заговорщики подготовляли полный разгром революционного движения. Общим кумиром русской и польской контрреволюции был генерал Корнилов, которому печатный орган Начполя посвящал восторженные статьи.

Анализируя взаимные отношения польских и русских контрреволюционных организаций и тот ореол величия и силы, которым польская буржуазная печать пыталась окружить Корнилова, Ф. Дзержинский писал несколько позднее в статье «Польские союзники Корнилова»: «Польская контрреволюция, как и русская, не теряла понапрасну времени. Широкие круги польских помещиков и буржуазии в России мобилизовали свои силы для борьбы с революцией... Польская контрреволюция — это не измышление, это действительность, с которой должна считаться не только польская, но и русская

---

[174] ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 124, л. 1—1об.

[175] «Октябрьская революция и фабзавкомы». М., 1927, ч. 1, стр. 217.

[176] «Пролетарий» (Петроград), 23.VIII(5.IX) 1917.

[177] «Солдат». Орган военной организации при ЦК РСДРП(б). (Петроград), 29.VIII(11.IX) 1917.

революционная демократия». Военным центром польской контрреволюции, указывал Ф. Дзержинский, является Начполь, ее гражданским центром — Совет польского межпартийного объединения[178].

Статья Ф. Дзержинского о польских союзниках Корнилова была в русском переводе перепечатана в выходившем вместо запрещенной «Правды» центральном органе большевистской партии — газете «Рабочий путь»[179].

В целях маскировки своих планов создания контрреволюционной армии Начполь пытался убедить солдат-поляков, что им обязательно следует переходить в польские военные формирования не для того, чтобы выступить на чьей-либо стороне во внутренней борьбе в России, а якобы именно ради того, чтобы избегнуть втягивания в борьбу, которая разыгрывается в лоне российской демократии[180]. В тесный контакт с Начполем вступил руководящий орган русского контрреволюционного офицерства — Главный комитет союза офицеров армии и флота. В секретном отношении, адресованном 31 июля (13 августа) Начполю, этот комитет сообщал, что «тоже считает одной из своих задач борьбу с большевизмом в армии и с антивоенной (пораженческой) агитацией», и призывал обе организации «к совместной работе». Главный комитет союза офицеров армии и флота обещал сообщать в Начполь фамилии военнослужащих-поляков, «которые опозорили себя демагогией, пропагандой и большевистской деятельностью»[181].

В ходе подготовки к осуществлению заговора польские и русские корниловцы пытались собрать воедино польские части, которые контрреволюция рассчитывала использовать в качестве одного из элементов своих ударных сил. Однако репутация Довбор-Мусьницкого, темные цели, ставившиеся организаторами «польской армии», разъяснительная работа большевиков и других интернационалистов удерживали не только солдат, но и многих офицеров от перехода в Польский корпус. Даже командование Польского уланского полка 6(19) августа

---

[178] Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 255, а также: «Trybuna», 2(15).IX 1917.

[179] «Рабочий путь», 15(18).IX 1917.

[180] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 872, л. 39.

[181] «Trybuna», 26.VIII(8.IX) 1917.

обратилось с просьбой об оставлении полка в составе 8-й русской армии на Юго-Западном фронте. Лишь после весьма нервных по тону протестов Довбора и приказа верховного главного командования от 13(26) августа началась подготовка к передислокации полка[182]. Категорически отказался войти в состав I Польского корпуса польский гусарский эскадрон, находившийся при 7-й дивизии[183]. Взбешенный этим, Довбор отдает один за другим приказы о выделении из эскадрона лиц, не желающих служить в корпусе, о том, чтобы спе́шить эскадрон, лишить его лошадей, и о том, наконец, чтобы применить силу для подчинения непокорного эскадрона[184]. Но ни одно из этих требований не было осуществлено ввиду твердости, проявленной личным составом эскадрона, и общего состояния русской армии. На отправленной уже после разгрома корниловщины телеграмме Довбора об использовании силы против эскадрона даже Духонин посчитал нужным написать: «Насильственно нельзя полонизировать. Если эскадрон не хочет, отправить его на Ю-З фронт»[185]. Решительно отказались перейти в состав корпуса 400 артиллеристов-белгородчиков[186]. Как сообщал полковой комитет 47-го Сибирского стрелкового полка, многих солдат-поляков удерживала от перехода в I Польский корпус необходимость подписать обязательство о безоговорочном подчинении командованию, т. е. об отказе от некоторых элементов демократии, завоеванных солдатами русской армии[187].

С особым рвением Начполь и командование I Польского корпуса пытались очистить Белгородский запасной полк от революционных элементов и передислоцировать его поближе к ставке.

Белгородский полк, пишет в своих воспоминаниях один из служивших в нем солдат, жил бурной политической жизнью; в нем вели контрреволюционную пропаганду офицеры, самая реакционная часть которых вошла в тайную организацию «Пляцувка»; с изложением

[182] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 328, лл. 322, 336, 338.
[183] Там же, л. 353 об.
[184] Там же, д. 341, лл. 149, 152, 164.
[185] Там же, л. 164.
[186] Там же, л. 50.
[187] ЦГАОР, ф. 511, оп. 1, д. 3, россыпь.

своих взглядов часто выступали большевики, «бурлили, как в котле, различные идеи, лозунги и представления»[188]. Но руководство полком все в большей степени ускользало из рук контрреволюционного офицерства.

Когда реакционное командование, действуя в соответствии с указаниями Довбор-Мусьницкого и Начполя, попыталось приступить к очистке полка от революционных элементов, что должно было явиться предварительным шагом к перебазированию полка в Гжатск или в Белоруссию, то оно натолкнулось на открытое сопротивление солдат во главе с полковым комитетом. В полковом комитете наибольшим влиянием пользовались связанные с Польским социалистическим объединением в Харькове, с меньшевиками-интернационалистами солдат Г. Пончковский, поручики Вальц и Яцкевич и другие и члены большевистской партии: солдаты Антон Цихоньский — член городского партийного комитета, М. Левандовский, младшие офицеры Казимеж Пысь и др.[189] Начполь направил в Белгород специальную комиссию (делегацию), которая 30 июня — 2 июля (13—15 июля), внимательно изучив положение, пришла к выводу, что «при существующем настроении полк в целом не намерен отправиться из Белгорода», и представила Начполю отчет, довольно точно отметивший усиление влияния в полку революционных элементов[190]. В отчете той же комиссии русскому командованию указывалось на «вредную» деятельность в полку солдат и офицеров «ленинского направления»[191].

Возмущенный введением смертной казни на фронте и слухами о ее распространении на тыл, взбудораженный известиями о июльских событиях в Петрограде и замыслах контрреволюции, особенно происками «Пляцувки»,

---

[188] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 626, л. 14—16.

[189] Польский историк А. Заторский в своей интересной работе о Белгородском полку не вполне точно определяет партийную принадлежность некоторых членов полкового комитета. Так, Г. Пончковский назван членом СДКПиЛ и партии большевиков (см.: A. Zatorski. Dzieje pułku Biełgorodskiego. Warszawa, 1960, str. 48). Между тем еще в октябре 1917 г. он был кандидатом в гласные городской думы не от большевиков, а от меньшевиков-интернационалистов. См.: «Известия Белгородского Совета...», 10(23).X 1917.

[190] CAW, 122, 96/26, а также: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, стр. 97—102.

[191] CAW, 122, 99/26.

организовавшей в полку форменный заговор, полковой комитет, опираясь на поддержку большинства солдат, 27 июля (9 августа) постановил сместить командира полка подполковника Винницкого и назначил временным командиром полка члена полкового комитета поручика Мечислава Яцкевича[192]. Еще до этого решения из состава полкового комитета вышли все офицеры, кроме того же поручика Яцкевича, штабс-капитана Петра Боревича — в дальнейшем выдающегося командира Красной Армии — и поручика Вальца. Местный Совет рабочих и солдатских депутатов, а затем и Главный польский военный комитет (левицы)[193] одобрили решение полкового комитета. Но реакционное офицерство обратилось за помощью к командующему Московским военным округом полковнику Верховскому, пугая его тем, что в полку вводятся «крайние ленинские порядки»[194].

В результате вмешательства штаба Московского военного округа Яцкевич был отстранен от командования и временным командиром полка был назначен весьма реакционный офицер — полковник Богуш-Шишко. М. Яцкевич, находившийся в ту пору под влиянием деятелей ППС-«фракции» из соседнего Харькова и стоявший на почве легальности, подчинился приказу командования[195]. Реакционные элементы, входившие в «Пляцувку», замышляли расправиться с полковым комитетом и поддерживавшим его Белгородским Советом рабочих и солдатских депутатов и, как это видно из протокола заседания полкового комитета, происходившего 1 (14) августа 1917 г. с участием ротных командиров и представителей Городского Совета, собирались убить поручика Яцкевича, председателя Совета и других лиц[196]. Но полк, в котором числилось более 16 тыс. солдат и офицеров, все в большей степени ускользал из-под влияния реакции. Несмотря на ее усилия, только 120 офицеров и 400

---

[192] L. Grosfeld. Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji. 1917—1919. Warszawa, 1954, str. 44. Багиньский ошибочно относит описываемые события к сентябрю 1917 г. (См.: H. Bagiński. Wojsko polskie na Wschodzie, str. 19).

[193] CAW, 122, 99/26.

[194] CAW, 122, 99/17.

[195] A. Zatorski. Указ. соч., стр. 99.

[196] CAW, 122, 1/170, к. 28.

солдат согласились выехать в расположение I Польского корпуса и принять предложенные его командованием обязательства[197].

7(20) августа в полку состоялись перевыборы полкового и ротных комитетов. Вновь избранные комитеты, очистившиеся от реакционных элементов, приняли совместную декларацию, в которой изобличали Начполь как представителя империалистических интересов, провозглашали своей задачей подготовить польского солдата для того, чтобы он содействовал установлению в будущей независимой Польше демократического строя, выражали уверенность, что русская демократия поможет создать независимую Польшу и демократическое, революционное польское войско. В декларации содержалось предложение об образовании польского революционного центрального солдатского комитета, который должен возглавить все дело формирования и руководства польскими частями. Далее в декларации выражалась готовность полка к сотрудничеству с Главным польским военным комитетом (левицы). Декларация эта, несмотря на отдельные нечеткие положения, содержавшиеся в ней, отражала революционные стремления, присущие подавляющему большинству солдат полка. Но в этом важном документе проявлялись еще и серьезные заблуждения солдат, полагавших, что следует продолжать войну против германского империализма[198].

Когда в полк пришло известие о состоявшемся 25 августа (7 сентября), спустя несколько дней после предательской сдачи Риги немцам, контрреволюционном выступлении Корнилова, солдаты единодушно поднялись против заговорщиков. Ст. Вацкий, председатель полкового суда, в неопубликованных воспоминаниях об этих событиях пишет: «Полк клянется, что он готов себя предоставить целиком на борьбу против реставрации и не допустит никаких покушений на завоевания революции как со стороны русской, так и своей реакции»[199]. Революционные солдаты арестовали полковника Шишко и еще ряд офицеров из «Пляцувки», которым, согласно секретному приказу Довбора, предстояло полк «реорга-

---

[197] L. Grosfeld. Указ. соч., стр. 217.

[198] CAW, 122, 170/157, а также: «Голос солдата». Орган Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов, 6(19).IX 1917.

[199] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 574, л. 8.

низовать»; командовать полком опять, как и в июле, стал поручик М. Яцкевич[200]. Полковой комитет, выражая настроение широкой массы солдат, тогда же выдвинул предложение о превращении полка в дивизию, которая входила бы в состав русской армии и имела бы такую же структуру, как и ее части[201]. К сожалению, СДКПиЛ, оказывавшая постоянную моральную поддержку всем революционным действиям полка, организационно не была с ним связана, и на этот раз она не оказала поддержки весьма популярной среди солдат-поляков идее создания польских национальных революционных частей.

Придя к выводу о том, что Белгородский полк не удастся использовать в целях, которые вынашивали Начполь и корниловцы, Довбор-Мусьницкий 29 августа (11 сентября), в разгар корниловского мятежа, обратился из Минска с телеграммой в штабы фронтов и ряда военных округов с просьбой не отправлять польских офицеров и солдат в польский запасной полк в Белгород, «ибо польские части [т. е. части польских корпусов. — *А. М.*] не формируются в Белгороде»[202]. Отказавшись тем самым от попыток подчинить Белгородский полк своей власти, Довбор решил любыми средствами добиться ликвидации полка, ставшего притягательным центром для многих тысяч солдат-поляков. Утверждая, что полк «распропагандирован», он требовал от главнокомандующего Московским военным округом применения военной силы против полка. События в полку, вызванные борьбой против корниловского заговора, генерал Довбор квалифицировал как мятеж. «Необходимы решительные крутые меры для водворения порядка и арестования зачинщиков, во главе которых считают поручика Яцкевича»,— телеграфировал он командованию Московского военного округа[203]. Но командование округа не располагало силами для осуществления требований Довбора, да и обстановка уже резко изменилась.

В соответствии с телеграфным приказом от 27 августа (9 сентября) в Могилев, где находилась ставка вер-

[200] AZHP, Rkp. 8649; J. Bohusz-Szysko. Szlakem cierni i kwiatów.
[201] «Trybuna», 16(29).IX 1917.
[202] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 2, д. 517, л. 164.
[203] Там же, ф. 511, оп. 1, д. 4, россыпь.

ховного главнокомандующего, были направлены из Быхова польские пехотные части. В ночь с 29 на 30 августа (с 11 на 12 сентября) они стали прибывать к месту назначения. Представитель Начполя при ставке разъяснил командиру одного из польских полков, что в их задачи не входит вмешательство во внутреннюю борьбу, а «только» поддержание порядка, охрана имущества населения и особо ответственная задача — обеспечение безопасности многочисленных представителей союзнических держав[204]. Через день, 31 августа (13 сентября), когда в связи с всенародным отпором заговору обозначился полный провал корниловщины и Временное правительство даже отдало приказ об аресте ее главарей, Довбор, стремясь замаскировать прямое и непосредственное участие частей I Польского корпуса в корниловском мятеже, подтвердил приказ о «невмешательстве» частей корпуса во внутренние дела России[205]. Следует заметить, что, как сообщал один из солдат-большевиков в письме в газету военной организации, в отличие от собственно корниловских частей, которые заявляли, что «прибыли в Могилев бить большевиков и евреев», доставленные туда же польские легионы «отнеслись к событиям пассивно»[206]. Объяснение этой пассивности следует искать не столько в приказах командования польских частей, сколько в нежелании польских солдат служить орудием контрреволюции.

30 августа (12 сентября), тотчас по получении известия о выступлении Корнилова, В. И. Ленин, скрывавшийся тогда в Финляндии от преследований реакции, пишет письмо в ЦК РСДРП(б), в котором указывает, что мятеж Корнилова, как всякий крутой поворот событий, требует пересмотра и изменения тактики. Но, как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность, не скатиться до поддержки Временного правительства. «И поддерживать правительство Керенского мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться про-

---

[204] «Echo Polskie», 17(30).IX 1917.

[205] Там же. Приказ этот в целях дезинформации и маскировки был датирован задним числом — 30 августа (12 сентября). См.: A. Zatorski. Указ. соч., стр. 129—130.

[206] «Солдат», 6(19).X 1917.

тив Корнилова? Конечно, да! Но это не одно и то же; тут есть грань...

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, *как и войска* Керенского, но мы не поддерживаем Керенского...»[207] В постскриптуме В. И. Ленин сообщал, что, получив газеты, он убедился, что линия, взятая партией в связи с корниловским мятежом, вполне совпадает с тем, что им намечалось в письме.

Благодаря бдительности большевистской партии корниловский мятеж не застал рабочий класс врасплох. Повсеместно большевики организовывали отпор мятежникам. Против мятежников выступили не только рабочие, но и самые широчайшие солдатские и крестьянские массы, что активизировало антикорниловскую позицию и меньшевиков и эсеров.

В связи с корниловским мятежом Исполнительный Комитет групп СДКПиЛ в России и правление Петроградской группы СДКПиЛ, действуя в большевистском духе, приняли 29 августа (11 сентября) обращение к польским рабочим и солдатам. Это обращение, отпечатанное отдельной листовкой, призывало польских рабочих и солдат к совместной с рабочими и солдатами всей России защите революции от мятежных сил реакции.

«Рабочие! Все на помощь революции! К оружию и в шеренги!...— призывало обращение.— Польские солдаты!... Место ваше не в польских отрядах, а в российских революционных полках. Ваши враги — сторонники корниловых как русского, так и польского происхождения. Друзья же — русские пролетарии, одетые в солдатские мундиры»[208]

О том же в своей листовке говорила и Московская группа СДКПиЛ: в опасности не только судьба революции, судьба русских рабочих и крестьян, но и судьба польских беженцев, всего польского народа, которому революция несет свободу. «Все станем под красное знамя партии, которая неколебимо прочно стоит на своих позициях, готова принять бой со смертельным врагом,— под знамя Социал-демократической рабочей партии России (большевиков)»,— писали москвичи — польские социал-демократы[209].

---

[207] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 119—120.
[208] AZHP, 1/1, 1917, p. 5; «Trybuna», 2(15).IX 1917.
[209] AZHP, 60/3, 1917, p. 10.

Своими обращениями ИК групп СДКПиЛ в России и правление Петроградской группы, Московская и другие группы СДКПиЛ ориентировали польских рабочих и солдат на совместную с русским пролетариатом вооруженную борьбу против сил контрреволюции, на вступление в отряды Красной гвардии и в революционные воинские части. Среди того сорокатысячного пополнения, которое только в Петрограде влилось в дни корниловского мятежа в Красную гвардию[210], несомненно, было немало пролетариев из Польши. К решительной борьбе против контрреволюции призывали резолюции митингов, совместно проводившихся в Петрограде СДКПиЛ, Польским воинским революционным клубом, а также ППС-левицей. На митингах в дни корниловщины выступали Ю. Лещиньский, Ф. Кон, С. Круликовский, М. Броньский и др. Они призывали к отпору контрреволюции, выражали горячее одобрение солдатам Белгородского полка и тем из солдат Польского корпуса, которые вступили в борьбу с польской реакцией[211]. Против корниловского мятежа решительно выступил Главный польский военный комитет (левицы)[212]. Видный деятель комитета, председатель клуба «Промень» подпоручик Вл. Матушевский во главе делегации 1-й гвардейской дивизии выехал навстречу эшелонам Кавказского туземного корпуса, двинутого было Корниловым на Петроград. В результате широкой разъяснительной работы большевиков весь корпус охватило волнение, солдаты отказывались идти на столицу. 31 августа (13 сентября) на совещании представителей частей корпуса выступили делегаты из Петрограда, в том числе Вл. Матушевский. Телеграммой в ЦИК Советов он сообщил, что «корпус введен в заблуждение корниловцами и остается верным Временному правительству...»[213]

По инициативе Польского воинского революционного клуба в дни корниловщины был произведен обыск в помещении Начполя в Петрограде. В ходе обыска было обнаружено 300 винтовок, которые за пару дней до мятежа Корнилова были переданы Начполю штабом Петроградского военного округа — одним из центров кор-

---

[210] «Солдат», 13(26).IX 1917.
[211] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 569, л. 7.
[212] «Известия ЦИК...», 1(14).IX 1917.
[213] ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 603, л. 10.

ниловского заговора. Но многие секретные документы, изобличающие связь Начполя с корниловцами, сотрудники Начполя либо уничтожили, либо сумели утаить.

Состоявшееся 3 (16) сентября собрание польских рабочих и солдат в клубе «Промень» после выступлений деятелей СДКПиЛ и ППС-левицы, а также людовца Вацлава Щенсного, указало в своей резолюции на связи Начполя, руководимого эндеками, с контрреволюционным выступлением Корнилова [214].

Вопрос об участии Начполя в корниловском заговоре не был в достаточной мере выяснен. Видимо, свою роль сыграло то, что меньшевистско-эсеровские элементы, все еще верховодившие в ЦИК Советов, не были заинтересованы в раскрытии всех корней и ответвлений заговора.

Угроза контрреволюционного переворота и восстановления власти самых реакционных элементов буржуазии и помещиков побудила и ППС-«фракцию» в лице ее Петроградского окружного комитета выступить с призывом к совместной с русским пролетариатом борьбе против заговора Корнилова [215]. В изданной на польском и русском языках листовке ППС-«фракция» осудила Временное правительство за то, что оно при поддержке большинства в Советах проводило политику, которая «до сих пор была направлена своим острием против действительно революционных сил» [216]. Общее собрание Московской секции ППС 31 августа (13 сентября) заявило о готовности оказать вооруженную помощь в борьбе против Корнилова [217], та же секция издала листовку с призывом встать на защиту революции [218]. Но практически позиция ППС-«фракции» сводилась к поддержке Временного правительства в борьбе против собственно корниловцев, но не их польских союзников. Хотя главаря польских корниловцев — царского генерала Довбор-Мусьницкого — печатный орган ППС не без едкости назвал «свежеиспеченным поляком» [219], никаких действий, направленных к разгрому сил польской контрреволюции, руководители ППС-«фракции» не предпринимали.

---

[214] «Głos Robotnika i Żołnierza», 3(16).X 1917.
[215] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 574, л. 8.
[216] AZHP. PPS, 305/III/40, podt. I, k. 13, l.12.
[217] «Echo Polskie», 1(14).IX 1917.
[218] AZHP. PPS, 305/III/40, podt. I, k. 4, l. 3—4.
[219] «Głos Robotnika i Żołnierza», 12(25).IX 1917.

Главари корниловского заговора несомненно рассчитывали использовать в своих целях I Польский корпус не только «для поддержания порядка». В дни мятежа происходили подозрительные передвижения многих частей корпуса. В связи с этим Бобруйский Совет солдатских депутатов и Советы Гомеля, Карачева, Коростеня и других городов и железнодорожных станций своими решениями приостановили передвижения польских частей[220].

Польские рабочие и солдаты приняли деятельное участие в разгроме корниловщины. Одним из представителей большевиков в созданном при ЦИК Советов Комитете народной борьбы с контрреволюцией был Ф. Дзержинский[221]. Участвуя в этом комитете, большевики сохраняли полную самостоятельность политической линии партии и способствовали максимальной мобилизации сил и вооружению рабочего класса.

В Белгороде во главе созданного для борьбы с корниловщиной комитета защиты революции стал представитель Совета, председатель Белгородского комитета РСДРП(б) Я. Озембловский, а членами этого комитета были представитель полкового комитета Белгородского полка А. Цихоньский и др. Отряды, сформированные комитетом для защиты революции, взяли на себя охрану железной дороги на участке Курск—Харьков и охрану ряда ближайших городов[222].

Разгром корниловщины, которая потерпела полный крах перед лицом совместного выступления рабочих, солдат и крестьян, показал величайшие возможности революционных масс. Корниловское восстание, писал В. И. Ленин в статье «Русская революция и гражданская война», «представляло из себя поддержанный помещиками и капиталистами, с партией к.-д. во главе, военный заговор, приведший уже к фактическому началу гражданской войны со стороны буржуазии»[223]. Это начало гражданской войны «со стороны буржуазии никакой силы, никакой сознательности масс, никакой почвенности, никаких шансов на победу не обнаружило».

---

[220] ЦГАОР, ф. 511, оп. 1, д. 4, россыпь.
[221] А. Хацкевич. Солдат великих боев. Минск, 1961, стр. 149.
[222] A. Zatorski. Указ. соч., стр. 134—135.
[223] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 215.

Наоборот, практически действовавший в течение пяти дней, с 26 до 31 августа (8—13 сентября), союз всех сил демократии, союз большевиков с эсерами и меньшевиками против буржуазии дал «полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистской и кадетской контрреволюции, что гражданская война *с этой стороны* развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась без какого бы то ни было „боя“» [224].

Создалось положение, когда на революционной волне борьбы против корниловщины Советы опять могли мирно, без гражданской войны, взять власть в свои руки. Реализация редкой в условиях революции новой возможности мирного перехода власти от буржуазии к органам революционной демократии — Советам зависела от способности эсеров и меньшевиков пойти на союз с большевиками, на то, чтобы осуществить важнейшие требования народа: покончить с преступнейшей войной, дать крестьянству всю землю, национализировать все банки, установить рабочий контроль над производством.

Допуская возможность при сложившемся положении мирного взятия власти Советами, В. И. Ленин считал наиболее вероятным, что колебания меньшевиков и эсеров продолжатся, власти Советам они не передадут, Керенского не свергнут, аппарата государственной власти не заменят советским аппаратом, мира не предложат, с империализмом не порвут, земли помещиков не конфискуют. Тогда русский пролетариат завоюет победу в гражданской войне над буржуазией, «ибо такая победа одна спасет от мучительных колебаний, одна даст выход, даст землю, даст мир...

Не пугайте же, господа, гражданской войной: она неизбежна,— продолжал В. И. Ленин,— если вы не хотите рассчитаться с корниловщиной и с „коалицией“ теперь же, до конца,— то эта война даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, откроет верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата» [225].

---

[224] Там же, стр. 221—222.
[225] Там же, стр. 227—228.

Движение вперед русской революции явится помощью революции, назревающей внутри других европейских государств. В свою очередь, революционная борьба рабочих других стран явится резервом русской революции. «И русские Советы, союз русских рабочих и беднейших крестьян, стоят не одиноко в своих *шагах к* социализму, — писал В. И. Ленин—...Но у нас есть величайший резерв, армии более передовых рабочих в других странах, в которых разрыв России с империализмом и с империалистской войной неминуемо ускорит назревающую в них рабочую, социалистическую революцию»[225].

Та великая историческая перспектива возможности поддержки социалистической революции в России социалистической революцией в других странах, которую видел В. И. Ленин, тот величайший резерв, о котором он писал, что дали себя знать и в революционном интернационалистском участии польских рабочих и солдат в борьбе против корниловского заговора контрреволюции, в последующей борьбе за победу социалистической революции в России.

---

[226] В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 34, стр. 224.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Польские интернационалисты в Октябрьском вооруженном восстании

I

Польские интернационалисты в период непосредственной подготовки социалистической революции

Корниловщина, писал В. И. Ленин, многому научила. Она, как и весь ход революции, показала массам правильность пролетарского пути, необходимость поддержки пролетарской революции, она была жестоким уроком. Она дала возможность Советам «пойти дальше вождей эсеров и меньшевиков, обеспечивая этим мирное развитие революции... Наше дело,—продолжал В. И. Ленин,— помочь сделать все возможное для обеспечения „последнего“ шанса на мирное развитие революции, помочь этому изложением нашей программы, выяснением ее общенародного характера, ее безусловного соответствия интересам и требованиям гигантского большинства населения» [1].

Для того, чтобы обеспечить и ускорить использование возможности мирного развития революции, ЦК большевистской партии на своем расширенном заседании 31 августа (13 сентября) принял резолюцию «О власти». В тот же день эта резолюция, предусматривающая создание власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства и излагавшая основы ее деятельности, была оглашена большевистской фракцией ЦИК [2]. Совершая новое прямое предательство интересов народных масс, меньшевистско-эсеровское большинство ЦИК отвергло предложение большевиков и помогло удержаться у власти капиталистам и помещикам в лице Керенского и созданной им «директории».

Но весь процесс революционного развития, с огромной силой ускоренный корниловским покушением на революцию, обнаружил, что меньшевики и эсеры быстро теряют свои позиции в самих Советах. Уже в ночь на 1 (14) сентября собравшийся в Смольном пленум Петроградского Совета, отражая происшедший глубокий сдвиг в сознании масс, большинством в 279 голосов

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 230.
[2] «Рабочий», 1(14).IX 1917.

против 115 при 51 воздержавшемся принял ту же внесенную большевиками резолюцию о власти, которую несколькими часами раньше отверг ЦИК. Эта резолюция требовала создания правительства из представителей революционного пролетариата и крестьянства, правительства, которое немедленно предложит демократический мир народам всех воюющих государств, конфискует землю у помещиков и передаст ее в распоряжение крестьянских комитетов, введет рабочий контроль над производством и национализирует важнейшие отрасли промышленности, обложит высокими налогами крупные капиталы.

Принятие этой резолюции означало крутой поворот в развитии не только Петроградского Совета, но и в целом Советов как революционной институции: из органов, использовавшихся для прикрытия политики соглашательства, они превращались в органы пролетарской борьбы за власть, в органы пролетарской власти. Поэтому сама жизнь восстанавливала лозунг «Вся власть Советам!».

В новых условиях, сложившихся в связи с разгромом корниловщины, усилившихся размах социалистического по своему характеру движения рабочего класса, сливавшегося в единый революционный поток с мощным демократическим движением крестьянства и освободительным движением угнетенных народов, происходило дальнейшее укрепление руководящей роли рабочего класса, неизмеримо выросли авторитет и численность его революционного авангарда—большевистской партии. В этих условиях содержание лозунга «Вся власть Советам!» коренным образом изменилось по сравнению с предыдущим периодом, когда революционное движение руководствовалось этим же лозунгом: теперь он означал не установление революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, а непосредственную победу социалистической революции, установление диктатуры пролетариата.

О том, что развитие событий неотвратимо шло к социалистической революции, говорил и бурно расширявшийся, охватывавший все решающие центры страны процесс большевизации Советов.

Польские социал-демократы энергично способствовали большевизации Советов. «Местные Советы должны

как можно скорее перейти в руки трудящихся. Каждый должен своим голосом оказать помощь победе рабочих представителей... За кого голосовать? За социал-демократов большевиков и вместе с большевиками»,— писала «Трыбуна» еще в июле[3]. В центре и на местах, на заводах и в воинских частях польские социал-демократы неизменно следовали этой революционной и интернационалистской линии. Поэтому та же «Трыбуна», подводя первые итоги большевизации Советов, а также успехов большевиков на муниципальных выборах, в профсоюзных организациях и т. п., имела полное основание в корниловские дни заявить: «Последние выборы укрепили еще сильнее, чем до сих пор, узы братства, солидарности между польским и русским пролетариатом»[4].

О полной обоснованности этого утверждения говорило хотя бы то, что в новые и обновлявшиеся Советы вошли десятки рабочих и солдат-поляков, избранных их товарищами от заводов и фабрик и от воинских частей.

Солдаты 171-го пехотного запасного полка послали в Петроградский Совет Болеслава Петровского[5]; от рабочих патронного цеха Путиловского завода был избран Антон Валек[6]; от 1-й тыловой мотоциклетной мастерской в Совет вошел Юзеф Рат[7]; от рабочих фабрики «Кепбе» — Францишек Котусь-Янковский[8] и др. На заводе «Сименс-Шуккерт» среди кандидатов в депутаты Совета был Адам Кочаровский, собравший 472 голоса из 1650[9].

Тогда как в ходе большевизации в Советах Петрограда и других городов увеличивалось и количество польских социал-демократов, кандидаты ППС-левицы и ППС-«фракции» не встречали поддержки со стороны рабочего класса. Зная, что они не могут рассчитывать на успех, эти партии крайне редко выдвигали своих кандидатов. Но на судостроительном заводе имени Пет-

---

[3] «Trybuna», 1(14).VII 1917.

[4] Там же, 26.VIII(8.IX) 1917.

[5] Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (далее — ГАОРСС ЛО), ф. 7384, оп. 7, д. 20, л. 47.

[6] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 727, л. 96.

[7] ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 1, д. 21, л. 1.

[8] «Wspomnienia polaków-uczestników Wielkej socjalistycznej rewolucji Październikowej». Gdynia, 1957, str. 72.

[9] ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 1, д. 6, л. 7.

ра Великого в Петрограде, где было около 4 тыс. рабочих, ППС-«фракция», имея, видимо, какие-то основания ожидать благоприятных результатов выборов, выдвинула своего кандидата в Петроградский Совет. Этот кандидат во время тайного голосования собрал всего 63 голоса, тогда как за кандидатов, выдвинутых большевиками, подали голос 2293 избирателя[10].

Цепляясь за свое еще сохраняемое формальное большинство в ЦИК Советов, уже совершенно не соответствующее новой расстановке политических сил, соглашательские партии 2 (15) сентября провели через ЦИК решение о созыве так называемого Демократического совещания. Созывом этого совещания меньшевики и эсеры рассчитывали ослабить напор революционных сил, навязать стране некий суррогат буржуазного парламента, дать возможность окрепнуть расшатанной власти Керенского и затянуть созыв как II съезда Советов, так и Учредительного собрания.

ППС-левица вместе с меньшевиками-интернационалистами поддержала затею с созывом Демократического совещания. На заседании ЦИК 1 (14) сентября Ст. Лапиньский от имени меньшевиков-интернационалистов внес резолюцию, в которой хотя и резко осуждался корниловский заговор и действия буржуазии, но не содержалось ни одного из тех конкретных требований революционной демократии, которых было так много в ранее внесенной большевиками резолюции «О власти»[11].

Документ, аналогичный пролетарской резолюции, принятой 2 (15) сентября Петроградским Советом, 5 (18) сентября принял Московский Совет, затем подобные резолюции приняли Советы Киева, Саратова, Минска и многих других городов. В стране продолжалось бурное полевение рабочего класса и всей складывавшейся политической армии пролетарской революции.

Исходя из того, что большинство в обоих столичных Советах перешло к большевикам, «большевики,— писал В. И. Ленин в письме ЦК, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б), написанном 12—14 (25—

---

[10] ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 1, д. 6, лл. 60—60об.
[11] «Новая жизнь», 2(15).IX 1917.

27) сентября,— могут и *должны* взять государственную власть в свои руки»[12].

Вопрос, пояснял далее В. И. Ленин, идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле — то решит общий голос тех, кто *соприкасается* с рабочими и солдатами,— а о том, чтобы на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Петрограде и в Москве, завоевание власти, свержение правительства[13].

В другом документе, написанном примерно в те же дни, 13—14 (26—27) сентября,— в письме Центральному Комитету РСДРП(б) «Марксизм и восстание» — В. И. Ленин, указывая, что, только взяв власть, партия большевиков может спасти страну и революцию, обобщал и развивал марксистское учение о вооруженном восстании, устанавливал, что в России сложились все условия для того, чтобы восстание было успешным, и выдвинул примерный план проведения восстания[14].

15 (28) сентября ЦК партии обсудил письма В. И. Ленина и в противовес Каменеву, требовавшему их сожжения, решил разослать их в наиболее важные партийные организации для обсуждения[15].

Повсеместно ленинские письма воспринимались партийными организациями как призыв к развертыванию непосредственной подготовки для взятия власти Советами.

Обеспечению лучших условий для проведения становившегося необходимостью восстания была подчинена политическая тактика большевиков и польских социал-демократов на происходившем в Петрограде 14—22 сентября (27 сентября — 5 октября) Демократическом совещании.

Сделав все возможное для того, чтобы ослабить представительство рабочих и крестьянских масс в пользу мелкобуржуазных и буржуазных организаций, устроители совещания для того, чтобы как-то прикрыть свои махинации, предоставили право на участие в нем ряду национальных организаций. Поэтому польские социал-демократы, помимо участия в большевистской делегации,

---

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 239.
[13] Там же, стр. 240.
[14] Там же, стр. 242—247.
[15] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)...», стр. 55.

в которую входил Ф. Дзержинский, имели еще собственное представительство на совещании.

После того, как 18 сентября (1 октября) большевистская фракция огласила на совещании свою декларацию, 19 сентября (2 октября) СДКПиЛ получила, согласно действовавшему антидемократическому регламенту, 5 минут для изложения своей позиции. Выступив от имени СДКПиЛ, Ю. Уншлихт заявил о полной поддержке польской социал-демократией позиций революционной социал-демократии (т. е. большевиков) и Петроградского и Московского Советов и огласил от имени Исполнительного Комитета СДКПиЛ декларацию. В декларации говорилось о том, что польский пролетариат с самого начала войны стоял на антивоенных позициях, что он убедился в лживости измышлений об освободительных целях, которые пытался приписать себе каждый из воюющих империалистических блоков, что он с энтузиазмом встретил российскую революцию, так как понял, что эта революция является носительницей свободы. Польские трудящиеся массы, которых война забросила на восток, сплотились под знаменем российской революции. Но пока в России у власти стоит коалиционное правительство, задачи российской революции не могут быть решены. «Мы, польские социал-демократы,— говорилось в заключительной части декларации,— заявляем следующее: *Во главе русской революции должно стоять революционное правительство пролетариата и крестьянства, которое одно только способно повести борьбу за демократический мир среди народов, втянутых в водоворот войны; только такая власть может путем внутренних преобразований дать толчок развитию международной революции, торжество которой единственно гарантирует польским трудящимся массам общественно-социальное освобождение*».

Декларация Исполнительного Комитета СДКПиЛ, полный текст которой был опубликован революционной печатью [16], подтверждала, что в наступающий критический период развития революции сохраняется и углубляется полное единство позиций польского пролетариата в России с позициями и стремлениями всех российских рабочих и трудящихся крестьян. Об этом говорили мно-

[16] «Рабочий путь», 20.IX(3.X) 1917; «Trybuna», 23.IX(6.X) 1917.

гочисленные резолюции митингов и собраний, проводившихся в те дни на предприятиях и воинских частях Петрограда. На тех фабриках и заводах и в тех воинских частях, где был значительный контингент польских трудящихся, резолюции с требованием покончить с политикой войны, голода и насилия и создать ответственную революционную власть принимались с таким же единодушием, как и на других предприятиях.

Принимая необходимые подготовительные организационные меры, диктовавшиеся обстановкой, Петроградский комитет большевиков образовал еще 7 (20) сентября Исполнительную комиссию в составе 9 человек. Среди избранных тайным голосованием был один из руководителей Петроградской группы СДКПиЛ, Я. Фенигштейн (Долецкий) [17]. Видимо, к этому времени была восстановлена единая городская группа СДКПиЛ. Как указывалось в докладе секретаря ПК на 2-й Петроградской городской конференции, в июле 1917 г. в поисках лучших организационных форм группа (национальный район) СДКПиЛ разбилась было по территориальным районам [18]; к осени же возобновила свою деятельность и общегородская группа. Вхождение Я. Фенигштейна в Исполнительную комиссию ПК было свидетельством не только уважения к личному опыту польского революционера, но и выражением того, что между РСДРП(б) и СДКПиЛ существовало самое тесное органическое единство.

Проявлением этого единства и в то же время влияния СДКПиЛ на трудящихся-поляков было то, что в Екатеринославе 12 (25) сентября на общегородскую демонстрацию, всецело поддерживавшую лозунги большевиков, вышло 5 тыс. человек, тогда как местная группа Польского социалистического объединения, выступившая с позиций соглашательства и национализма, собрала всего 30 человек [19]. А в Харькове, где на промышленных предприятиях из-за саботажа предпринимателей сложилась особо напряженная обстановка, рабочие завода «Герлях

---

[17] «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.». М.— Л., 1927, стр. 267.

[18] «Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г.» М.— Л., 1927, стр. 9.

[19] «Trybuna», 7(20).X 1917.

и Пульст» одними из первых, 19 сентября (2 октября), арестовали дирекцию[20].

В соседнем Белгороде состоявшееся 14 (27) сентября заседание Совета рабочих и солдатских депутатов прошло под знаком твердого революционного сотрудничества солдат-поляков с русским революционным движением и их солидарности с преследуемыми деятелями международного пролетарского движения — В. И. Лениным, К. Либкнехтом, Дж. Маклином[21].

Общий процесс революционизации масс и изоляции и банкротства соглашательства давал себя знать в изменении позиций отдельных секций ППС-левицы и даже ППС-«фракции».

Московская секция ППС-левицы, которая на июньских выборах лишь высказывалась в поддержку большевиков, на сентябрьских выборах в районные думы уже шла вместе с большевиками[22].

Московская группа ППС-«фракции», в июне во время выборов в городскую думу выступившая с поддержкой списка меньшевиков-оборонцев, во время выборов в районные думы также высказалась за поддержку большевиков, а следовательно и, проходивших по их спискам польских социал-демократов: Б. Закса, Т. Магжика, Э. Прухняка, С. Лазоверта и др.

Отмечая сдвиг в позиции Московской группы ППС-«фракции», газета московских большевиков «Социал-демократ» писала, что важны не те несколько сот голосов, которые усилят большевистский список в результате поддержки его «фраками». Полнейший провал политики соглашательства с буржуазией и корниловщина «открыли глаза даже тем несознательным и одурманенным патриотизмом польским рабочим, которые идут до сих пор еще за ППС-правицей. Под давлением этих именно рабочих, несмотря на протест социал-патриотических вождей, решила правица голосовать за № 5. Меньшевики потеряли еще одного естественного союзника. Какой разброд в среде социал-оборонцев всех наций! Польские оборонцы

---

[20] В. Астахов, Ю. Кондуфор. Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября. Харьков, 1957, стр. 121.

[21] «Известия Белгородского Совета...», 22.IX(5.X) 1917.

[22] Совместную листовку МК РСДРП, Московской группы СДКПиЛ, Московской группы Социал-демократии Латышского края и Московской секции ППС-левицы см. в сб. «Листовки Московской организации большевиков. 1914—1925» (М., 1954, стр. 97).

принуждены голосовать за русских и польских злейших антиоборонцев»[23].

Но, несмотря на бурный процесс полевения рядовой массы, руководство ППС-левицы по-прежнему не занимало твердой позиции.

Выступая на Демократическом совещании, Ст. Лапиньский повторял меньшевистское утверждение о том, что в России может иметь место только буржуазная революция, хотя для ее полной победы вовсе не требуется участие самой буржуазии. Конечно, этим последним соображением Лапиньский шел гораздо дальше той мертвой схемы, которую отстаивали меньшевики и которая выражалась в их политике коалиции с буржуазией. К тому же Лапиньский весьма резко критиковал меньшевиков и эсеров за политику, проводившуюся ими в ЦИК Советов, и был против коалиции с буржуазными партиями. Очень важным в его выступлении было указание на то, что «развитие, будущность и успех русской революции являются для поляков таким же родным и кровным делом, как для русского пролетариата»[24].

Если в позиции ППС-левицы в том виде, в каком она была изложена на Демократическом совещании, весьма отчетливо проявляются интернационализм и резче прежнего критика в адрес соглашателей, то в то же время она еще раз подтверждала, что и накануне приближающейся решающей схватки между эксплуататорскими и эксплуатируемыми классами ППС-левица продолжала политику колебаний, политику, которая в сущности облегчала попытки меньшевиков и эсеров удержать развитие страны в рамках буржуазного парламентаризма.

Своим призывом к союзу пролетариата с «демократией», т. е. с соглашательскими партиями, полностью поддержали меньшевистско-эсеровский блок представители ППС-«фракции» на Демократическом совещании Ст. Плавский и К. Пужак. Критикуя Временное правительство, в частности за его сотрудничество с эндецией — «партией буржуазии и контрреволюции»,—они видели образец демократии в Центральной украинской раде и решительно противились установлению власти Советов. «Диктатура пролетариата,— утверждал Ст. Плавский,— в силу объективных условий сейчас невозможна». Он и

[23] «Социал-демократ», 24.IX(7.X) 1917.
[24] «Robotnik w Rosji», 27.IX(10.X) 1917.

К. Пужак неизменно повторяли избитый тезис всех оппортунистов о том, что Россия якобы не дозрела до пролетарской революции[25].

Ограниченность и убожество взглядов лидеров ППС-«фракции», совершенно не понимавших того, что после разгрома корниловщины развитие событий неотвратимо вело либо к диктатуре пролетариата, либо к диктатуре самых оголтелых сил контрреволюции, колебания руководства ППС-левицы наталкивались на растущее противодействие рядовых членов этой партии.

Московская секция ППС-левицы, делая новый шаг вперед в сторону сотрудничества с польской социал-демократией, решила направить своего представителя на назначенную было на 1 (14) ноября конференцию групп СДКПиЛ в России. Узнав об этом решении своей Московской секции, ЦИК ППС-левицы на заседании, происходившем 20 октября (2 ноября), постановил «не давать разрешения Московской секции на посылку делегата»[26]. Через три дня, в самый канун великих событий, Л. Пинкус в письме, направленном в Москву, решительно предостерегал секцию о недопустимости каких-либо приветствий в адрес конференции СДКПиЛ[27]. (Кстати сказать, сама эта конференция в связи с историческими событиями Октября не смогла состояться в первоначально назначенный срок и происходила много позднее, в январе 1918 г.). Резкое недовольство членов ЦИК ППС-левицы вызывало тесное сотрудничество на революционной платформе польских социал-демократов и членов ППС-левицы, входивших в Польское социалистическое объединение в Минске[28].

Но не одна лишь Московская секция ППС-левицы явно отходила от промежуточной, колеблющейся линии своего партийного руководства. Состоявшееся 8 (21) октября собрание Нижегородской секции ППС-левицы приняло решение, обязавшее членов партии «ради интересов польского пролетариата и во имя партийной дисциплины» участвовать в выборах в Учредительное собрание и голосовать за список большевиков[29]. Для повсе-

---

[25] «Głos Robotnika i Żołnierza», 13(26).X 1917.

[26] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 50.

[27] Там же, д. 35, л. 44

[28] Там же, д. 3, л. 52.

[29] «Интернационал». Орган Нижегородского окружного комитета РСДРП. 13(26).X 1917.

дневного контакта с большевиками секция выделила официального представителя[30]. В Харькове, несмотря на то, что в Учредительное собрание были выставлены кандидаты от меньшевиков-интернационалистов, составной частью которых фактически являлась ППС-левица, ее секция постановила на выборах голосовать за большевистских кандидатов[31]; в своей деятельности секция сближалась с местной группой СДКПиЛ[32]. В Киевской секции ППС-левицы острые противоречия вызывали вопросы, связанные с отношением к украинскому буржуазно-националистическому движению. Все более решительно против участия представителей партии в Центральной украинской раде и сотрудничества с украинскими социал-националистами выступало левое крыло группы во главе с Болеславом Ивиньским[33]. За этим крылом пошло большинство членов секции, а ее представитель в Малой раде Витольд Матушевский, не желая прислушиваться к велению времени, не желая мириться с ростом влияния большевиков, вышел из состава членов секции[34].

Если подобный переход в ряды противников революции был явлением совершенно единичным среди актива ППС-левицы, то отдельные ее секции все же продолжали выступать вместе с меньшевиками. Так было, в частности, в Перми, где во главе образовавшейся 23 июля (5 августа) секции находился видный деятель ППС-левицы, член ее Лодзинского и Белостокского комитетов Ст. Кулешиньский[35]. Революционизированию многих секций помешала позиция руководства этой партии. Правда, общий процесс созревания непосредственной революционной ситуации оказал некоторое влияние на

---

[30] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 49об.

[31] Там же, л. 51.

[32] R. Jabłonowski. Wspomnienia. 1905—1928. Warszawa, 1962, str. 195.

[33] Член ППС с 1905 г., затем видный деятель ППС-левицы. Б. Ивиньский после Февральской революции приехал в Россию из Франции, где ряд лет находился в эмиграции. Принимал участие в строительстве Советской власти на Украине; в 1918 г. вернулся на родину, где активно участвовал в объединении СДКПиЛ с ППС-левицей и образовании Коммунистической рабочей партии Польши. В декабре 1918 г. на I съезде избран кандидатом в члены ЦК КРПП. Умер в 1919 г. См.: «Z pola walki», 1958, № 1, str. 235.

[34] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 33, л. 2.

[35] «Robotnik w Rosji», 27.IX(10.X) 1917.

позицию ЦИК ППС-левицы: когда к середине октября завершился раскол в меньшевистской фракции Предпарламента и образовалась фракция меньшевиков-интернационалистов, представитель ППС-левицы Ст. Лапиньский уже не вошел в ее состав, а продолжал с ней сотрудничать лишь на правах «примыкающего»[36]. За несколько дней до революционного штурма, в напряженные предоктябрьские дни, Ст. Лапиньский, предупреждая в Предпарламенте, что русской революции грозит опасность не только со стороны кадетов, но и империализма Англии и Франции, добивающихся колонизации России и склоняющихся к заключению мира за ее счет, видел выход в том, чтобы правительство коалиции с буржуазией заменить правительством «демократии»[37], т. е. опять же правительством соглашения с буржуазией.

Но народные массы — рабочий класс, крестьянство, солдаты, угнетенные национальности — все решительнее требовали установления такой власти, которая совершит действительно демократический поворот в развитии страны. Объективно такой властью могла быть только власть Советов под руководством большевиков — единственной партии, имевшей реально обоснованную программу последовательного разрешения коренных политических и социально-экономических преобразований, назревших в России. Вместе с другими трудящимися все более широкие круги польских рабочих, солдат и крестьян, следуя призывам большевиков, польских социал-демократов, а также лучшей части деятелей ППС-левицы, становились под знамена революции.

Кипучей деятельностью были охвачены все группы СДКПиЛ. В Ростове-на-Дону на собраниях 9 (22) и 16 (29) августа были обсуждены вопросы о положении в Польше, о борьбе с национализмом и контрреволюцией и об отношении к ППС-левице[38]. Группа выдвинула требование о переходе власти в руки революционной демократии[39]. Екатеринославская группа СДКПиЛ выпустила в середине августа совместно с комитетом РСДРП(б) и литовской и латышской группами листовку, призывавшую поддерживать большевиков — единствен-

[36] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 47об.
[37] «Новая жизнь», 21.X(3.XI) 1917.
[38] «Trybuna», 9(22).IX 1917.
[39] Там же, 19.VIII(1.IX) 1917.

ную партию, состоящую из рабочих, солдат и бедных крестьян, которая на деле борется за интересы бедных классов[40]. Группа СДКПиЛ в Сартане, которая еще недавно допускала возможность поддержки меньшевиков, на деле показала, что это была временная, случайная ошибка: обсудив 9 (22) сентября положение, сложившееся в России, она пришла к выводу, что обострение экономического и политического кризиса, банкротство меньшевиков и эсеров создают почву для штурма со стороны пролетариата и деревенской бедноты в целях установления революционной диктатуры, которая принесет прочный мир и преобразует экономику в социалистическом направлении[41].

Идея штурма капитализма, идея пролетарской революции, вооруженного восстания овладевала польскими рабочими массами, выступавшими в общих рядах рабочего класса России.

Как и все большевики, польские социал-демократы вели усиленную агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу, связанную с осуществлением ленинского курса на подготовку вооруженного восстания. Одни за другими проходили собрания, митинги, лекции, на которых наряду с А. В. Луначарским, С. А. Лозовским, В. Володарским, Н. А. Скрыпником и другими участниками коллегии агитаторов и лекторов Петроградского комитета большевистской партии выступали входившие в эту же коллегию Мечислав Броньский, Казимеж Залевский, Станислав Пестковский, Якуб Фенигштейн (Долецкий), А. Радзишевский (Р. Арский) и другие польские социал-демократы. В сентябре и октябре 1917 г. их слушали и солдаты, и посетители клуба «Просвещение», и на Путиловском и Обуховском заводах, в Союзе рабочей молодежи Рождественского района, на военно-подковном заводе, в школе агитаторов при Нарвском райкоме РСДРП(б) и т. д.

Не менее значительным было участие польских социал-демократов в общепартийной печати. Их лучшие публицистические силы систематически выступали не только на страницах «Правды», но и в большевистской

---

[40] «Большевистские организации Украины в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (март — ноябрь 1917 г.)». Киев, 1957, стр. 500—502.

[41] «Trybuna», 23.IX(6.X) 1917.

газете «Солдат», сотрудником которой являлся Зб. Фаберкевич, и во многих других органах большевистской печати [42].

В возобновленном осенью 1917 г. большевистском журнале «Просвещение» наряду со статьями В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» и «К пересмотру партийной программы» были напечатаны статьи Р. Арского и К. Залевского. Всем своим духом, своей направленностью они подтверждали ленинский анализ обстановки, его утверждение, что большевики могут взять власть, удержать эту власть, что не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, если они не дадут себя запугать, удержать власть до победы всемирной социалистической революции [43].

В работе «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин, показывая несостоятельность адвокатов буржуазии из «Новой жизни», писал, что по коренным вопросам для мелкобуржуазных масс населения России — национальному и аграрному вопросам — пролетариат имеет за собой большинство народа. Широкая масса населения угнетенных наций, т. е. масса мелкой буржуазии, «доверяет пролетариату России больше, чем буржуазии, ибо на очереди дня история поставила здесь борьбу угнетенных наций против угнетающих за освобождение. Буржуазия подло предала дело свободы угнетенных наций, пролетариат верен делу свободы» [44].

Набросок того, как будущее революционное пролетарское правительство конкретно разрешит национальный вопрос, попытался дать К. Залевский в статье «Национальный вопрос в России», помещенной в журнале «Просвещение». В основе его представлений о национальных взаимоотношениях лежало то, что они будут основываться на дружбе и добровольном союзе свободных народов, составляющих Россию. Создав такой союз свободных, ставших на путь социализма народов, «Рос-

---

[42] В газете «Солдат» были опубликованы статьи Зб. Фаберкевича «Выход из финансового тупика», «Капиталисты о финансах» и др. См.: «Солдат», 13(26).IX и 22.IX(5.X) 1917 и др. Статьи польских социал-демократов печатались осенью 1917 г. также в большевистских журналах «Вперед», «Работница», «Вопросы страхования», «Город и земство» и др., а также в «Летописи», в газете «Новая жизнь» и в ряде других изданий, выходивших на русском языке.

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 333.

[44] Там же, стр. 299.

сия сыграет колоссальную мировую революционную роль и будет стоять на страже социалистической революции на Западе и демократической — на Востоке»[45].

Предвидя великую историческую роль революционной России, К. Залевский, который глубже и правильнее, чем многие другие деятели СДКПиЛ, воспринимал ленинскую постановку национального вопроса, писал о современной Польше как о стране, практически отделенной от России и переживающей в борьбе против оккупантов процесс государственного становления[46]. В отношении Польши и всех других народов — тех, которые останутся непосредственно в составе будущей пролетарской России, или тех, которые сложатся в отдельные самостоятельные государства,— главная задача пролетариата, считал К. Залевский, будет состоять в обеспечении взаимопонимания, союза и сотрудничества народов.

Не во всем еще уяснив и усвоив ленинскую, большевистскую трактовку национального вопроса, не сумев в области теоретического мышления вырваться, как то удалось К. Залевскому, из плена старых и неверных догм в отношении польского вопроса, польские социал-демократы в России своим беззаветным служением пролетарской революции практически преодолевали, не осознавая, свои ошибочные взгляды, так как вся их деятельность, отданная делу революции, была направлена, в частности, именно на претворение в жизнь ленинской программы и в национальном вопросе.

Идя плечом к плечу с большевиками, польские социал-демократы, все подлинно революционные и интернационалистские силы, вне зависимости от степени понимания ими объективных результатов их борьбы, фактически боролись за полное социальное и национальное освобождение всех народов России. Перед этим революционным союзом стояли тем более важные задачи, что над Россией нависала угроза потери политической независимости и расчленения ее империалистическими державами при содействии буржуазного Временного правительства, предавшего интересы России.

Не располагая силами для удушения революции, Временное правительство, подготовляя вторую корниловщину, в то же время замышляло разоружить Крон-

[45] «Просвещение», № 1—2, сентябрь-октябрь 1917, стр. 132.
[46] Там же, стр. 133.

штадт, погубить Балтийский флот, обнажить Северный фронт и сдать Петроград германскому империализму, чтобы руками германской военщины разгромить русскую революцию. Одним из наиболее откровенных проявлений изменнических замыслов Временного правительства было открытое обсуждение буржуазной печатью планов эвакуации Петрограда в связи с якобы неизбежным захватом его немцами. Как то доказывала полная бездеятельность английских подводных лодок при занятии немецким флотом острова Эзель и выходе немецких кораблей на морские подступы к Петрограду, изменнические планы Временного правительства разделялись в какой-то мере союзниками России, у которых вызревали стремления к сделке с Германией за счет России[47]. Союзники России ценой ее раздела искали путь к разгрому революции и к компромиссу с Германией[48]. Пролетарская революция в России становилась национальной необходимостью, только она могла обеспечить спасение России от заговора, осуществить все насущные требования трудового народа и угнетенных национальностей и проложить им путь к светлому будущему.

Революция назревала со дня на день. Страна переживала углублявшийся общенациональный кризис. Налицо была революционная ситуация: народные массы не хотели жить по-старому, правящие классы не могли ни править по-старому, ни приостановить нарастание революции. Рабочий класс, массы трудового крестьянства осознали необходимость взятия власти. С рабочим и крестьянским движением смыкалось освободительное движение угнетенных наций.

Одно за другим проходили собрания польских социал-демократов в Московском, Нарвском и других районах Петрограда[49]. И всюду в повестке дня стоял один и тот же вопрос: текущий момент, т. е. момент подготовки к взятию власти.

25 сентября (8 октября) на общегородском собрании Петроградской группы СДКПиЛ были поставлены отчетные доклады Ю. Лещиньского и Ю. Уншлихта о Москов-

---

[47] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 347—348.

[48] А. В. Игнатьев, А. Е. Иоффе. Международная обстановка накануне Октября.— «Вопросы истории», 1962, № 11.

[49] «Рабочий путь», 16(29).IX, 29.IX(12.X) 1917 и др.

ском государственном совещании[50]. Не может быть сомнения, что в напряженные, полные революционного накала дни эти выступления содержали рассказ об августовской стачке московского пролетариата, о провале корниловского мятежа и необходимости подготовки к взятию власти пролетариатом.

Из своего заключения продолжал помогать общему делу М. Козловский: в «Трыбуне» появилось его письмо, изобличавшее недопустимые приемы следствия по «делу» большевиков. Разобрав одно за другим восемь наиболее гнусных показаний, приобщенных следствием к «делу», он констатировал, что следствие ведется крайне тенденциозно, нисколько не ставя целью выяснение истины, и представляет собой «совершенно определенный способ политической борьбы с революционной социал-демократией...»[50а].

Появление в «Трыбуне» 23 сентября (6 октября) письма М. Козловского примерно совпало с окончанием работы образованной ЦК партии комиссии для расследования обвинений, выдвинутых буржуазной прессой в июльские дни против М. Козловского. Комиссия в составе А. Коллонтай, П. Стучки, М. Броньского 25 сентября (8 октября) представила в ЦК свое заключение, в котором, рассмотрев все выдвинутые против М. Козловского обвинения устанавливала, что они лишены всякого основания[50б].

На следующий день, 26 сентября (9 октября), П. И. Стучка направил письмо в ЦК большевистской партии с просьбой пересмотреть ранее вынесенное ЦК решение не печатать письмо М. Козловского из тюрьмы в центральном органе партии. 29 сентября (11 октября) ЦК партии принял решение опубликовать в ЦО письмо М. Козловского, взяв выдержки из текста, опубликованного в «Трыбуне»[50в].

Через несколько дней центральный орган большевистской партии газета «Рабочий путь» — в те дни под этим названием выходила преследуемая Временным правительством большевистская «Правда» — опубликовала аналогичное письму М. Козловского письмо из тюрьмы,

---

[50] «Рабочий путь», 22.IX(5.X) 1917.
[50а] «Trybuna», 23.IX(6.X) 1917.
[50б] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 29, лл. 11—14.
[50в] Там же, лл. 1 и 3.

поступившее от Ф. Раскольникова[50г], и надобность в перепечатке письма М. Козловского сама собой миновала.

Поведение М. Козловского в тюрьме, его письмо, напечатанное в «Трыбуне», служили общему делу борьбы против Временного правительства.

Неизменно выступая против буржуазно-помещичьего Временного правительства и полностью разделяя курс большевистской партии на пролетарскую революцию, СДКПиЛ вместе с большевиками выступала за немедленный созыв II съезда Советов и за выборы в Учредительное собрание. Борьба за созыв Учредительного собрания, всячески оттягивавшийся правящими кругами, облегчала разоблачение контрреволюционной природы Временного правительства и его меньшевистско-эсеровских союзников и помогала изживанию некоторых парламентских иллюзий у масс. 28 сентября (11 октября) «Рабочий путь» опубликовал список кандидатов в Учредительное собрание, предлагаемых ЦК РСДРП(б). В этом списке вместе с фамилиями других видных деятелей партии значились имена Ф. Дзержинского, Ю. Лещиньского и Ю. Уншлихта[51]. Вслед за тем ЦК партии сообщил, что имя Ф. Дзержинского должно стоять на первых местах в партийных списках в избирательных округах Киева, Витебска, Минска, Могилева, Екатеринослава[52]. Спустя несколько дней был опубликован список членов большевистской партии, рекомендованный местными организациями для проведения в Учредительное собрание; в этом списке находились также Ст. Бобиньский, М. Варшавский (Броньский), Я. Фенигштейн (Долецкий)[53].

В особом списке кандидатов Исполнительного Комитета групп СДКПиЛ, рекомендованных ЦК РСДРП (б) местным организациям, помимо всех вышеперечисленных лиц, значились деятель Московской группы Бернард Закс и деятель Киевской группы СДКПиЛ Ипполит Фиалек[54]. В списке № 4 кандидатов в Учредительное собрание по Петроградскому столичному избирательному

[50г] «Рабочий путь», 12(25).X 1917.

[51] Там же, 28.IX(11.X) 1917.

[52] Там же, 30.IX(13.X) 1917.

[53] Там же, 5(18).X 1917.

[54] «Trybuna», 7(20).X 1917. И. Фиалек был гласным Киевской городской думы (см.: «Голос социал-демократа», 27 июля ст. ст., 1917).

округу, совместно выдвинутом ЦК, Военной организацией, ПК РСДРП(б), Комитетом Социал-демократии Польши и Литвы и ЦК Социал-демократии Латвии, открывавшемся именем В. И. Ленина, девятой (из общего числа 18) была кандидатура Юзефа Уншлихта[55]. В списке № 5 кандидатов в Учредительное собрание по городу Москве, рекомендованном МК большевиков, московскими группами СДКПиЛ и социал-демократами Латышского края и Московской организацией Социал-демократии Литвы, также открывавшемся именем В. И. Ленина, среди 14 кандидатов значился Ст. Будзыньский; по Московской губернии одним из кандидатов большевиков был Ст. Бобиньский[56].

На местах в списки кандидатов в депутаты Учредительного собрания также вносились и деятели местных организаций польской социал-демократии. По Псковскому избирательному округу, например, в списке № 6, совместно выдвинутом Псковским комитетом РСДРП(б), большевистской фракцией Исполнительного комитета Совета, профсоюзом металлистов, Эстонской организацией РСДРП, СДКПиЛ и Социал-демократией Латышского края, среди 12 кандидатов, помимо двух польских социал-демократов, выдвинутых центральными партийными органами,— Ю. Лещиньского и М. Варшавского (Броньского) — был также Здислав Шириньский, член СДКПиЛ с 1904 г., солдат, секретарь Исполнительного комитета Псковского Совета рабочих и солдатских депутатов[57]. По Черниговскому избирательному округу одним из кандидатов большевиков был Ю. Лещиньский, по Волынскому — Ю. Уншлихт[58]. В списке кандидатов от большевиков по Киевской губернии были за № 3— Ф. Дзержинский, за № 4— И. Фиалек[59].

Среди 10 кандидатов в Учредительное собрание, выдвинутых конференцией большевиков Крыма, четвертым был Ян Тарвацкий[60]. Среди большевистских канди-

[55] «Солдат», 15(28).X 1917.

[56] «Деревенская правда». Орган Московской военной организации РСДРП. 14(27).X 1917.

[57] «Псковский набат». Орган Псковского комитета РСДРП(б), 27.X(9.XI) 1917.

[58] «Пролетарская мысль». Орган Киевского Совета рабочих депутатов... 6(21).XI 1917.

[59] Там же, 19.XI (2.XII) 1917.

[60] «Борьба за Советскую власть в Крыму». Симферополь, 1957,

датов по избирательному округу Западного фронта был член Исполнительного комитета 2-й армии, польский социал-демократ, член СДКПиЛ с 1904 г., делегат V съезда РСДРП Францишек Гжельщак (в дальнейшем известный под именем Марцина Гжегожевского)[61]. Харьковская губернская конференция РСДРП(б) 3 (16) октября решила в список кандидатов в Учредительное собрание включить одного представителя от поляков[62] и т. д.

Пытаясь «занять» народные массы видимостью преобразований, отвлечь их от назревшей задачи непосредственного штурма капитализма, Демократическое совещание образовало Предпарламент (Временный совет республики). Созданием Предпарламента правые и соглашательские элементы стремились создать видимость установления в России парламентского строя. Но чтобы в самом деле не оказаться перед чем-то, подобным парламенту, Временное правительство ограничило Предпарламент лишь совещательными функциями. Среди 66 кандидатов в Предпарламент, выставленных большевиками, были и Ф. Дзержинский, и Ю. Лещиньский[63]. В. И. Ленин, считавший ошибкой то, что большевики дали отвлечь себя на такое недостойное занятие, как сидение в Демократическом совещании и выслушивание эсеровской и меньшевистской гнилости вместо того, чтобы идти на фабрики и в казармы, решительно высказался за то, чтобы бойкотировать Предпарламент[64]. В соответствии с указаниями В. И. Ленина и решением ЦК большевистской партии представители большевиков 7 (20) октября на первом же заседании Предпарламента огласили декларацию, разоблачавшую антинародную политику правительства и его попытку прикрыться призраком парламентаризма, и покинули Предпарламент. К декларации присоединились два польских социал-демократа, участники Предпарламента, входившие в Предпарламент не как представители большевистской партии: представитель 2-й армии Западного фронта Францишек

стр. 290, а также: «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Март — октябрь 1917 г.)». М., 1957, стр. 314.

[61] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 19, лл. 1—4.

[62] «Большевистские организации Украины...», стр. 479.

[63] «Рабочий путь», 28.IX(6.X) 1917.

[64] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 253—263.

Гжельщак (Марцин Гжегожевский) и представитель СДКПиЛ Ю. Уншлихт, которые вместе со всей большевистской фракцией оставили Предпарламент[65].

В рабочем классе все больше росло возмущение эсеро-меньшевистской политикой прикрытия контрреволюции демократическими совещаниями и предпарламентами, политикой подлогов и обманов. На многих предприятиях принимались резолюции, разоблачавшие происки соглашателей и призывавшие готовиться к созыву нового съезда Советов и переходу к Советам всей власти.

Подобного рода резолюцию приняли и рабочие эвакуированного в Москву Варшавского арматурного завода[66]. В Екатеринославе Совет совместно с заводскими и полковыми комитетами, в составе которых было немало польских пролетариев, принял большевистскую резолюцию и высказался за то, чтобы новый съезд Советов установил единственно революционную власть[67]. Местная группа СДКПиЛ (Польский район), как и группы польской социал-демократии в других городах, принимала деятельное участие во всей агитационно-пропагандистской и организаторской работе большевиков. Учитывая значение агитации на родном языке, екатеринославские большевики установили отчисления польской и другим национальным группам от сборов средств в фонд избирательной кампании, с тем чтобы эти средства расходовались на издание литературы на соответствующих языках[68].

Повсеместно проявлялась революционная готовность к борьбе за новую жизнь, за новую власть.

Со своей стороны, прикрываясь Предпарламентом, контрреволюция во главе с Временным правительством лихорадочно готовилась к удару по крепнущим силам пролетариата. В расчетах контрреволюции по-прежнему существенное место отводилось I Польскому корпусу и другим польским по составу частям и подразделениям.

После разгрома корниловщины польская контрреволюция пыталась взять своего рода реванш путем орга-

---

[65] «Trybuna», 27.X(9.XI) 1917.

[66] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 4(17).X 1917.

[67] «Известия Екатеринославского Совета рабочих и солдатских депутатов», 3(16).X 1917.

[68] «Звезда» (Екатеринослав), 19.X(3.XI) 1917.

низации карательной экспедиции против Белгородского запасного полка. Довбор-Мусьницкий добивался предания суду членов полкового комитета и по меньшей мере удаления из полка П. Боревича, М. Яцкевича и 36 других революционно настроенных офицеров[69]. Польская буржуазная печать изображала белгородчиков как предателей и немецких наймитов. Свой голос в защиту белгородчиков подала «Трыбуна», выступившая со статьей Ю. Лещиньского, изобличавшей врагов революционных солдат[70].

Полковой комитет обратился через Главный военный комитет (левицы) к военному министру с просьбой о преобразовании полка в дивизию, которая будет находиться в составе русской армии и иметь внутреннее устройство, аналогичное с устройством ее частей[71].

По требованию полкового комитета Белгородского полка и Главного военного комитета (левицы) вопрос о враждебных полку действиях командования I Польского корпуса обсуждался в конце сентября Бюро ЦИК Советов. Опасаясь авантюристических замыслов контрреволюционного командования корпуса и связанных с ним представителей Антанты, Бюро ЦИК высказалось за то, чтобы включить польские воинские части в общую систему русской армии, распространить на все польские части права, предоставленные солдатам русской армии, и общевойсковое самоуправление, распустить Начполь, отстранить от командования генерала Довбора и других реакционных офицеров и т. д.[72]

Вслед за тем 30 сентября (13 октября) военный отдел ЦИК обратился в политическое управление военного министра с требованием о включении польских воинских частей в общую систему русской армии, распространения на все польские части таких же прав, как и у солдат русской армии, и общевойскового самоуправления, демократизации командного состава польских частей, отстранения от командования генерала Довбор-Мусьницкого. Военный отдел считал нужным освободить польские части от «всякого воздействия частноправовой организации т. н. „Верховного Польского

---

[69] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 341, лл. 90—91.
[70] «Trybuna», 14(27).X 1917.
[71] «Dziennik Narodowy». Pietrograd, 10(23).IX 1917.
[72] «Известия ЦИК...», 1(14).X 1917; «Trybuna», 30.IX(13.X) 1917.

Военного Комитета" [т. е. Начполя.— *А. М.*], объединяющего реакционные элементы и присвоившего при содействии генерала Корнилова особые правительственные функции в отношении польских частей и действующего через генерала Довбор-Мусьницкого...»[73]

Но ни Керенский как глава правительства и военный министр, ни сам меньшевистско-эсеровский ЦИК практически ровным счетом ничего не сделали для обуздания польских корниловцев. Единственная принятая военным министром мера свелась к тому, что, не имея возможности уклониться от выполнения рекомендаций следственной комиссии Московского военного округа[74], он своим приказом 30 сентября (13 октября) изъял Белгородский полк из подчинения командиру I Польского корпуса[75].

Не только Белгородский запасный полк открыто стал против польской и русской контрреволюции — в других польских по составу частях и подразделениях росли революционные настроения. Солдаты-поляки, которых реакционные офицеры побуждали переходить в польские части, упорно противились такой «полонизации». Нередки были случаи, когда, отказываясь вступать в польские части, пока они служат орудием реакции, польские солдаты заявляли о своей полной готовности «идти рука об руку с русской социал-демократической рабочей партией»[76]. Только в хронике одного дня газета меньшевистско-эсеровского большинства ЦИК Советов «Голос солдата» была вынуждена сообщить: расположенная в Вязьме польская рота прислала делегацию в военное министерство с заявлением о нежелании солдат быть под командой Довбор-Мусьницкого; в Сызрани польская рота самовольно избрала ротный комитет и направила своих представителей в Совет рабочих и солдатских депутатов; из Быхова польские солдаты запросили, как им поступить, так как у них не допускается организация комитетов и действует старый воинский устав; в польской роте, расквартированной в Дерябинских казармах Петрограда, солдаты протестуют против недо-

---

[73] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 9, лл. 31—31об.
[74] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 162, лл. 76—77.
[75] Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 341, л. 94.
[76] «Социал-демократ», 30.IX(13.X) 1917.

пущения создания комитетов и соблюдения старого устава и т. д.[77]

В письме, присланном в «Деревенскую правду» из Зубцова Московско-Виндавской железной дороги солдат, подписавшийся «поляк-большевик», сообщал о жестоком режиме, существующем в польских частях, об угнетении солдат офицерами. «Долго ли господа польские помещики и буржуи, вся эта черная рать, с таким рвением помогавшая Корнилову, будет сидеть на шее томящегося на чужбине, тоскующего о родной земле польского мужика и рабочего?» — спрашивал автор письма и, обращаясь к таким же, как он, солдатам, призывал :«Проснитесь, товарищи! Освобождение в ваших руках! Русские революционные солдаты помогут своим братьям»[78].

Нежелание солдат-поляков связывать себя с чуждым им делом польской контрреволюции, складывавшиеся у них убеждения, что формирование войск противоречит стремлению армии к миру, срывало все планы комплектования I Польского корпуса и создания других корпусов. 29 сентября (12 октября) Довбор жаловался ставке, что с Западного фронта пришло в корпус лишь $^2/_5$ того количества солдат, которое фронт должен был выделить[79]; через несколько дней он сообщал, что вместо 7800 солдат, необходимых по штату для артиллерийских частей корпуса, прибыло лишь около 1000[80]; на Юго-Западном фронте согласились перейти в I Польский корпус лишь 2652 пехотинца против 12 тыс., предусмотренных по полученной разверстке[81], и т. д.

Причины этого Довбор с полным основанием видел в первую очередь в революционной агитации, которая велась среди солдат-поляков[82]. Нет сомнения, что революционно-просветительную работу среди них проводили армейские большевики. Недаром, например, командир 29-го корпуса докладывал 7 (20) сентября командующему 9-й армией, что в корпусе, насчитывавшем в своем составе много солдат-поляков, «появилась

---

[77] «Голос солдата», 7(20).X 1917.
[78] «Деревенская правда», 26.X(8.XI) 1917.
[79] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 328, л. 216.
[80] Там же, л. 218.
[81] Там же, ф. 2067, оп. 1, д. 2990, л. 687.
[82] Там же, ф. 2203, оп. 2, д. 341, л. 216.

подпольная агитация, внушающая солдатам большевистские идеи», и что борьбу с этими идеями ведет правление Союза поляков-военнослужащих [83]. В октябре Довбор обратился к военному министру А. И. Верховскому с жалобой на то, что «на узловых станциях в районе расположения польских войск действуют какие-то агитаторы...» [84]

«С целью привлечения элемента действительно благонадежного» Довбор в октябре же возбудил ходатайство о допущении в состав I Польского корпуса поляков из числа военнопленных, предлагая зачислять их с теми же чинами и званиями, в каких они состояли на германской и австрийской службе [85]. Верховное главное командование русской армии отнеслось с одобрением к этому плану вовлечения вчерашнего противника в боевые силы контрреволюции [86]. Довбор и Начполь тотчас же представили список, в котором числилось 58 офицеров германской и австрийской армий, которых предполагалось в первую очередь включить в состав корпуса [87].

Не только военный центр польской контрреволюции, но и ее политический центр — Польский совет межпартийного объединения — продолжали самую энергичную деятельность. Руководители этого совета наносили визиты иностранным послам, побывали у министра иностранных дел Временного правительства, широко распространяли документы с изложением своих взглядов на решение польского вопроса [88]. Нисколько не обескураженные разгромом корниловщины, воодушевленные той поддержкой, которую западные державы оказали Польскому национальному комитету в Париже, связанному тесными отношениями с Польским советом [89], наиболее реакционные элементы польской буржуазии в России пошли на обострение отношений с либерально-демокра-

---

[83] ЦГВИА, ф. 2203, оп. 2, д. 341, л. 209.

[84] Там же, л. 230.

[85] Там же, лл. 214—214об.— Следует заметить, что до устранения реакционного командования в Белгородском полку состояла группа австрийских офицеров-военнопленных. См.: ЦГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 162, л. 76.

[86] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 341, л. 215.

[87] Там же, л. 131.

[88] «Новая жизнь», 9(22).IX 1917.

[89] M. Seyda. Polska na przełomie dziejów, t. II. Poznań, 1931, str. 172—173.

тическими кругами, группировавшимися вокруг Ликвидационной комиссии. Эндеки отвергли предложение последних о создании совета при председателе Ликвидационной комиссии, опасаясь, что тем самым будет умалено значение комитета в Париже и Польского совета в Петрограде[90]. Когда им стало известно, что А. Ледницкий все же представил на утверждение Временного правительства состав совета при председателе Ликвидационной комиссии, то Вл. Грабский, Е. Здзеховский и другие крайне правые заявили о выходе из Ликвидационной комиссии[91].

Разрыв эндеков с Ликвидационной комиссией вовсе не исключал того, что между представителями обоих основных буржуазных направлений прекратились тайные переговоры о сделке, о соглашении и консолидации сил в борьбе против революции. Но одно из двух главных конкурировавших направлений польской буржуазии порешило, что, обеспечив себе позиции в Париже, Лондоне и Вашингтоне, оно может более развязно вести себя в Петрограде. К тому же, по мере того, как в условиях роста революционного движения в оккупированном Королевстве Польском обострялись отношения между оккупантами и пилсудчиками, там же происходило сближение между оккупационными властями и эндеками.

В сентябре рескриптами германского и австрийского кайзеров в Королевстве Польском был учрежден новый орган власти — Регентский совет, призванный выполнять ограниченные функции под общим наблюдением оккупационных властей. В состав этого Регентского совета вошли три лица, в прошлом тесно сотрудничавшие с царской администрацией, в том числе князь Здислав Любомирский, в 1914 г. являвшийся одним из руководителей царефильского Центрального гражданского комитета в Варшаве. Эндеки как в самой Польше, так и за ее пределами, в России и на Западе, стали утверждать, что новым актом центральные державы сделали шаг вперед к признанию независимости Польши. Разоблачая игру эндеков, Ю. Лещиньский писал, что их мало смущает, что эта «независимость» находится в немецких клещах. Польский пролетариат, продолжал он, осуждая

---

[90] «Dziennik Narodowy», 28.IX(11.X) 1917.
[91] Там же, 23.IX(6.X) 1917.

сделку польских собственнических классов с тиранами и фальшь буржуазной фразеологии о независимости, «пойдет своей собственной дорогой к освобождению Польши из ярма неволи и насилия. Пойдет дорогой международной революции!»[92]. Создание Регентского совета, указывала «Трыбуна», означает блок польской буржуазии и Габсбургами и Гогенцоллернами для защиты интересов собственнических классов Польши и Германии от российской революции[93].

Располагая значительными позициями в лагере Антанты, сблизившись своей частью, оставшейся в Польше, и с другим из воюющих лагерей, эндеки пренебрежительно отнеслись к предложениям либеральных кругов о создании единого координирующего и исполнительного польского органа, который охватил бы все польские комитеты, комиссии, общества и т. п., действовавшие в России и на Западе. Но они охотно сотрудничали с либеральными элементами при разработке планов, направленных на упрочение позиций буржуазии: страх перед российской революцией, расчет на то, что победа любой из воюющих сторон более выгодна польской буржуазии, чем продолжение деятельности в революционной России, побуждали польские деловые круги в России заняться вопросом о подготовке к перенесению своей деятельности в Польшу. С этой целью стали разрабатываться планы эвакуации принадлежавших польскому капиталу промышленных предприятий в Польшу. Для инициаторов этой затеи речь шла вовсе не о восстановлении экономики страны, не столько пострадавшей от эвакуации в 1915 г., сколько от последующей политики оккупантов, а о новом источнике наживы, который польская буржуазия рассчитывала найти в возложении на русское правительство расходов по реэвакуации, компенсаций за утерянное и изношенное оборудование, компенсаций за потери эвакуированного населения и т. п.[94] При этом, конечно, совершенно не имелся в виду учет той доли в военных прибылях, которая досталась польским капиталистам, орудовавшим в России.

---

[92] «Trybuna», 9(22).IX 1917.
[93] Там же, 16(29).IX 1917.
[94] «Dziennik Narodowy», 18(31).X 1917.

Разрыв эндеков с Ликвидационной комиссией, конечно, не распространялся на ту сферу деятельности этой последней, которая была связана с обеспечением интересов польских имущих классов.

Сама Ликвидационная комиссия, как и другие учреждения Временного правительства, вела мелкую, незначительную работу, главное и основное содержание которой состояло в защите интересов имущих классов.

Скудная деятельность этого порождения верхушечных комбинаций польской и русской буржуазной демократии сводилась к «глубокомысленным» заключениям вроде того, что в существующих условиях содержание варшавского генерал-губернатора и его помощника по полицейской части, поскольку они никаких служебных функций не исполняют, не является целесообразным [95] или что в связи с ликвидацией варшавских правительственных театров может быть упразднено управление театров, все служащие которого продолжали получать жалованье [96].

Рассматривая вопросы о ликвидации за полной ненадобностью ряда правительственных учреждений, эвакуированных в свое время из Польши, Ликвидационная комиссия в первую очередь заботилась о том, чтобы увольняемые чиновники получали из средств государства выходное пособие в размере полуторного годового оклада, включая не только основное жалованье, но и столовые, квартирные и другие надбавки [97]. Не забывала Ликвидационная комиссия и тех членов царской администрации, которые остались по тем или иным причинам по ту сторону фронта: А. Ледницкий просил министра финансов препроводить в распоряжение магистрата оккупированной врагом Варшавы 3 млн. рублей для выплаты пенсий, прекращенной, естественно, со времени австро-германской оккупации Королевства Польского; кроме того, его чрезвычайно беспокоило, что оставшиеся в Польше служащие эвакуированных предприятий не получают жалованья [98]. Отсутствие взаимных симпатий между руководителями Ликвидационной комиссии и польскими помещиками, конечно, не помешало Ледниц-

[95] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1440, л. 72.
[96] Там же, л. 169.
[97] Там же, лл. 192—193.
[98] «Вестник Временного правительства», 1(14).VI 1917.

кому обратиться к Керенскому с письмом об опасности, создаваемой крестьянскими выступлениями против польского помещичьего землевладения [99].

Ликвидационная комиссия и доминировавшие в ней либеральные элементы, понимая, что со вступлением США в войну на стороне Антанты возросли шансы на победу последней над Германией, не упускала возможности расширения контактов с западными державами. Она стремилась сохранить и расширить связи, установленные с США через посла в Петрограде Д. Френсиса и возглавлявшего американскую экономическую миссию сенатора Рута [100]. А. Ледницкий в письме к политическому деятелю и пианисту Игнацию Падеревскому, оказывавшему значительное влияние на политику США в польском вопросе, стремился заинтересовать США возможностью создания в Варшаве американского банка [101]. Это не помешало ему повторно отправиться в Стокгольм в августе для весьма секретных переговоров с пронемецкими кругами [102].

Меньше всего Ликвидационная комиссия занималась теми, кто в наибольшей мере нуждался в помощи,— беженцами. Всероссийский съезд делегатов беженцев, проводившийся в сентябре правительственными инстанциями, еще отчетливее, чем ранее, выявил, что после низвержения самодержавия практически ничего не изменилось в деятельности беженских организаций, продолжавших игнорировать нужды бедноты. Приводившиеся на съезде сведения о том, что, к примеру, «беженцы» из среды польской аристократии получали ссуды и пособия баснословных размеров (графине Красинской было выдано 117 тыс. рублей, графине Езерской — 170 тыс. рублей, графу Корвин-Косаковскому — 366 тыс. рублей и т. п.), подтверждали принятую съездом резолюцию, в которой указывалось, что помощь беженцам продолжает бесстыдно использоваться в целях наживы буржуазных «благодетелей» [103]. Съезд был

---

[99] «Dziennik Narodowy», 13(26).IX 1917.

[100] 24 июня (7 июля) А. Ледницкий имел встречу с Френсисом и Рутом. См.: «Echo Polskie», 25.VI(8.VII) 1917.

[101] L. Grosfeld. Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji 1917—1919. Warszawa, 1956, str. 48.

[102] «Новая жизнь», 12(25).VIII 1917.

[103] Там же, 8(21) и 10(23).IX 1917.

вынужден констатировать, что остались невыполненными принятые еще в апреле 1917 г. решения о демократизации беженских организаций и ликвидации тех из них, которые носят антиобщественный характер [104].

Однако не следует думать, что безрезультатность политики польских либералов привела к потере ими политического влияния. То, что в дни корниловщины как либералы, так и все течения польской буржуазной демократии выступили против русской и польской контрреволюции, то, что они осуждали авантюризм эндеков, шовинизм и клерикализм, продолжало привлекать к ним симпатии довольно широких кругов польской интеллигенции в России, мелкой и средней польской буржуазии. О росте влияния буржуазно-демократических элементов свидетельствовало появление 1 (14) сентября большой ежедневной газеты «Дзенник народовы», начавшей выходить вместо «Дзенника петроградзкого». Редактором-издателем новой газеты был пилсудчик, руководитель петроградской комендатуры тайной Польской военной организации Фр. Скомпский.

В начале октября в Петрограде состоялся II польский «демократический съезд», собравший примерно 200 делегатов от различных либеральных течений и групп. Среди других съезд приветствовала делегация от белгородчиков [105]. 8 (21) октября, на третий день работы «демократического съезда», к нему присоединилось примерно 100 делегатов собравшегося тогда же съезда деятелей людовского, крестьянского движения. Людовское движение в России было еще более бесформенным, чем многие организации буржуазных либералов и демократов. В этом движении участвовали радикальные элементы, прислушивавшиеся к аграрной программе большевиков, а также левых эсеров, и умеренные элементы, представлявшие интересы зажиточного крестьянства, и элементы, отражавшие взгляды кулачества. К сожалению, история польского людовского движения в России накануне Октябрьской революции за отсутствием доступных источников совершенно не изучена. Пока лишь можно сказать, что общим для людовцев и буржуазных демократов было признание того, что

---

[104] ЦГИАЛ, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 337.
[105] «Dziennik Narodowy», 11(24).X 1917.

Польша должна стать независимым государством, располагающим свободным выходом к морю и имеющим демократическое устройство. Людовцы решительнее буржуазных демокртов выступали против существования польской армии вне страны [106]. Но на «демократическом съезде» проявились сильные тенденции к сближению с правовыми кругами, что нашло выражение в согласии на сведение поляков-военнослужащих в особые части и в рекомендации Начполю и Главному польскому военному комитету (левицы) преодолеть разделяющие их противоречия [107]. Новым председателем Демократического комитета был избран Александр Венцковский.

Сумел несколько окрепнуть и провести свой съезд и Национальный рабочий союз, издавна развращавший трудящихся шовинистической, антисемитской, клерикальной, контрреволюционной пропагандой [108].

Обилие весьма активных политических течений и группировок различных оттенков и направлений, действовавших среди польского населения России, продолжало порождать особые трудности на пути сплочения всех подлинно демократических и революционных польских элементов, к чему стремилась СДКПиЛ. Если достаточно просто было объяснить рабочим, солдатам, беженцам полную противоположность их интересов политике эндеков и других правых партий, то много сложнее была задача высвобождения из-под влияния буржуазных демократов, пилсудчиков, социал-националистов, социал-клерикалов или людовцев той части трудящихся, которая прислушивалась к ним и их поддерживала или следовала за полным колебаний курсом лидеров ППС-левицы в России. Но подлинная народность, последовательная революционность позиций СДКПиЛ, ее единство с большевистской партией все более повышали роль и влияние польской социал-демократии в массах польских трудящихся России.

Организации СДКПиЛ все в большей мере отдавали себе отчет в необходимости проведения самой широкой работы не только среди рабочих и беженцев, но и в армии, среди поляков-военнослужащих. Московская группа СДКПиЛ, в частности, обратилась 23 сентяб-

---

[106] «Dziennik Narodowy», 7(20), 10(23), 13(26).X 1917.
[107] «Kwestja wojska polskiego», str. 216—217.
[108] «Echo Polskie», 13(26).IX 1917.

ря (6 октября) к Московскому Совету солдатских депутатов с просьбой предоставить группе, по примеру Московского Совета рабочих депутатов и ЦИК, место в Исполнительном комитете Совета солдатских депутатов. «Нам необходимо вести упорную и чрезвычайно трудную борьбу среди военнослужащих-поляков против националистической агитации польской буржуазии и польского офицерства»,— говорилось в обращении, которое от имени группы подписал ее секретарь Э. Прухняк. Стремясь связать работу СДКПиЛ в войсках московского гарнизона и Московского военного округа с деятельностью Совета солдатских депутатов, группа указывала, что предоставление ей мандата в Исполнительном комитете Совета «облегчит нам не только технически нашу работу, но одновременно будет внешним выражением единства польской и русской революции и нашего революционного братства...» Непосредственные переговоры с Советом солдатских депутатов группа возлагала на Ст. Бобиньского, являвшегося в то время членом Исполнительного Комитета Московского Совета рабочих депутатов[109].

Вскоре одним из видных деятелей Совета солдатских депутатов стал Ст. Будзыньский. Призванный в сентябре в армию в связи с приказом Временного правительства о мобилизации амнистированных политических заключенных, он был зачислен в 55-й запасной полк, находившийся в Ходынском лагере. Вместе с группой солдат-большевиков он развернул успешную деятельность, способствовавшую переходу полка на большевистские позиции. Солдаты устранили эсеров из полкового комитета и избрали в его состав Ст. Будзыньского и других большевиков[110]. 55-й запасной полк твердо стал на сторону разворачивавшейся социалистической революции. Ст. Будзыньский был избран в Московский Совет солдатских депутатов; это избрание явилось одним из проявлений бурного процесса большевизации Советов.

Ст. Будзыньский («Традиция») неоднократно упоминался в списке постоянных сотрудников начавшей выходить в Москве 4 (17) октября газете «Деревенская

---

[109] «Октябрь в Москве. Материалы и документы». М.— Л., 1932, стр. 118—119, а также: ГАОРСС МО, ф. 684, оп. 4, д. 39.

[110] Ст. Будзиньский. Октябрьские дни в Москве.— «Пролетарская революция», № 10(69), 1927, стр. 183—193.

правда» — органе Московской военной организации РСДРП(б). В день, когда в Петрограде уже победила революция, в газете появилась за подписью «С. Традиция» статья «Братание солдат и рабочих». В этой статье Ст. Будзыньский рассказывал, как в годовщину убийства Н. Э. Баумана, павшего от руки черносотенца 18 октября 1905 г., солдаты и рабочие почтили память выдающегося большевика. Собравшиеся на Ваганьковском кладбище 5 тыс. человек, «став на колени, торжественно поклялись охранять союз рабочих и солдат и идти по стопам тов. Баумана, бесстрашно стремясь к тем идеалам и мечтам, к которым он стремился и в борьбе за которые погиб»[111]. Сам Ст. Будзыньский делал все для того, чтобы упрочить дружбу и революционное сотрудничество солдат московского гарнизона с московским пролетариатом.

В целях усиления работы среди поляков-военнослужащих СДКПиЛ приступила к созданию своей военной организации, подобно той, какую партия большевиков создала еще весной 1917 г. Организационное собрание военной группы СДКПиЛ в Петрограде было назначено на 6 (19) октября[112].

Хотя организации СДКПиЛ вели все еще недостаточную работу в армии, но революционная и интернационалистская позиция польских социал-демократов, их единство с большевиками побуждали передовых польских солдат самим искать связей с организациями СДКПиЛ. Солдаты 54-й инженерной рабочей дружины, сообщив из действующей армии, что на собрании 14 (27) октября они решили войти в состав СДКПиЛ, просили: «Только не забывайте о нас, товарищи»[113]. Многие солдаты-поляки либо вступали непосредственно в партию большевиков, либо создавали поддерживавшие большевиков военно-политические организации. В Одессе, например, возник Польский революционный военный клуб, стоявший на позициях большевистской партии[114]. В Ростове-на-Дону при группе СДКПиЛ образовалась особая группа военнослужащих-поляков[115]

---

[111] «Деревенская правда», 26.X(8.XI) 1917.
[112] «Trybuna», 30.IX(13.X) 1917.
[113] «Trybuna», 20.X(3.XI) 1917.
[114] ГАОО, ф. 3829, оп. 1, д. 17, л. 540.
[115] «Trybuna», 12(25).VIII 1917.

Если группы СДКПиЛ в целом по-прежнему были еще слабо связаны с польскими по составу воинскими частями, то связи польской социал-демократии с польскими рабочими непрерывно расширялись. Идейно-политическое влияние СДКПиЛ далеко выходило за рамки партийных организаций.

Весьма успешно вела широкую политическую и организационную работу Московская группа СДКПиЛ. Она выступала энергичным помощником большевиков при проведении весьма ответственной кампании по выборам в московские районные думы. В совместном с МК РСДРП(б) и латышской организацией обращении группа призывала членов партии отдать все силы тому, чтобы обеспечить победу большевистских кандидатов, организовывать для этой цели митинги по фабрикам, мастерским, казармам, обходить улицы и жилые дома [116].

В списках кандидатов, выдвинутых партией большевиков, польские избиратели находили имена издавна известных им самоотверженных тружеников революции: тут были Эдвард Прухняк — в Преображенском районе, Бернард Закс и Станислав Будзыньский — в Калужском, Самуил Лазоверт — в Лефортовском, участник II и V съездов СДКПиЛ и V (Лондонского) съезда РСДРП, многократно за революционную деятельность арестовывавшийся и ссылавшийся царизмом на каторгу и в ссылку Томаш Магжик, являвшийся членом фабрично-заводского комитета одного из предприятий Москвы,— в Симоновском районе, член СДКПиЛ с 1899 г., член Ченстоховского комитета СДКПиЛ Адам Ягодзиньский — в Сущевско-Марьинском районе и т. д. [117] В день выборов газета московских большевиков с удовлетворением писала, что «самая влиятельная среди польских масс, наша Московская группа Социал-демократии Польши и Литвы», постаралась, чтобы польские избиратели голосовали за списки большевиков [118].

Польские избиратели — рабочие, солдаты, неработавшие беженцы — внесли свою лепту в выборы, закон-

---

[116] «Социал-демократ», 21.IX(4.X) 1917.

[117] «Ведомость комиссариата Московского градоначальства. Список кандидатов на выборах в районные думы 24 сентября 1917 г.» М., 1917.

[118] «Социал-демократ», 24.IX(7.X) 1917.

чившиеся огромным успехом большевиков. На выборах эсеры и меньшевики собрали всего 18 процентов голосов против 70, полученных ими в июне при выборах в городскую думу, а большевики — 47 процентов вместо 11, поданных за них летом. «Это голосование на выборах в районные думы в Москве,— писал В. И. Ленин в статье «Кризис назрел»,— является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении»[119]. Глубина и размах этого поворота были тем более существенными, что Москва была более мелкобуржуазна, чем Петроград, в большей мере, чем столица, отражала деревенские настроения. Теперь, считал В. И. Ленин, победа восстания обеспечена и имеется техническая возможность взять власть в Москве, «которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью»[120].

В том, что Москва оказалась рядом с Питером, не в малой степени сказалась широта работы большевистской партии и ее национальных групп среди того национального резерва, который составляли многие десятки тысяч сосредоточенных в Москве и губернии выходцев из Польши, из литовских и латышских земель. Уделяя большое внимание положению этих групп населения, защите их интересов и правильному их представительству во всех органах, московские большевики выдвигали кандидатов от временного населения, являвшегося постоянным классовым союзником, не только в Советы и думы, но даже на выборах в Московское уездное земство: среди 57 кандидатов от большевиков в это учреждение было 4 лица, представлявших специально польских беженцев[121].

Внимание к нуждам беженцев, широкая политическая работа среди них позволили московским большевикам констатировать после выборов в районные думы, что массы беженцев выступают как естественные союзники большевиков, так как они «только в нашей партии находят искренних и действительных друзей. Выборы в Московскую городскую и районные думы доказали эти симпатии к нам...». Газета московских большевиков обраща-

---

[119] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 278.
[120] Там же, стр. 282.
[121] «Социал-демократ», 22.VIII(4.IX) и 23.VIII(5.IX) 1917.

ла внимание на необходимость распространения среди польских беженцев листовок, «изданных нашей польской группой» — Московской группой СДКПиЛ[122].

Важнейшую роль в организации и просвещении польских трудящихся масс продолжала играть «Трыбуна». Все шире и глубже становился круг вопросов, неизменно освещаемых на ее полосах. Корреспонденции из различных концов России, хроникальные сообщения о жизни отдельных групп польской социал-демократии, польских рабочих, солдат, беженцев говорили о связи газеты с широким активом, формировавшимся на местах. Идейно-политическому воспитанию этого актива, проходившему революционную школу главным образом в самой практике ожесточенной классовой борьбы, способствовали обстоятельные, глубоко и в то же время доступно написанные статьи выдающихся партийных публицистов, постоянно печатавшихся в «Трыбуне».

Весьма важное значение для правильного понимания польскими трудящимися ряда сложных вопросов, систематически, из поколения в поколение извращавшихся костелом, школой, буржуазной наукой, имела опубликованная газетой серия статей М. Броньского «Польский вопрос в исторической эволюции».

Доказывая несостоятельность утверждения, будто падение Польши и ее разделы в XVIII в. явились лишь результатом экспансии соседей Польши или были только порождены «польским непорядком», М. Броньский объяснял читателям особенности экономического и политического развития страны, при котором феодальная Польша не консолидировалась в единое централизованное государство, а ее натиск на соседей с востока лишь ослабил страну. Попытки прогрессивных преобразований, имевшие место в конце XVIII в., не могли вывести страну из состояния кризиса и упадка, так как они не имели целью изменение основ существовавшего строя и проводились без опоры на народ[123]. В условиях разделов страны и чужеземного господства происходили мучительные процессы политического и экономического развития, складывались и крепли капиталистические отношения, а сама польская буржуазия, особенно в Королевстве Польском, оказалась тесно связанной с угнетатель-

---

[122] «Социал-демократ», 7(20).X 1917.
[123] «Trybuna», 23.IX(6.X) 1917.

скими режимами [124]. С начала первой мировой войны польские господствующие классы в каждой из польских земель выступили в полном единстве с правительствами захватчиков, господствовавших в соответствующих частях страны. Они продолжали политику «ориентации», связывавшую их либо с царизмом, либо с центральными державами [125]. Лишь после Февральской революции, в результате революционной борьбы рабочих России, открылись перспективы для решения польского вопроса. Но его будущее лежит не в создании национального Польского государства, так как — ошибочно писал М. Броньский, повторяя обычные утверждения люксембургианцев,— в период империалистического развития нет места для устройства национальных дел. Русская революция, поскольку она прорвет фронт империализма и явится прологом к социалистической революции в Западной Европе, открывает путь к такому решению вопроса, на которое способен только пролетариат. Задачей революционной социал-демократии всех стран, а в первую очередь Польши, является помощь в деле превращения русской революции в международную революцию [126].

Конечно, если несостоятельность некоторых важных положений заключительной статьи из этой серии статей М. Броньского и ослабляла их воздействие, то все же главные и основные положения, проходившие красной нитью через всю его работу, способствовали формированию правильных представлений у широких кругов польских трудящихся в России, лишь приобщавшихся к сознательной политической жизни. Эти положения состояли в разоблачении ряда националистических предрассудков, связанных с неверным представлением об отсутствии внутренних причин развала Польши в XVIII в. и о единстве всех социальных групп польского народа в вопросах независимости, в разъяснении непримиримости классового антагонизма, противопоставляющего пролетариев и всех трудящихся угнетательским классам своей нации. Большое значение имело разъяснение единства классовых и национальных интересов польских трудящихся с интересами трудящихся других

---

[124] «Trybuna», 30.IX(13.X) 1917.
[125] Там же, 7(20).X 1917.
[126] Там же, 21.X(3.XI) 1917.

стран, в первую очередь — России, где решались судьбы революции, судьбы всего человечества.

О высокой ответственности польских трудящихся за судьбу российской революции, о их священной обязанности способствовать делу победы русского пролетариата неизменно писали в многочисленных статьях Ю. Лещиньский, Зб. Фаберкевич, Ст. Бобиньский и многие другие постоянные сотрудники «Трыбуны», ведя неустанную борьбу за дело пролетарской революции.

Не всегда, правда, «Трыбуна» проявляла необходимую оперативность. Не только ограниченность размера еженедельника, выходившего на четырех полосах небольшого формата, но, возможно, и недооценка повышенной чувствительности польских трудящихся к вопросам отечественной истории привела к тому, что «Трыбуна» прошла мимо большой пропагандистской кампании, проводившейся буржуазными кругами всех направлений и ориентаций в связи с исполнявшимся в сентябре 1917 г. столетием со дня смерти национального героя польского народа Тадеуша Костюшко. Кульминацией этих празднеств, проводившихся всюду, где было польское население, явилось заседание в Петрограде, где епископ Цепляк, председатель ликвидационной комиссии А. Ледницкий, министр иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко, послы Англии, Италии, США, Франции не жалели усилий для того, чтобы представить свои правительства и всю Антанту чуть ли не душеприказчиками Костюшко, якобы борющимися за осуществление именно тех идеалов, которым он служил [127].

В связи с большой шумихой вокруг имени Костюшко, поднятой буржуазными кругами, «Трыбуна» выступила со статьей, в которой довольно убедительно показала, как все фракции и котерии польской буржуазии спекулируют дорогим каждому поляку именем героя борьбы американского народа за независимость и руководителя первого польского освободительного восстания. Как эндеки, так и пилсудчики, справедливо писала газета, не наследники, а губители костюшковских традиций. Легионы Пилсудского и эндецкие вооруженные силы представляют собой вспомогательные отряды империалистических захватчиков, и борьба их не имеет ничего общего с

[127] ЦГВИА, ф. 11, оп. 1, д. 3962, л. 49.

борьбой за национальное освобождение: ни буржуазия, ни шляхта не наследовали Костюшко. Ограниченность социальной программы Костюшко привела к тому, что польский пролетариат не мог принять костюшковского наследства, писала «Трыбуна».

Явно недооценивая значение великой освободительной традиции, заложенной костюшковской эпопеей, «Трыбуна» в то же время выражала глубокое уважение к личности самого Костюшко[128].

Пожалуй, удачнее и правильнее на эту знаменательную годовщину откликнулись польские социал-демократы Москвы. Созданный по их инициативе совет делегатов от поляков-беженцев Москвы единогласно принял резолюцию по случаю 100-летия со дня смерти Костюшко. Опубликованная в газете «Социал-демократ» за подписью Томаша Магжика, председателя совета, резолюция устанавливала, что шумиха, поднятая буржуазными партиями вокруг имени Костюшко, представляет собой замаскированную игру, связанную с вербовкой в польские войска, и имеет целью «создать вокруг эгоистической политики имущих классов легенду демократизма, легенду национального единства». Польский пролетариат извлекает из движения времен Костюшко следующие уроки: «*во-первых,* аграрный и крестьянский вопросы, которые во времена Костюшко не могли быть разрешены благодаря эгоизму и классовым предрассудкам шляхты, должны быть ныне разрешены в том смысле, что *все земли польских помещиков перейдут в собственность народа.*

Во-вторых: как Костюшко боролся не только за свободу Польши, но и за свободу других, так и для польского пролетариата нет другого места, как в рядах российской и европейской революции...»[129]

Как видим, московские социал-демократы сумели не только дать правильную оценку характера затей буржуазных деятелей вокруг имени Костюшко, но и показали, что его идеалы близки интересам рабочего класса, всего народа, которые одни только и могут добиться подлинного решения главных задач, оставшихся нерешенными во времена Костюшко: аграрного и национального вопросов. Оборачивая спекуляции буржуазии вокруг

[128] «Trybuna», 7(20).X 1917.
[129] «Социал-демократ», 3(16).X 1917.

имени Костюшко против самой буржуазии и раскрывая подлинный смысл существующей в народе костюшковской традиции, Магжик и его товарищи отмечали ее революционный смысл, ставя эту традицию на службу интересам народа, делу революции.

Однако возвратимся к обзору «Трыбуны».

Среди материалов, опубликованных в газете, особое внимание читателей должно было привлечь обстоятельное письмо, присланное из тюрьмы М. Козловским. Арестованный в результате произвола и чудовищной клеветы, М. Козловский выступал в своем письме, о котором уже шла речь, как грозный обвинитель, убедительно разоблачавший уловки, комбинации и обман, к которым прибегали следственные органы, лишь бы только не дать провалиться направленной против В. И. Ленина новой «дрейфусиады». Не удивительно, что соответствующие инстанции, охотно выпускавшие под залог многих вынужденно арестованных ими заговорщиков-корниловцев, категорически отклонили просьбу об освобождении под залог М. Козловского[130], который и в тюрьме умел оставаться деятельным и опасным для контрреволюции.

Газета польской социал-демократии оперативнее и действеннее, чем раньше, в коротких заметках откликалась на измышления и фальшивки русской и польской буржуазной и соглашательской печати. Приветствуя сам факт появления первого номера газеты эвакуированных железнодорожников[131], «Трыбуна» с явным беспокойством отмечала то направление, которое придавали своему органу руководители польских железнодорожников, оказавшиеся на одних позициях с правым крылом общероссийского союза железнодорожников.

Уделяя внимание разоблачению политических происков клерикалов, газета разъясняла своим читателям смысл мирной инициативы папы Бенедикта XV, обнародовавшего послание «Мир вам!» Долгое время ксендзы и епископы благославляли войну, благославляли сражающиеся армии, писала «Трыбуна», если теперь папа выступает с призывом к миру, то только для того, чтобы вырвать дело мира из революционных рук. Империалисты не последуют призыву папы, «а рабочий класс будет бороться за прочный мир, построенный на развалинах

[130] «Dziennik Narodowy», 20.IX(8.X) 1917.
[131] «Głos Kolejarzy Ewakuowanych», 10(23).X 1917.

империализма, с которым призывает жить в согласии апостольская столица. Только на пути этой борьбы лежит «Pax alterna» — подлинный мир между людьми»[132]. Не один раз возвращаясь к папскому посланию и к реакции на него правительств различных стран, Ю. Лещиньский гневно разоблачал на страницах «Трыбуны» «полную цинизма и лицемерия» политику наживающегося на крови народов американского империализма[133].

Естественно, что центральное место в газете занимали материалы, связанные с политикой империалистических держав в польском вопросе, с борьбой польского народа против немецко-австрийских оккупантов, с борьбой польских трудящихся в России против польской и русской контрреволюции, за победу социалистической революции в России, за социальное и национальное освобождение польского народа.

Для повышения действенности газетного слова, для более оперативной борьбы против буржуазной и социал-националистической прессы возникла необходимость чаще выпускать «Трыбуну». В корниловские дни в газете появилось сообщение, что редакция предполагает выпускать газету два раза в неделю. Для этого требовалось 10 тыс. рублей; с призывом о сборе средств газета обратилась к своим читателям.

Средства в фонд «Трыбуны» поступали непрерывно. Время от времени газета печатала сведения о взносах — крупных и малых суммах, присылавшихся отдельными лицами, небольшими группами и целыми коллективами, поддерживавшими свою боевую газету. За сентябрь и октябрь, лишь по опубликованным в «Трыбуне» сведениям, в ее фонд поступило 4027 руб. 59 коп.; из этой суммы (что заслуживает быть отмеченным специально) 1383 руб. 80 коп. поступило от рабочих Путиловского завода и других предприятий Нарвского района[134]. Следовательно, один из опорных пунктов большевистской партии — район, разделявший вместе с Выборгским районом честь быть авангардом питерского пролетариата, являлся также одним из опорных пунктов польской социал-демократии.

---

[132] «Trybuna», 12(25).VIII 1917.
[133] Там же, 26.VIII(8.IX) 1917.
[134] Там же, 19.VIII(1.IX), 16(29).IX, 14(27).X 1917

Как и раньше, неизменную поддержку своему польскому собрату оказывала большевистская печать. Орган Военной организации при ЦК РСДРП(б) поместил специальную статью, в которой рассказал русским солдатам о польской революционной газете и отметил недопустимость того, что польские народные массы, не знающие русского языка, вынуждены пользоваться буржуазной печатью, так как их газета из-за недостатка средств выходит только один раз в неделю. «Русские рабочие, которые в короткий промежуток времени сумели создать себе мощную ежедневную печать, не оставят без революционной духовной пищи своих братьев — польских рабочих и крестьян»,— писала газета. Вслед за статьей о «Трыбуне» редакция «Солдата» поместила призыв: «Товарищи рабочие! Помощь польским рабочим — их рабочей газете — это наша святая обязанность. Не поможем мы — никто не поможет рабочим-полякам»[135]. Центральные и местные органы большевистской печати более или менее систематически помещали сообщения о выходе очередных номеров «Трыбуны» и условиях подписки на нее, центральный орган партии продолжал собирать средства в ее фонд[136].

Плодотворная деятельность «Трыбуны» существенно помогала развертыванию партийной работы, сближала, связывала между собой группы СДКПиЛ, облегчала единство их деятельности, способствовала росту организаций польской социал-демократии и их неизменному единству с большевистской партией.

В конце лета — начале осени 1917 г., в условиях резко обострившегося общенационального кризиса и широкого строительства партийных и различных массовых революционных организаций сложилось большое число новых групп СДКПиЛ.

22 августа (4 сентября) состоялось организационное собрание новой группы СДКПиЛ в Курске — городе, где ранее специально польскими делами занимались только члены ППС-«фракции»[137].

В связи с политическим банкротством Польского социалистического объединения в сентябре 1917 г. организовалась группа СДКПиЛ в Самаре, насчитывавшая

---

[135] «Солдат», 14(27).X 1917.
[136] «Пролетарий» (Петроград), 24.IX(7.X) 1917.
[137] «Trybuna», 9(22).IX 1917.

первоначально 25 членов[138]. В деятельности этой группы принимал участие один из старейших членов СДКПиЛ, Мариан Плохоцкий. В молодости он принимал участие в транспортировке через границу ленинской «Искры»[139].

В начале осени образовалась группа СДКПиЛ в Воронеже[140]; в октябре, порвав с Польским социалистическим рабочим союзом, образовали свою группу, насчитывавшую свыше 200 членов, польские социал-демократы Одессы[141]; в адресных списках групп СДКПиЛ, время от времени печатавшихся в «Трыбуне», к Царицынской, Краматорской, насчитывавшей 200 членов[142], Любимовской (Екатеринославской губернии) и другим в октябре прибавились адреса Александровской и Запорожско-Каменской (Екатеринославской губернии), Гомельской, Смоленской, Молодечненской, Симферопольской групп СДКПиЛ[143]. В Каменском, например, после распада Польского социалистического объединения за создание группы СДКПиЛ высказалось 116 человек, против — 92[144]. Уже в сентябре 1917 г. Каменская группа насчитывала 350 членов и была одной из самых многочисленных групп СДКПиЛ в России[145].

В Царицыне первоначально нелегальная польская пролетарская группа сложилась еще в 1916 г. на Франко-русском заводе. После Февральской революции эта группа начала широкую легальную деятельность. В мае 1917 г. большинство ее участников твердо стало на сторону большевиков, а 14 (27) сентября 1917 г. оно сложилось в общегородскую группу СДКПиЛ. Одним из руководителей группы являлся Станислав Коханьский, член районного комитета РСДРП(б), домбровский шахтер в прошлом. Как представитель группы он вошел в состав Царицынского комитета РСДРП[146].

---

[138] «Trybuna», 14(27).X 1917 и 19.II 1918.

[139] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 717, лл. 119—120; М. Плохоцкий. Годы подполья в Польше. М., 1933, стр. 99—100.

[140] «Trybuna», 21.X(3.XI) 1917.

[141] ЦПА ИМЛ, ф. 70 оп. 2, д. 826, л. 164—167.

[142] «Trybuna», 8(21).VII 1917.

[143] Там же, 21.X(3.XI) 1917.

[144] «Звезда» (Екатеринослав), 27.X(9.XI) 1917.

[145] «Trybuna», 18.V 1918.

[146] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 717, л. 47, а также: ф. 63, оп. 1, д. 523, л. 4.

Когда в октябре в Омске произошло размежевание в местной, до того объединенной, организации РСДРП, группа СДКПиЛ, выступавшая на правах районной организации российской социал-демократии, целиком пошла вместе с большевиками[147].

В начале сентября в Тулу приезжали Ст. Бобиньский и Ст. Будзыньский. Оба они выступали на митинге, устроенном местной группой СДКПиЛ, а первый из них, кроме того, прочел две лекции и опубликовал в местной большевистской газете статью об интернационализме СДКПиЛ и ее единстве с РСДРП(б)[148].

7 (20) октября в Смоленск на II губернскую конференцию большевиков в качестве представителя от Московского областного бюро партии приезжал Ст. Бобиньский. В своем докладе по текущему моменту он «дал полную картину положения вещей» и «предложил ожидать директив из Москвы на случай вооруженного выступления»[149].

Можно предположить, что, как и ранее, при поездке в Тулу Ст. Бобиньский помог и местной группе СДКПиЛ. Вероятно, именно при поездке в Смоленск Ст. Бобиньский посетил также Оршу. Сообщение о его успешном выступлении на митинге имеется в письме оршанских большевиков в ЦК РСДРП(б)[150].

В начале ноября (н. ст.) образовалась группа СДКПиЛ в Луганске[151]. Ее оформлению помог приехавший из Ростова П. Жук. Он выступил перед польскими интернационалистами Луганска с докладом «О задачах польского пролетариата в текущий момент».

14 (27) октября ИК групп СДКПиЛ в России опубликовал извещение, в котором уточнялась дата созыва конференции групп СДКПиЛ — ее открытие назначалось в Москве на 1 (14) ноября[152]. В том же номере газеты, в котором было опубликовано это извещение, сообщался новый адрес редакции «Трыбуны»: она пере-

---

[147] «Trybuna», 29.III 1918.

[148] «Пролетарская правда» (Тула), 29.VIII(11.IX) и 10(23).IX 1917.

[149] «Большевики Смоленщины до Октября 1917 года. Сборник документов». Смоленск, 1961, стр. 257.

[150] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)...», стр. 327.

[151] «Trybuna», 25.XI(8.XII) 1917.

[152] Там же, 14(27).X 1917.

ехала в Смольный институт — штаб подготовлявшейся пролетарской революции.

Еще 2 (15) октября состоялось новое общее собрание Петроградской группы СДКПиЛ. Польским социал-демократам предстояло выслушать доклад Я. Фенигштейна о деятельности Петроградской организации большевиков и обсудить также вопрос о беженцах[153].

7—11 (20—24) октября происходила III Петроградская общегородская конференция. В ее работе участвовал ряд польских социал-демократов: Я. Фенигштейн и Я. Здзехович — от Петроградской группы СДКПиЛ. Ю. Уншлихт — от редакции «Трыбуны», Кароль Кадлубовский — от Второго городского района и др.[154] Я. Фенигштейн выступил на конференции с докладом о выборах в Учредительное собрание и указал на необходимость усиления организационной и агитационной работы среди населения[154а].

В день открытия конференции В. И. Ленин нелегально возвратился в Петроград для непосредственного руководства подготовкой к взятию власти пролетариатом. Он тотчас же пишет «Письмо Питерской городской конференции. Для прочтения на закрытом заседании», в котором выражает убеждение, что «между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен *заговор* об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким путем*», и указывает, что вопрос о восстании ставится на очередь[155]. В соответствии с ленинскими предложениями конференция заявила о необходимости замены правительства Керенского рабоче-крестьянским революционным правительством, ибо только такое правительство может передать землю крестьянам, вывести страну из войны и разрухи. В решениях конференции подчеркивалось, что «мы переживаем канун массового пролетарского восстания», и выражалась твердая уверенность, что это восстание будет победоносным. Конференция приняла ряд решений, в том числе и о Красной гвардии, утвердила список кандидатов

---

[153] «Рабочий путь», 28.IX(11.X) 1917; «Trybuna», 30.IX(13.X) 1917.

[154] «Вторая и третья Петроградские общегородские конференции...», стр. 127—129.

[154а] Там же, стр. 115—116.

[155] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 347.

в Учредительное собрание по Петроградскому избирательному округу, среди которых был и Ю. Уншлихт. В полном единстве со всеми большевиками на конференции выступал Я. Долецкий (Фенигштейн)[156].

В день закрытия конференции большевиков Петрограда, 11 (24) октября, польские социал-демократы выступили на митинге рабочих Путиловского завода, который закончился принятием резолюции большевиков о передаче всей власти Советам[157]; через несколько дней, 15 (28) октября, польские социал-демократы провели в театре Путиловского завода польско-русский митинг на тему: «Международное значение русской революции». На митинге выступали В. Володарский, Я. Долецкий, Ю. Лещиньский, а также Б. Мандельбаум[158]. Последний же выступал в казармах Измайловского полка с лекцией «Солдаты-поляки и русская революция»[159].

Тем временем после возвращения В. И. Ленина в Петроград с особой силой закипела подготовка к восстанию. 9 (22) октября Петроградский Совет принял предложенную большевиками резолюцию о создании особого военно-революционного штаба, получившего 12 октября наименование Военно-революционного комитета. В состав Военно-революционного комитета наряду с другими видными деятелями пролетарской революции входили Ф. Дзержинский, Ю. Уншлихт и другие.

10 (23) октября ЦК партии заслушал доклад В. И. Ленина о текущем моменте и в принятой резолюции подтвердил, что вооруженное восстание «неизбежно и вполне назрело»[160]. На заседании ЦК Ф. Дзержинский предложил избрать для политического руководства Политическое бюро ЦК из семи человек во главе с В. И. Лениным. Это предложение ЦК принял и образовал Политбюро во главе с В. И. Лениным[161].

Состоявшийся 11—13 (24—26) октября съезд Советов Северной области, на котором были представлены свыше 20 Советов, в том числе Советы Петрограда,

---

156 «Рабочий путь», 11(24).X 1917.

157 «Документы Великой пролетарской революции», т. I. М., 1938, стр. 23—24.

158 «Рабочий путь», 13(26).X 1917.

159 Там же, 17(30).X 1917.

160 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 393.

161 «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)...», стр. 86.

Москвы, Кронштадта, Гельсингфорса, Ревеля, Новгорода и т. д., показал, что момент взятия власти Советами созрел. В письме к большевикам — участникам съезда В. И. Ленин писал, что «революция переживает в высшей степени критическое время. Этот кризис совпал с великим кризисом нарастания мировой социалистической революции и борьбы против нее всемирного империализма. На ответственных руководителей нашей партии ложится гигантская задача, невыполнение которой грозит полным крахом интернационалистского пролетарского движения. Момент такой, что промедление поистине смерти подобно»[162].

Большевики-ленинцы были на высоте стоявшей перед ними задачи — они разворачивали самую непосредственную подготовку к вооруженному восстанию и взятию Советами всей полноты власти. Тогда как необходимость и неизбежность установления власти Советов была ясна любому польскому социал-демократу, руководители ППС-левицы оказались неспособными понять действительное положение вещей. На заседании ЦИК ППС-левицы 13 (26) октября выступивший с отчетным докладом о съезде Советов Северной области С. Круликовский, а также Ф. Кон, Л. Пинкус, докладывавшие о настроениях рабочих и солдат, с удивительной политической близорукостью убеждали друг друга в том, что рабочая масса якобы «мало интересуется вопросами общей политики и слабо реагирует на действия большевиков. Во многих городах большевики теряют влияние...»[163].

То же неверие в дело большевиков, в социалистическую революцию звучало в выступлении А. Вонсика на объединенном заседании Советов рабочих, солдатских, крестьянских и матросских депутатов в Одессе 11 (24) октября, заявившего, что в настоящий момент передача власти Советам «может оказаться гибельной для революции»[164].

А чуть ли не накануне исторического рубежа в развитии человечества Петроградская секция ППС-левицы, действуя якобы во имя интересов социализма, стала на позицию защиты беспочвенной и порочной идеи объеди-

[162] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 385.
[163] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 47.
[164] ГАОО, ф. 3829, оп. 1, д. 1265, л. 16 об.

нения большевиков и меньшевиков «в единую сильную партию»[165]. Так же прикрываясь мнимой заботой об интересах революции и социализма, Бр. Сивик в обширной статье «О большевизме», опубликованной в органе ППС-«фракции» в самый день пролетарского восстания, писал, что большевики всегда вели бескромпромиссную борьбу с царизмом, вели борьбу против войны, против политики национального гнета и этим в корне отличаются от меньшевиков. Но беда большевиков якобы в том, что их поддерживают лишь стихийные силы, а в силу объективных условий их установка на победу социалистической революции может привести будто только к анархии. Массы в России, клеветнически утверждал Сивик, не подготовлены к свободному труду, без которого немыслим социализм. «Под этим углом зрения,— пытался он уверить своих читателей,— русский большевизм как общественное течение, как стихия не имеет в себе ничего общего с социализмом, является его отрицанием»[166].

Софистика, клевета, обывательский страх, сближавшие позиции отдельных лидеров ППС-левицы с антисоциалистической позицией лидеров ППС-«фракции», уже не оказывали серьезного вредоносного влияния, так как массы польских трудящихся в России, подобно всем другим трудящимся в России, знали, что покончить с войной, дать землю, работу, хлеб могут только большевики. Вместе с ними выступали все польские социал-демократы.

16 (29) октября на расширенном заседании ЦК большевистской партии, происходившем с участием представителей Исполнительной комиссии ПК, среди которых был Я. Фенигштейн, В. И. Ленин огласил резолюцию, принятую ЦК на предыдущем заседании. Затем он указал: «Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства»[167]. Каменев и Зиновьев, как и на предыдущем заседании ЦК, снова выступили против проведения восстания, пытаясь представить дело так, что силы большевиков якобы очень малы и что следует ждать Учредительного собрания. Против капитулянтов резко высту-

---

[165] «Robotnik w Rosji», 17(30).X 1917.
[166] «Głos Robotnika i Żołnierza», 24.X(6.IX) 1917.
[167] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 394.

пили все ораторы. Решительно поддержав В. И. Ленина, Ф. Дзержинский в своем выступлении осудил сомневавшихся в том, что момент восстания наступил и что само восстание подготовлено[168]. ЦК принял предложенную В. И. Лениным резолюцию.

Вслед за тем на закрытом заседании ЦК был избран Военно-революционный (партийный) центр, который должен был в составе Военно-революционного комитета возглавить руководство восстанием. Среди пяти лиц, избранных в Военно-революционный центр, был Ф. Дзержинский[169].

В тот же день, 16 (29) октября, состоялось еще одно собрание Петроградской группы СДКПиЛ, о проведении которого заблаговременно сообщила центральная печать[170]. Собрание заслушало отчет об общегородской партийной конференции, т. е. по сути дела о задачах, связанных с приближавшимся с часу на час моментом вооруженного восстания. Одновременно на собрании были обсуждены вопросы, связанные с намечавшейся конференцией польских социал-демократических групп в Москве, и выбраны делегаты на конференцию.

В те же дни по поручению ЦК партии Ф. Дзержинский выступил с докладом на состоявшемся в Смольном собрании актива Петроградской городской организации большевиков, на котором присутствовали представители крупных предприятий и воинских частей. Он ознакомил собравшихся с решениями, принятыми ЦК 10 (23) и 16 (29) октября, и изложил задачи Петроградской партийной организации[171].

Предательство Зиновьева и Каменева, выдавших 18 (31) октября план вооруженного восстания, не вызвало колебаний в рядах партии. В письме в ЦК партии В. И. Ленин дал развернутую оценку штрейкбрехерства Зиновьева и Каменева. На заседании ЦК 20 октября (2 ноября) Ф. Дзержинский, выступавший первым, предложил «потребовать от Каменева полного отстранения от политической деятельности, принимая во внимание, что Зиновьев и без того скрывается и в партийной рабо-

---

[168] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)...», стр. 101.
[169] Там же.
[170] «Рабочий путь», 13(26).X 1917.
[171] «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, стр. 351—352.— Точная дата собрания не установлена.

те участия не принимает»[172]. ЦК принял решение в духе этого предложения. В. И. Ленин, не присутствовавший на заседании, в письме к Я. М. Свердлову выразил неудовлетворение принятым решением[173].

Хотя Временное правительство было предупреждено о приближавшемся восстании, оно не смогло помешать его подготовке. В. И. Ленин, лично руководивший всем ходом подготовки восстания, часто вызывал к себе на конспиративные встречи руководящих работников ВРК, в том числе Ф. Дзержинского[174].

С 20 октября (2 ноября) ВРК приступил к назначению в части гарнизона и особо важные пункты столицы и ее окрестностей своих комиссаров. Среди комиссаров ВРК оказалось и немало революционеров-поляков. В Николаевское кавалерийское училище, например, комиссаром ВРК был назначен Р. Арский, в гвардии Московский резервный полк — Н. Вишневецкий, являвшийся одновременно начальником штаба Красной гвардии Выборгского района[175]; прибывший делегатом от Совета г. Ведена на II съезд Советов А. Гранас стал комиссаром ВРК на Балтийском вокзале[176]... Приводились в полную готовность отряды Красной гвардии. Их командиры и штабы уточняли порядок выполнения поставленных перед ними задач. Среди других на своем посту действовал Адам Кочаровский, ставший к октябрьским дням начальником отряда Красной гвардии завода «Сименс-Шуккерт» и заместителем начальника Красной гвардии Московско-Заставского района столицы[177].

22 октября (4 ноября) состоялась первая Петроградская общегородская конференция красногвардейцев, нацелившая все отряды Красной гвардии на вооруженное восстание. Конференцией, на которой было представлено примерно 15 тыс. вооруженных пролетариев, руководили Я. М. Свердлов и Ф. Дзержинский[178].

---

[172] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)...», стр. 106.
[173] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 434.
[174] «Петроградские большевики...», стр. 348.
[175] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 14, л. 14.
[176] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 417, л. 3.
[177] ГАОРСС ЛО, ф. 835, оп. 1, д. 123, лл. 2—3.
[178] «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1—24 октября 1917 г.)». М., 1962, стр. 510.

Накануне, 21 октября (3 ноября), на одном из заседаний ЦК партии Ф. Дзержинский доложил о работе Исполнительного комитета Петроградского Совета. В связи с тем, что в Исполкоме была явная дезорганизация, ЦК партии постановил ввести в Исполком Петроградского Совета для постоянной работы группу из 10 активных большевиков, включая Ф. Дзержинского[179].

День 22 октября Петроградская организация большевиков объявила «Днем Петроградского Совета». В этот день петроградские большевики проводили проверку боевой готовности масс утвердить власть Советов. По всему городу, в воинских частях, на фабриках и заводах, проходили митинги. Центральное место в речах ораторов занимал вопрос о власти. Партия направила на митинги своих выдающихся деятелей: Я. М. Свердлова, М. И. Калинина, В. Володарского и др. В Московском, Нарвском районах и на Охте вместе с Я. М. Свердловым выступал Ф. Дзержинский[180]. Перед рабочими Трубного завода на Васильевском острове и завода Посселя (ныне завод «Красный металлист») выступал Ст. Пестковский[181]. На следующий день по поручению Петроградской группы СДКПиЛ Ю. Лещиньский выступил с лекцией перед рабочими Путиловского завода. Тема этой лекции, прочитанной за несколько часов до того, как начался великий штурм капитализма, была символична: «Путь к освобождению Польши»[182]. Действительно, путь к освобождению Польши, к социальному и национальному освобождению польского народа предстояло открыть социалистической революции в России.

Широкую мобилизующую пропагандистскую работу проводили польские социал-демократические деятели Москвы. 10 (23) октября они провели митинг на тему «Русская революция и польский вопрос», 11 (24) октября на солдатском митинге вместе с В. Подбельским, Е. Ярославским и другими выступал Ст. Будзыньский,

---

[179] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)...», стр. 117.

[180] «Петроградские большевики...», стр. 367.

[181] С. Пестковский. Об Октябрьских днях в Питере.— «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 94; «Рабочий путь», 22.X(4.XI) 1917.

[182] «Trybuna», 21.X(3.XI) 1917.

19 октября (1 ноября) Московская группа организовала новый митинг и т. д.[183]

В канун революции в последнем из вышедших еще в эпоху капитализма номеров газеты «Трыбуна» была опубликована передовая статья «На переломе», звавшая вперед, на бой, к взятию власти пролетариатом и революционным крестьянством, к борьбе за социализм.

Пламенная вера в социализм польских революционеров, их глубочайшая, беспредельная преданность делу революции и польско-русскому революционному союзу, понимание ими их революционного, интернационального и патриотического долга с особой силой раскрывают скупые строки письма Ф. Дзержинского, написанного им 17 октября (н. ст.) самому близкому человеку — томившейся в эмиграции в Швейцарии жене, Софье Дзержинской. «Мы, поляки, тут в России не можем составлять в общих вопросах отдельной партии со своей политикой. И наша польская группа, кроме борьбы с польской реакцией и представительства польского пролетариата, имеет единственное задание: призывать польские массы органически включиться в общее дело. Это обязывает, это заставляет нас не быть стороной а частью; поэтому тут для нашей польской дипломатии, для нашей польской политики (кроме польского вопроса) нет места»[184].

В общих рядах революционного пролетариата, тесно сплоченными с большевистской партией, являясь, говоря словами Ф. Дзержинского, «не стороной, а частью», встречали польские интернационалисты решающие дни революции.

2

Участие в вооруженном восстании в Петрограде

В рядах рабочих коллективов на заводах и фабриках, в отрядах Красной гвардии, в революционных частях русской армии, в составе Советов и Военно-револю-

[183] «Социал-демократ», 4(17), 10(23), 18(31).X 1917 и др.
[184] С. Дзержинская. В годы великих боев. М., 1964, стр. 260.

ционных комитетов, на партийной работе — всюду, где всемирно-исторические события Великой Октябрьской социалистической революции застали польских социал-демократов и другие передовые круги польских трудящихся, находившихся в России, они плечом к плечу с российским пролетариатом и трудящимся крестьянством поднялись на борьбу за победу и утверждение Советской власти.

Польские пролетарские революционеры-интернационалисты в России действовали подобно венгерским, чешским, словацким и другим революционерам-интернационалистам, оказавшимся в 1917 г. на территории молодой Советской республики. Но в отличие от них польские революционеры-интернационалисты находились среди широких польских народных масс — рабочих, беженцев, солдат, живущих одной жизнью, одними общими интересами со всем трудовым народом России.

Авангард польских трудящихся в России — польская социал-демократия — полностью сознавал историческое значение приближающегося момента. За три дня до переломных событий в истории человечества, в последнем из своих номеров, вышедших при старой эре — эре капитализма, «Трыбуна» писала: «Два лагеря лихорадочно готовятся к борьбе на жизнь или на смерть: революционная демократия и контрреволюционные массы помещиков, капиталистов и генералов. В хвосте плетутся обозники социал-соглашательства...

Пролетариат России должен до конца выполнить свою историческую миссию в отношении собственной страны и братских народов. Нам предстоит взять последнюю баррикаду русского империализма. Ее падение предвещает крах международного империализма, открывает борьбу за социализм.

Слушайте, товарищи!... Бьет полночь на часах революции!» [185].

Слышали приближение решающего часа революции вместе со всей партией большевиков польские социал-демократы по всей России, всюду они были полны решимости утверждать власть Советов, власть рабочих и трудящихся крестьян. «Общее собрание Екатеринославской организации Социал-демократии Польши и Литвы, со-

---

[185] «Trybuna», 21.X(3.XI) 1917.

стоявшееся 22 октября,— телеграфировали польские социал-демократы из крупнейшего промышленного центра Приднепровья в Петроград делегатам собиравшегося II съезда Советов,— приветствует съезд советских депутатов [который.— *А. М.*] опираясь на организованную революционную демократию, должен немедленно взять в свои руки власть...»[186]

Польские рабочие, солдаты, беженцы не собирались быть лишь свидетелями борьбы русского пролетариата — они занимали свое место в общих рядах борцов.

Группа СДКПиЛ в Луганске, образовавшаяся только 24 октября (6 ноября), в день начавшегося восстания в Петрограде, очень полно отразила в своем первом документе значение происходивших событий, великий подвиг, совершаемый рабочим классом России во главе с партией большевиков, и почетную обязанность, выпавшую на долю польских рабочих и солдат, польской социал-демократии в России. «Героические усилия русского пролетариата,— писали его польские союзники из Луганска в то самое время, когда в Петрограде уже пробил решающий час,— заставили уйти с арены политической жизни России старый уклад отношений, вызвали на свет находившиеся до того в подполье совместные силы пролетариата и солдат и вознесли высоко над головами многомиллионного народа рабочие и солдатские организации — Советы рабочих и солдатских депутатов... Наличие общего врага требует от нас создания одной партии, пролетарской партии. Только она может довести революцию до победного конца... Мы, рабочие Луганска, постановили вступить в ряды Социал-демократической рабочей партии России (большевиков) как ее члены, а в целях плановой агитационной работы среди польских рабочих создать при главном и районном партийных российских комитетах собственные группы СДКПиЛ»[187].

Как ни выразительны, как ни интересны эти и многие подобные им документы, еще красноречивей и убедительней было то практическое единство действий с русским рабочим классом, с партией большевиков, которое делало польского интернационалиста самоотвер-

---

[186] «Звезда» (Екатеринослав), 24.X(6.XI) 1917.
[187] «Trybuna», 25.XI(8.XII) 1917.

женным солдатом единой великой армии пролетарской революции.

В Смольном, в Военно-революционном комитете и в Военно-революционном (партийном) центре напряженнейшую оперативную работу вел Феликс Дзержинский. Он принимал участие в расстановке вооруженных сил революции, в подготовке к занятию революционными рабочими и солдатами узловых стратегических центров столицы. Он входил в то ядро деятелей ВРК, которые постоянно и непрерывно участвовали во всей оперативной работе этого органа революции. Обязанности секретаря Петроградского военно-революционного комитета в грозные дни Октября часто исполнял Юзеф Уншлихт, являвшийся также членом Исполнительного комитета Петроградского Совета[188].

В Секретариате ЦК большевистской партии в октябрьские дни большую и ответственную работу продолжали вести видные польские социал-демократы: большевики Бронислав Весоловский и Станислав Пестковский. Еще 20 октября (2 ноября) Бр. Весоловский был направлен ЦК партии для работы в ВРК[189]. А Ст. Пестковский как секретарь большевистской фракции II съезда Советов с утра 24 октября (6 ноября) вел запись новоприбывших делегатов на съезд Советов. Этому съезду предстояло закрепить победу революции.

Революция нарастала с каждым часом. На рассвете 24 октября (6 ноября) по указанию ЦК состоялось заседание Петроградского комитета большевистской партии с участием партийного актива. Участники заседания признали необходимой задачей немедленное свержение Временного правительства и передачу власти Советам рабочих и солдатских депутатов как в центре, так и на местах. Тем временем большевистская фракция собиравшегося съезда Советов выделила группу делегатов в распоряжение ВРК. Среди этих делегатов съезда был прибывший из Ведена польский социал-демократ А. Гранас.

Стремясь опередить события, Временное правительство перешло в наступление, и ранним утром по его приказу отряд юнкеров разгромил редакцию и типографию

---

188 «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Л., 1957, стр. 694, 695 и др., а также: ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1968, л. 1.

189 ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 84, л. 116.

центрального органа большевистской партии — газеты «Рабочий путь». Но превосходство сил было уже на стороне революции, и ЦК дал указание обеспечить выпуск газеты. Отряды ВРК вытеснили из типографии сторонников правительства. В 11 часов «Рабочий путь» был отпечатан.

Временное правительство теряло позицию за позицией.

Примерно в 2 часа дня Ф. Дзержинский вручил Ст. Пестковскому подписанный Ю. Уншлихтом мандат о назначении его комиссаром ВРК в Главное управление почт и телеграфов[190] и сообщил, что ему и Ю. Лещиньскому предписывается занять Главный телеграф. Как вспоминал позднее Пестковский, когда они с Лещиньским отправились из Смольного на телеграф, у них была твердая уверенность в решающем характере наступивших событий: «вот оно, жданное десятилетиями решительное выступление пролетариата»[191].

Разрабатывая основные оперативные задачи этого решительного выступления пролетариата, подчеркивая необходимость относиться к восстанию, как к искусству, В. И. Ленин указывал на особое значение ряда важных для успеха восстания пунктов Петрограда, на необходимость «занять сразу телеграф...»[192]

Комиссары ВРК рассчитывали при занятии телеграфа на содействие его коменданта, члена ППС-левицы Р. Лонгвы. Но, «не имея директив от своей организации», Лонгва отказал им в содействии, обещая только «не мешать»[193]. Несмотря на противодействие правых эсеров и меньшевиков, верховодивших на телеграфе, через несколько часов комиссары ВРК при помощи отряда Кексгольмского полка, направленного Военно-революционным комитетом, без единого выстрела полностью овладели положением на телеграфе. Телеграф — основное оперативное средство связи того времени — сразу же стал служить интересам революции. По указанию В. И. Ленина Военно-революционный комитет немедленно использовал телеграф для того, чтобы сообщить большевистским организациям других городов и районов

---

[190] ЦПА ИМЛ, ф. 300, оп. 1, д. 2, л. 1.
[191] С. Пестковский. Указ. соч., стр. 94.
[192] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 247.
[193] С. Пестковский. Указ. соч., стр. 96.

страны о том, что вооруженное восстание в столице началось [194].

Между тем отряды Красной гвардии, революционные воинские части занимали один за другим стратегические пункты города, банки, предприятия, мосты. В панической телеграмме в ставку главнокомандующего командующий Петроградским военным округом, потрясенный методичностью и неотвратимостью поступательного движения революции, сообщал: «Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты» [195].

С Выборгской стороны, с Васильевского острова, с Нарвской и Невской застав шли на боевые посты революции сотни и тысячи красногвардейцев, шел вооруженный народ. В Московско-Заставском районе вместе с другими товарищами боевые действия направлял заместитель начальника районного штаба Красной гвардии Адам Кочаровский (Славинский), будущий член Политсекретариата Исполкома Коминтерна [196]; в Выборгском районе формированием и подготовкой отрядов Красной гвардии занимался прапорщик Н. Вишневецкий, назначенный затем комиссаром ВРК в гвардии Московский резервный полк [197]; командиром Красной гвардии Путиловского завода был бывший солдат, польский интернационалист М. Войцеховский, один из членов заводского комитета и районного Совета рабочих депутатов [198]. В Смольный к Дзержинскому, с предложением своих услуг обратился Роман Яблоньский — слушатель Военно-медицинской академии, военный медик, недавно вернувшийся с передовых позиций. По поручению

---

[164] ГАОР, ф. 3829, оп. 1, д. 1265, л. 16 об.

[195] «Архив русской революции», т. VII. Берлин, 1922, стр. 286; «Летопись Великого Октября. Апрель — октябрь 1917». М., 1958, стр. 273.

[196] ГАОРСС ЛО, ф. 835, оп. 1, д. 123, л. 1.

[197] В. Малаховский. Из истории Красной гвардии. Л., 1925, стр. 14—15; І. І. Бєлякевич. Революційна діяльність Петроградської групи СДКПіЛ в період підготовки Жовтневого збройного повстання.— Зб. «Історичні зв'язки слав'янських народів». Київ, 1963, стр. 189.

[198] І. І. Бєлякевич. Указ. соч., стр. 177; «Путиловец в трех революциях». Л., 1933, стр. 322—324; «История Путиловского завода». М.— Л., 1939, стр. 498.

ВРК он организует одно из первых санитарных учреждений революции[199].

С каждым часом нарастало напряжение, с каждым часом революция овладевала новыми позициями. Ее поступательное движение было повсеместным, оно было могучим, так как являлось всенародным. Всюду, где заставал их разворот событий, польские интернационалисты были в боевых рядах социалистической революции.

Во второй половине дня 24 октября (6 ноября) «инициативная группа», созданная большевиками Петроградского главного почтамта во главе с Каролем Кадлубовским, получив оружие, своими силами подготовила изнутри захват этого центра почтовой связи. Подоспевшие моряки и солдаты после перестрелки очистили почтамт от засевших было там юнкеров. Несколькими часами позже «инициативная группа» сформировала революционный комитет с целью охраны почтамта, наблюдения за правильностью исполнения его сотрудниками служебных обязанностей, руководства районными и низовыми комитетами при почтовых отделениях. Ст. Пестковский, прибывший на почтамт с расположенного по соседству Главного телеграфа, затем съездил в Смольный, где ВРК, одобрив действия «инициативной группы», назначил Кадлубовского своим комиссаром на почтамте.

Если почтовые работники, как правило, спокойно продолжали свою работу, то у работников телеграфа, среди которых большим влиянием пользовались эсеры и меньшевики, комиссару ВРК пришлось сразу же столкнуться с попытками вредительства и саботажа. Умело преодолевая противодействие, Ст. Пестковский, К. Кадлубовский и их товарищи смогли добиться возобновления работы телеграфа, наладить работу почты. Несколько позже, при формировании органов Советской власти, комиссар ВРК, член СДКПиЛ с 1906 г. К. Кадлубовский был назначен членом первой по составу коллегии Комиссариата почт и телеграфов[200].

---

[199] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 733, л. 86, а также: «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.» М., изд. 3, стр. 720—721.

[200] «Почтово-телеграфный журнал», 1918, № 9—12, стр. 12—16 и 142—143; К. Кадлубовский. Воспоминания комиссара почт и телеграфов.— В кн. «Донесения комиссаров Петроградского ВРК», М., 1957, стр. 242—245, а также: Archiwum Zakladа Historii Partii przy KC PSPR (далее — AZHP). Wspomnienia, t. 8313.

В отчете о своей деятельности, представленном в ВРК 5 (18) ноября, К. Кадлубовский писал, что, согласно поручению, он осуществлял политический контроль телеграмм, организовал охрану почтамта, наладил дежурства по охране телефона, оружия и гаража, образовал группу по оказанию помощи комиссарам[201].

Приступив к исполнению обязанностей комиссара ВРК в гвардии Московском резервном полку, Н. Вишневецкий еще 23 октября (5 ноября) привел полк в состояние готовности, выставил караул к одному из заводов, а затем обеспечил охрану Литейного моста, связывающего Выборгскую сторону с центром города[202].

Временное правительство теряло одну позицию за другой. Оно, как признавал Керенский, находилось в состоянии нервного напряжения, которое возросло «после известия о захвате Красной гвардией центрального телеграфа, почтамта и некоторых других правительственных зданий»[203]. Переживая агонию, это правительство замышляло всеми оставшимися верными ему силами совершить «экспедицию для захвата Смольного института — штаб-квартиры большевиков»[204].

Хотя для защиты Смольного были стянуты весьма значительные силы Красной гвардии, весь смысл борьбы состоял не в том, чтобы отбить возможное наступление контрреволюции, а в том, чтобы арестовать буржуазное помещичье правительство, обезоружить юнкеров и другие верные ему силы и взять власть в руки народа. В последнем написанном на конспиративной квартире письме членам ЦК В. И. Ленин вечером 24 октября (6 ноября), торопя со взятием власти, указывал, что «на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой, вооруженных масс»[205].

Народные массы все более широко включались в вооруженную борьбу. В. И. Ленин направился в Смольный, чтобы лично руководить восстанием, борьбой вооруженных масс.

---

201 ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 52, л. 113.
202 Там же, д. 14, лл. 4 и 12.
203 А. Ф. Керенский. Гатчина. М., 1922, стр. 7.
204 Там же, стр. 8.
205 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 435.

Всю ночь на 25 октября (7 ноября) продолжались боевые операции революционных войск и красногвардейских отрядов, формировались новые отряды вооруженного народа. Вместе с одним из отрядов Красной гвардии Выборгского района был его организатор Феликс Ковалевский, рабочий из Варшавы[206]; связным в Смольный был направлен от «новолесснеровцев» член ППС-левицы с 1906 г., один из организаторов заводской Красной гвардии Войцех Домбровский[207]. Во главе отряда таких же, как он, солдат Вацлав Беднарек выполнял приказы ВРК. После победы революции ему пришлось охранять Смольный, а еще много лет спустя он стоял на страже народной власти во вступившей на путь строительства социализма Польше и состоял в рядах марксистско-ленинской Польской объединенной рабочей партии. На рассвете дня новой эры Беднарек участвовал в занятии помещения реакционной газеты «Новое время», а затем — в занятии Государственного банка. Это у таких, как он, в полдень 25 октября (7 ноября) Джон Рид спросил, проходя мимо запертых дверей Государственного банка: «Вы чьи?... Вы за правительство?» — «Нет больше правительства! — с улыбкой ответил солдат.— Слава богу!»[208].

Действительно, к утру 25 октября (7 ноября) в руках восставшего пролетариата практически находилась вся столица, за исключением района, прилегавшего к последнему прибежищу старой власти — Зимнему дворцу.

От имени ВРК В. И. Ленин в 10 часов утра написал короткое обращение «К гражданам России!», уведомлявшее о том, что Временное правительство низложено, а дело, за которое боролся народ, обеспечено[209]. Спустя несколько часов, впервые после многомесячного вынужденного перерыва В. И. Ленин выступил с публичным докладом. Он начал свою речь в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов словами о победе революции: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась»[210]. Совет, среди депутатов которого было

---

[206] ГАОРСС ЛО, ф. 4898, оп. 1, д. 335, л. 5.
[207] ГАОРСС МО, ф. 2165, оп. 1, д. 392.
[208] Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, стр. 80.
[209] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 1.
[210] Там же, стр. 2.

немало польских интернационалистов, подавляющим большинством голосов принял написанную В. И. Лениным резолюцию о задачах власти Советов.

Для того, чтобы упрочить свое положение, перейти к осуществлению программы революции, надо было быстрее покончить с тем, что еще оставалось от старой власти: В. И. Ленин торопил ВРК со скорейшей ликвидацией очага контрреволюции в Зимнем дворце[211].

К 6 часам вечера Зимний дворец был полностью окружен. Абсолютное превосходство сил давало возможность в короткий срок смять две тысячи вооруженных защитников старой власти. Но революция проявляла свойственный ей гуманизм: избегая напрасного пролития крови, руководители операции посылали в Зимний дворец агитаторов, и под воздействием их слова редели ряды тех, кто было соглашался отстаивать безнадежное дело. Временному правительству было предложено сдаться до 21 часа. Тем временем накапливались сводные штурмовые отряды.

В одном из таких отрядов, занявшем позиции на Миллионной улице, в нескольких сотнях метров от Зимнего дворца, был Ян Бодюра. 17-летним беженцем попал он в Петроград, поступил на завод «Металлизатор» на Петроградской стороне. Дружба с русскими рабочими и полная общность классовых интересов привели его в ряды борцов революции. До Октябрьских дней с поручениями от партийной организации он уже три раза бывал в Смольном. Не знал он, конечно, что предстоит ему затем отстаивать революцию в боях против немецких интервентов под Псковом и Нарвой, что попадет он в плен, из которого его освободит Ноябрьская революция 1918 г. в Германии. Тяжело больным вернувшись из плена на родину, он вскоре был призван в буржуазную армию. Революционные взгляды солдата не укрылись от контрреволюционного польского офицерства, и вскоре он был арестован. После освобождения из тюрьмы ему пришлось эмигрировать во Францию, где на одной из шахт департамента Луары он вступил во Французскую коммунистическую партию, а возвратился на родину лишь после установления в Польше народной власти...[212]

---

[211] «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 77.

[212] AZNP. Wspomnienia, t. 202, а также: «Ślascy bojwnicy w Rewolucji Październikowej». Katowice, 1958, str. 19—23.

Всего того, что его ждет, не мог знать молодой красногвардеец Ян Бодюра, застывший, как и тысячи других, в ожидании сигнала к штурму Зимнего...

В 21 час 40 минут 25 октября (7 ноября) 1917 г. прогремел исторический сигнальный выстрел с крейсера «Аврора», вошедшего в Неву. Среди полуторатысячного экипажа этого славного корабля были и матросы польского происхождения, которые вместе со своими русскими товарищами верно служили делу революции [213]. Одним из них был гальванер Якуб Шварце-Мартынюк, слушавший В. И. Ленина в апреле на площади Финляндского вокзала. Когда председатель судового революционного комитета сказал, что приказано подать сигнал к штурму Зимнего дворца, гальванер Мартынюк спросил: кто приказал? «Тогда, — вспоминает Мартынюк, — последовал ответ: революция и Ленин... И мы дали выстрел» [214].

Спустя много лет, в 1957 г., Государственный совет Польской Народной Республики, отмечая заслуги участника гражданской войны в СССР Якуба Мартынюка, наградил ветерана орденом Возрождения Польши.

После выстрела «Авроры» начался штурм Зимнего дворца — последнего прибежища правительства помещиков и капиталистов. В штурме принимали участие борцы революции из разных стран. История не сохранила имена всех, кто шел в этот исторический бой. Пока с достоверностью можно назвать лишь некоторых из польских трудящихся — участников штурма Зимнего дворца. Это красногвардеец, член СДКПиЛ с 1917 г., рабочий патронного завода, член Совета рабочих депутатов Выборгского района Петрограда Ян Сканис [215]; военный моряк, член ППС-левицы с 1906 г., председатель комитета школы судовых мотористов Ромуальд Муклевич, через три дня возглавивший разгром мятежа юнкеров Владимирского училища, а в дальнейшем ставший видным военачальником советского Военно-морского флота [216]; военный моряк, командир десантного отряда в 300 человек

---

[213] Центральный государственный архив Военно-морского флота, ф. 989, оп. 4, д. 212; ф. 2109, оп. 1, д. 100, л. 30б. и др.

[214] «Правда», 3.XI 1963.

[215] «Славяне», 1957, № 10, стр. 53—54.

[213] AZHP. Wspomnienia, t. 7891, а также: Р. Муклевич. Октябрьские дни в Ленинграде.— «Военный вестник», 1924, № 42.

с крейсера «Африка» Ян Савицкий, в дальнейшем — инженер, служивший делу социалистического строительства в Народной Польше[217]; солдат Вацлав Беднарек, командир отряда, который за несколько часов до начала боя на Дворцовой площади участвовал в занятии редакции газеты «Новое время» и Государственного банка[218]. В солдатской шинели шел на штурм Алойзы Адамашек, еще недавно носивший форму летчика австрийской армии. В лагере для военнопленных в России ему повезло — в охране оказался большевик, который много сделал для того, чтобы превратить солдата вражеской армии в союзника русской революции. В апреле 1917 г. Адамашек, как и ряд его товарищей, покинул лагерь и пробрался в Петроград. Здесь, будучи уже коммунистом и красногвардейцем, он брал Зимний, затем служил в Красной Армии; в 1919 г. его, с детских лет хорошо знавшего чешский язык, послали в Чехословакию, где многие годы он находился в рядах рабочего класса этой страны, а затем он возвратился на родину и продолжал партийную работу в составе Коммунистической партии Польши...[219]

Трудно и невозможно установить имена всех тех польских интернационалистов, которые в дождливую ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) участвовали в ликвидации последнего прибежища старой власти, кто в последующие дни подавлял сопротивление юнкеров, кто громил трусоватого мятежника Керенского, еще в первой половине дня 25 октября бежавшего с помощью американских дипломатов из Зимнего дворца.

Когда через пару дней обнаружился полный провал организованного Керенским похода на революционный Петроград, метавшиеся в Гатчине главари контрреволюции решили опереться на I Польский корпус. Совещавшийся с Керенским Савинков «настаивал на борьбе во что бы то ни стало... Он носился в это время с идеей призвания на помощь поляков корпуса Довбор-Мусьницкого»[220]. Видимо, были предприняты шаги к тому, чтобы

---

[217] «Wspomnienia Polaków — uczestników Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej». Gdynia, 1957, str. 18—40.

[218] AZHP. Wspomnienia, t. 3285.

[219] «Ślązacy bojownicy...», str. 10—16.

[220] В. Б. Станкевич. Воспоминания. 1914—1919. Берлин, 1920, стр. 280—281.

бросить корпус на Петроград. «Поляки обещали прислать свой корпус»,—с надеждой говорил Керенский военному руководителю похода на революционный Петроград генералу Краснову[221]. Савинков предложил «проехать в расположение польского корпуса ген. Довбор-Мусьницкого и приказать ему от имени Керенского двинуть свой корпус на Гатчину»[222]. Но авантюра Керенского потерпела столь сокрушительный провал, что уж никакие силы не могли помочь этому политическому банкроту.

Об использовании корпуса помышляли и более опасные противники революции: быховский «узник» Корнилов, посылая из тюрьмы 1 (14) ноября директивы в ставку, первым делом требовал перевода в Могилев одного из польских уланских или одного из чехословацких полков, занятия прикрывавших путь в ставку Орши, Смоленска, Жлобина и Гомеля частями польского корпуса, установления прочной связи казачьих атаманов с «комитетами польских и чехословацких корпусов», т. е. с Начполем и Русским отделением Чехословацкого национального совета и т. д.[223] Со своей стороны, в ставке также уповали в какой-то мере на I Польский корпус.

Духонин считал, что «порядок» в Быхове вполне гарантирован присутствием там польских войск[224].

Так как польская реакция и связанные с нею русские контрреволюционные элементы, а также антантовские и другие империалисты в дни Октября не могли рассчитывать на какой-либо успех прямых призывов к борьбе против Советской власти, они попытались в первую очередь парализовать активность широких кругов польских беженцев и солдат в России, удержать их от борьбы за победу и упрочение Советской власти, заставить поверить, будто во имя интересов будущего Польши им следует беречь свои силы, занять позицию неучастия в событиях в России, быть нейтральными к тому, что в ней происходит.

---

[221] П. Краснов. На внутреннем фронте.— «Архив русской революции», т. I. Берлин, 1922, стр. 170.

[222] Б. В. Савинков. Борьба с большевиками, 1920, стр. 1.

[223] А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. II. Париж, б. г., стр. 138.

[224] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 341, л. 260.

Уже 26 октября (8 ноября) в Петрограде в помещении образованной Временным правительством Ликвидационной комиссии по делам Королевства Польского собрались представители ряда польских буржуазных организаций. На следующий день они созвали широкое совещание, в котором, наряду с епископом Цепляком и другими представителями католического духовенства, а также представителями большинства буржуазных политических партий, участвовали Пшездецкий от Начполя, А. Пристор—от ППС-«фракции», В. Щенсный от Народного союза (связанной с пилсудчиками крестьянской организации), крайне правый Мейштович, председатель Демократического комитета А. Венцковский и др. Столь пестрый состав участников совещания не может вызвать удивления: даже недавно конфликтовавших эндеков и либеральные круги сблизила общая позиция ненависти к социалистической революции и страх перед ней. К тому же не могло не сыграть некоторой роли и то, что после выхода эндеков из состава Ликвидационной комиссии и министр иностранных дел Временного правительства Терещенко, и французский посол в Петрограде Ф. Нуланс, действуя с ведома своего правительства, добивались сближения враждовавших между собой кругов польской буржуазии[225].

Участники совещания, проходившего под председательством главы Ликвидационной комиссии А. Ледницкого, договорились призвать поляков к соблюдению «нейтралитета» и «неучастию» в происходившей в России политической борьбе. Вслед за тем участники совещания приняли решение считать себя Польским советом безопасности; выделили из своего состава Исполнительный комитет во главе с А. Ледницким и с участием А. Пристора, Вл. Корсака (от тайной пилсудчиковской Польской военной организации), представителей как Главного польского военного комитета (левицы), так и Начполя. Своей задачей Польский совет безопасности объявил «защиту жизни и имущества граждан Польши, а также обеспечение их имущественных и политических интересов». Польский совет безопасности поручил А. Ледницкому вступить в переговоры с иностранными

[225] Archiwum Akt Nowych w Warszawie (далее — AAN). Komitet Narodowy Polski, Dz. I, t. 2, k. 20.

послами и обязал Исполнительный комитет немедленно организовать «польскую самооборону» в Петрограде[226].

Военный центр польской контрреволюции направил на охрану иностранных посольств воинское подразделение, составленное из поляков. Охрана из польских солдат и офицеров была расставлена также у помещений ряда организаций и учреждений[227]. Эти факты представляют интерес не только тем, что они говорят о продолжавшемся присвоении Начполем и Советом польского межпартийного объединения функций государственной власти и об открытом проявлении ими тесных связей с иностранными правительствами, но и о том, что даже в Петрограде в распоряжении польской контрреволюции оказались кое-какие вооруженные силы. Но нередки были случаи, когда связанные с Начполем солдаты-поляки запрашивали революционные органы о том, надлежит ли им выполнять предписания Начполя. Именно так, в частности, поступили самокатчики-поляки 1, 2 и 5-го самокатных батальонов, направившие делегатов в Смольный, в ВРК[228].

К Смольному, к революции были устремлены взгляды широчайших кругов польских трудящихся, живших общими интересами, едиными стремлениями со всем трудовым народом России. Вместе, в единых рядах, они штурмовали Зимний дворец, совместно громили Краснова, с одинаковой пытливостью старались заглянуть в завтрашний день своей победы.

Нет и не было источников, которые помогли бы ответить на вопрос, а сколько же польских интернационалистов и кто именно чеканил шаг в красногвардейских патрулях Петрограда, участвовал в героических атаках и мужественно отбивал удары контрреволюции. Столь ли уж важно определить, какую часть составляли польские интернационалисты от тех 4-х тыс. путиловцев[229], которые с оружием в руках учреждали и отстаи-

---

[226] «Dziennik Narodowy», 31.X(13.XI) 1917.

[227] AAN. Centralna agencya Polska w Lozannie. 1/30, p. 10. Armja Polska. Rosja; М. Бьюкенен. Крушение великой империи, ч. II. Париж, 1933, стр. 123.

[228] «Большевистские Военно-революционные комитеты». М., 1958, стр. 128.

[229] Н. Попов. Путиловец в Октябре.— «Проблемы марксизма», 1932, № 7—8, стр. 53. По другим данным, накануне Октябрьских

вали Советскую власть в Октябрьские дни? Но можно нисколько не сомневаться в том, что все 500 членов Петроградской группы СДКПиЛ были на тех боевых постах, на которые их призывала революция,— рядовыми боевых отрядов, работниками штабов Красной гвардии и ВРК, агитаторами, организаторами новой власти и социалистического производства... В солдатской шинели, матросском бушлате, рабочем пальтишке с красной ленточкой на груди или на шляпе, с гранатой на поясе или в кармане они шли в сражение так, как того требовал их долг, как им подсказывали их интернационализм и революционность.

В рядах восставшего питерского пролетариата находились многие члены ППС-левицы, а также и многие рабочие из Польши, не состоявшие в политических партиях, но твердо знавшие, что под руководством большевиков рабочий класс России борется за общее дело угнетенных и эксплуатируемых всего мира.

Даже Петроградская группа ППС-«фракции», совершенно порывая с линией своего руководства, выпустила 25 октября (7 ноября) листовку, в которой приветствовала выступление против предателей во главе с Керенским и одобряла деятельность ВРК[230]. Хотя в листовке не было ни слова ни о вдохновителях и организаторах революции — большевиках, ни о новой, Советской власти, она, призывая к контролю над производством, к решению аграрного вопроса и немедленному предложению демократического мира, свидетельствовала о том, что идейно-политическое влияние революции проникало даже в чуждые ей по своим общим установкам организации польских рабочих. Отмечая позицию, занятую рядовыми членами ППС-«фракции» в Октябрьские дни, «Трыбуна» писала, что, вопреки своим вождям, они «пошли с русскими рабочими, прекрасно понимая, что ведется бой за общее пролетарское дело»[231].

Вооруженное восстание в Петрограде, осуществленное по плану и под руководством большевистской партии и ее ЦК во главе с В. И. Лениным, победило, от-

---

дней на Путиловском заводе насчитывалось 2016 красногвардейцев (Е. Ерыкалов. Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1957, стр. 39).

230 AZHP. PPS, 305/III/40, podt. I, k. 13, p. 13.

231 «Trybuna», 11(24).XI 1917.

крыв новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения коммунизма.

Когда один из непосредственных руководителей штурма Зимнего дворца, Н. И. Подвойский, глубокой ночью прибыл в Смольный и направился к В. И. Ленину, чтобы рассказать ему об аресте Временного правительства, он застал Владимира Ильича чрезвычайно сосредоточенным — В. И. Ленин готовил проекты декретов о мире, о земле, о Советском правительстве. «В то время, как в Зимнем дворце закончилось владычество буржуазии, низвергнутой вооруженным народом, в Смольном В. И. Ленин открывал первую страницу нарождающегося нового мира»[232].

3

Участие во II съезде Советов

В то время, как по сигналу, поданному с «Авроры», разворачивался штурм Зимнего дворца, в Смольном в 22 часа 45 минут 25 октября (7 ноября) открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. По данным анкетной комиссии съезда, для участия в его работе прибыло 670 делегатов. Из этого количества во фракции большевиков состояло 390 делегатов, т. е. подавляющее большинство всех делегатов. Во фракцию входило, помимо 300 членов РСДРП (б), еще 90 человек — часть беспартийных делегатов, поддерживавших большевиков, часть делегатов, сообщивших о себе, как о членах национальных партийных организаций, являвшихся частью большевистской партии. 10 делегатов сообщило, что они являются членами либо СДКПиЛ, либо ППС-левицы[233].

К сожалению, в распоряжении исследователей нет исчерпывающего списка участников съезда; не располагают исследователи также сведениями о том, кто были

---

[232] Н. И. Подвойский. Год 1917. М., 1958, стр. 147.

[233] «2-й Всероссийский съезд Советов. Первые шаги Советского правительства». Кронштадт, 1917, стр. 26.

те 10 делегатов, которые сообщили о своей принадлежности к польским пролетарским партиям. Прежде чем попытаться составить возможный список этих делегатов, следует заметить, что цифра «10» должна рассматриваться лишь как примерная, так как совершенно не исключено, что отдельные польские социал-демократы на вопрос о партийной принадлежности могли ответить, что они состоят в РСДРП(б), не указав притом, что они являются также членами СДКПиЛ. В таком случае можно допустить, что фактически делегатами съезда было более 10 польских интернационалистов.

Так как члены ППС-левицы формально не считали себя членами организаций меньшевиков-интернационалистов, то практически исключена возможность того, чтобы их было на съезде больше, чем это позволяют выявить сведения об их партийной принадлежности. Пока же известно об участии ППС-левицы во II съезде Советов следующее: на самом съезде от имени партии выступал Ст. Лапиньский[234]; печатный орган ЦИК ППС-левицы отмечал, что Новгород и Сергиевский уезд Самарской губернии представлены делегатами — членами ППС-левицы[235]; член ППС-левицы с 1906 г. солдат 4-го Заамурского железнодорожного батальона Винценты Линковский — в дальнейшем член Коммунистической партии Польши и Польской рабочей партии — также был делегатом съезда[236]. Всего, таким образом, делегатами съезда было не менее четырех членов ППС-левицы. Теперь попытаемся определить имена остальных польских интернационалистов — членов СДКПиЛ, являвшихся делегатами съезда.

На съезде выступали два члена СДКПиЛ — Феликс Дзержинский и Францишек Гжельщак[237]. Так как последний в это время ни в какие выборные органы СДКПиЛ не входил, а на съезде представлял поддерживавших большевиков солдат 2-й армии Западного фронта, о существовании в которой групп СДКПиЛ сведений не имеется, то вернее всего будет предположить, что он сообщил, что является членом РСДРП (б), не от-

---

234 «2-й Всероссийский съезд Советов», стр. 11.

235 «Robotnik w Rosji», 12(25).XI 1917.

236 AZHP. Wspomnienia, t. 3647, а также: «Trybuna Ludu», 4.XI 1958.

237 «2-й Всероссийский съезд Советов...», стр. 5 и 15.

метив, что принадлежит к польским социал-демократам. Весьма возможно, что и Ф. Дзержинский, как член ЦК большевистской партии, сообщил анкетной комиссии о своей принадлежности только к РСДРП(б), хотя на съезде он выступал с изложением позиции именно СДКПиЛ. Далее, делегатами съезда были деятели СДКПиЛ А. Гранас — от Совета г. Веден[238] и И. Фиалек — от Киевского Совета[239].

В сущности, сведения об остальных делегатах съезда — членах СДКПиЛ весьма неточны. Лишь исходя из того, что съезд избрал во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, помимо Ф. Дзержинского и Фр. Гжельщака, также Я. Фенигштейна, а кандидатами в члены ВЦИК — Ст. Пестковского, М. Броньского, Ю. Лещиньского и Бр. Весоловского, можно с достаточными к тому основаниями предположить, что все они участвовали в работе II съезда Советов[240]. Трудно допустить, чтобы не принимал участие в работе съезда Ю. Уншлихт, введенный в состав ЦИК Советов тотчас же после закрытия съезда. Если эти предположения верны, то окажется, что в работе II съезда Советов участвовало по меньшей мере 9—10 деятелей СДКПиЛ, из которых трое-четверо указало о своей принадлежности лишь к РСДРП(б).

Теперь из области предположений можно обратиться к вопросам совершенно достоверных действий польских интернационалистов на II съезде Советов.

Тотчас же после открытия съезда и сформирования его президиума большинство делегатов съезда столкнулось с грубыми попытками меньшевиков и правых эсеров сорвать съезд, помешать его работе. Вопреки тому, что за несколько часов до открытия съезда, на предварительном совещании бюро всех фракций, было единогласно констатировано, что с избранием президиума съезда полномочия ЦИК, избранного на I съезде Советов, кончатся, меньшевики и эсеры попытались продлить существование и деятельность старого ЦИК, давно уже

---

[238] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 417, л. 6, а также: ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 84, л. 116.

[239] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 642, л. 23 об.

[240] «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II съезда». М., 1918, стр. 8.

переставшего отражать соотношение сил в стране. С этой целью они заявили на съезде, что отказываются от участия в президиуме съезда. Вслед за тем меньшевики-интернационалисты заявили, что до выяснения некоторых обстоятельств и они воздержатся от участия в президиуме. Игнорируя эти акты обструкции, съезд продолжал конструктивную работу. Тогда лидер меньшевиков-интернационалистов Ю. Мартов потребовал, чтобы прежде всего «был поставлен вопрос о мирном разрешении создавшегося кризиса», сводя тем самым великое дело пролетарской революции лишь к кризису, который должен быть преодолен на основе соглашения конфликтующих сторон, т. е. на основе уступок побеждающего пролетариата терпящей поражение буржуазии.

Идя еще дальше, ораторы от меньшевиков и правых эсеров призывали своих сторонников уйти со съезда и восстановить «законную» власть Временного правительства. А два представителя эсеровско-меньшевистской верхушки некоторых армейских комитетов — Хараш и офицер-меньшевик Кучин — угрожали собрать «общественные силы», чтобы оказать упорное сопротивление взятию власти Советами. Большинство делегатов съезда проводило этих врагов революции криками: «Корниловцы!» С гневным отпором меньшевистско-эсеровским корниловцам выступили следующие за Кучиным ораторы — представитель латышских стрелковых полков Петерсон и солдат Фр. Гжельщак. Кучин и ему подобные,—заявил Гжельщак,—не представляют солдат. «Кучин говорил о мобилизации сил. Против кого? Против рабочих и солдат, выступающих в защиту революции? Кого он будет организовывать? Ясно, не тех рабочих и солдат, против которых он сам хочет вести войну. Но солдаты не пойдут за ним, они — против них» [241].

По словам находившегося в Актовом зале Смольного Джона Рида, внимательно следившего за работой съезда, за выступлениями делегатов, голоса делегатов-солдат были голосом «миллионов одетых в шинели рабочих и крестьян, охваченных тем же порывом, теми же мыс-

---

[241] «2-й Всероссийский съезд Советов...», стр. 5.— В несколько иной редакции это выступление изложено также в газете «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (27.X(9.XI) 1917) и в книге «Второй Всероссийский съезд Советов» (М.— Л., 1928, стр. 139).

лями и чувствами, как и сами они, делегаты...»[242] Именно как выразителя настроений солдат и их большевистского организатора, ЦИК уже после съезда поставил Фр. Гжельщака вместе с А. Енукидзе во главе своего военного отдела; особо заслуживает быть отмеченным, что тот же Фр. Гжельщак, беззаветно служивший делу революции и народа, в конце следующего, 1918 г. стал председателем Совета рабочих депутатов Варшавы, затем состоял в ЦК Коммунистической партии Польши и в Исполкоме Коммунистического Интернационала...[243]

Ранним утром 26 октября (8 ноября), перед закрытием продолжавшегося всю ночь первого заседания II съезда Советов, Ст. Лапиньский заявил от имени группы ППС-левицы, что группа останется на съезде и будет участвовать в его работах[244]. Тем самым ППС-левица отмежевалась от меньшевиков и эсеров, которые, не желая считаться с волей рабочих, солдат и крестьян, покинули съезд и начали борьбу против устанавливавшейся Советской власти. О том, какую политику поведет Советская власть, у лидеров ППС-левицы не могло быть никаких сомнений — программные требования большевиков были известны всему народу. А о том, что большевики будут располагать большинством на съезде Советов, информировал своих коллег С. Круликовский на заседании ЦИК секций ППС-левицы, состоявшемся еще 23 октября (5 ноября)[245]. Следовательно, руководство ППС-левицы знало, с каким положением оно встретится на съезде. Поэтому тем больший интерес может вызвать оглашенная Лапиньским декларация. В ней указывалось, что ППС-левица солидаризируется с оценкой событий последних дней, данной меньшевиками-интернационалистами, и считает единственно возможным выходом из критической ситуации создание правительства в составе представителей всех «социалистических партий»[246]. Декларация Лапиньского была затем, 28 октября (10 ноября), одобрена ЦИК секций ППС-левицы в России[247].

---

[242] Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир, стр. 94.

[243] Franciszek Grzelszczak-Grzegorzewski. Autobiografia. «Z pola walki», N 2, 1958, стр. 184—185.

[244] «Известия ЦИК...», 28.X(10.XI) 1917.

[245] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 50 об.

[246] «Robotnik w Rosji», 12(25).XI 1917.

[247] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 52 об.

Но если, с одной стороны, лидеры ППС-левицы осудили предательство меньшевиками и эсерами дела революции, то, с другой стороны, в отличие от пролетарского ядра своих секций, почти повсеместно выступивших вместе с большевиками в борьбе за власть Советов, они были готовы отказаться от этой власти, пойти на соглашение с врагами революции из «социалистических партий». Естественно, что явный страх перед социалистической революцией, обнаруженный руководством ППС-левицы в России, был весьма на руку меньшевикам и эсерам и способствовал усилению того замешательства, которое стремились вызвать меньшевики-интернационалисты[248]. Но дело революции было уже обеспечено.

Вечером 26 октября (8 ноября) открылось второе заседание съезда Советов. Восторженно встреченный делегатами на съезде, с докладом выступил В. И. Ленин.

Его первый доклад был посвящен жгучему, больному вопросу современности — вопросу о мире. Только установившаяся Советская власть, отражая чаяния народных масс России, отражая стремление всего трудового человечества, предлагала всем народам и правительствам немедленные переговоры о справедливом демократическом мире.

Разъясняя понятие о справедливом или демократическом мире, В. И. Ленин пояснял, что таким миром рабочее и крестьянское правительство России считает мир без аннексий, т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих территорий и без контрибуций. Далее, в зачитанном В. И. Лениным, им же подготовленном проекте Декрета о мире устанавливалось, что сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности под аннексией понимается всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без

---

[248] Надлежит еще раз отметить, что позиция руководства секций ППС-левицы в России существенно отличались от позиций этой партии в самой Польше. Подтверждением этому может служить следующий факт: провожая выезжавшую из швейцарской эмиграции в Советскую республику Гелену Бобиньскую, крупнейшая деятельница ППС-левицы Вера Костшева (Мария Кошутская) просила ее встретиться со Ст. Лапиньским и передать ему, что «ППС-левица в Королевстве Польском полностью солидаризируется с большевиками и их политической программой».— H. Bobińska. Pamiętnik tamtych lat. Warszawa, 1963, str. 95.

точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация, независимо, наконец, от того, где эта нация живет[249].

Выдвинутая В. И. Лениным, партией большевиков программа демократического, справедливого мира и предложенные способы его осуществления закладывали незыблемые основы советской внешней политики и открывали пути к коренной перестройке взаимоотношений между странами и народами, исторически сложившихся в результате насилий, захватов, угнетения, на новой основе равноправия, взаимопонимания, дружбы. Впервые в истории человечества не отдельные мыслители, не группа мечтателей, а партия, пришедшая к власти в результате пролетарской революции в величайшей стране Земного шара, правительство, государство провозглашали своей целью борьбу за ликвидацию социального и национального гнета. В истории человечества, во взаимоотношениях народов открывалась новая эра.

То, что польские интернационалисты были среди тех, кто открыл эту эру, то, что польский народ был среди тех народов, которым многие десятилетия пришлось быть разделенными и жить под чужеземным игом, и кому революция немедленно несла свободу, придавало особое значение слову представителей этого народа на II съезде Советов.

Вскоре после выступления вождя и организатора победоносной пролетарской революции слово на съезде Советов получил Ф. Дзержинский. Он полностью поддержал оглашенный В. И. Лениным Декрет о мире, осудил покинувших съезд меньшевиков и эсеров. «Те, от имени которых предложена эта декларация, — говорил Ф. Дзержинский, имея в виду ленинский Декрет о мире,— идут в рядах пролетариата и беднейшего крестьянства; все те, кто покинул в эти трагические минуты этот зал,— те не друзья, а враги революции и пролетариата. У них отклика на это обращение вы не найдете, но вы

---

[249] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 13—14.

найдете этот отклик в сердцах пролетариата всех стран. Вместе с таким союзником мы достигнем мира.

Мы не выставляем лозунга отделения себя от революционной России. С ней мы всегда столкуемся. У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров»[250].

Не удивительно, что, выступая в ходе дальнейшего обсуждения съездом Советов ленинского доклада, Ст. Лапиньский сообщил, что ППС-левица поддерживает Декрет о мире. Он отметил, что декрет соответствует здоровому пролетарскому реализму, ибо учитывает существующие жизненные отношения, обращен не только к народам, но и к правительствам[251].

Как Декрет о мире, так и предложенный В. И. Лениным Декрет о земле, предусматривавший немедленную и безвозмездную отмену частной собственности на землю, конфискацию помещичьих, удельных, монастырских и церковных владений и передачу их в бесплатное пользование трудовому крестьянству, были почти единогласно и с огромным энтузиазмом утверждены делегатами съезда Советов. Съезд Советов образовал рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным.

Второй съезд Советов заложил основы советского общественного и государственного строя, положил начало строительству советского социалистического государства, развитию советского общества. Непосредственное претворение и развитие социально-экономических начал, заложенных в решениях съезда, возлагалось на утвержденное съездом Советское правительство и на избранный съездом Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Революционность и интернационализм польской социал-демократии, с нараставшей энергией и силой проявлявшиеся ею в течение всего сложного периода подготовки социалистической революции в России, сделали ее столь неотъемлемой частью всего революционного лагеря, что во ВЦИК, избранный в составе 101 человека, вошли по списку большевистской партии ряд видных деятелей СДКПиЛ: членами ВЦИК были избраны Ф. Дзержинский, Я. Фенигштейн (Долец-

---

[250] Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 258.

[251] «Второй Всероссийский съезд Советов...», стр. 64.

кий), Фр. Гжельщак, кандидатами в члены ВЦИК — Ст. Пестковский, М. Броньский (Варшавский), Ю. Лещиньский (Ленский), Бр. Весоловский[252]. Несколько позже, 4 (17) ноября, на заседании ВЦИК членом ВЦИК от Исполнительного комитета групп СДКПиЛ в России был утвержден Ю. Уншлихт[253]. Включение в состав ВЦИК представителя СДКПиЛ свидетельствовало о признании представителями революционных рабочих и крестьян заслуг польской социал-демократии перед социалистической революцией в России, о ее единстве с русской революционной демократией, сплотившейся вокруг большевистской партии.

Вместе с другими польскими интернационалистами в состав ВЦИК был включен также один из руководителей ППС-левицы — Ст. Лапиньский.

II съезд Советов утвердил Советскую власть в России, закрепил совершенный по почину питерского пролетариата прорыв капиталистической системы, появление нового, социалистического государства.

4

Участие в вооруженном восстании в Москве

В то время, когда в Петрограде уже полностью определилась победа вооруженного восстания пролетариата, в Москве все еще проходила подготовка к вооруженному выступлению. Лишь 25 октября (7 ноября) Московский Комитет большевистской партии на своем заседании, с участием представителей Областного бюро и Окружного комитета партии, сформировал партийный

[252] «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II съезда». М., 1918, стр. 8. На заседании ВЦИК 24 ноября (7 декабря) Лещиньский, Броньский, Весоловский были утверждены членами ВЦИК взамен выбывших и отсутствовавших (там же, стр. 78).

[253] Там же, стр. 8.

центр по руководству восстанием и наметил образование боевого центра Московского Совета по руководству восстанием — Военно-революционного комитета в составе шести человек. Среди других в состав ВРК выдвигалась кандидатура видного деятеля Московской группы СДКПиЛ, солдата 55-го полка, депутата Московского Совета солдатских депутатов Ст. Будзыньского.

В результате многочасового совместного заседания Советов рабочих и солдатских депутатов был сформирован ВРК в составе семи членов и трех кандидатов; в состав кандидатов в члены ВРК был избран Ст. Будзыньский.

То обстоятельство, что в Москве политическая, организационная и техническая подготовка к восстанию затянулась, что темп революционных выступлений оказался менее энергичным, чем в Петрограде, дало возможность контрреволюционным силам оказать более упорное сопротивление установлению власти Советов. К тому же, искусно маневрируя, контрреволюция умело использовала подрывные действия меньшевиков в ВРК и ошибки большинства членов ВРК. Все это оказало влияние на то, что упорные бои за власть продолжались в Москве целую неделю и носили весьма кровопролитный характер.

Как и в Петрограде, польские интернационалисты Москвы, их авангард — польские социал-демократы были в одних рядах с передовой частью московского пролетариата, с красногвардейскими и революционными солдатами.

Вечером 26 октября (8 ноября) ВРК приказал Ст. Будзыньскому привести 55-й полк в боевую готовность. Уже через несколько часов шесть наиболее надежных рот полка, насчитывавших в своих рядах 1500 человек, были выведены Ст. Будзыньским из казарм для участия в уличной борьбе[254]. Солдаты 55-го полка сыграли видную роль в борьбе с контрреволюцией.

Утром 27 октября (9 ноября) Ст. Будзыньский, прибывший в расположение ВРК Замоскворецкого района, был кооптирован в состав районного ВРК и принял уча-

---

[254] St. Budzyński. Dni październikowe w Moskwie. Wspomnienia. Warszawa, 1958, str. 75—78, а также: Н. Стрелков. Машиностроительный завод Ильича (б. Михельсона).— Сб. «От Февраля к Октябрю». М., 1923, стр. 197.

стие в организации районного революционного штаба[255]. Пробравшись затем через кварталы, занятые контрреволюционерами-юнкерами, в центр, в ВРК, он принимал участие в уличных боях и сумел распропагандировать прибывших в Москву представителей кубанской казачьей части, которые согласились на то, чтобы не вступать в борьбу против московского пролетариата[256].

27 октября (9 ноября), когда возникло довольно сложное положение и создалась серьезная опасность для дела революции в Москве, ВРК, Центральный совет профессиональных союзов Москвы, Центральный совет городских служащих и рабочих, МК большевиков и Московская группа СДКПиЛ выпустили совместное обращение «К рабочим», призывая их к всеобщей забастовке и разгрому контрреволюции[257]. То, что в этот критический час основные пролетарские организации Москвы пригласили именно группу СДКПиЛ поставить свою подпись под важнейшим документом момента, говорило не только о единстве большевиков и польской социал-демократии, но и о влиянии последней и значении, которое имело декларирование ею своей позиции.

28 октября (10 ноября) происходило гарнизонное собрание ротных, полковых и бригадных комитетов. Отстаивавший на собрании большевистские позиции Ст. Будзыньский был избран во временный «Совет десяти», в котором участвовал в мобилизации всех частей гарнизона на поддержку ВРК[258].

Как и в Петрограде, польские интернационалисты находились среди тех многих тысяч московских рабочих, которые поднялись на борьбу.

Весьма ответственная задача выпала на долю польских интернационалистов-красногвардейцев с эвакуированного из Варшавы в 1915 г. арматурного завода. Самое местоположение завода у въезда с Крымского моста в Замоскворечье определяло важность этой позиции и для

---

[255] В. Файдыш. Октябрь 1917 г. в Замоскворечье. М., 1935, стр. 31; ГАОРСС МО, ф. 2169, оп. 1, д. 87.

[256] St. Budzyński. Указ. соч., стр. 105—108.

[257] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 28.X (10.XI) 1917.

[258] «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве». М.—Л., 1927, стр. 275—276.

защиты основного пролетарского района второй столицы, и для развертывания наступательных действий в сторону центра города.

Хотя на арматурном заводе еще во время Февральской революции большевиками и польскими социал-демократами велась революционная работа, после Февраля в течение некоторого времени преобладающее влияние на рабочих завода имела ППС-«фракция». Но ее политический курс и совместная работа большевиков и польских социал-демократов привели к тому, что с лета 1917 г. большинство рабочих завода прочно стало на революционные и интернационалистские позиции. 25 октября (7 ноября) завод выставил отряд из более чем ста красногвардейцев. Красногвардейцы с Варшавского арматурного стойко охраняли Крымский мост[259]. Они разоружили несколько групп юнкеров, прорывавшихся в Замоскворечье. Затем вместе с красногвардейцами с завода Михельсона (ныне завод им. Владимира Ильича) они отбросили юнкеров, овладели мостом и Крымской площадью и открыли выход революционным силам Замоскворечья на Садовое кольцо — в сторону Хамовников и Пресни и в сторону центральных кварталов[260].

Во время боев у Крымского моста рядовые члены ППС-«фракции» с Варшавского арматурного завода тоже вступили в Красную гвардию[261].

Красная гвардия завода Михельсона была одной из решающих сил революции не только Замоскворечья, но и всей Москвы. Командовал красногвардейцами с Михельсона польский интернационалист Михал Кжеминьский по прозвищу «Пан»[262]. Член ППС с 1904 г. участник революции 1905—1907 гг., член ППС-левицы с 1906 г., М. Кжеменьский неоднократно подвергался репрессиям за свою революционную деятельность. Освобожденный из тюрьмы Февральской революцией, он тотчас же вступил в РСДРП(б)[263]. Сразу же вместе с Я. Пече и другими большевиками он стал формировать и обучать

---

[259] Ф. Чичарнов и А. Рогинский. Варшавский арматурный завод.— «Красное Замоскворечье. Сборник революционных воспоминаний». М., 1927, стр. 140.

[260] St. Budzyński. Указ. соч., стр. 88, а также: ГАОРСС МО, ф. 2188, оп. 1, д. 1356.

[261] Ф. Чичарнов и А. Рогинский. Указ. соч., стр. 140.

[262] «Октябрь в Замоскворечье». М.—Л., 1957, стр. 353 и др.

[263] ГАОРСС МО, ф. 2188, оп. 1, д. 645.

рабочие отряды Замоскворечья, доставать им оружие и боеприпасы. 29 апреля (11 мая) во время демонстрации михельсоновцев и солдат 55-го полка против внешней политики Временного правительства, когда обнаглевшая буржуазия попыталась отобрать у демонстрантов знамена и транспаранты, Красная гвардия впервые показала свою силу. «В количестве более ста человек, вооруженная под пиджаками маузерами, под командованием Пана выступила она вперед, как один, на глазах меньшевистско-эсеровского исполкома, наблюдавшего с балкона, как вся буржуазия и обывательщина бросилась бежать в разные стороны, услышав команду: „Красная гвардия, вперед“»[264].

В Октябрьские дни, еще до того, как выявилось, что разгромленная в Петрограде контрреволюция вовсе не сложила оружие, М. Кжеминьский решительно осуждал тактику выжидания, которую проводили некоторые деятели московской организации[265]. 26 октября (8 ноября) собрание партийного актива Замоскворечья поручило председателю районного Совета И. В. Сычеву и М. Кжеминьскому отправиться в МК партии и в ВРК и потребовать у них немедленного начала военных действий[266]. Вместе с сотнями других рабочих-михельсоновцев М. Кжеминьский участвовал в занятии электростанции, в успешных боях с юнкерами за Каменный и Крымский мосты...[267] У Крымского моста в отряде красногвардейцев с завода Бромлея (ныне завод «Красный пролетарий») сражался член СДКПиЛ Ян Альбрехт[268].

Много польских интернационалистов принимало участие в затяжных и кровопролитных боях, ареной которых стал Городской район, охватывавший центральную часть города. На Сухаревской площади, в трактире Романова, нередко служившем местом собраний большевиков, находился боевой революционный штаб Городского района, который составляли видная деятельница москов-

---

[264] «От Февраля к Октябрю. Сборник». М., 1923, стр. 191.

[265] Я. Пече. Красная гвардия Москвы в боях за Октябрь. М.— Л., 1929, стр. 20—21 и 59.

[266] «Октябрьские бои в Замоскворечье. По воспоминаниям П. Арутюнянца, Пана и Ф. Смирнова».— Сб. «Красное Замоскворечье», стр. 94.

[267] ГАОРСС МО, ф. 2188, оп. 1, д. 645.

[268] Там же, ф. 2169, оп. 1, д. 25.

ской большевистской организации О. А. Варенцова и Ст. Бобиньский. «Тов. Бобиньский вместе с т. Варенцовой и с одним из офицеров из соседних казарм разрабатывал боевые планы, но больше, чем в штабе, он находился на улицах, — пишет один из участников событий,— часто появлялся в жарких местах, проверяя на месте выполнение планов или принимая непосредственное участие в проведении того или иного боевого действия»[269].

К утру 28 октября (10 ноября) вокруг Сухаревской площади были вырыты окопы, сооружены баррикады, расставлены караулы; днем находившиеся в распоряжении штаба красногвардейские отряды и отряды революционных солдат, действуя в соответствии с приказом ВРК, перешли в наступление и с небольшими потерями заняли телеграф и почтамт. Затем развернулись тяжелые и продолжительные бои за телефонную станцию. В эту зону боев прибывали многие революционные отряды, завершившие свои задачи в других районах. Со стороны Солянки с боями пробивался отряд, которым командовал польский интернационалист Якуб Венглиньский. Повар огромного «Воспитательного дома», находившегося между Солянкой и Кремлевской набережной, он по собственной инициативе сразу после начала восстания организовал отряд Красной гвардии[270]. В ходе успешных боев на Солянке, на набережной и смежных улицах отряд превратился в довольно крупную единицу, насчитывавшую несколько сот человек[271]. Проявивший недюжинные способности в проведении уличных боев, Я. Венглиньский в дальнейшем, после победы, служил в войсках ВЧК и не раз по поручению советских органов руководил подавлением различных контрреволюционных выступлений, а также партизанил в тылу у войск буржуазно-помещичьей Польши...[272]

День 1(14) ноября оказался переломным в ходе уличных боев в Москве. В этот день Красная гвардия не только овладела телефонной станцией, но в результате ряда наступательных боев на всех участках замкнула

---

[269] В. Сирота. Октябрьские бои в Городском районе.— «Пролетарская революция», 1929, № 11(94), стр. 92.
[270] H. Bobińska. Указ. соч., стр. 122—123.
[271] ГАОРСС МО, ф. 2192, оп. 1, д. 201.
[272] Там же, ф. 2186, оп. 1, д. 951.

белогвардейцев в довольно узком кольце, центром которого оказался вероломно захваченный юнкерами Кремль. Стремясь предотвратить полный разгром сил контрреволюции в Москве, различные «нейтральные» и «социалистические» элементы пытались добиться «мирного соглашения». Ст. Будзыньский был среди членов ВРК, которые решительно отвергли возможность каких-либо соглашений с врагом до его полной капитуляции[273].

В завершающих боях у «Метрополя», на Никольской и Ильинке, под стенами Кремля, в боях, проходивших при участии прибывших в Москву отрядов из Петрограда и из ряда ближайших к Москве городов, также была заметна роль польских интернационалистов.

Немало польских интернационалистов со Ст. Бобиньским во главе участвовало в боях за Кремль[274]. Тут начинал свой путь воина член СДКПиЛ с 1898 г., депутат Марьино-Сущевской районной думы, а затем — военком Красной Армии Адам Ягодзиньский[275]. В штурме Кремля большую роль сыграл красногвардейский отряд Якуба Венглиньского, до того выбивавший юнкеров из Китай-города и участвовавший во взятии гостиницы «Метрополь»[276]. От Сухаревской площади через Милютинский переулок, где помещалась телефонная станция, к «Метрополю» пролегал боевой путь каменщика, члена СДКПиЛ с 1898 г. Игнацы Грушковского. Он возглавил успешную атаку на Никольской улице, что открыло одну из дорог, ведущих к Кремлю[277]. Рядом с И. Грушковским сражался и был ранен его сын, в дальнейшем — политработник и боевой командир Красной Армии, погибший в боях с врангелевцами[278]. Тут же оказался только что приехавший по партийным делам в Москву Казимеж Бенек, член Екатеринославской группы СДКПиЛ с февраля 1917 г., член комитета этой группы, депутат Екатеринославского городского Совета и член его Исполнительного комитета[279].

В боях за Кремль среди других польских революционеров был член СДКПиЛ с 1903 г. Ян Щепаньский;

[273] St. Budzyński. Указ. соч., стр. 112—113.
[274] «Wspomnienia Polaków...», стр. 21—58.
[275] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 718, л. 91 и д. 733, лл. 87—89.
[276] ГАОРСС МО, ф. 2192, оп. 1, д. 201.
[277] «Trybuna», 13.X 1918.
[278] «Trybuna komunistyczna», 29.V 1921.
[279] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 716, л. 8.

избранный после победы восстания в Московский Совет и его Исполнительный комитет, он вскоре ушел на гражданскую войну и погиб в борьбе против врагов Советской власти[280]; участвовал в освобождении Кремля и член СДКПиЛ с 1903 г., депутат Московского Совета от рабочих фабрики Высоцкого Мечислав Кравчинский[281]. В штурме городской думы принял участие Ян Клоновский — ветеран рабочего движения, почти 20 лет пробывший на Нерчинской каторге[282]. В Сокольническом районе в Октябрьские дни энергично вела политическую работу кандидат в члены Исполнительного Комитета групп СДКПиЛ в России Стефания Пшедецкая (Марыся)[283]; а член Исполнительного Комитета этих групп слушатель ленинской школы в Лонжюмо, под Парижем, Эдвард Прухняк поддерживал связь между Московским ВРК и районными военно-революционными комитетами[284]; гласный Басманной районной управы, видный деятель СДКПиЛ Самуил Лазоверт ведал охраной района и транспортом продовольствия из имевших общегородское значение продовольственных баз, находившихся на территории района,— подвоз этого продовольствия во все районы позволил со 2 (15) ноября увеличить выдачу всем жителям хлеба с 1/4 фунта до 1/2 фунта[285]; и во многих и многих других местах на своих постах были польские интернационалисты...

В составе Пресненского отряда Красной гвардии состоял рабочий завода «Проводник» Кароль Сверчевский[286], позднее — командир Красной Армии, ставший особенно известным под именем генерала Вальтера — героя борьбы интернационалистов за свободу испанского народа, а затем — генерал Советской Армии и один из выдающихся организаторов Войска Польского[287].

---

[280] «Правда», 3.V 1921.

[281] ГАОРСС МО, ф. 2184, оп. 1, д. 891.

[282] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 717, лл. 21—22.

[283] Там же, л. 150.

[284] Там же, ф. 70, оп. 2, д. 732, а также: E. Próchniak. Autobiografia.— «Z pola walki», 1958, № 4, str. 228.

[285] А. Шлихтер. Памятные дни в Москве.— «Пролетарская революция», № 6, 1922, стр. 203—204.

[286] A. Korta, M. Hopman. Karol Swierczewski. Zarys życia i dzialalnosci. Warszawa, 1951, str. 28.

[287] О Сверчевском см.: Я. Броневская. О человеке, который не кланялся пулям. М., 1963.

В том же красногвардейском отряде состоял молодой рабочий-беженец Ян Вальдовский, погибший в октябрьских боях и вместе с сотнями других героев борьбы за победу революции в Москве похороненный на Красной площади, под стенами Кремля[288].

Принимая капитуляцию руководства контрреволюционных мятежников, представители ВРК, действуя под давлением представителей «нейтральных» социалистических партий, гарантировали участникам мятежа неприкосновенность и свободу, согласились на сохранение оружия у офицеров, а также части оружия у юнкерских училищ и т. п. Эти обязательства, исключительно благоприятные для контрреволюционеров, были включены в заключенный с ними договор. Содержание договора, выработанного без ведома МК партии и большинства членов ВРК, вызвало глубокое возмущение у рабочих. В ночь на 3 (16) ноября явившиеся в Московский ВРК представители ряда районов выразили протест против условий заключенного договора. Из короткой протокольной записи видно, что резкий протест был заявлен и Ст. Бобиньским, представлявшим Городской район. Осуждая действия членов ВРК, принявших договор, он заявил: «Ваш орган сделался безответственным перед массой. Договор должен быть отдан на рассмотрение массы»[289].

Тем временем революционные силы вступили в Кремль, в другие удерживавшиеся контрреволюцией кварталы, и договор потерял всякое значение. Москва полностью перешла во власть революционного народа.

Победа вооруженного восстания в Москве существенно упрочила дело социалистической революции и имела большое значение для установления Советской власти по всей стране.

В обращении «К населению», опубликованном 6 (19) ноября в «Правде», В. И. Ленин писал: «Рабочая и крестьянская революция окончательно победила в Петрограде, рассеявши и арестовавши последние остатки небольшого числа казаков, обманутых Керенским. Революция победила и в Москве... Победа революции рабочих

---

[288] «Социал-демократ», 17(30).XI 1917.

[289] «Большевистские Военно-революционные комитеты», стр. 328.

и крестьян обеспечена, ибо за нее встало уже большинство народа»[290].

В составе этого большинства народа, связавшего с Советской властью все свои надежды на прекращение войны, на лучшее, свободное будущее, без социального и национального гнета, надежды на возвращение в родные края, были десятки и сотни тысяч польских рабочих, солдат, беженцев...

С победой вооруженного восстания в Петрограде и в Москве, с установлением Советской власти, образованием Советского правительства, с превращением ленинской партии большевиков в правящую партию молодой Российской Советской Республики открылся новый этап социалистической революции: началось триумфальное шествие Советской власти по всей стране. Победа социалистической революции на местах обеспечивалась наличием Советской власти в центрах и определялась конкретной расстановкой классовых сил в отдельных районах страны. Всюду, где были группы СДКПиЛ, где были польские интернационалисты — на Украине и в Поволжье, в Белоруссии и в Сибири, в других районах обширной России,— они неизменно выступали как участники борьбы за утверждение Советской власти и ликвидацию очагов контрреволюции. Они отдавали все свои силы содействию партии большевиков, рабочим и трудящимся крестьянам России в строительстве советского государственного аппарата, в развитии Красной гвардии и строительстве Красной Армии, отдавали свои силы борьбе за социалистические преобразования в экономике, за осуществление Декрета о мире и Декрета о земле, они участвовали в партийном строительстве, в культурной революции, в борьбе против внутренних и внешних врагов Советской власти.

---

[290] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 65.

Заключение

Итак, широкие массы польских рабочих, крестьян, солдат, находившиеся в России в 1917 г., были деятельными участниками великой классовой битвы, завершившейся в октябре победой социалистической революции и установлением Советской власти.

Политическим авангардом польских трудящихся в России были польские социал-демократы. Они повсеместно выступали вместе с большевиками, либо входя непосредственно в организации РСДРП(б), либо состоя в своих партийных группах.

Группы СДКПиЛ, имея свой общероссийский руководящий орган и свой печатный орган, составляли неотъемлемую и органическую часть большевистской партии и ее местных организаций. Группы СДКПиЛ сложились всюду, где был сколько-нибудь значителен удельный вес польского пролетариата. Они действовали во всех крупных промышленных центрах России, во всех местах, где оказались сконцентрированы польские трудящиеся. К сожалению, как уже указывалось, отсутствие в распоряжении исследователей фондов Исполнительного Комитета групп СДКПиЛ в России весьма затрудняет установление количества польских социал-демократических групп, действовавших на территории России, и делает практически почти невозможным определение количества входящих в их состав членов. Выше в ходе изложения было названо свыше 40 выявленных территориальных групп СДКПиЛ. В Петрограде, Москве, в некоторых других городах эти группы состояли из ряда районных и производственных групп, входивших в соответствующие районные и производственные организации РСДРП(б).

В ходе исследования был установлен численный состав 21 группы СДКПиЛ, т. е. примерно половины всех групп. В отношении большинства из этих 21 групп численный состав удалось установить лишь на момент их

образования. Между тем число членов в группах СДКПиЛ неизменно возрастало, о чем можно судить хотя бы на примере нескольких групп: к началу легальной деятельности Петроградской группы СДКПиЛ в ней состояло 30 членов, а к октябрю 1917 г. она объединяла уже 500 членов; если в Московской группе в марте было около 50 членов, то в июле — уже более 100[1]; в Ростовской — 30 в апреле, 89 — в мае, 100 — в июне[2]; в Шлиссельбургской — 23 в середине мая, 50 — в конце месяца[3] и т. д. В тех 21 группах, численный состав которых удалось установить, в целом, но на различные даты между февралем и октябрем 1917 г. состояло 2433 члена. Так как в отношении многих групп известны данные, относящиеся лишь к начальному периоду их деятельности, то можно предположить, что к октябрю 1917 г. они объединяли гораздо больше членов СДКПиЛ, чем установленное выше число членов отдельных групп, полученное путем сложения установленного количества членов групп на различные сроки между февралем и октябрем 1917 г. Если исходить из выявленной цифры в 2433 члена 21 группы СДКПиЛ, то окажется, что в среднем на каждую группу (2433 : 21) приходилось по 116 членов.

Но помимо 21 группы, в отношении численности которых имеются хотя бы какие-то сведения, нами было выявлено еще свыше 20 групп, в том числе Киевская, Царицынская, Смоленская, Сартанская, в отношении которых можно предположить, что они были весьма многочисленными. Не подлежит также сомнению, что существовал еще ряд групп, которые не удалось выявить автору настоящей работы. Поэтому едва ли будет слишком большим риском предположить, что в 20 с лишним выявленных группах, в отношении количества членов которых мы не располагаем данными, и в ряде групп, существование которых можно лишь предположить, состояло примерно столько же членов, сколько в тех 21 группах, состав которых был установлен. В таком случае окажется, что в целом группы СДКПиЛ объединяли около 5 тыс. членов, организованно, через свои партийные группы входивших в состав РСДРП(б).

[1] «Правда», 11(24).III 1917 и «Trybuna», 22.VII(4.VIII) 1917.
[2] «Наше знамя», 11(24).V 1917 и «Trybuna», 8(21).VII 1917.
[3] «Trybuna», 3(16) и 10(23).VI 1917.

Следовательно, если иметь в виду, что в Октябрьской революции в рядах большевистской партии состояло свыше 300 тыс. человек, то окажется, что в группах СДКПиЛ находилось около 1,5% общего числа членов РСДРП(б). Примерно таким же был удельный вес группы СДКПиЛ в крупнейшей и важнейшей партийной организации — Петроградской, где из 49 478 членов партии в сентябре 1917 г.[4] 500 входило в группу СДКПиЛ.

Группы СДКПиЛ существовали не при всех партийных организациях большевиков, а только там, где было значительным скопление выходцев из Польши. Почти совершенно отсутствовали группы СДКПиЛ в армии, тогда как на армейские организации большевиков приходилось значительное количество членов партии. Например, в Северо-западной областной организации РСДРП(б), объединявшей в сентябре 1917 г. 7 тыс. членов партии, на партийные организации 2-й, 3-й, 10-й армий, входившие в состав областной организации, приходилось 4,1 тыс. членов партии[5]. В армейских партийных организациях, особенно 2-й и 3-й армий, состояло немало польских социал-демократов; некоторые из них вели большую общепартийную работу, а существование групп СДКПиЛ в этих партийных организациях не установлено. Эти обстоятельства не только подтверждают факт повсеместного участия польских социал-демократов в общепартийной деятельности, но и говорят об условности указанного выше соотношения членов групп СДКПиЛ к общему количеству членов партии. Это соотношение нуждается по меньшей мере в двух поправках: в большевистской партии состояло в целом больше польских социал-демократов, чем входило их в состав групп СДКПиЛ; в местах действий групп СДКПиЛ их удельный вес в партийных организациях большевиков был во многих случаях значительно бо́льшим, чем в среднем во всей партии.

Наконец, следует заметить, что роль польских социал-демократов в событиях февраля — октября 1917 г. определялась не их числом, не только тем, что они способствовали вовлечению в политическую армию революции

---

[4] «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, стр. 322.

[5] «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. I. Минск, 1961, стр. 280.

широких кругов польских трудящихся, но и тем, что они влили в ряды большевистской партии преданные делу революции, стойкие кадры профессиональных революционеров, прошедших тяжелую школу самоотверженной борьбы против польских и русских угнетательских классов, против царизма, против польских и русских националистов различных оттенков, кадры, прошедшие школу подполья, тюрем и ссылок.

Польские социал-демократы — как входившие непосредственно в состав большевистской партии, так и состоявшие в группах СДКПиЛ, — во всей деятельности руководствовались партийными решениями, положениями Устава РСДРП(б), ленинскими организационными принципами. В соответствии с ленинским положением о членстве в партии члены СДКПиЛ принимали участие в своих партийных группах и поддерживали их уплатой установленных членских взносов. Как правило, часть собираемых средств группы СДКПиЛ передавали большевистским комитетам тех организаций, в состав которых они входили, часть расходовали на свои специальные нужды, а часть направляли в распоряжение ИК групп СДКПиЛ. Поскольку группы СДКПиЛ в России входили в состав организаций РСДРП(б), для них имели обязательную силу все нормы организационного и дисциплинарного порядка, принятые в большевистской партии. К этим нормам были весьма близки нормы и порядки, существовавшие в самой СДКПиЛ; к тому же органическое единство организаций СДКПиЛ с РСДРП(б), вытекавшее из их идейно-политического единства, имело своим твердым основанием договор 1906 г. о вхождении СДКПиЛ в РСДРП.

Хотя по ряду вопросов программного характера СДКПиЛ стояла на позициях, отличавшихся от ленинских позиций РСДРП(б), это различие взглядов в вопросах теории не оказывало никакого влияния на взаимоотношение групп СДКПиЛ с большевистской партией: для большинства польских социал-демократов несогласие руководства их партии с некоторыми программными положениями ленинской партии вообще не имело значения, а та часть деятелей СДКПиЛ в России, которая все еще оговаривала свою приверженность к партийным доктринам, в действительности всей своей практической деятельностью беззаветно боролась за осу-

ществление ленинской программы социалистической революции.

Именно в беззаветном служении пролетарской революции, органическом единстве с партией большевиков, глубоком интернационализме и неустанной борьбе за социальное и национальное освобождение польского и всех других народов находился основной источник влияния польской социал-демократии на широкие массы польских трудящихся в России.

Это влияние осуществлялось путем широкой агитационной, пропагандистской и организационной деятельности. Группы СДКПиЛ, нисколько не замыкаясь в самих себе, но и не растворяясь в массах, непрерывно расширяли свои связи с рабочими, солдатами, беженцами, вовлекали передовую их часть в свои ряды, а сами стремились осуществлять руководящую и направляющую роль среди польских трудящихся, влить их в единый революционный поток, возглавлявшийся русским рабочим классом и авангардом российского пролетариата — партией большевиков.

Своей революционностью, своим интернационализмом, своими мужеством и энергией, самоотверженностью и стойкостью, выработавшимися у польских социал-демократов в результате десятилетий борьбы, своей преданностью трудовому народу они снискали уважение не только польских трудящихся, но и русских рабочих, солдат и крестьян. Выражением расширявшегося и углублявшегося союза революционных сил Польши и России являлось то, что в состав центральных, губернских, областных, районных органов большевистской партии с весны 1917 г. почти повсеместно выбирались деятели СДКПиЛ. Ее актив, ее наиболее закаленные кадры вошли в костяк большевистской партии.

Уважение большевиков к их революционным польским союзникам и братьям передавалось самым широким кругам трудящихся, которые, возлагая ответственные политические задачи на своих представителей, нередко избирали своими депутатами в Советы, в думы, солдатские и профсоюзные комитеты, в штабы Красной гвардии и другие органы, порождавшиеся революционным почином масс, именно польских революционеров, польских рабочих и солдат. Так как польские социал-демократы обнаружили выдающиеся качества, достойные

революционеров-ленинцев, и во время июльского наступления контрреволюции, и во время борьбы против корниловщины, и при разработке и восприятии новой тактической линии, выдвинутой В. И. Лениным и принятой VI съездом большевистской партии, и в борьбе за сплочение сил революции под знаменем большевиков, то процесс большевизации Советов, большевизации всех массовых организаций пролетариата накануне революции сопровождался выдвижением в их состав замечательных борцов из числа польских интернационалистов.

Самый ход революции и пропаганда ее идей польской социал-демократией сыграли решающую роль в том, что польские буржуазные партии в России, располагавшие огромными материальными ресурсами, разветвленными и разнообразными организациями, превосходным аппаратом воздействия на массы через благотворительные комитеты и общества, через церковь, при помощи различных периодических изданий, имевшие в своем услужении значительные и авторитетные группы интеллигенции, ряд клубов, просветительных обществ, пользовавшихся поддержкой правительственного аппарата, не смогли добиться осуществления ни одной из основных выдвигавшихся ими политических целей. Как уже известно, эти главные цели состояли, во-первых, в том, чтобы изолировать польских трудящихся в России от русской революции, а, во-вторых, в том, чтобы образовать мощные вооруженные силы польской и русской контрреволюции. Но ход событий показал, что как ни были велики организационные и материальные ресурсы польской буржуазии, как ни спекулировала она на религиозных и националистических предрассудках, как ни содействовали ей социал-националистические и реформистские элементы, как она ни взывала к «национальной солидарности», как ни уповала на усилия польского офицерства и на помощь русского чиновничества, ей не удалось достичь ни одной из своих основных целей: искусственно насаждавшаяся национальная отчужденность польских трудящихся, польских беженцев бурно вытеснялась общностью классовых интересов, пролетарским интернациональным единством, лежавшим в основе крепнувшего и развивавшегося русско-польского революционного союза; а все великодержавные планы формирования польской армии в России свелись к созданию

неполноценного, неукомплектованного, раздираемого внутренними противоречиями корпуса и нескольких других частей и обернулись отказом многих польских по составу частей и сотен тысяч польских солдат «выделиться» из русской армии, противопоставить себя русским солдатам, рабочим и крестьянам.

Не преуменьшая того обстоятельства, что польская контрреволюция представляла собой серьезного врага пролетарской революции в России и в Польше и что она становилась тем более опасной, чем в большей степени превращалась в один из инструментов политики мирового империализма, можно констатировать, что в России она оказалась накануне революции лишенной поддержки польских масс. Массы решительно отказывались следовать рекомендациям буржуазии и соглашателей, массы уповали на революцию как на единственное средство покончить с войной, голодом, эксплуатацией, нищетой, проложить путь к новому обществу, основанному на труде, свободе, равенстве и братстве всех народов, всех трудящихся, массы шли за большевиками и их польскими союзниками — за СДКПиЛ.

В том, что буржуазно-националистические происки в целом потерпели крах, а идея пролетарского интернационализма и пролетарской революции восторжествовала в сознании широких кругов польских трудящихся в России, несомненная заслуга польской социал-демократии. Притягательная сила этой идеи оказалась столь велика и убедительна, что она овладела сознанием даже многих из тех, кто еще не во всем и неполностью преодолел националистические, реформистские или социал-националистические взгляды; об этом говорило не только то, что, как правило, почти все секции ППС-левицы в России оказались впереди своих партийных вождей, все еще тяготевших к меньшевикам, и заняли в решающий момент место рядом с группами СДКПиЛ, рядом с большевиками, но и то, что отдельные секции ППС-«фракции» и отдельные члены этой партии уяснили, что их интересы совпадают с делом революции в России, и на деле показали это, поддерживая большевиков и борясь за власть Советов в России.

Следует напомнить, что тогда как ЦИК секций ППС-левицы был тесно связан с меньшевиками-интернационалистами, выступал в блоке с ними на различных вы-

берах, участвовал в их конференциях и их руководящих органах, секции ППС-левицы, как правило, не входили в меньшевистские организации и зачастую выступали против них.

Видимо, можно 20 с лишним секций ППС-левицы, существовавших к осени 1917 г. в России, отнести в состав тех общественно-политических сил, которые способствовали установлению Советской власти: одни из секций безоговорочно выступали вместе с большевиками, другие преодолевали колебания и растерянность. Располагая достоверными данными о численности шести секций ППС-левицы, на основании расчета, аналогичного тому расчету, который был сделан в отношении групп СДКПиЛ, можно с известным основанием предположить, что все секции ППС-левицы в России охватывали до 2 тыс. членов. В конечном счете почти все члены секций ППС-левицы в России заняли место среди борцов за власть Советов.

Наконец, в лагере революции выступали многие из сохранившихся к осени 1917 г. организаций Польского социалистического объединения. Особенно значительна была роль Польского социалистического объединения в Минске, насчитывавшего до 800 членов. Если принять во внимание, что Северо-западная организация большевиков, охватывавшая почти всю территорию Белоруссии и партийные организации 2-й, 3-й и 10-й армий Западного фронта, насчитывала в сентябре 1917 г. 7 тыс. членов партии и 2 тыс. сочувствующих, а в Минской большевистской организации состояло 1200 членов[6], то станет понятна существенная политическая роль Польского социалистического объединения в Минске в развитии революционных событий в Белоруссии.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что организованный авангард польских интернационалистов в России — все несколько тысяч членов СДКПиЛ и почти все из нескольких тысяч членов ППС-левицы и продолжавших действовать осенью 1917 г. организаций Польского социалистического объединения — опирались и вели за собой значительную часть польских рабочих, солдат, тру-

---

[6] «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. I, стр. 280.

дящихся крестьян, оказавшихся в России в 1917 г. Большевистская партия и ее польские союзники добились того, что польские рабочие и весьма многочисленные группы других польских трудящихся в России влились в великую политическую армию, совершившую социалистическую революцию в октябре 1917 г. Участие в этой армии польских трудящихся имело существенное значение для победы революции, облегчило свержение буржуазного Временного правительства и установление Советской власти. Польские участники Октябрьской революции, как и все другие ее участники, обнаружили величайший накал революционности и пролетарского интернационализма.

Самоотверженно сражаясь с врагами революции, они проявляли подлинное понимание пролетарского единства, диктующее пролетариям всех стран соединение своих сил в борьбе за общие классовые интересы. Они сохраняли верность и углубляли традицию многих поколений польских демократов, сражавшихся «За вашу и нашу свободу», и приобщили к активному восприятию этой традиции многие тысячи польских трудящихся, ставших под знамена Советской власти. Они соединили дело рабочих всех стран со специальными задачами польского пролетариата, так как их пролетарский интернационализм являлся неотъемлемой частью подлинного патриотизма: только служение делу пролетарской революции в России прокладывало самый прямой и верный путь к социальному и национальному освобождению польского народа.

Участие польских интернационалистов в Октябрьской революции было, таким образом, не только вкладом в борьбу за Советскую власть в России, но и прямым и непосредственным актом борьбы за свободу и независимость всего польского народа, всех угнетенных и эксплуатируемых.

Борьба за победу Октябрьской революции явилась величайшей революционной школой, которую когда-либо проходил пролетариат. Вместе с российским рабочим классом, иностранными участниками революции эту школу прошли и ее польские участники. Особое значение этой школы состояло в том, что не только ее непосредственные участники, но и революционный пролетариат всех стран убеждались в действенной, преобразую-

щей силе народа, уясняли необходимость и непобедимость революции, обучались теории и практике революции.

Передовая часть польских интернационалистов — социал-демократы — существенно обогатила не только свой практический опыт, но и свои теоретические представления. Великие лининские идеи, программные положения большевистской партии, ее стратегия и тактика все в большей мере сказывались на всей жизни и деятельности групп СДКПиЛ. Со страниц «Жичэ» и «Трыбуны», на собраниях групп, в выступлениях агитаторов систематически раскрывалось ленинское учение об империализме как последней стадии капитализма и кануне пролетарских революций. Ленинское положение о Советах как органах революционной власти, органах диктатуры пролетариата разделялось всеми польскими интернационалистами. Значительная их часть своей практической деятельностью, а многие — и в своих выступлениях в печати, на собраниях и митингах показали себя убежденными сторонниками союза рабочего класса и трудящегося крестьянства при руководящей роли рабочего класса как основного условия победы социалистической революции. Восприятие ленинских положений о революционной ситуации, о восстании как искусстве сопровождалось формированием нового отношения к партии как руководящей и направляющей силе революционного движения и начавшимся преодолением преклонения перед стихийностью революционного движения. Словом, у передовой части польских интернационалистов, в кругах польской социал-демократии происходил заметный рост идейно-политического уровня, наметился переход с позиций люксембургианства на творческие позиции марксизма-ленинизма. Интенсивность этого процесса не следует переоценивать, так как в целом в деятельности СДКПиЛ как в России, так и в Польше и в деятельности Коммунистической партии Польши по меньшей мере до ее II съезда, состоявшегося в 1923 г., все еще преобладало люксембургианско-догматическое понимание многих вопросов теории, стратегии и тактики[7]. Но завершившийся на II съезде КПП процесс перехода авангарда польского пролетариата на позиции марксизма-лениниз-

[7] «W 40 rocznicę powstania Komunistycznej Partii Polski. Tezy Komitetu Centralnego PZPR». Warszawa, 1958.

ма во многом был связан с тем идеологическим развитием, которое бурно дало себя знать в жизни польской социал-демократии в России в 1917 г.

История польской социал-демократии в России в 1917 г. представляет собой в сущности не только одну из ярчайших страниц в истории СДКПиЛ, но и одно из интереснейших явлений в истории большевистской партии и в истории польского народа.

Польское интернационалистское движение в России, участие польских трудящихся в борьбе за победу Октябрьской революции — одно из величайших деяний польского рабочего класса, его ценнейший вклад в общее пролетариям всех стран дело социалистической революции.

Указатель географических названий *

* Указатель составила Т. А. Манусевич.

Указатель имен

Содержание

Александр Яковлевич Манусевич

Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Март — октябрь 1917 г.

Утверждено к печати Институтом славяноведения АН СССР

Редактор издательства *А. Е. Сидоренко.* Технический редактор *Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 4/VI-1965 г. Подписано к печати 29/VII-1965 г. Формат 84×108 1/32 Печ. л. 12,88. Усл. печ. л. 21,11. Уч.-изд. л. 21,5. Тираж 1000 экз. Т-11103. Изд. № 32/65. Тип. зак. № 5714. Сводный темплан выпуска общественно-политической литературы 1965 г., № 960.

Цена 1 р. 44 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10